

Галина
Гончарова

МАРУСЯ

ПОПАСТЬ - НЕ НАПАСТЬ

2020

Annotation

Попасть в другой мир? Замечательно! Вы княжна? Вау! Аристократия — это круто. Только вот вас замуж выдавать собираются, уже почти завтра. И ограничений у вас, и требований к вам — список можно на три метра составить. Вы — маг? Это еще круче. Но учить вас никто не будет, и не надейтесь. Вы влюблены и вас любят? Ну... тут тоже не без подвоха. А что делать в такой ситуации обычной русской женщине? Жить. И верить в светлое завтра, даже если вокруг весьма сомнительное сегодня. А жить — хорошо. Во всех смыслах. И не все с этим согласны. Но Маруся обязательно разберется. Такой уж она человек... обязательный.

- [Гончарова Галина Дмитриевна](#)

- [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
-

Гончарова Галина Дмитриевна

Маруся. Попасть — не напасть

Глава 1

Вживание? Выживание?

Темнота.

Что со мной?

Где я?

Так, Маруся, сосредоточься, а то потом не соберут... что ты помнишь?

Что я помню?

Работу я помню. С которой и шла около девяти вечера. Почему так поздно?

А слово "сверхурочные" вам ни о чем не говорит? Мне вот говорит.

Как пелось Сверхурочные украдкой, твой карман слегка ласкают... не так? А все равно приятно. Работаю я в проектном бюро, и обратились к нам недавно заказчики от администрации.

То есть сначала эти долбодятлы обратились не к нам. Им продали проект.

Знаете, что такое использование проектной документации?

Стоит школа в Барнауле или там, на Чукотке. Берется ее проект и продается, типа, стройте такую же у себя.

А потом проводится адаптация.

Какой дятел им этот проект делал — не знаю. Точно знаю, что надо бы вырвать ему ноги из того места, коим думал оный птиц.

Разные климатические условия, разные дома, разные...

Вот, к примеру. Есть у меня знакомый проектировщик, работал в Казахстане, потом приехал к нам, в Иркутск. Разный климат?

Да, вы знаете...

Построил себе дом.

Три веранды, одна на втором этаже, две на первом... уже через месяц до товарища дошло, что он был решительно неправ. В

Казахстане-то тепло. И зимой там сколько?

До минус тринадцати. ДО! А не после.

А в Иркутске?

До минус сорока. И поверьте, это даже не предел.

А еще снег... короче, полгода он тратит на то, чтобы обогреть два балкона и сколоть снег и лед с третьего, который сделан в виде террасы на втором этаже. Загорать там замечательно, да только не получается почему-то. Не тот климатический пояс?

Суть вы поняли?

Вот, этим умникам проект адаптировали. Да так, что ни одна инстанция его не пропустила. Администрация вы там, нет... вы понимаете, что ЭТО — непригодно? В принципе?

А деньги уплочены, а деньги федеральные, а своровано-то под это дело уже столько, что поневоле работать приходится... решили отщипнуть нам толику от сворованного.

Я возражать не стала.

Посижу с бумагами, не переломлюсь. Деньги мне нужны.

Зачем?

А, племянникам.

Да, так получилось. Девчонки, мотайте на ус, а нет усов, мотайте на нос!

Когда вы молодые и умные. Не надо! Вот не надо верить тому, что вам говорят женатые мужчины. И любить их до безумия не надо, и жить с ними по десять-пятнадцать лет любовницами ни к чему, и аборт от них делать не стоит. Что б вам там не пели соловьи. А то окажетесь в сорок лет одинокими, бездетными и нужными только племянникам. Брат и сестры (нас в семье четверо) мне уже семь племянников нарожали, и думаю, это не предел. А мне рожать и не светит...

Дура была?

Вот, кто умный, те моих глупостей и не повторяйте.

Топаю, значит, я вчера до дому, до хаты, а там компания пиво пила...

А потом и не помню.

Та-ак... а подумать?

А если подумать, теперь треснули меня сзади по башке, вот и результат.

Ладно. Жива, здорова, а денег в сумке все равно было рублей

двести, что ли? На проезд хватит, ну на бутылку кефира. И все.

Пусть подавятся.

И сережки жалко... они у меня были хорошие, с изумрудами...

Уши хоть не порвали?

Пробую открыть глаза.

Хм?

Палата, да. Больничная, но какая-то странная. Вот как у нас выглядят больницы, все знают? Кто не знает — завидую... кафель, краска, жуткий запах, аура страдания и боли.

А здесь...

Это, безусловно, палата. Но какая-то странная.

Где вы видели в наших палатах мебель из натурального дерева? Явно дорогую и качественную?

Капельницы нет, телевизора нет, радио нет, выключателя нет... а почему светло?

Ага, вот и шарик на потолке. Типа, люстра. Выглядит, как присосавшийся к потолку клоп о четырех лапах... ладно, фиг с ним, с дизайном. Может, платная палата?

А кто за меня платить будет?

В семье я самая богатая, как это ни забавно. Квартира, гараж, дача, побрякушки... родственники зарабатывают намного меньше.

Ладно.

Так что у меня с ушами-то?

Касаюсь одного уха, второго... мать вашу!

А почему они не проколоты?

Смотрю на руки.

МАТЬ ВАШУ!!!

Это — НЕ МОИ руки!

Свои я хорошо знаю, крестьянки мы, не графини. Рука широкая, ладонь такая... для лопаты приспособленная. Ногти короткие, на мизинце шрам от ожога.

А эта рука не моя!

Пальцы длинные, ногти длинные, ладонь узкая... и она явно моложе.

Мозг отключается.

Плавню ухожу в глубокий обморок.

Когда я прихожу в себя второй раз, в палате суетится тетка лет сорока.

Полненькая, даже на вид уютная, с какой-то нашлепкой на полуседых волосах, одета в желтое, на груди нашита белая лилия.

Чем-то я себя выдаю, потому что она поворачивается и смотрит на меня.

— Княжна, вы очнулись?

Кто я?

Медленно опускаю веки.

Хоть княжна, хоть черт с рогами... что бы тут не происходило, первое правило умной женщины — молчать. Второе — слушать. Советую следовать им в любых обстоятельствах, и вы приобретете репутацию гениальной и загадочной дамы.

— Водички хотите?

Хочу ли я воды?

ДА!!!

Сиделка понимает все без слов, подходит, ловко приподнимает мою голову, подносит к губам поильник, вроде заварочного чайника.

Я не пью.

Я впитываю воду всей поверхностью тела. Выдыхаю...

— Благодарю.

Почему мне знаком этот язык?

Это не русский, я понимаю. Но я воспринимаю его родным, и спокойно говорю. И вот это — благодарю...

Когда его в нашем языке заменило спасибо?

Да в начале прошлого века, пришло с коммунистами, да так и осталось. Может, как альтернатива безбожию?

Черт его знает. У меня в семье вообще до сих пор говорят "дякую". Откуда пошло?

Но сейчас вот — благодарю. Спокойным и вежливым тоном, словно так и надо.

— Где я?

— В госпитале святой Елизаветы Мученицы.

Я медленно прикрыла глаза.

— Давно я здесь?

— Как шестого дня привезли вас, княжна, так и лежите без памяти...

— Что говорят...

А кто — говорит?

Врачи? Доктора? Кто тут вообще?

— Вас сам доктор Иванихин смотрел. Сказал, сильное магическое истощение, но ничего страшного, вы оправитесь и жить будете.

— Сильное магическое истощение?

Что это за диагноз такой? Откуда дровишки... здесь есть магия?

Открываю глаза. Сиделка явно мнетя и жметя...

— Я... да...

— Не юли. Что доктор сказал?

— Что у вас могут быть проблемы впоследствии. С маноканалами.

Ничего не понимаю, но смотрю так, словно все правильно.

— Оставь меня пока. Иди...

Сиделка вылетает за дверь ракетой.

Я впадаю в задумчивость.

Итак, здесь есть магия — это первое.

Я — маг, или обладала силой, это второе.

Я — княжна. Это явно не от сохи девочка. Третье.

У меня проблемы с маноканалами — четвертое.

Теперь еще объясните мне, что все это значит, вообще будет замечательно. А то я ни фигя не понимаю.

Дверь открывается и заходит симпатичный моложавый мужчина лет морока-сорока пяти.

— Доброе утро, ваша светлость.

— Доброе утро...?

Чуть-чуть выделяю в конце интонацию. Мы знакомы? Нет, вряд ли.

— Доктор Иванихин, Андрей Петрович, к вашим услугам, княжна.

— Простите, я себя не слишком хорошо чувствую, — решаю я взять коня за рога.

— Да, ваша светлость, вы тут уже шестой день. Вас привезли с

серьезными травмами, магическим шоком, едва удалось вас вытащить.

И взгляд такой... вопросительный.

Друг мой, если вы думаете, что я сейчас начну исповедаться...

Да я бы и рада, но ни фига не помню. Вот беда-то...

Вот объясните мне, как вживаются другие попаданцы? Кто-то себе память реципиента прихватывает, кто-то сам по жизни умный, у кого-то травма... я даже про амнезию вякнуть пока не могу.

Мало ли что?

Это у нас могло бы прокатить, а здесь? Есть ли здесь вообще амнезия?

И как здесь от нее лечат? Феназепамом в попу? Электрошоком и ледяными ваннами?

Спасибо, кушайте такое сами. Два раза.

— Верю, что вы сделали все возможное. И благодарю вас за спасение своей жизни.

— Давайте-ка, княжна, я кое-что еще проверю...

Проверка получилась странной.

Надо мной водили сначала руками, потом каким-то кругляшом, словно выточенным из кусочка янтаря, диаметром сантиметра два, потом ладони задержались над солнечным сплетением.

Меня бросило в жар, потом в озноб, доктор медленно кивнул.

— Средоточие цело. Но каналы практически разрушены.

Утешил, благодетель.

Закрываю глаза и делаю вид, что безумно устала, вот, щас помру от изнеможения. Это действует.

Доктор кивает своим мыслям и сваливает, а его место занимает сиделка.

Я отворачиваюсь к стене и проваливаюсь в сон.

Попаданчество там, западенчество, а силы восстанавливать надо. Точка.

Хорошо бы сказать, что на следующий день мне становится намного лучше, и я бодрым кенгуру скачу по палате.

Нет.

Ноги ватные, руки похожи на макароны, а чтобы попить требуется столько усилий...

В итоге все, что я выпиваю, уходит в пот. Зато меня посещают родственники.

И КАК это обставлено! Таки если б вы видели!

Дверь палаты распаивается. И внутрь проходит сначала мой лечащий врач, спиной вперед. Я как раз не сплю и ради разнообразия не в обмороке, меня только что обтерли мокрым полотенцем и даже причесали волосы, а теперь я жду обеда.

Куриный бульон с сухариками.

Вкусный, кстати. Но мутить начинает уже после третьей ложки.

— Вот, ваша светлость.

Светлость...

Не то, чтобы мне эти титулы были интересны, но так, мне кажется, называли князей? Или герцогов? Или еще кого?

Нет, не помню.

Все равно не простых свиней свинья.

Кабан.

Именно это слово всплывает в голове при виде мужчины. Высокий, осанистый, и матерущий... другого слова не подберешь. Знаете, бывают такие могучие мужики, которым саблю, да коня, а еще можно соху и лошадь. И он спокойно телегу на плечи поднимет.

А вот с возрастом эта мышечная масса начинает замещаться творожной. Кто другой не заметил бы, но мне-то уже за сорок. Я эти вещи вижу.

Опыт не пропьешь, только балалайку.

А в остальном — хорош, зараза.

Седые волосы уложены рукой парикмахера, кажется, еще и на помажены, породистое лицо с тонкими чертами отмечено печатью неизбывной брезгливости, губы поджаты, серые глаза смотрят с прищуром.

Определенно, этот мир нуждается в его одобрении. Или хотя бы поощрении.

Костюм стоит столько, что если его продать, можно три дня всю Африку кормить, включая обезьян, ботинки отражают солнце даже в его отсутствие, а трость в руке...

Ёжь твою рожь!

Никогда!

Вот не считая калек, никогда не видела мужчину с тростью. И у него этот аксессуар смотрится более, чем органично.

Интересно, а шпага в ней есть?

Или свинец?

Приглядываюсь.

Нет, это ты, Маруся, дамских романов начиталась. Там с клинками в тростях бегают все, кому не лень. А этот мужик другого класса. Он своих врагов закапывает на полях финансовых сражений, не давая им шанса применить физическое воздействие.

— Говорите, разрушение каналов?

— Да, ваша светлость. Но мы вовремя начали лечение, и ваша дочь вполне может выздороветь и восстановиться.

— Хорошо. Оставьте нас.

От врача следует угодливый поклон, и дверь закрывается.

Интересно, будет ли он подслушивать?

Вряд ли.

Зачем ему чужие секреты, ему работа нужна и чтобы деньги заплатили. Я улыбаюсь краешком губ, и по какой-то причине это приводит к взрыву возмущения у моего... отца?

Таки да.

Отца — ца — ца — ца.

Детская песенка печально наигрывает в моей голове.

— Ты довольна своим поступком?

Ледяной тон, ледяные глаза, да и вопрос...

Как говорится, каждый вопрос содержит в себе кусочек ответа.

— Нет.

Левая бровь аристократа поднимается вверх. Ждет продолжения?

Ну-ну. Вот так я и продолжу, не зная о чем говорить. Может, я маникюром недовольна? Уточнять не будем.

Не дождавшись, аристократ форсирует события сам.

— Я тоже тобой недоволен. Своей глупостью ты расстроила помолвку, вызвала скандал, и мне стоило немалых усилий замять все. К счастью, Сергей Владимирович согласился с тем, что ты просто совершила глупость. Помолвка состоится, как только тебя выпишут из больницы. И если ты еще раз попробуешь что-то выкинуть —

отправишься сюда же. Только в синий корпус.

Молчу.

Правила общения с заказчиками гласят:

— думай, прежде, чем ляпнуть.

— анализируй, что тебе сказали.

— не давай прямых обещаний.

Шеф это столько в нас вколачивал, что сейчас я автоматически опускаю веки, изображая усталость. Я бееееедная овечка.

Мозг в это время бешено работает.

Первое.

Меня тут хотели замуж выдать. Не меня, а княжну. Интересно, чем же так хорош этот Сергей Владимирович, что девчонка себя угробила?

Не иначе, средоточие всех видимых и невидимых достоинств.

Хотя... мне-то чего судить, я этого человека в глаза не видела. Но княжна явно считала иначе.

Это следует из слов ее отца.

Надо полагать, что перед приемом по случаю помолвки, или перед обменом клятвами, как там все это у них выглядит, не знаю, она что-то выкинула.

В результате разрушены маноканалы, сильно пострадало маноядро и врач не гарантирует, что вернет ей магию.

Мне-то и по фиг. Жила сорок с хвостиком лет без магии, и еще восемьдесят проживу. Если не буду по ночам таскаться, где не стоило.

И помолвка эта была выгодна ее отцу. Это сто процентов.

Иначе не бесился бы так.

Открываю глаза.

Меня сверлит злой взгляд.

Интересно, а что такое синий корпус? Хотя... по контексту можно догадаться.

— Передайте Сергею Владимировичу мои извинения за случившееся. И сообщите, что я была бы рада видеть его и лично заверить, что происшедшее было только... эээ...

"Выканье" легко слетает с моего языка.

Видимо, так девчонка к князю и обращалась?

— Чем ЭТО было?

— Досадной случайностью, которой никто не ожидал, и менее всего я, — выкручиваюсь я.

И пойдите, скажите, где я соврала?
Серые глаза теплеют.
Так. Чуть-чуть. Был декабрьский мороз, стал ноябрьский понос.
А не расслабляйся, Маруся, не расслабляйся.
— Приятно видеть такое здравомыслие. Или это очередная уловка?
Ага, уловка.
Рыбалка, ёжь твою рожь!
— Я передам ему твои слова. Не думаю, что он найдет для тебя время, но тем лучше. Ты отвратительно выглядишь.
Спасибо вам на добром слове, папенька.
Опять опускаю ресницы. А что тут скажешь?
Спасибо, я знаю?
Извини, не знаю, как я выгляжу?
Эх, прав был шеф.
Молчание — не золото! Молчание — наше спасение.
Моему отцу быстро надоедает эта пантомима "уставшая овца". Он кивает своим мыслям.
— Домой тебя пока забирать нельзя. Ты здесь еще дней на десять, если выздоровление пойдет хорошо. Я надеюсь на твое благоразумие.
Открываю глаза и медленно, согласно прикрываю их вновь.
Не беспокойтесь, папаша, благоразумие меня никогда не подводило. Вот гормоны — да, а мозгов у меня всегда хватало.
На том мы и расстаемся.
Ни "до свидания, детка, я тебя еще навещу", ни яблочек...
Что-то мне подсказывает, что девчонку пожалуйть можно. Не от хорошей жизни она самоубилась.
Эх, Маруся, что-то мы попали.
Эх, Маруся, нам ли быть в печали...
Кто тут Маруся?
Я это, я.

Товарищи родители, думайте, когда детей называете.
Головами думайте. А не сомнением.

И когда извращаетесь с именами типа Марисобель или Семирамида, думайте, в какой среде будут жить ваши дети.

К примеру, мою знакомую Семирамиду так и звали сим-картой или семечкой, Изабеллу — виноградиной, а Майю пожизненно переименовали в майку. Нестиранную.

Не нравится?

А мне как не нравилось...

Знаете, кто такая Марика Рекк?

Была такая киноактриса, знаменитая, красивая, никто не спорит — шикарная женщина. Мария Каролина если что.

Моя мать от нее фанатела.

Но назвать ребенка просто Мария?

Не-эт! Мы пойдем другим путем! И Каролиной (хоть на этом спасибо!) не назвали! Обозвали Марикой.

Не Мариной, не Марией, а Марикой.

В школе меня попытались обозвать почтовой маркой. Так, для начала. Потом еще измывались, пока не получили по носам и не отвязались.

Но и так, без школы было весело.

— Вас как зовут?

— Марика.

— Марина?

— Нет, по буквам, Маша — Аня — Раиса — Инна — Нина — Анна.

И так постоянно.

А мама довольна, не ее же дразнят и не ее склоняют! Одним словом — Тьфу!

Наконец, мне это так надоело, что я всем стала представляться, как Марина. Разве что имя не поменяла. А родственники вообще до Маруси сократили.

Ну и пусть.

Дверь открылась и опять появилась сиделка.

— Ваша светлость, обед.

И что у нас тут кушать подано? Но от одного вопроса я не удержалась.

— Кто содержится в синем корпусе?

— Безумцы, ваша светлость.

Посмотрела даже с удивлением. Это типа нашего "желтого дома"?
Может быть...

А добрый у меня папа, заботливый...

Спасение утопающих — дело рук исключительно утопающих. Так что...

Вечером, когда меня в очередной раз накормили и оставили в покое, я попробовала сесть на кровати.

Да я героиня!

Села.

Шатало меня так, что хоть в фильме снимай, про торнадо, но я сидела.

Вот так, умничка. А теперь и вставать можно попробовать.

Не успешно.

Оказалась я на карачках у кровати, и сама не поняла, как.

Ничего, а я еще раз попробую.

И еще раз.

И снова.

Примерно через час я смогла обойти вокруг кровати. Пот с меня градом лил, на пол я сползала раз шесть, а еще все это надо было проделывать бесшумно, чтобы медсестры, или кто тут, не встревожились.

Ничего, справлюсь.

Потом кое-как улеглась на кровать.

Жизнь — это движение. Кто не верит мне, может спросить у любой акулы. Рыбка всю жизнь плавает и движется, и ее здоровью и деловой хватке могут позавидовать все политики мира.

Лежу.

Смотрю в потолок, размышляю.

Плюсы — я маг. В потенциале.

Я явно из знати.

Я молодая.

Минусы.

До фиги.

Маг я только в потенциале, что с этим делать не знаю, самоучителей тут не предусмотрено, а если и есть... кто ж мне их даст-то?

Что это за мир, какое мое место в нем, что от меня требуется...

Да фиг его знает!

И узнать... неоткуда?

Хотя...

Думай, Маруся, думай, мозг обезьяну для того и дан, чтобы не прыгал попусту под пальмой. Я что-то такое читала...

Точно!

Жил разведчик, который всегда снабжал свою страну полной информацией. По всем движениям войск противника, по их количеству... да в принципе — по всему, включая чихание баранов в соседнем поселке.

Возраст, пенсия... его преемник таких блестящих качеств не проявляет. А шпионить надо!

Идут на поклон к специалисту. Как — чего?

Ответ гениален и прост.

Я читал газеты.

Все.

Он просто брал и правильно, с карандашиком в руках читал газеты. Какие где балы состоялись, в честь кого, сколько чего перевозят по железной дороге... да многое можно выловить из газетной информации. Особенно сейчас.

Вот бы мне газетку.

А где она может быть?

Да, я подумала про туалет. А кто бы на моем месте не подумал?

Пришлось попробовать сесть еще раз. И едва ли не на четырех костях направиться к замеченной в углу палаты двери.

Получилось.

Да!

Санузел был оборудован унитазом, только немного странной формы, в виде ракушки, но это точно был унитаз. Была лоханка, которую из-за компактности язык не поворачивался назвать ванной, была лейка душа...

Искупаться?

Нашумлю, засвечусь... низзя.

Ну хоть умыться.

Раковина тоже есть, только немного неправильной формы. Квадратная. Хотя у нас и не такие водятся, только плати. И смеситель странный... ничего, разобралась. Сначала едва не ошпарилась, потом померзла с минуту, но нормально.

Умылась, и наконец посмотрелась в зеркало, которое тут тоже висело.

Хммм...

А ничего так Маруся.

Не могу сказать, что я просто само очарование, наверное круги под глазами мешают. Но если беспристрастно...

Нормальное личико.

Лет пятнадцати на вид, может, чуть больше. Тот возраст, когда паспорт уже выдали, а вот совершеннолетие...

В зависимости от обстоятельств. Кому в таком возрасте мамы и попу вытирают, а то деточка ж пропадет. Интересно, какой у меня вариант?

Ладно, сверху вниз.

Волосы — прямые, темные, точный оттенок не установить. Вроде как каштановые, но это я еще посмотрю. Длина — до талии. Коса достаточно толстая, густая... неплохо. Но расчесывать это добро — с ума сойдешь. Лоб нормальный, не высокий и не низкий, брови в меру густые и темные, не поздний Брежнев, но и не Мона Лиза, овал лица правильный, нос короткий прямой, губы...

Меня что — шершни покусали?

Аккурат туда?

В нашем мире без поллитры силикона такие "рыбьи губки" и не надуешь. Интересно, это натуральное? А, все равно, другого не предлагали.

Подбородок не выдающийся, но при таких губах на него и не поглядят.

Фигура.

Как-то я себя не разглядывала. Ни времени, ни места, а то зайдет сиделка в палату, а там пациентка неясно чем занимается. А вот в зеркале лучше.

Ну... бюст мне нравится. И попа тоже.

А в целом вся фигура... своеобразная.

Не слишком высокий рост, пышный бюст, уже сейчас полноценного третьего размера, а то и побольше, шикарная попа, тонкая талия.

Ноги коротковаты, зато руки удались. И ступни маленькие. Ладно, сойдет.

Хорошая, вообще, фигура. Если следить за талией и носить правильные платья, будет смотреться шикарно. А если нацепить нечто в стиле ампир, к примеру, будет тумбочка на ножках.

Не знаю, как одевалась княжна.... Ежь твою рожь!

Да я вообще ничего не знаю!

Где тут унитаз?

Логика людей одинакова во всех мирах.

В лотке рядом с унитазом лежит бумага. Кажется, даже надушенная. Плохо... пять минут уходит на поиски.

Ищущий да обрящет!

Ага, еще б сказали, где и когда.

Ладно. Переживу. Подожду.

И я уползаю обратно. Падаю в кровать и теперь засыпаю.

Вымоталась.

День начинается с букета. Даже двух.

М-да.

Где-то у папочки течет. Только встала, и уже — букетики. Смотрим первый.

Ярко-розовые розы, здоровущая охапка, какие-то травки, лопухи... чего там еще полагается? Зеленые такие... не флорист я! Вообще!

Красиво, пафосно, понтово...

Такие букеты покупают обычно не для дорогого человека, а когда хотят показать свой статус. А воняют...

Вылавливаю из шипов карточку, принохиваюсь, качаю головой.

— Вынесите, пожалуйста.

Сиделка всплескивает руками.

— Неуж не понравились, ваша светлость?

— Прелесть, — охотно соглашаюсь я. — Но от запаха у меня голова болит.

Сиделка кивает и утаскивает корзину. Я принимаюсь за второй букет.

Скромные полевые цветочки.

Эх, стервы мы, бабы. Не угодишь на нас. Первый букет — понтовый, а второй... вот есть у меня подозрение, что у его владельца денег не было. Вытаскиваю карточку и из второго букета, и его тоже отправляю с сиделкой.

А нечего тут!

Выбрасывать — так все и сразу!

На первой карточке какой-то замысловатый герб. Явно мифологическое животное, похожее на рогатого козла, пятиугольный щит, там это копытное стоит на дыбах и выглядит очень агрессивно. Букв нет.

Записка лаконичная.

"Очаровательной княжне Марии от любящего жениха. С.В."

Роспись. Еще бы штамп поставил.

Но хоть знать буду, как меня зовут.

Мария.

Что ж, близко к истине. Маша, Машенька... сойдет. Медведя курощать будем?

Вторая карточка скромнее. И бумага похуже качеством, и шрифт... м-да, если от первой веет большими деньгами, то вторую явно в левой типографии печатали.

Зато компенсируется насыщенностью текста.

"Любимой и единственной, звезде во мраке ночи, моя жизнь без тебя пуста и бессмысленна. Свети же мне, моя звезда."

Замечательно.

А главное — дари кому пожелаешь, с таким текстом и девяностолетняя бабушка не обидится.

Засовываю обе карточки под подушку, принимаюсь размышлять. Ну, жених это понятно. А второй-то кто?

Интересно, что ж ты, княжна, наворотила? Есть у меня подозрение, что мне это не понравится.

Ладно.

Возвращается сиделка, и я высказываю просьбу о чем-то почитать. А то скучно и грустно, в обморок пока не ухожу, мозг надо чем-то занимать.

Заодно, кстати, и знание языка проверю. Это я уже не озвучиваю.

Сиделка кивает и уходит.

Возвращается с большой газетой и двумя книгами, одна потолще, вторая потоньше, кладет их рядом со мной на тумбочку.

— Может, вам почитать, княжна?

Качаю головой.

— Благодарю. Если устану, я попрошу вас.

Этого достаточно.

Сиделка устраивается в углу, я смотрю на книжки.

"Жития святых".

Че-го?

Кстати, а крестика-то у меня и нет. Во что тут верят — ёж его знает. Ладно, почитаем, там узнаем.

Вторая — "Альманах мод".

Ладно, начнем с газеты.

К вечеру я лежу с квадратной головой и закрытыми глазами.

Да, попала я, так попала. Капитально, с ушами и тапочками... в болото. И вытащить себя за волосы придется самостоятельно, уподобляясь барону Мюнгхаузену.

Получится?

Не факт.

Итак, с чего начать?

Да, с моего места жительства.

Империя Русь. Не Россия, а Русь, но похоже и по созвучию, и по смыслу.

И даже по месту расположения. Вообще, этот мир похож на наш. Та же Земля, те же континенты. Правда, Европа сплавилась под Наполеоном в единое государство, а после его смерти не распалась обратно на запчасти. Наполеон Второй, судя по всему, в этом мире не

помер от туберкулеза, а продолжил процесс постройки империи.

На троне Французской империи так и сидят Наполеониды.

Единственная страна, которую не зажевала Франция — это Испания. Но на то есть серьезные причины.

"Жития" я проглотила достаточно быстро. И обалдела.

Нет у меня другого слова, нет...

Понятно, что все святые похожи друг на друга, как ксерокс с одной фотки. Жили, потом помучились и обрели венец. Но жили-то они среди людей.

Допустим, апостолу такому-то отрубили голову.

Кто, за что, когда это случилось, в каком государстве — списочек прилагается. Только умей правильно читать.

А это я могла.

Как я поняла, история тут разошлась с нашим миром примерно в 1527 году.

В каком году оно у нас было, я не знаю. А тут случилось именно так.

В Европе вспыхнула ЧУМА.

Началось все с Испании, быстро перекинулось на Европу, ну и пошло от всей души, косить и укладывать. До Руси тоже дошло, не спаслись.

Китай уцелел. Япония.

Англия.

Всех остальных накрыло.

И в этот раз причиной чумы послужили не крысы, нет. Конкистадоры.

Как я поняла, ацтеков и майя в этом мире тоже открыли. И решили раскулачить. Но если в нашем мире индейцы ничего не сделали, то в этом...

Они провели Великое Жертвоприношение, получили уйму силы, и что-то таки вызвали.

Что?

Кто ж его знает! Живых свидетелей не осталось. Но на месте Теночтитлана с тех пор нечто вроде воронки от ядерного взрыва. И глубокое соленое озеро.

Курорт не открыли, это не Мертвое море, если туда приехать, то уехать уже не получится. Только косточки на берегах останутся.

Кто выжил, поседев, бежали оттуда, придерживая штаны и подвывая на поворотах. Мемуаров не осталось, а если и остались, то в "жития" они точно не попали.

И с собой они принесли чуму.

Но- странную.

Чума косила женщин и детей до года. Но примерно пять процентов детей выживало. И — обретали способности.

Да, те самые. Магические.

Дальше стало интереснее.

У нас, на Руси, инквизиции как не было, так и не появилось. Да и Раскола не случилось.

Как крестились двумя перстами, так и продолжили, как молились, так и переводить ничего не стали. И импортных спецов приглашать тоже.

Не до того было.

Магия.

Надо отдать должное патриарху Иову, головастым он оказался товарищем. И серьезным.

Чума полыхала примерно с 1530 по 1550 годы.

Двадцать лет.

Очаги то вспыхивали, то затухали... чего там те майя наворотили, хотела б я знать... нет. Не хотела бы. Подозреваю, Стивен Кинг плакал бы горячими слезами от зависти к древним затейникам. А мне ни к чему, обойдусь без кошмаров.

Хотя "жизнь за други своя", это и в нашем мире такой мощный выплеск энергии... а тут ей правильно распорядились. Сумели же.

Так вот. Патриарх Иов в этой истории стал патриархом чуть ли не на двадцать лет раньше. Привлек внимание Ивана Грозного...

Да.

В этом мире на троне так и сидят Рюриковичи.

Сын Ивана Грозного, тоже Иван наследовал трон. В нашей истории он умер якобы, от удара своего отца. Тот самый, который с известной картины, помните? Репин, Иван Грозный убивает своего сына...

В этой истории он оказался магом.

Кстати — магом воздуха. Так что и не помер, и успешно размножился, и связано это было как раз с патриархом Иовом.

Поняв, что у ребенка есть способности, патриарх не испугался, не

стал их изгонять из ребенка или мочить того кадилом... наоборот, умудрился убедить Ивана Грозного, что его сына так благословило. Это царю понравилось.

И в опричники тоже, кстати, стали набираться маги.

В товарищи царевича...

Так на Руси произошла смычка магии и церкви. Под лозунгом: "Если это есть, значит, такая воля Божья". А кто тут против божьей воли?

Поэтому не произошло и ни Смутного времени, ни раскола, ни Никонианства — куда тут? Романовы существуют, как я поняла, один из дворянских родов.

И тут начинается еще более интересный фактор.

Есть — дворянские рода.

А есть Юрт. И прошу не путать с юртой кочевника, это не то.

Что такое юрт?

Я так поняла, что это аналог клана, получивший здесь именно такое название. Группа людей, объединенных вассальной клятвой, иногда общей кровью, иногда деловыми интересами, но клятва — обязательна.

Магическая клятва.

Здесь это намного серьезнее, если ее нарушишь — погибаешь. А потому казуистика тут достигла таких выдающихся высот, что юриста и не поймешь иногда. Вроде по-русски говорит, а поди, разбери — о чем это он?

На Руси сложилось именно так. Юрты выросли из опричнины и боярства, постепенно произошла смычка.... Да, и окно в Европу никто не рубил. Наоборот, мечтали законопатить, чумыхватило с избытком. Лезет тут, понимаешь, гадость всякая...

В Европе было весело.

Там же ведьм и так гоняли, а тут появились маги.

Вопрос — какая была реакция?

Ответ. Плохая.

Охота на ведьм перешла в качественно иную стадию, охотились на детей, нормальные люди этого не выдерживали, вспыхнула гражданская война, потом еще одна...

Поучаствовали маги.

Под шумок подключилась Англия, вывезя кучу потенциальных магов к себе. Не в упрек — на континенте их бы просто сожгли, а так

дети хоть выросли. Потомство дали... тоже магов.

В результате — сильная магия на острове, Елизавета Тюдор идиоткой никогда не была, и слабая — в Европе.

А еще...

Испания.

Ее и так потрепало больше всего. Видимо, потому что они все это дело с индейцами и начали. Золота хотелось...

Потом инквизиция, которая там была традиционно сильна, гражданская война, соседи, которые с удовольствием отрывали себе кусочки, но Испания держалась.

И даже сражение с Великой Армадой состоялось, но по другому сценарию. Английские маги тупо утопили весь флот, а потом прогулялись в Испанию. И немножко увлеклись.

Опять-таки, что там произошло, "жития" толком не пишут. Но...

Произошло.

Наполеону завоевывать было уже и нечего. Так, кучка карликовых правительств на ровном месте. Сглотнул и не подавился.

А государство Испания прекратило свое существование.

Только тогда что-то дошло до Римских Пап, и те начали тоже ставить магов на службу Церкви. Но опоздали. Маги сейчас в Европе есть, они неплохие, но их мало. Очень мало.

Так что — да.

Магия в этом мире существует.

Академии магии?

Нет, их не существует.

Магов учат внутри юртов. Это у нас, на Руси. В Англии — это обычно дворянские рода, знания передаются от отца к сыну, в Европе маги, как правило, это священники, так что обучение идет при храмах...

Воспитание в истинной вере чудеса во имя Господа, промывка мозгов на высшем уровне.

Есть самоучки, есть самородки, но чаще или их находят и пристраивают, или они попросту погибают. Магия — это не картошка, хотя и ту сажать-растить непросто. А тут — стихии.

Да звезданет такой маг — и от него самого только ушки с тапочками останутся. Контроль не удержит, вектор повернет неправильно, все возможно...

Вот так вот.

Общество сословное, причем аристократы, как правило, маги. Бывают и другие, но мало.

Больше ничего почерпнуть полезного не удалось, но для одурения и этого хватило.

"Альманах мод" не порадовал.

Платя в нем есть, да. Но какой там двадцатый век? Какая Шанель и эмансипация?

Для дам — строгие платья, воротники под горло, максимум допустимого — это вырез, затянутый сеткой, мода очень жесткая. Отрываются бедные дамы на шляпках, сумочках, туфельках... одно облегчение.

Турнюров нет, кринолинов тоже, а платье может открывать лодыжки. Для удобства.

Чтобы мне в таком хорошо выглядеть, придется заводить своего портного. А лучше свое ателье. Это вам не джинсы с топами.... Кстати, брюки для дам здесь жестокий моветон.

А за нарушение общественного порядка... выпороли бы здесь Коко Шанель за ее идеи, и тем бы кутюрье закончился. Увы...

Длинные волосы тоже обязательны.

Коротко стригутся только продажные девки, им можно. И это только почерпнутое из "Альманаха". А так, не сомневаюсь, есть и еще куча условностей.

Плохо.

Я-то их точно не знаю, а на моторную память, или как это правильно называется, тоже надежды мало.

Газета порадовала.

Сейчас начало двадцатого века.

На троне Иван Четырнадцатый. Любят в роду Рюриковичей это имя, любят.

А в остальном...

Не гожусь я в разведчики, наверное.

Ну, пишут, что новый мост построили. Что полк отправился на маневры.

Что состоялись дуэли... все равно я никого из перечисленных не знаю.

Балы — то же самое. Кого я там знаю?

Да никого.

Скачки, пари, забавные сплетни...

Светская сводка, иначе и не скажешь.

Нет, из этой газеты я пока ничего полезного не почерпну. Мне бы атлас мира, книги по истории, политэкономике, да хоть бы и обществознание. Я уж и на то согласна...

А пока мои знания о новом мире стремятся к нулю. Причем — со стороны отрицательных величин.

И что делать?

А что я могу сделать?

Только выживать. Для начала можно попроситься на прогулку и понаблюдать за людьми со стороны. Как одеты, как разговаривают, ходят, держатся... да все! Может, хоть что-то получится?

А то у меня девять дней осталось, не больше. А вот что будет потом?

Не знаю.

Но что-то мне очень стремно.

Интерлюдия 1.

Князь Горский вернулся домой в сложном расположении духа.

Да, сложном. И другого слова тут не подберешь.

С одной стороны — злость на дочь, злость за сорвавшуюся помолвку, даже ярость, гнев...

С другой... он ожидал худшего.

Криков, скандалов, истерик, угроз, но никак не вежливых равнодушных слов. От Марии такого ждать не приходилось.

— Устал, дорогой?

Теплые руки обвили шею, повеяло ароматом резеды.

— Да, друг мой, Оленька. Устал...

Его позднее счастье.

Его Олюшка.

Первый раз Иван Горский женился рано. В восемнадцать лет. Родители настояли, да он и не возражал. Надо было заключить союз с юртом Алябьевых, брак для этого весьма подходил.

Первая жена, Ксения, подарила ему сына, но при родах умерла.

Иногда и магия не может спасти человека. Увы...

Второй раз Иван женился только через семь лет. По большой любви.

Ах, как хороша была Лидия! Как очаровательна, как ослепительна... она ударила в сердце, словно кинжал, и Иван не смог защититься. Да и не хотел.

Тринадцать лет.

Тринадцать сладких лет, наполненных то неистовой страстью, то бешеной ревностью. Мария родилась только на восьмой год союза, да и не до нее было родителям.

Лидия блистала, кружила головы, очаровывала и покоряла. Иван трудился на благо семьи.

Кто сказал, что князья не работают?

Да еще как! Иначе быстро остаются нищими и живут на государевы подачки. Это не для Горских.

Умерла Лидия так же, как и жила.

Легко, внезапно, ярко.

Яхта, на которой они катались, взорвалась.

Иван чудом не оказался там, Мария сильно заболела и заразила отца. Казалось бы, маги болеть не должны.

Но дети, у которых маноядро только формируется, иногда такое выдают...

Вот, пока они лежали, и остались. Он — вдовцом, ребенок — сиротой.

А еще через год в его жизнь вошла Олюшка.

Подарила еще одного сына и двоих дочерей, согрела теплом и заботой, словно после вулкана он оказался у теплого камина, стала матерью для маленькой Машеньки, железной рукой вела дом, не давала ни малейшего повода для ревности...

— Садись. Я сейчас принесу твой любимый чай...

Иван и не заметил, как его довели до любимого кресла, забрали пальто и трость, сменили ботинки на домашние тапочки...

Уютно, спокойно.

И чашка с любимым чаем в руках, и Олюшка рядом.

— Как там Машенька, родной мой? Я волновалась...

— Все с ней будет в порядке. Доктор заверил...

— Так можно обрадовать Сергея Владимировича?

— Да, друг мой, напиши ему, будь любезна.

Олюшка кивнула.

Вот еще, проблема.

Где аристократы, там и союзы. А Машка, дрянь, выкинула такое! Видите ли, не любит она Демидова!

Да плевать мне три раза на твою любовь!

У него заводы! Рудники!

Подумаешь, старше! Переживет! Может, и в буквальном смысле слова! Трех жен Демидов пережил, Машка может его пережить, ничего страшного. Она же маг, срок жизни будет больше. А если сына подарит...

Не везет Сергею Васильевичу в этом плане, не везет.

То плод скидывают его жены, то мертвых рожают... вот он на Машку глаз и положил. Маг Земли, как-никак, дети должны быть и здоровые, и сильные.

А эта дура кобениться вздумала. И где только "Искорку" достала?

И "Паутинку" тоже...

Драгоценностей он в ее шкатулке не досчитался, продала, наверняка. А вот что делать-то хотела?

Сбежать?

Наверное...

Дура.

Гнев стал опять разгораться. Ольга заметила это и поспешно скользнула к ногам супруга, обняла, посмотрела снизу вверх, погладила колени, переключая мысли в другое русло. Нет уж.

Пусть на дурищу Машку орет, ей скандалы ни к чему.

Это ж надо, такие перспективы едва не сорвала, лошадь жирная! Ей бы не копытами бить, а кланяться, что хорошего мужа нашли. И для семьи какие горизонты открываются, Оля потом своих дочерей сможет и за бояр, и за князей пристроить. Или вообще, за кого-то из юртов.

Ладно.

Сегодня она напишет Сергею Владимировичу. И даже пригласит его на чашечку кофе.

Не стоит пренебрегать таким мужчиной, нет, не стоит.

А муж?

А что — муж?

Чего он не знает, то ему и не повредит.

Потрескивал огонь в камине, рука мужчины гуляла по светлым волосам женщины, прильнувшей щекой к его коленям, и каждый думал о своем.

Кто-то любил, кто-то изображал любовь, оба строили планы, и учитывали княжну Марию только как разменную монетку.

Ее желания в расчет не принимались. Наконец Иван протянул руку жене, помогая встать, и кивнул в сторону спальни. Та понятливо подхватила юбки так, чтобы обтянуть отдельные завлекательные части фигуры, и поспешила вперед.

Жизнь продолжалась.

Глава 2

Первые шаги.

На следующее утро до меня доходит, что все дело в неправильном подходе.

Читать газеты можно и нужно, и информацию из них выловить можно, но газет должно быть больше одной штуки.

Для начала штук пять.

Или за разные периоды, или просто разные издания...

Вот возьмите 'Комсомольскую правду' и 'Спид-инфо'.

Какие выводы можно сделать из их прочтения? Если у вас другого источника, кроме 'Спид-инфо' просто нет?

Что ты попал в бордель.

Или из 'Комсомолки'. Привет коммунизму?

А обстановка-то немного другая, обстановка диктует правила игры...

Так что сиделке я заявляю, что хочу почитать газеты. И побольше.

Та косится на меня, но соглашается поговорить с доктором. Ладно. Можно и так.

Делаю жест рукой.

— Если господин Иванихин согласится уделить мне время, я объясню ему причины своего желания.

Красивые обороты легко слетают с языка.

Ладно, я и раньше не жаловалась, но теперь они вовсе привычны. Как родное.

А память... памяти как не было, так и нет. Реципиентка махнула хвостом и утащила все за собой.

Андрей Петрович приходит через десять минут. Как раз хватит дойти, поговорить и прийти сюда, я так полагаю. Значит, я не полностью брошена на произвол судьбы, я выгодный клиент.

— Доброе утро, ваша светлость.

— Доброе утро, господин Иванихин.

— Для вас, ваша светлость, просто Андрей Петрович. Как мы себя чувствуем?

Ненавижу этот вопрос! Во всех мирах!

Какие, на фиг — МЫ!? Еще сюсюкать начни, л-лекарь.

— Не слишком хорошо.

— Давайте, я вас посмотрю.

Этот осмотр похож на прошлый, как две капли воды. Тот же кругляш, те же манипуляции, доктор доволен.

— Я бы сказал, княжна, ваше выздоровление идет просто замечательно.

— Маноканалы восстановятся?

Вот фиг его знает, зачем они мне нужны. Но если что-то есть, то нечего разбрасываться.

— Думаю, да. Уверен, что восстановятся, ваша светлость.

— Замечательно. Доктор, вас не затруднит распорядиться и прислать мне газет?

— Газет, ваша светлость?

— Свежих и за прошедшие... дней десять.

На меня смотрят с удивлением.

— Я распоржусь, ваша светлость. Но... к чему?

Ответ у меня уже готов.

— Хочу убедиться, что мой поступок не вызвал лишнего... резонанса.

Объяснение вызывает понимание.

— Полагаю, газеты будут уже через час, или около того, ваша светлость.

— И... могу ли я выйти погулять?

— Да, думаю, от этого вреда тоже не будет. Главное, не пропускайте процедуры. Ну да Инесса Ивановна об этом позаботится.

Следует взгляд на сиделку, та кивает, и только что не кланяется.

Инесса Ивановна.

Запомним.

Газеты доставляют быстро. И я принимаюсь их листать.

Княжна Мария.

Сергей Владимирович.

По совокупности имен я натываюсь на коротенькую записочку, о помолвке юной княжны Горской М.И. с господином и дворянином Демидовым С.В.

Вот, что-то мне кажется, что это — оно?

По датам, вроде как, совпадает.

Демидов...

Ну, не знаю, как в этом мире, а в том были такие. Владельцы заводов, газет, пароходов...

Понятно, чего папаша взбесился. А вот что делать мне?

Собственно, вариантов всего два.

Либо я принимаю жизнь ее светлости со всеми вытекающими, либо рву отсюда когти. А что? Все попаданцы их рвали.

Сперва убегали, потом куда-то пристраивались... будь мне действительно лет пятнадцать, я бы так и поступила. А сейчас — нет, мозги не позволяют.

Знания об этом мире мне не перекачали, навыков — ноль... даже сколько стоит буханка хлеба — и то неизвестно. Где ее купить, как попросить, как торговаться, как выглядят местные деньги, блин!

Ничего не знаю!

И о таких вещах в газетах не пишут, это вживаться надо, быть в среде.

Да даже элементарные жесты!

Я кому-то большой палец покажу в знак одобрения, а он в разных странах по-разному трактуется. Кажется, где-то и неприлично...

Побег отпадает, как таковой.

Вляпаюсь и не вылезу.

И потом...

А КЕМ я могу быть в этом мире?

Нужны документы, деньги, профессия... нужны ли здесь проектировщики? Кто ж его знает.

Лечат тут магией, может, и строят с ней же. И мои знания тут на туалетную бумагу не сгодятся...

В общем, сбегать не получится. Тогда лучше самоубиться здесь и сразу, оно быстрее будет и безболезненней. Если у Машки и есть кто-то,

к кому она может сбежать, то у меня, у Маруси, ни контактов, ни адресов, ни телефонов... ничего нет!

Точно, пропаду.

Попробовать остаться и хотя бы поглядеть на жениха?

Ну... тут шансов всяко больше. И вообще, удрать я всегда успею, дури хватит. Так что читаем, вживаемся, разбираемся.

Я зашуршала газетами уже более предметно.

Политика.

Его Императорское Величество Иван.

Конфликт с Францией, напряженность на границе с Китаем, который в этом мире именовали страной Хань, союз с Англией. Принцесса Александра Эссекская, невеста наследника, прибывает в Москву через десять дней, по сему случаю ожидается большой прием...

Интересно.

Учтем.

Это стопроцентное появление всех приглашенных, это обязательный 'засвет'... если меня туда не потащат, зовите меня крокодиллом. Такой случай показать всем, что дочка жива. Здорова, покорна семье, и вообще — несчастный случай потому и несчастный...

Если в ближайшее время меня кто-то из родных навестит, я в этом точно уверюсь.

Листаем газеты дальше.

А ведь прав был тот разведчик.

Вот и новая информация, что дворянин Демидов уже трех жен похоронил. Так и написано: 'четвертой женой дворянина Демидова выбрана'...

А что еще интересно, я везде — княжна или ее светлость. А вот Демидов просто дворянин.

Не титулован?

Или собирается прикупить себе титул?

Как тут вообще с этим вопросом обстоит?

Зарываюсь в газеты глубже. Читаю.

Все заметки, вплоть до самых мелких, вплоть до объявлений о работе, да, такое тут тоже есть. И кажется, понимаю...

Система противовесов, вот как это можно назвать.

Его Императорское Величество, будучи не дураком, понимал, что стоит на трех китах.

Церковь. Земли. Магия.

Ты можешь быть сколь угодно могучим магом, но на любую силу найдется другая. И если ты могучий, но безземельный и безденежный...

Или если у тебя есть земли, но ты сильно поссорился с магом...

Хотя тут до определенного предела. Маг может сделать гадость, но ведь такого мага и заказать можно? Про киллеров еще в Библии говорилось, факт. Одна из древнейших профессий.

Или если ты умеешь все приспособлять к получению денег?

Войска я не включаю, там, как раз, магов прорва. Обычно маги огня, воздуха, часто и воды идут воевать. Как легко догадаться огневики предпочитают драться на земле, а водники на флоте.

Воздушники могут быть и там, и тут.

Маги земли тоже могут идти в армию.

Да, магия земли одна из самых тормозящих, но, к примеру, один маг земли, может спокойно заменить роту стройбата. Или несколько рот.

А окоп — он в любое время окоп.

Но кроме императорской власти были еще юрты. Сложные взаимоотношения, которых я пока не могла осознать...

Число юртов я назвать не могла, но так поняла, что они были не особенно многочисленны. То ли штук двадцать, то ли двадцать пять. На громадную страну.

Небогато.

Или — слишком много?

Если представить юрт, как Коза Ностру? Свои боевики, силовики, финансы, связи, титулы... м-да. Невесело.

Получается, их даже слишком много.

Почему они не подгребли все под себя?

Пока загадка. Нет ответа. Но надо полагать, император старается держать их в узде.

Я так поняла, что элитные гвардейские части, как правило, сплошь маги.

А что по титулам?

А, нет.

Вот, читаю, капитан Н. и поручик, барон Х изволили дуэлировать. У поручика титул указан, у капитана — нет. Дуэль разрешили, поручик погиб. В статье же сожалеют о гибели многообещающего военного, но и

мимоходом, между строк, читается: думать, мол, надо, а маги огня на дуэли так и так сильнее магов воздуха.

То есть магия не обязательно дает титул.

И деньги не обязательно дают титул.

А как его можно получить?

Пока неясно. Но я бы не удивилась, если только по праву рождения или высочайшему соизволению. То есть — нехилая протекция плюс бешеные бабки?

Хм... а не это ли имеет в виду мой планируемый супруг?

Деньги явно есть, плюс жена — княжна, если и не он титулуется, то уж детям может баронство или графство обломиться? Чисто гипотетически — вполне.

И тогда складываем хвост с носом.

У папаши — титул. Может быть, проекты.

У зятя деньги. И планы.

А у Марии? Свое мнение о всяких разных. А может, ей цифра четыре чем-то не понравилась?

Еще бы отец не бесился.

Помолвка.

Как тут проходит помолвка?

Блин! Такое обычно в газетах не описывают, разве что пир был на весь мир, или кто-то очень высокопоставленный женился. Тут бы любовный роман посопливее! Там-то все укажут, вплоть до цвета белья на кровати.

И можно ли отказаться от помолвки?

Хм-м...

Я бы не была так оптимистична.

Я уже поняла, что здесь клятва — это ОЧЕНЬ серьезно. Иногда смертельно серьезно. Магический контракт, договор, обязательства, откат... короче, пообещать и не выполнить просто не выйдет. Ответка прилетит нехилая.

Надо полагать, не всегда и не везде, но я бы на месте папаши с женихом подстраховалась.

В юртах ведь как-то объединяют клятвами?

Свяжут меня так же, и что делать?

Не хотелось бы чувствовать себя героиней Пушкинских рассказов, вот никак. Кажется, 'Метель'? Казалось бы, проказа — и проказа, плюнь

и забудь, пошутили и хватит, но ведь два взрослых человека искренне считали себя женатыми! Они клятвы дали перед алтарем!

И не перекрутишься.

А если вспомнить магию у нас в мире... ладно, магии там нет, но болтают много.

К примеру, возьмут у тебя кровь. Или что-то еще...

Ладно. Это уже вуду пошло... урезаем осетра. Пока я не знаю, что там с магией, я и не гадаю.

Играть с этим я точно не буду. На фиг!

Ищем, как отвертеться от помолвки?

Оххх... с моей-то больной головой!

После обеда сиделка вывозит меня в парк.

На улице ранняя весна, на деревьях набухают клейкие листочки. И — да. Именно вывозит, я не оговорилась.

Меня одевают в кучу тряпок, причем явно не моих, больничных, наматывают сверху толстую шаль, попону на ноги, и усаживают в кресло на колесиках. Приходит здоровущий мужик в форме санитаря (то же желтое и лилейное) и выкатывает меня из палаты.

Смотрю по сторонам.

Внимательно так, серьезно...

Это — мой шанс на жизнь. Информация, и только информация... не хлопай ушами, Маруся! Пропадешь!

Итак.

Во что одеты люди.

Мужчины — к пиджакам, только удлинённых. И брюки у них более заужены, можно сказать, этакий вариант лосин. Не в облипочку, а чуть пошире, чтобы место для воображения было.

Рубашки разных цветов, галстуков нет, вместо них шейные платки.

Красиво, кстати.

Дамы, похоже, не из самых богатых сословий. Моделей из 'Альманаха' я не вижу, чаще встречаются юбки и блузки. Юбки однотонные или клетчатые, никакой цыганской пестроты, скорее, это

вариант 'Джейн Эйр', блузки — в зависимости от дохода. Сразу видно, что-то подороже, что-то подешевле...

Кое-где кружево, кое-где броши.

Перьев, стразов, алмазов — нет. Все очень скромно.

На плечах, как правило, шали. Есть плащи вроде того, что Констанция Бонасье носила в фильме про мушкетеров, но их маловато.

Что есть еще?

Обувь.

Высокие ботинки на шнуровке у дам, сапоги или туфли у мужчин. Причем сапоги такого, облегающего варианта. Никаких ботфортов.

Пару раз я вижу и платья, но они выглядят подороже... кажется, я читала, что платье было показателем статуса?

Длинные рукава — я руками ничего не делаю, шнуровка на спине — помогает служанка, у меня есть слуги, длинный подол до земли, я по навозу ножками не гуляю...

Как вариант?

На головах у мужчин что-то вроде котелков, только более приплюснутое. Или шляпы, почти в современном варианте, узкие поля, лента...

Дамы в этом плане не ограничены, но предпочитают 'таблетки', хоть и украшенные.

Мода?

Мода...

Сумки у дам — ридикюли, иначе и не назовешь. Ленты, цветы, четко в тон шляпкам. Перчатки.

Может, что-то я и упускаю, бывает. Все сразу не предусмотреть и не запомнить.

Но общее впечатление — строгость и спокойствие. Да, стиль 'модерн' в этом мире можно будет применить только в одном месте.

В синем доме.

Парк большой, я прошу сиделку подкатить меня к пруду. Там, на темной воде, медленно расплываются круги.

Рыба?

Сомневаюсь. Лягушки, может, водомерки или еще какие головастики. Но думается у воды хорошо.

Да, бежать никуда нельзя, стоит вспомнить ту же классику. Джейн Эйр сбежала. И что? Не попадись ей добрые люди, померла бы в придорожной канаве.

Вероятность, что они попадутся мне?

Ничтожна.

Я не маг, не каратист, не... короче, отбиться — не сумею. Песец мне придет капитальный и быстрый.

Оставаться дома — тоже не вариант. Замуж выдадут, и...

Господин Демидов, а отчего умерла ваша первая жена? Грибами отравилась? А последняя? Грибы есть не хотела?

Ну так, чисто гипотетически... мой-то какой вариант?

А жить так хочется...

А может, мужику просто не везло?

Не знаю. Памяти вообще, нет посмотреть надо. А пока — набирать знания об окружающем мире, и побольше, побольше...

Я и наблюдаю за людьми. Потом приходит сиделка и отвозит меня на процедуры.

Процедуры выглядят достаточно своеобразно.

Лежу я на кровати, на своей, вполне удобной, а у меня на организме размещают сложную систему из камней и металлических загогулин. И провалиться мне на этом месте, если вон там не рубин, вот эта кривуля с сапфиром, а вон тот камешек — янтарь. Не то, чтобы я была специалистом, просто поездила по миру, походила по музеям... немного разбираюсь.

Потом приходит врач, проверяет качество установки — и надо лежать.

Молча.

На спине.

На голову тоже что-то такое надевают, вроде шапочки.

Лежать скучно, поэтому я прошу сиделку мне что-нибудь рассказать. Видимо, я не первая и не последняя с такой просьбой, потому что рассказывает она охотно.

Так я узнаю и про то, что доктор Иванихин — врач от Бога, что сестричка милосердия Зиночка крутит хвостом так, что пропеллер позавидует, что дворник Коля напился в хлам, подлец, и не убирал территорию...

Все как у людей.

Навожу вопросы на сестер милосердия, с интересом прослушиваю лекцию

Как такового, младшего медперсонала здесь просто нет. Есть старший — врачи.

Есть средний — специально обученные сестры, вот, как моя сиделка, она даже немного в магии разбирается. А есть младший медперсонал, который санитарочки, прочие подай-принеси...

Много ли ума надо туалет мыть?

Так вот, младший медперсонал здесь сплошь монастырский. То, что у нас некогда называлось сестры милосердия.

Каждый монастырь, каждый храм обязан выделять несколько человек для работы в медучреждениях. И направлять сюда стараются не худших.

И то же самое школы.

Обязательно общее начальное образование — четыре года. Там тебя учат читать, писать, считать и закону Божьему. Потом можешь топтать, пахать землю или выносить горшки. Дело хозяйское.

Ну, непригоден человек к учебе, так дворники тоже требуются. Иногда больше, чем академики.

Желающие учиться дальше могут пойти на восьмилетку. Это, фактически, наши ПТУ-шники. После восьмилетки можно получить не очень сложную профессию. Можно пойти в армию. Можно выйти замуж... женщины восьмилетку тоже заканчивают.

В этом случае человеку преподаются и основы естественных наук. Физика, химия, биология, высшая математика — в современном понимании. Закон Божий — обязателен для изучения на любой ступени, но если в начальной школе ты просто знакомишься с Библией и евангелиями, то в средней тебе уже рассказывают и о других религиях. Можешь даже латынью заняться, если захочешь.

Третья ступень — уже высшая школа. Год.

Ровно два года, которые тебе отведены на дисциплины специализации. А потом ты поступаешь в университет.

Или — не поступаешь.

Допустим, ты хочешь стать врачом. За эти два года в тебя впихнут столько химии, биологии, латыни, что из ушей ползет. Хочешь стать инженером?

Пожалуйста, но в приоритете будут физика и математика.

Как правило, ученики высшей школы сплошь мужчины. Имеет место быть.

Учиться здесь начинают в шесть лет.

Первая ступень — десять лет, вторая — четырнадцать. А в пятнадцать в этом мире уже разрешено выходить замуж.

Жениться, правда, нельзя.

Для женщин брачный возраст начинается с пятнадцати, иногда может быть отсрочен по решению доктора, если невеста к деторождению непригодна. Бывает, не все в этом возрасте созревают, дело физиологии.

Для мужчин брачный возраст строго с восемнадцати лет. Не раньше. И то, на таких юных женихов смотрят весьма неодобрительно. Но — мало ли что?

Вот и получается, женщин выдают замуж, а мужчины имеют возможность еще поучиться.

Я загрустила.

Так, мне, кажется, лет шестнадцать, и судя по формам...

Выдадут.

Незрелой меня не признают.

Как еще можно отвертеться от брака?

Высочайшим запрещением. Его Императорское Величество можно запретить кому-то вступать в брак, бывало дело. Чтобы дурная кровь не продолжалась.

Таких людей откажут венчать во всех храмах.

Еще варианты?

Слово, данное другому человеку. Вот, если бы у того же Демидова была еще одна невеста...

Нет, вряд ли, не дурак же он? Проверить, конечно, не помешает, но...

Еще есть варианты с изменой родине, дурной болезнью, близкородственным браком, психическим заболеванием...

Так легко я не откручусь. Хотя Синий дом меня ждет в любое время.

На следующий день что-то происходит.

Я так же лежу на процедурах, но...

Камни начинают пульсировать.

Я это вижу.

Словно вспышки, слабые, но отчетливые. Внутри рубина плещется живая кровь, сапфир напоминает о морских волнах, янтарь рассказывает о побережье, с которого его забрали...

Безумие?

Но камни словно бы сообщают свои колебания кривулинам. По металлическим завитушкам бегут пульсации, словно на мне лежат джедайские мечи интересной формы.

И все это впитывается в меня.

Впитывается, стекает, и мне становится тепло и приятно.

Интересно, а если потянуть это свечение в себя?

Э, нет.

Цыц, Маруся.

Никаких способностей к магии ты проявлять не будешь. Даже два раза.

Не будешь.

Не потому, что не хочется, или не интересно. Да еще как любопытно! Аж пальцы чешутся. И мне кажется, что вон тот гранат совершенно не в тему. Зеленоватый. Сюда нужен совершенно другой камень, может быть, опал...

Откуда я знаю, что это именно гранат?

Не знаю. Но уверена.

Почему молчать?

Потому что магии здесь не учат. А девочек — тем более. Это я уже узнала.

Считается, что женщина-маг становится бесплодной.

Бред, конечно, но большинство людей в это верит. А остальным верить выгодно.

Если встречаются магички, они не правило, они исключение. И встречаются они в Африке, Америке, там сейчас в разгаре эмансипация, Австралии...

В европейских странах женщина-маг — идеальный инкубатор. Дети будут одаренными, даже если муж самый простой работяга. Ну а если у него в роду уже был кто-то одаренный, тогда могут быть и сильные маги...

Да, вот еще разница.

Есть — маги.

Есть — просто одаренные.

Как в нашем мире, к примеру, есть те, у кого идеальный слух, те, у кого он просто есть и те, у кого слух отсутствует.

Первые могут напеть или сыграть любую мелодию, вторые как повезет, третьи... могут, но лучше не надо.

С магией тот же расклад.

Есть те, кто одарен способностями к магии, то есть у человека есть маноядро. Он видит магию, но применять ее... разве что чужую, вот, как эти артефакты.

Есть те, кто вообще ничего не видит и не чувствует. Ни маноядра, ни маноканалов. Обычный человек.

Есть те, у кого появилось и маноядро, и маноканалы. И видеть, и использовать, и творить. Вот, в моем случае есть и то, и другое.

Это повышает мою ценность, как невесты, но мне с того не легче.

Породистая корова, м-мууу...

Использовать?

Это не так просто. Вот, Мария попробовала, и чуть не лишилась жизни. Не выгорела, но и не обрадовалась.

А может, и выгорела. Или еще что похуже. В ее теле появилась я. И живу, и думаю, вот...

Грустно.

На следующий день у меня родственник визит. Ко мне является мачеха.

Я не сразу догадалась, что это за счастье мне привалило, но... по порядку.

Лежу я, отдыхаю после процедур, кстати, тот камень и правда заменили. Не на опал, на лунный камень. Опалит.

Тут дверь открывается, входит блондинка лет тридцати, и выражение у нее такое... словно ей под нос дохлую крысу привязали.

— Отвратительно выглядишь, Мария.

Я подняла брови. Вот что на такое ответишь?

Но не спускать же?

— А ты, как всегда, преувеличенно любезна.

Что это за чувырла?

Дама скривилась.

— Если бы Ванечка не попросил меня заняться тобой, ноги моей бы здесь не было. Но твой отец желает, чтобы ты была на балу в честь ее высочества Александры — и прилично одета. Учитывая, что у тебя к этому никаких способностей и не было, придется мне заниматься твоим гардеробом.

— Засос прикройте, дама, — ехидно посоветовала я. — Косыночкой.

Блондинка пошла некрасивыми красными пятнами.

— Не дерзи мне, дрянь!

Я прищурилась.

— Папенька вас попросил — с вас и спросит. А я больная, с меня взятки гладки... мне тут нахамили, наорали, я сейчас вообще в обморок упаду...

Блондинка зашипела, как жир на сковородке.

— Дрянь!

— Ах, мне плохо...

Дама заскрипела зубами, но сдержалась.

— Я пришлю сюда модисток, пусть снимут мерки. Смотрю, ты хоть и осталась коровой, но чуть-чуть похудела...

— Худая корова — еще не газель.

— Вот-вот, и я о том же. И только попробуй еще раз подвести нас с отцом, дрянь такая! Я и так извинялась перед господином Демидовым...

— А, так это от него засос? — невинно уточнила я.

Маменька, а это была явно она, побурела до состояния свеклы и завизжала.

Из визга я узнала, что всегда была дрянью, что совести у меня нет, что она, бедная, со мной чуть не десять лет мается, что мечтает меня с рук сбыть...

Тут-то я и поняла, что это — маман. Но концерт прослушала до конца.

Скучно.

Неоригинально.

Нарвалась я по полной?

Ну и плевать, можно подумать, меня тут раньше любили, аж видеть не могли. Если маман стерва, то и черт с ней. Я все равно с ней жить не собираюсь, и детей крестить не буду. Так что дослушала и уточнила:

— А кто фасон платьица выбирать будет?

Маман посмотрела с удивлением.

— Что хорошего ты можешь выбрать?

— Для разнообразия, то, что мне будет к лицу и фигуре, — я окинула красноречивым взглядом свой бюст. Маман была им одарена куда как меньше, раза в два, так что...

— К твоей фигуре ничего приличного сшить не получится.

— Так отцу и скажем, — мирно согласилась я. — Папенька, фасон одобрен маменькой, а что я вас перед всем двором опозорю... ничего, переживем как-нибудь. Главное — это взаимопонимание в семье!

Тетка взвыла уж вовсе злобно и вылетела за дверь.

Я откинулась на подушки.

Ну... что тут можно сказать? Не прокололась?

Вроде как нет.

На морде у мадам написано желание надавать мне пощечин, но делать это в больнице?

Позора не оберешься. А до дома еще добраться надо. А платье действительно надо приличное. В любом случае.

Если я остаюсь в свете, лучше создавать о себе хорошее впечатление.

Если я не остаюсь... а все равно! Чего чучелом-то ходить?

Так что я вытянулась поудобнее и уснула.

Проснулась примерно в час ночи.

Голова ясная, мозги работают, в таком случае в кровати лежать — одно мучение. Все равно не уснешь, только навертишься. Лучший выход — встать, можно что-то пожевать, почитать, можно просто погулять...

Ну, с первым и вторым у меня проблемы, а третье можно и попробовать.

Ночью в отделении было тихо. Я выскользнула из палаты и пошла по коридору.

Вот и сестринский пост. Папки с делами... а сама сестричка дежурная где?

Из кабинета врача доносились характерные скрипы дивана. Что ж, другой мир, не другой, а все как у людей. И здесь по ночам врачи с сестричками... романы читают.

И кто бы на моем месте удержался?

Моя история болезни нашлась на столе, почти в самом верху. Не долго думая, я спрятала ее под одежду.

Вернуться в палату?

Можно и так. А можно...

Опять-таки, ни в одном мире это не редкость. Кладовки уборщиц, которые завалены всяким хламом и никогда толком не закрываются. И тут ни миры, ни личности ничего не поменяют.

Закон природы, вроде закона тяготения.

Я эту кладовочку заметила, как ехала на прогулку, вот сейчас и проскользнула внутрь.

Посмотрим...

Итак, княжна Горская, Мария Ивановна, полных лет мне шестнадцать...

Отец, мать... ага, значит, Ольга Владимировна. Козловцева. Это мачеха.

Ну, насчет козлов... таки да. Явно они в родословной у мадам отметились. А я-то с чего звереть начала?

Сейчас, под светом 'солнца мертвых' думалось куда как лучше.

Получалось так. Мария мачеху ненавидела. Даже само прочтение имени отзывалось неприязнью. Память княжна забрала с собой, а вот

приятные ощущения мне оставила.

Видимо, они и наложились.

Я и в своей-то жизни никому не давала хаметь, а тут еще Машкины тараканы отросли и рванули вверх по ступенькам. Вот и гавкнула на мачеху.

А зря.

Теперь она мне точно где-то да подгадит. Отца, вон, настроит... хотя вряд ли можно еще больше. Ему и так на меня плевать два раза. А бить все равно не будут, не в ближайшее время. Скоро дочку покупателю передавать, некондиция не допускается. Никак-с.

Портить настроение?

Скандалить?

Надо просто держать себя в руках и умильно хлопать глазками. Я — бедная овечка. Бэээээ.

Мать. Лидия Алексеевна Алтуфьева. Умерла. С этой стороны на поддержку рассчитывать нечего, но имя и фамилию запомним. Вдруг родственники есть?

Читаю дальше.

Наукообразной ахинеи выше ушей, почерки в врача отвратительный, понимаю я в лучшем случае одно слово из трех.

Но!

Вычленять главное из всей написанной чуши я могу. И делаю.

Первое — магию я сохраняю в полном объеме, даже становлюсь сильнее.

Второе — магия никак не влияет на мою репродуктивную способность.

И первое, и второе записано в карточке. Отлично.

А выписать меня когда планируют?

Ага, вот... процедуры должны растянуться еще на неделю. Рекомендовано для восстановления.

Отлично! У меня еще есть время... получится ли вернуть карточку на пост?

Выглядываю в коридор.

Там по-прежнему тишина, и я потихоньку проскальзываю обратно. Карточка занимает свое место... эх, сотового не хватает до слез и соплей! Сейчас бы пересняла половину, потом бы еще подумала. Но — чего нет, того нет.

А телефоны здесь, кстати, есть. По образцу времен Ш. Холмса. Здоровущий такой агрегат, один раз на ногу уронишь — и год хромать будешь.

Компьютеров я не видела. Поле непаханое для попаданца! Да вот беда — я не то, что компьютер сделать, я даже калькулятор не знаю, как собирается.

Опять доходы мимо меня. Увы...

Фотоаппарат и тот не изобрету, а про рентген знаю, что он назван по имени создателя.

Все.

Модистки приходят на следующий день.

Эмма Францевна Бальц, извольте любить и жаловать.

Интересно, а французское тут не в тренде? Хотя нет, вряд ли. Учитывая амбиции Наполеонидов... ладно, не знаю, как дела обстоят в этой истории, но в той товарищи были очень своеобразные. Корсиканцы, этим все сказано.

Модистка — этакая сухопарая немка, которая смотрит на меня с явным неодобрением. Видимо, мамаша ей наговорила кучу всякой чуши.

Мне показывают журналы мод.

Да, здесь это тоже есть, толстющие альманахи, и выпускаются они раз в полгода. Здесь мода консервативна.

Правда, на страницах такое творится, что попугаи отдыхают.

Перья, стразы, банты, оборки...

Киркоров был бы в восторге.

Я отмерзаю от лицезрения платья, в котором весь подол расшит здоровущими перьями (создается впечатление павлина-извращенца) и мотаю головой.

— Эмма Францевна, скажите... это — мода?

Видимо, ужас в моем голосе звучит не наигранный, дама смягчается.

— Это последняя французская мода, ваша светлость.

Меня явственно передергивает.

— Эмма Францевна, а чего-то... попримечнее — нет? Я согласна на немодное, но этот ужас можно только на поле выставить. Чтобы тебе вороны за прошлый год урожай вернули.

Немудреная шуточка заставляет модистку улыбнуться краешком губ.

— Пожалуй, ваша светлость, мы можем посмотреть другие альманахи?

— Да, пожалуйста... и без перьев.

Нужный фасон находится в третьем по счету каталоге.

Аккуратное платье бледно-голубого цвета, с вырезом по линии ключиц. Стилль близок к 'ампиру', чуть пониже груди, чтобы талия подчеркивалась, протянута темно-синяя лента, юбка падает гладкими складками тяжелой ткани. Никакой пышности, может, еще и немного попу нивелирует.

Ни единой рюшечки, ни бантика, ни оборки.

Отделка той же самой лентой по подолу и рукавам три четверти.

— Сюда нужны будут драгоценности. Полагаю, жемчуг, — Эмма Францевна серьезно смотрит на меня. 'Ваша светлость' уже не добавляет, аккуратно опустила в процессе, понимая, что клиент стерпит.

А может, тут так и принято.

Я развожу руками.

— Драгоценностями будет распоряжаться мой отец. Эмма Францевна, скажите, а с кем вы должны согласовать фасон платья?

Модистка смотрит на меня раздумчиво. Видимо, что-то сопоставляет и кивает.

— Ваша светлость, я полагаю, что тот, кто оплачивает счета. То есть — ваш отец.

— Дело в том, что моя мачеха бывает... излишне импульсивной.

Я подчеркиваю слово 'мачеха' голосом так, что не догадаться сложно. Эмма Францевна задумчиво кивает.

— Полагаю, ваша светлость, что вы выбрали вот это платье?

Палец с отточенным ногтем указывает на монстра в рюшечках. Надень я такое, и стану похожа на танк. В оборочках, ага. Талия мигом исчезнет, а оборки отлично утяжелят и грудь, и попу.

— Но мой отец утвердил другой вариант, не так ли?

Мы смотрим друг другу в глаза. Эмма Францевна медленно кивает.

Да, сложное положение.

Наверняка, моя мачеха, то есть мой отец, у нее состоятельный клиент. Но и госпожа Демидова тоже будет не хвост кошачий? Если б я не понимала, что меня изуродуют, можно было бы и покрутиться. А сейчас ищи подходы. И одну клиентку не упустить, и вторую, потенциальную, не обидеть.

Я улыбаюсь.

— Эмма Францевна, поверьте, я не забуду вашей доброты.

Пока больше я ничем отплатить не могу. И — нет.

Я вам не прогрессор и на халяву идеи дарить не собираюсь. Хотя и могла бы. Кое-какие представления о моде у меня есть, но я пока помолчу.

Посмотрим, как оно дальше сложится.

Платье с запАхом, контрастные вставки по бокам, да мало ли что можно выдумать? Одна юбка-рыбий-хвост чего стоит?

Хотя последнюю лучше подарить врагу.

— Выбранное мной платье не будет слишком... деревенским?

— Нет, ваша светлость. Многое зависит от ткани...

— Атлас?

— Только не для вас, — так решительно отвергает мою идею Эмма Францевна, что я успокаиваюсь. Это верно, блестящие ткани не с моими объемами. Я зрительно покажусь в два раза крупнее. — Шелк, может быть, муслин... я подумаю над этим вопросом. Складки должны лечь красиво.

— Благодарю вас за помощь и понимание.

— Не стоит благодарности, ваша светлость.

— Искренне надеюсь увидиться с вами в следующий раз в менее... формальной обстановке.

— Я тоже, ваша светлость.

Мы церемонно прощаемся, и модистка уходит.

Я понимаю, что вежливые фразы сами слетают с моего языка. Стоит чуть расслабиться...

Какие-то осколки? Знания, умения, навыки?

Интересно, а вышивать крестиком я не могу? Или на пианино играть?

Задумчиво смотрю на свои руки.

Нет, вряд ли. В той жизни не умела, а тут механикой не

обойдешься. Поневоле думать начнешь и собьешься. Как сороконожка, которую спросили, с какой ноги она ходить начинает.

И насекомое зависло. Намертво.

Я могу зависнуть точно так же. Эх, тяжела ты, жизнь попаданца. И не зря первые два слога так напоминают об определенной части тела.

Умные люди называли. Факт.

Ночью я опять иду 'на дело'. Не выдерживаю уже в палате.

Тело слушается, хотя до гибкости пантеры и грации кошки мне еще далеко, но ходить я могу. И стены не сшибаю.

Медсестричка в этот раз спит. Для разнообразия.

Что ж, бывает.

Я прохожу по коридору. Из палаты в самом конце доносится тихий стон.

— Нет!

Это мне знакомо.

Так стонет во сне человек, которого мучают кошмары. Кому-то сейчас очень плохо и больно.

Что ж. Даже если я попадусь, все равно иначе не поступлю.

Я открываю дверь и захожу внутрь.

Палата похожа на мою, тоже на одного человека, который сейчас во власти кошмара мечется по кровати.

— Нет, Лина, нет...

Подхожу со стороны изголовья, кладу руку на плечо мужчины и чуть сжимаю пальцы.

— Это сон. Только сон.

А я умная.

Наверное...

Потому что просыпается человек одним движением, и кинжал в его руке блестит вполне серьезно. Стой я сбоку от кровати, могла бы и получить удар. Но бить себе за голову технически неудобно.

— Вы в порядке, сударь?

Кинжал медленно возвращается обратно. Я выхожу из тени и встаю

перед кроватью. Мужчина смущается.

— Простите, сударыня.

Я не поправляю, хотя аристократка. Сударь — обращение к простонародью. Но если человек не знает?

— Все в порядке. Вам просто приснился кошмар. Я шла мимо и решила разбудить вас.

— Благодарю вас, сударыня.

Человек садится на кровати так, что его лицо попадает в полосу лунного света.

М-да.

Это мужчина, лет шестидесяти, может, чуть больше. Лицо у него очень резкое, выразительное даже. Жесткие носогубные складки, морщины, глубоко посаженные острые глаза, высокий лоб, подбородок, похожий на коровье копыто, раздвоенный такой...

Потрепала человека жизнь, сразу видно.

— Вы в порядке?

— Вы уже хотите уйти, сударыня?

Я пожимаю плечами.

— Не хотелось бы встретиться с медперсоналом.

— У медперсонала в этом отделении отличный крепкий сон. И замечательная память — они мигом все забывают, — усмехается мужчина. — Вам тоже не спится по ночам?

Я качаю головой.

— Вы еще слишком молоды, чтобы нажить горькие воспоминания.

— Покалечить душу можно в любом возрасте.

На меня впервые смотрят с интересом.

— Странные суждения для молоденькой девушки?

— Могу поступить, как положено и помчаться по коридору с воплем: 'помогите, насилуют'? — предлагаю я.

Мужчина улыбается.

— Помогают?

— Ну тут кому как повезет, — я пожимаю плечами. — И не всегда насильнику.

Истинная правда.

Моя подруга как-то эксгибициониста по парку гоняла. А думать надо, перед кем раздеваешься... нет! Она его не била. Она ему предложила семью и брак. Заверещала от радости, попробовала

броситься на шею, сказала, что уже четыре года в разводе, что без мужика в доме сложно... бежал бедолага далеко и быстро.

Очень далеко и очень быстро.

Мужчина улыбается.

— Составьте мне компанию, милая барышня. Прошу вас...

Я пристально смотрю ему в глаза, и понимаю. Ему не хочется сейчас оставаться одному.

Да, вот и так бывает после кошмаров. Выкурить сигарету, выпить вина, может быть, поговорить с кем-то посторонним, или просто посидеть на кухне, чтобы отпустило, чтобы перестало мучить, хоть чуть приразжало свои когти...

Вот и портсигар на тумбочке...

— Возможно, нам стоит выйти из палаты? Полуночничать можно и на лестнице, а вы явно не откажетесь от папиросы? — предлагаю я.

Взгляд становится еще более заинтересованным.

— Вы курите, барышня?

— Нет. Как говорил мой дед, целовать курящую девушку — это все равно, что облизывать пепельницу.

Дед и правда так говорил. А еще мог по заднице хворостиной дать, так что у нас в семье не курил никто. Знаете, как бывают доходчивы березовые розги?

Просто лучше любых собеседований и психологов. Но не мешать же человеку травиться?

Мужчина переводит взгляд на портсигар, на меня... желание закурить побеждает.

— Вас не смутит табачный дым?

— Я отвернусь, а вы вставайте, — улыбнулась я.

Я-то была одета вполне прилично даже по меркам этого времени. Ночная рубашка до пола, халат, в который можно трех меня увернуть, сверху еще шаль, а вот мужчина явно лежал в одном нижнем белье. Ему будет неудобно.

Так что я честно смотрела в окно следующие пять минут, пока не почувствовала легкое прикосновение к плечу.

— Идемте, барышня.

Мы проскальзываем по отделению, словно две тени, и выходим на улицу.

Здесь в этом отношении удобнее, из каждого отделения есть свой

автономный выход. Не запирается.

Территорию больницы охраняют, а тут... мало ли что?

Пожар случись, потоп... людей спасать надо! Больные же, не все могут сами двигаться.

На улице прохладно и уютно, звезды подмигивают нам с небосвода. Мужчина щелкает портсигаром, достает странную сигаретку, умело поджигает от интересного предмета, вроде зажигалки, но без огонька, просто с угольком внутри, и затягивается.

Пальцы у него постепенно перестают дрожать.

Я молча стою рядом.

Есть моменты, когда слова не нужны. Так что я жду две сигареты. Потом мужчина улыбается.

— Благодарю вас.

Я пожимаю плечами.

— Не стоит благодарности.

— Мое имя — Андрей Васильевич. Истоков Андрей Васильевич.

Фамилию он как-то странно выделяет. Ага, если б мне это о чем-то сказало...

— Княжна Мария Ивановна Горская.

— Хм... ваша светлость? Прошу простить меня за неподобающее поведение.

Я демонстративно погрузилась.

— А так хорошо все начиналось.

В серых глазах блестят веселые искорки.

— Я правильно понимаю, вы обо мне не слышали, княжна?

— Нет. А чем вы знамениты, господин Истоков?

— Это долгая история, — старику явно хотелось поговорить. Я сложила ручки и посмотрела взглядом шрекокисы. Это сработало.

Мужчина улыбнулся и заговорил.

Мой визави оказался офицером жандармского корпуса. Ротмистром.

Ну, я и предполагала, что здесь не из простых людей люди лежат. А почему он удивляется, что я о нем не слышала?

Ах, вот оно что!

Хреново, господа. И даже более, чем хреново.

Жандарму хотелось поговорить, мне послушать, так что наши цели совпали. И я узнала, что в империи есть и те, кто недовольны ее строем.

А чего тут власть распоряжается?

Отнять и поделить! И власть — народу, то есть его достойным представителям.

Список представителей прилагается.

Вот, за такими умниками тут и охотятся жандармы.

В принципе, ничего удивительного в этом нет, Англия страдала от фениев, иудеи — от сикариев, персюки от ассасинов... просто везде их давили, как клопов, а вот Россия показала плохой пример.

А именно, что таким образом все же можно добиться своей цели.

Это — в моем мире.

В этом мире пока не показала, но стараются все. К примеру, Андрей Васильевич получил штук двенадцать смертных приговоров.

— Устных — или письменных? — поинтересовалась я.

— Увы, устных.

— Жаль. Какая могла бы получиться галерея...

— И где бы вы советовали ее размещать?

— Разумеется, на двери уборной. Где еще так приятно почитать статьи?

Андрей Васильевич рассмеялся.

— Вы совершенно нетипичная княжна, Мария Ивановна.

Я погрустнела.

— Увы, судьба моя будет совершенно типичной. Брак и золотая клетка.

— Ну, кое-что вы предприняли, чтобы из нее выбраться, не так ли?

— Но пошла по неудачному пути. Как и ваши клиенты.

Мужчина рассмеялся.

— Все настолько плохо?

Я пожала плечами.

— Может быть, я смогу договориться с господином Демидовым. А может быть и нет...

— Я бы помог вам. Но... я здесь не просто так.

— Вы больны?

— Я умираю.

Сказано было так просто, что сомневаться не приходилось.

— Вы не выглядите умирающим, — честно призналась я.

— Я провожу много времени под лечилками, это дает мне возможность не кричать от боли. Покушение, знаете ли...

Не знала.

Но — выслушала.

Оказывается, не так давно было очередное покушение на императора. Ротмистр его сумел предотвратить, но в последний момент. Вот и схлопотал все то, что предназначалось адресату.

А именно — заклинание школы огня.

— Можно с этого места подробнее?

Можно.

Как известно, наш организм состоит из воды. Но магические бомбы...

Короче, у моего собеседника многочисленные внутренние повреждения. Половину медицинских терминов я просто не поняла, вторую мне объяснять не стали, но вопрос стоял так.

Мужчину прислали сюда умирать.

Наградили, да, помогли семье, но ему уже не поможет ничего.

Может быть, месяц. А может, и месяца у него нет.

Почему была такая реакция? Да потому, что месяц назад об этом все газеты писали, журналы... туалетная бумага молчала. А все остальное извращалось в меру сил.

И теперь мужчине было жутко интересно, почему я ни о чем не знаю. Сидит этот жандарм, смотрит на меня внимательными глазами, и соврать как-то не получается.

Ну и не будем.

— Андрей Васильевич, вот смеяться будете — я вообще ничего не помню.

— Не буду. Но как такое получилось?

— Если я правильно поняла, я пыталась сбежать из дома. Достала какой-то магический артефакт, рвануло так, что меня едва спасли, но память отсекло начисто.

— А ваши родные об этом знают?

— Мне не захотелось об этом рассказывать. С первого взгляда.

Андрей Васильевич покивал. Задумчиво так.

— Получается, тебе...

— Да, мне три дня. Фактически, вы беседуете с новорожденным младенцем.

Выразительный взгляд остановился на груди. Не похотливый, просто насмешливый.

— Крупный ребеночек получился.

— Не вижу повода жаловаться. Могло и вообще оторвать, с моим-то везением.

Согласный кивок мне стал ответом.

— Тебе плохо придется, девочка.

— Уже приходится. Но это не повод повторять попытку самоубийства.

— Тоже верно. А давай я тебе кое-что расскажу. И... приходи следующей ночью. Когда тебя должны выписать?

— Через неделю, плюс-минус пара дней.

— Неделя. Это хорошо, время у нас еще есть.

— Его слишком мало.

— Значит, не стоит его транжирить по пустякам. Что ты хочешь услышать в первую очередь?

— А что на уме у девушек? Любовь, конечно.

— К господину Демидову?

— К себе, любимой. А вот стоит ли ее тратить на этого господина? Не верю, что вы о нем ничего не знаете.

— Правильно делаешь, был он у нас в разработке.

— Мне казалось, кто в поле зрения попал, тот навсегда... попал?

— Верно. Откуда тебе это известно?

Я развела руками.

— Я мало знаю об этом мире, но я ведь не полная дура? Наверное?

— Пока не похоже. Ладно, слушай.

Слушала я внимательно.

Демидов, Сергей Владимирович. Потомок рода Демидовых.

История рода? Пожалуйста...

Пращур рода Демидовых, некто Игнат, оказался удачливым золотодобытчиком. Нашел золотые россыпи, сдал государству, получил право на разработку. Но не просто так, львиную долю (девятьюстами процентов) добычи он должен был отдавать государству.

Сколько там прилипло к рукам?

Да кто ж его знает, много, наверное.

Потом поставил заводы по добыче железа, стал работать по госконтрактам, успешно. Состояние сколотил.

Но!

Магом он не был. Сыновья его отрывались кто во что горазд.

Двое строили заводы и фабрики, еще один кутил напропалую, с тем в истории и остался, последний вообще был зоологом и ботаником.

Меценаты, купцы, торговцы, но вот, как проклятие какое.

Не маги.

Что-то такое у них в крови, что ли, было, что не давало рождаться магам?

Дворяне, да. И любой юрт их примет, и рады будут, с такими-то деньгами, но чтобы подняться на вершину власти нужна еще и магия. Хоть крошка способностей.

А ее нет.

— А у меня есть, — кивнула я. — Вот откуда любовь растет?

— У всех жен была. Магичка огня, воды, воздуха...

— И так рано померли?

Ответом мне был выразительный взгляд.

— Померли. Думаю, ваш отец не в курсе, но померли в родах.

— Все трое?!

Ежь твою рожь! Статистика!

— Первая при третьих родах, вторая при четвертых, третья при вторых.

— А дети?

— Тоже погибали. Кто в родах, с матерями, кто позже.

Захотелось изобразить классический 'рука-лицо'. Ну, папашшшша!

Ладно, я не знаю. Но ты?

Да обязан был знать, скотина такая! Князь хренов!

— Интересно, за сколько меня продали?

— Дорого. Завод медеплавильный да два рудника впридачу.

Все равно козел.

— Мне надо чувствовать себя польщенной?

— За других дают дешевле.

А все равно неутешительно.

Глава 3

Дом, милый дом.

Следующей ночью мы с ротмистром увидеться не смогли. Ради разнообразия, на посту сидела бдительная медсестра, которая так на меня посмотрела, когда я заикнулась о свежем воздухе...

Пришлось ретироваться во избежание уколов и записей в личном деле.

Или лечебном?

А, неважно.

Зато день прошел интересно.

Я опять смотрела на то, как идет восстановление. И ощущения у меня были...

Как магия выглядит со стороны?

Маноисточник в центре, в районе солнечного сплетения. То есть их три. Может, больше, но больше я не вижу. А вот район сердца, солнечного сплетения и, простите, матки, видны просто отлично. Этакie теплые звездочки. Почему-то черные.

Может, потому что земля черная? И мое воображение так это все интерпретирует? Но звездочки видны совершенно отчетливо, они пульсируют в такт моему сердцу, они движутся... забавно со стороны смотрится, словно на тебе три осьминожки сидят.

Причем, видно их не впрямую, а знаете, как раньше нечисть распознавали. Смотришь не глаза в глаза, а словно бы рядом...

Что-то я читала о тех же чакрах... ежь твою рожь! Да знала бы — до попадания сюда всю литературу освоила про магию! Ан нет!

Подруга что-то притаскивала, я листала и выкидывала. Или в деревню отвозила. Для местного употребления. Да, в том самом месте.

Ладно.

Примем за факт, что маноядро — это наименование активных и открытых чакр... кстати! Интересно, а какое из них расходуется быстрее?

Если то, что в паху, тогда все понятно с дамским бесплодием.

Вот представьте, прилепилось там нечто оплодотворенное. А тут перенапряг? Мать же не всегда сразу понимает, что она уже мать? А работу никто не отменял... чем магия в этом отношении отличается от укладки шпал?

Подозреваю, только красивым названием. А вымотаться можно и там, и тут.

Перенапряглась — выкидыш. Еще раз вляпалась — еще один. А организм в этом месте не железный. После какого-то числа дамских проблем, о материнстве можно и попросту забыть. Опять-таки в любом мире.

Может так быть и здесь?

Вполне, надо только у ротмистра спросить. Вдруг его ведомство этой проблемой занималось?

Пообедав, я опять сбегаяю в парк. Сиделка со мной в этот раз не идет, убедившись в моей благонадежности. Это хорошо.

Нет, сбежала бы я далеко и быстро, да вот беда — некуда.

А и будет куда — что я там делать буду? На жизнь жаловаться? Посуду мыть? Себя продавать по дешевке, если любитель найдется?

Есть у меня подозрение, что как-то так и будет.

А кстати, надо бы уточнить у ротмистра насчет магического поиска. Есть тут такое — или не есть? А то как бы меня кто не съесть...

В парке хорошо и спокойно. Я опять сижу у пруда, составляю список вопросов для следующей ночи, и вижу...

Ужик!

Совсем еще маленький, не больше годика. Или весна теплая... когда у нас там змеи просыпаются? На Благовещение? В апреле?

Да, где-то так. Варианты возможны, но чаще именно так и происходит.

Интересно, а я на Воландеморта тяну?

Вообще, логическая цепочка проста.

Маг земли — растения и животные — змеи — поговорить?

Прищуриваюсь на ужонка.

А ведь есть нечто интересное. Словно по траве ползет тонкая черная ниточка. Светящаяся. Искорка в голове, от нее словно канал по всему телу.

У него — так?

А своих каналов я не вижу. Они не проснулись — или как-то иначе организованы?

Серпентарго в голове не просыпается.

Но...

Пробую медленно протянуть вперед руку, благо, никого рядом нет.
— Иди сюда.

Смотрю на ужаика, вкладываю все желание пообщаться с малышом. Буквально транслирую доброжелательность, спокойствие, обещание не причинять вреда...

Уж тормозит.

И ей-ей, оборачивается!

Зрачки у него круглые, а вокруг черного солнышка тонкое золотое колечко.

Змейка смотрит на меня, я на нее. Я пробую передать свой интерес.

Ужик смотрит в ответ, спокойно и внимательно... и... воображение, что ли, разыгралось?

Я понимаю, что ему меньше года, что он перезимовал в уютной пещере рядом с озером, что сейчас ему хочется в воду...

Шкурка чешется. То есть чешуя...

И поохотиться хочется, он голодный.

Опасность? Да, опасность есть, есть люди.

Я понимаю, что это предел. Змеи невероятно умные в сказках, а в жизни...

Может, мне такой тормознутый змееныш попался?

Ладно, я его отпускаю, и змейка уползает к озеру.

А я приглядываюсь к себе.

А ведь и верно. Внизу живота пульсирует чуть сильнее, ежь твою рожь! У нас что — все через ЭТО место?

Вот они и выкидыши, стопроцентно. Можно даже не спрашивать. Если ты привык чесать нос правой рукой, ты и будешь его так чесать. Непроизвольно.

Если привык к магии, будешь ее использовать.

Ну и результат — выкидыш.

А нельзя это как-то нормализовать?

Угу, пришла тут, самая умная. Наверняка, первая за столько лет додумалась, правда?

Ладно! Поехидничаю я потом¹ Главное — я могу говорить со змеями! И даже не сильно устаю. Ладно, полноценным разговором это не назовешь. Но какой-то отклик я получила, остальное — дело практики.

А что?

Укушен гадюкой — замечательный диагноз! И я — молодая вдова. Вот и еще один вопрос для обсуждения с ротмистром.

В эту ночь нам удастся выбраться на улицу.

Андрей Васильевич знает отличную маленькую беседку, в которой нас не видно. Зато там есть деревянные скамейки, на одной из которых я и устраиваюсь, поджав под себя ноги. Так теплее. Вязаная шаль укрывает меня целиком, не хуже пухового одеяла.

— Как у вас дела, Мария?

— Готовлюсь к выписке. Андрей Васильевич, скажите, а маги земли могут управлять животными?

— Да. Достаточно редко, но могут, это явление было описано. И животными, и птицами...

— А людьми?

Ротмистр вздохнул.

— Мария, это должно остаться между нами. И... я бы не поделился, но я умираю, а вы остаетесь жить. И мне вас жалко. Это понятно?

— Мне дать клятву молчать?

— Нет. Обстоятельства могут сложиться по-разному, поэтому я надеюсь на ваше благоразумие. А клятвами не раскидывайтесь, особенно на крови.

Я кивнула.

— Так вот. Считается, что это невозможно.

— Считается?

— Очень редко, маги воды способны к манипуляции человеческим разумом.

— Воды?

— Человек — тоже вода.

— А земли?

— Нет.

Я вспоминаю, как пыталась пообщаться с ужиком.

— Странно.

— Зато по некоторым данным, именно маги земли способны управлять мертвыми.

— Фу! — честно отреагировала я. Вот, в роли некроманта я себя ни разу не видела.

— Тем не менее, это есть.

— А маги огня? Воздуха?

Ротмистр сидит некоторое время молча, потом машет рукой.

— Шли разговоры о том, что маги огня могут выжечь чужой дар. Начисто. А маги воздуха могут на время воспринять чужую силу, как свою. Воздух податлив и пластичен, он прогнется. Ненадолго, но обычно этого хватает для какого-то дела.

— Интересно, как у вас раскрываются преступления, совершенные с помощью магии?

Ответом мне стал удивленный взгляд собеседника.

— Никак. Их почти нет. Последнему уж лет пятьдесят, если не больше.

— Почему?

Мне становится интересно.

Человек — тварюшка достаточно вредная, и в попытках увеличить собственное благосостояние готов на многое. Даже на все.

Насмотрелась я в своем мире.

А тут?

Если тут есть маги — и всякие революционеры, террористы, анархисты... и вы мне таки хотите сказать, что все они ведут добропорядочный образ жизни? И никто из них не воспользовался своими способностями на благо партии родной?

И даже не помог 'окончательно выздороветь' любимому дядюшке?

Не верю!

НЕ ВЕРЮ!!!

Это я и изложила ротмистру, получив в ответ хитрую улыбку.

— Так-то да. Но не стоит забывать о главном.

— Не понимаю?

— Еще триста лет назад церковь объявила, что магия дана нам от Бога. И если кто применяет ее во вред, это четко происки дьявола. Божьим даром зло творить нельзя, в том числе заповеди с его помощью преступать, или начинаются весьма неприятные последствия. Отлучение, охота, обязательная казнь на площади... в таких случаях ни с кем не церемонятся.

— Даже с женщинами?

— Беременной могут дать родить. Как плод искупления. И ее ребенка воспитают при монастыре, а для нее конец все равно будет один.

— Невесело.

— Чем выше стоит персона, тем тщательнее будет расследование.

Взгляд был острым и внимательным. Я подняла руки, показывая, что намек понят. Не буду, не буду я кормить Демидова грибочками. И армию гадюк на него не спущу.

— Смерть должна быть обязательно освидетельствована батюшкой, — добил ротмистр. — Либо его вызывают для исповеди, либо, если он не успел, то ему надо соборовать усопшего, и тут-то выявляются следы любой волшбы.

М-да.

Церковная патанатомия.

Шикарно!

— Допустим, магия была направлена не на человека, а рядом?

— Есть случай, который описывается в учебниках. В некоторых заведениях. Человека на охоте загрыз волк. Волка нашли, исследовали... обнаружили магическое воздействие. То есть — его натравили. И размотали клубочек.

— А если бы волка убили?

— Магические следы сохраняются до трех суток.

Замечательно.

Я могу натравить на Демидова змею, потом открутить ей голову и закопать тушку на три дня. Поглубже.

Осталось все это проделать незаметно. Великолепные перспективы!

Может, еще эту змею съесть для верности?

— Добавлю, что животные, подверженные воздействию магии, потом легче откликаются на призыв другого мага той же специальности. Есть методики и наработки...

Спасибо, я уже поняла, что без обучения лучше в это не лезть.

Попробуем другие версии?

Поиск?

Маги воздуха достаточно легко могут найти человека. Есть такое, но необходим слепок ауры. К примеру, вещи, которые носил человек, его волосы, кровь... да много чего подойдет.

Может ли у меня быть другая аура? В связи с потерей памяти и шоком?

Да, вполне. Но как надолго?

И с отцом-то у нас все равно общая кровь остается, так что шансы найти меня — есть.

Хреново. И другого слова у меня нет.

Сбежать вряд ли удастся. Быстро овдоветь — тоже.

А как насчет подробностей про Демидовых? Один у нас выюнош Сереженька, или с родственничками? Есть ли, кому его похоронить, ежели что?

Есть, как не быть.

Из предыдущего поколения Демидовых живы двое. Дядя Сергея и его тетка.

Из Сережиного поколения — шестеро.

Из младшего — двое.

— Два ребенка у шести человек?

— Да, за последние тридцать лет на Демидовых словно мор напал. То одного не станет, то второго... а дети вообще не приживаются. Две дочери у старшей сестры Сергея, кстати, чуть постарше вас, обе. Одна года на три, вторая на год... Полина и Александра.

— Вы навели справки? Благодарю от всей души.

— Не стоит, княжна. Я мало чем могу помочь вам, слишком мало.

— Информация — бесценна.

— Приятно, что вы это понимаете.

Мне ли не понимать. Ребенку информационного века.

— Это тоже для вас.

Я касаюсь книги в простом переплете. Тяжеленькая...

— Что это?

— Государев родословец. Последнее издание.

Я открываю первую же страничку.

Князья Агеровы.

Оп-па!

Родословное древо, ныне здравствующие потомки.

Князья Адашевы...

То же самое.

— Переиздается раз в десять лет, уточняется, дополняется...

— Благодарю от всей души!

— Откройте на букву 'Д', княжна.

Я послушно зашелестела страницами. Книга явно не новая, читанная, ну и пусть! Важно не оформление, а информация.

Итак?

— Демидовы?

— Да.

Я смотрю на родословное древо Демидовых. И...

— Ежь твою рожь!

— Лучше и не скажешь. И ведь все на виду...

Мы с ротмистром видим одно и то же.

Основатель рода — одна штука. Дети — трое.

Внуки — восемь штук обоего пола.

Правнуки — уже девятнадцать.

Прапра — тридцать четыре, я не поленилась, сосчитала. Черт с ними, с именами, тут число интереснее.

Прапрапра должно, по идее, быть еще больше. Ан нет?

Всего двадцать два.

Седьмое поколение еще уменьшается, и там четырнадцать человек. Хотя должно быть иначе, они же замуж выходили, женились... даже если по одному ребенку на нос, все равно сохраняется рост прироста. А тут — наоборот, сокращение численности.

Восьмое поколение, девятое...

И везде уменьшение.

Умер, не замужем, умер, ушла в монастырь...

Дерево завершается весьма скудными веточками. Двое живых, шестеро живых, двое...

— Минутку? А вот эти — не Демидовы?

Такое тоже бывает. Усыновляют или удочеряют от первого брака.

— Но бесплодны. Посмотрите возраст, княжна.

Я киваю. Да, тут уже сложно размножаться, в полтинник-то... может, магия и справится, но что из ребенка потом получится? И сколько болячек у него будет?

— Интересно, что это такое? То есть — чем можно объяснить такой расклад? Это ведь неспроста?

— Похоже на действие проклятия.

— Есть такое?

— Схлопотать можно, — неопределенно ответил ротмистр. И о чем-то сильно задумался.

Я спорить не стала. Еще как можно, это и в нашем мире редкостью не было. Правда, что там чаще встречалось, проклятие — или глупость?

Кто ж его разберет...

— Можно я пока оставлю книгу себе? Почитать?

— Это подарок. Мне это уже не пригодится. А купить можно свободно.

Действительно, не самая роскошная бумага, переплет дешевенький, коленкоровый...

— Я бы хотела отплатить вам добром за добро.

Губ ротмистра касается слабая улыбка.

— Что ж. Кое-что вы можете для меня сделать... если у вас будет на то возможность и желание.

— Что именно?

— Я когда-то обидел человека. Очень давно.

Ротмистр молчит долго, но я не решаюсь его торопить. Бывает то, что о себе не вдругорядь расскажешь. Не всякому...

Даже так, на пороге смерти...

— Я был молод, лет девятнадцати. Искал радостей жизни, находил их... да, была девушка по имени Алина. Из небогатой, но достойной семьи. Но — без титула. Без магии, без всего... я не мог бы на ней жениться. Любил — да. Но не хотел портить карьеру... глупец!

С губ мужчины срывается горький смешок. Я беру его за руку и крепко сжимаю.

— Мне устроили перевод, подыскали выгодную невесту... я сказал об этом Алине. Она была беременна моим ребенком. Черт... это не тема для разговора с невинными девушками!

— Что она с собой сделала?

Не тема... была б тут хоть одна невинная девушка, тогда — да. А так...

Мало ли, что здесь меня не дефлорировали? Мозги-то у меня старше этого тела малым не в три раза! И опыта куда как побольше. Может, и больше, чем у ротмистра, но я его сексуальным просвещением заниматься не стану, вот еще не хватало.

— Она хотела избавиться от ребенка. И умерла.

Вот как сказать мужчине, что эта его трагедия тоже не нова в истории? Сильно он любил эту Алину...

— На похоронах ко мне подошел ее брат. Он отдал мне медальон с волосами Алины и сказал, что мстить мне не станет. Жизнь будет самой страшной моей карой... он оказался прав. Я мало что значу для моей семьи, меня не любят дети... я сам разрушил свою жизнь еще тогда.

Мне остается только вздохнуть.

Сволочь этот братец, а?

Не буду я тебя убивать, живи, жри себя сам... совесть — такая штука...

Кстати?

— Он вам ничего не присылал к памятным датам?

— Присылал. Фотографии Алины.

Прикусываю язык.

Вот ведь козел мстительный.

— Я прошу вас... если вы, Мария, окажетесь рядом от этого города, положить медальон в могилу Алины.

В мою ладонь опускается цепочка. Толстенная, витая.

Кругляшок теплый, его сжимали в руке, явно...

— Там...?

— Прядь моих волос. А со мной уйдет ее локон.

Я молча киваю.

Да, мне это будет несложно, как магу земли. Чего уж там...

— Город? И фамилия?

— Нажмите на рисунок на крышке... вдавили? Поверните влево.

Рисунок открывается, словно крышечка. Сам медальон не раскрывается, просто рисунок отходит в сторону.

— Алина Кальжетова. Березовский. Это город?

— Да. Кальжетовых там хорошо знали. Это город, где был открыт

первый золотой рудник, вряд ли вы его минуете...

Мне остается только кивнуть.

— Я сделаю все, чтобы выполнить это обещание.

— Спасибо, Мария.

С ротмистром мы виделись еще три раза.

Разговаривали, сидели в беседке... невооруженным взглядом я видела, что ему становится хуже. На глазах становилась серой и пористой кожа, редели и седели волосы, дрожали пальцы... человек просто разваливался.

Было безумно его жалко.

Но как он держался!

Ни слова жалобы, ни упреков, ни сетований на судьбу... единственный раз, за который он не мог себя простить — тот самый, с Алиной. Может, и смешно звучит, а мужчина себя всю жизнь казнил за ту юношескую глупость.

Я молчала, не высказывая своего мнения. По чужим-то болячкам все мы лекари. Поди, объясни человеку, что некоторые решения всегда принимает женщина. И ответ за них несет тоже женщина.

Вам, мужчинам, кажется, что это вы выбираете?

Нет, это вам дают такую иллюзию. Еще с райского сада с Евой в главной роли.

Как сделать так, чтобы Адам был с тобой счастлив? Да покажи ему обезьяну в качестве альтернативы!

Ладно.

Хочется ротмистру, чтобы я добралась до Березовского — я сделаю. И медальон положу, и попрощаюсь за него, и даже прощения попрошу.

Услугу он мне оказал поистине неоценимую. Я смогла более-менее ориентироваться в этом мире, узнала, что сколько стоит, как и к кому обращаться, сколько принято давать на чай и как одеваться, идя в гости, о некоторых потаенных течениях в столице и в провинции....

Много Андрей Васильевич рассказать мне не мог, нам физически

не хватало времени. Но и так...

Я чувствовала себя намного спокойнее.

Последний раз мы виделись накануне моей выписки. Мне о ней ничего не сказали, я сама в карточку заглянула.

Поговорили, посидели в беседке, погуляли у озера...

Самое главное, как всегда, осталось напоследок.

— Это вам, княжна.

— Что это?

Это — всего два ключика. Один похож на золотой ключик Буратино, второй намного проще и грубее.

— Это ключ от ячейки в банке, — да, здесь есть и банки, где их нет? — На предъявителя. Много я туда положить не могу, но на черный день...

— Я не смогу вам за это ничем отплатить.

— А мне ничего и не надо. Уже. Второй ключ — дом госпожи Борисовой, нумера известные, любой извозчик знает. Туда частенько люди ездят по разным надобностям. Мы с ней... у нас свои расчеты. Но если вы к ней придете и покажете ключик, комнату на пару дней она вам найдет, хоть и не бесплатно. А молчать Анна Витольдовна умеет.

Что мне оставалось делать?

Молча обнять ротмистра и поцеловать в щеку.

— Спасибо... вы сделали для меня больше, чем отец.

— Я мечтал бы о такой дочери.

А я мечтала бы о таком отце. Но судьба бывает жестока...

Мне оставалось только еще раз коснуться губами впалой щеки, прижаться на миг и ощутить запах табака и хорошего одеколona.

Кто бы мне объяснил, почему самые классные мужчины, которых ты встречаешь в жизни, всегда заняты? И иногда — леди Смертью?

Ключики я повесила на шею, к медальону. Много мне ротмистр дать не мог, я это понимала. Но — шанс.

Мы разговаривали за это время и о магическом поиске, и о его радиусе...

Ах, как же мало я знаю!

Как мне не хватает настоящего учителя. А чего еще мне не хватает?

Цели в жизни.

Ах, уважаемый Омар Хайям, как вы точно подметили это в своих стихах. Как хочется напиться, когда не понимаешь, для чего ты живешь!

Для чего я здесь?

Есть ли у меня какая-то цель, какое-то предназначение? Кто-то появляется, чтобы учиться, кто-то исправляет карму, кому-то даже думать некогда — драпать надо, чтобы не сожрали, а мне-то как быть? Выйти замуж, размножиться и прожить жизнь в тихом углу?

Хотя кто его знает, что будет лучше для мира? Я точно не отвечу. И свою-то жизнь...

Ладно! Я ее не загубила, не спилась, не села на иглу, не... да много чего — не. Но ведь и следа, считай, не оставила?

Хотя...

Дед говорил так.

Мы должны прожить жизнь так, чтобы предкам не было больно, а потомкам — стыдно. Может, взять его слова за чуткое руководство?

Попробовать мне никто не мешал.

Выписка.

Как много в этом слове...

Мне предложили легкое платье палевого цвета, такую же шляпку, перчатки, дополнили ансамбль ботинки на пуговицах и сумочка в тон платью. Я заплела косу-колосок и почувствовала себя намного лучше.

Уже не безликая больничная единица, уже личность.

Улыбка, пощипать себя за щеки, покусать губы — и вперед. Краска тут приличным женщинам, кстати, не полагается. Если у дамы на лице есть косметика, значит, это либо официальный прием (там — можно) либо это дама легкого поведения. Интересная градация, правда?

Естественно, никто из родственников за мной не приехал, только слуга. Пожилой, недовольный и надутый. Выглядел он так, словно я у него на глазах занималась чем-то крайне неприличным, то ли каннибализмом, то ли онанизмом, так сразу и не ответишь.

Меня подвели к карете.

Автомобили здесь пока еще были достаточно редкими, да и не нашли большого распространения. А потому — карета, запряженная парой симпатичных лошадок, и кучер, который дружески улыбнулся

мне. На улыбку я ответила улыбкой, но когда слуга попробовал влезть в карету вслед за мной, подняла брови и стукнула его сумочкой по плечу.

— Ты что себе позволяешь, любезнейший?

Слуга остановился.

Неожиданно? А я сейчас еще добавлю.

— Я — княжна, а ты кто таков будешь, чтобы со мной в карете ехать?

Маленькие темные глазки блеснули злостью.

— Батюшка ваш приказал сопровождать...

— Запятки к твоим услугам. Или я лично доложу батюшке, что ты накануне свадьбы меня опорочить пытался.

— К-как?

У слуги форменным образом отвисла челюсть.

Я улыбнулась гадючьей улыбочкой.

— Ты считаешь, что мужчина, в карете с незамужней девушкой — это нормально? Вынуждена не согласиться... вон пошел!

Последние два слова я выделила интонацией. Лакей отшатнулся и поглядел на меня злобными взглядом.

Кучер, который наблюдал за всей этой сценой, одобрительно хмыкнул, кажется, ему все понравилось. А так тебя...

Не стерва я. Ладно, пусть стерва, но здесь сословное общество. Начни я допускать вольности, меня первую и не поймут.

Господину свое место, слуге свое. Точка. Андрей Васильевич это четко объяснил. Просвещал меня по основным правилам поведения, ну и выплыло. В карете, тет-а-тет я могу ехать с мужем. С сыном. С каким-либо родственником, лучше, не дальше второго колена. После брака допускаются еще и родственники мужа. А вот посторонние мужчины, будь там хоть кто, уже должны ехать отдельно. И для слуг исключений нет.

Дверца кареты закрылась, и я отправилась домой.

Стоит ли отмечать, что и кроме слуг меня никто дома не встречал?

Слуги ко мне были настроены не слишком доброжелательно. Оно и

понятно, народ такой — всегда будут на стороне кормящей их руки.

Преданность?

Благородство?

Исключительно в пьесах Мольера. Край — в исторических фильмах. Да и за что им быть мне преданными? За факт моего существования? Вот радость-то!

Дать я им ничего не могу, как вела себя княжна Мария примерно представляю — как кошка в западне, кому ж охота связываться? Конечно, все были на стороне отца и мачехи. А я тут так, не пришей кобыле хвост.

Так что я бросила сумочку на столик и поманила пальцем ближайшего холуя.

— У меня голова кружится, проводи меня в мои комнаты.

Холуй подошел, оглянулся на моего 'сопровождающего'. Ага, после поездки на запятках, на нем живого места не было. Ночью как раз дождь прошел, луж на улице хватало.

Прикасаюсь даже пальцем к этому мега-поросенку никому не захочется. Так что мне предоставили руку, я оперлась на нее, изображая немочь бледную, и позволила себя отвести.

А там...

Пять комнат.

Пять!

Ежь твою рожь, зачем мне столько?

Осмотр позволил выделить гардеробную, спальню, гостиную, кабинет и нечто вроде будуара. Санузел совмещенный прилагается к спальне. Неплохо. Хотя обстановка — повеситься тянет. Ощущение, что живешь в розовом яйце с оборочками. Жуть жуткая.

Марии, наверное, нравилось. Мне же...

Мне было все равно. Долго я здесь не задержусь, а значит, и переживать нет смысла.

Попробовать поговорить с отцом?

Хотя бы.

А вот и звонок для прислуги. Я потянула за хвост с кисточкой, и минут через десять дождалась не особо умного вида служанку, которая присела в чем-то вроде реверанса.

— Что изволите, ваша светлость?

— Мой батюшка дома?

— Да... в кабинете.

— Один?

— Да, ваша светлость.

— Проводи меня.

Служанка поклонилась — и пошла чуть впереди и сбоку.

Кабинет отца был в другом крыле. Пришлось идти через весь дом... да, не привыкла я к такому. В таких домах только музеи устраивать.

Мраморные полы, тяжелые шторы, колонны, картины...

Красиво?

Безусловно! И кричит не только о богатстве, нет. Еще и родословная, которая у Горских длиннее, чем у китайских хохлатых. Лет пятьсот мы насчитываем... мы, они — какая разница?

Я теперь тоже Горская, а вот надолго ли? Игра масть покажет.

Вот и тяжелая дубовая дверь. Служанка постучала и доложила.

— Ее светлость, к вашей светлости... разрешите?

— Пусти...

Я кивнула служанке, мол, благодарю, и спокойно вошла в кабинет.

Да, начальство во все времена одинаково. Огромный письменный стол, заваленный бумагами, диван, пара кресел, шкафы, за столом — мой папенька.

— Ты? Кто позволил?

Он что — жену ожидал?

Недолго думая, я прошла в кабинет подальше и села в одно из кресел.

— Не знала, что мне нужно специальное разрешение, дабы повидать родного отца.

Поддействовало ненадолго. Папенька на минуту смутился, но если сейчас его не притормозить чем-то новым, он разорется. Стопроцентно.

Не любят такие, когда их на место ставят.

По счастью, у меня был хороший рычаг..

— Вы продешевили, отец.

— Что?

Этой постановки вопроса князь точно не ожидал. Слез, соплей, криков — безусловно. Но вот такого заявления?

— Вы продешевили, соглашаясь на предложение Демидова.

— Вот как? И с чего ты так решила? Мне кажется, что он еще и переплатил, — не удержался мой отец.

В этом месте мне бы полагалось взвыть что-то патетическое, вроде: 'Как вы можете так низко ценить родную дочь!!!' и удрать, размазывая слезы. Увы...

Последний раз я плакала, оказавшись в мексиканском ресторане. Знаете, какой острый соус они делают?

Не знаете?

Повезло.

— Отнюдь. У вас есть Государев родословец?

— На полке посмотри.

Да, эта книга была не чета ротмистровой. Но Демидовы и в ней нашлись, и свои соображения я изложила.

Князь посмотрел на меня нечитаемым взглядом.

— И что ты предлагаешь?

— Поторговаться, — пожала я плечами. — Вы знаете, за что ценятся магини земли.

Князь знал. Благодаря ротмистру знала и я.

Земля же.

Плодородие по определению.

Магия земли была намного больше свойственна для мужчин, есть такое. Но женщина... Магиня земли могла выносить потомство даже от безнадежного бесплодного. Даже с проклятием.

Даже...

Вот в принципе — от кого бы я не залетела, у меня будет здоровый ребенок, многочисленное потомство и прекрасное здоровье как во время беременности, так и после.

Князь погладил подбородок и посмотрел на меня.

— Что тебе с этого?

— Личная выгода, — улыбнулась я. — Исключительно она.

— Какая же?

Ну да, меня в сделку включали, как товар. А у колбасы не может быть своего мнения о потребителе.

— Если я рожу ребенка господину Демидову, то хочу, чтобы на его счет была положена определенная сумма денег. Равно как и на мой, личный. Господин Демидов уже немолод, да и проклятие, если оно есть, постарается не оставить ему шансов. Не хочу зависеть от его родни.

— Насколько крупной должна быть эта сумма?

— Тут я во всем полагаюсь на вас, батюшка. Возможно, мне придется вернуться с ребенком под родительский кров? Случись что? Или — не придется?

Щелчки шестеренок в голове князя было слышно без фонендоскопа. Перед ним вырисовывались интересные перспективы.

И пока помолвка не заключена...

— Я подумаю над этим. Иди, Мария. Был через два дня, тебе надо готовиться.

Я встала, присела в полупоклоне и послушно вышла.

И только за дверью позволила себе перевести дух.

О, великий Мольер, да святится твое имя во всех мирах!

Кто время выиграл — все выиграл, в итоге! Вам нужно без конца выдумывать предлоги... то выла на луну соседская собака... ну словом, мало ли препятствий есть для брака? *

*- Мольер, Тартюф. Прим. авт.

Пусть поторгуются, пусть потянут время. А я постараюсь что-то сделать.

Сейчас я уже не боялась этого мира.

Сбежать?

А хоть бы и так! По крайней мере, проживу свою жизнь так, как мне захочется.

Жаль, с Андреем Васильевичем не попрощалась. Но он все понял. И вышел в коридор, когда я уходила.

Взглядов нам было более, чем достаточно.

Мы уже никогда не увидимся. Но и не забудем друг друга. И может быть, своего первого ребенка я назову Андреем. И расскажу ему о хорошем человеке.

Смогу ли я побывать на его могиле?

Грусть так и не проходила, и чтобы не трепать себе нервы тоской, я занялась разборками. Хотела запереться, но ни на одной моей комнате задвижек не было, только на ванной и на уборной. Каково?

Все я понимаю, но вряд ли молоденькой девушке нравилось, что в любую минуту к ней могут вломиться. Никакой приватности, никакого уединения... это плохо. Пришлось подпереть дверь стулом.

Сразу не своротят, а там я еще парочку поставила. Пусть развлекаются и стучать учатся. А я пока подумаю о важном.

Вот ни разу не поверю, что княжна не вела дневник. А если что-то есть, надо найти.

Где она могла его прятать?

Хм-м... вопрос.

И я принялась перекапывать спальню с пола до потолка. Потом подумала — и подключила мозг.

Спальня — это хорошо. Но ведь доступ-то у всех, заходи, кто хочешь. А если ванная?

Там можно закрыться, там можно побыть наедине с собой, там тебя не потревожат без твоего разрешения... Есть ли там, где спрятать дневник?

Я переместилась в нужную комнату.

Ванная представляла собой роскошный мраморный бассейн, утопленный в пол. До водопровода тут уже дошли, это хорошо.

Что есть еще?

Роскошное трюмо, перед которым три могут сидеть, причесываться.

Куча банок-склянок-бутылок.

Удобный стул.

Шкафчик со всякими халатами.

Унитаз в форме тюльпана.

И даже растение в большой кадке. Пальма, что ли?

На нее я свое внимание и обратила. Покрутила горшок так и сяк, поводила по нему руками... нет.

Трюмо — в последнюю очередь. Прощупать стул — нормальный.

Трюмо?

Ага!

И здесь горничные лентяят, это закон жизни. За зеркалом и была спрятана тетрадка. И судя по количеству пыли, тайник был надежным.

Я сунула тетрадь в карман юбки и покинула ванную.
Почитаем.

Кто бы сомневался, что спокойно мне почитать не дали. Толкнули дверь один раз, второй...

Я поспешила удалиться обратно.

Кто бы там ни ломился, я занята. У меня было важное дело... а что — подождать и постучать нельзя?

Грохот заставил меня выскочить обратно.

На полу лежал лакей, пропахавший носом добрых полметра. И нос разбил... кровь капает. Пожалеть его?

Вот еще не хватало.

Я открыла рот и завизжала на весь дом. Не уважаете? Так бояться начнете!

Через десять минут у меня в комнате было шумно илюдно.

Лакея увели, а меня успокаивали всем миром, заявляя, что человек ничего дурного не хотел.

Я не верила и рыдала в голос.

Как же!

Меня тут напугали, вломились ко мне... а вдруг он чего дурного хотел? Стучаться надо!

Конец концерта ознаменовало появление мачехи.

— Что тут происходит?

Я рыдать не перестала. Но окружающих осматривала.

В основном, все смотрели на мачеху этак по-собачьи, предано и мило. Но парочка человек была и поадекватнее, я потом с ними поговорю.

Шум-гам стих, и я этим воспользовалась.

— Оставьте нас с маменькой, — подала я голос. — Я все объясню сама.

Слуги ринулись вон. Понять их можно, при драке двух кошек лучше не лезть. Раздерут.

А кто тут прав, кто виноват... господское это дело, не их. Точка.

— Опять ты концерты устраиваешь? — поморщилась мачеха.

Я смерила ее насмешливым взглядом.

— Маменька, вам хочется, чтобы я тут навеки жить осталась?

— Что?!

— А как это понять? Вы раз за разом портите мне репутацию. То один хам в карету лезет, то второй в спальню... не бойтесь, что господин Демидов от потасканного товара откажется?

— Не откажется, — прошипела мачеха.

Я улыбнулась.

Ну, что-то такое я и предполагала, это облезлая шкура знает больше, чем говорит. Но скажет ли?

— А цену снизить может. Вам деньги не нужны?

Деньги явно были нужны.

— Слишком много ты о себе возомнила, Маша...

Прозвучало так, что мне бы стоило испугаться. Увы... не тот типаж. Не видела она нашего шефа перед сдачей квартального отчета, вот где ужас-то был! Там бы и Чужой с Хищником попрятались. А какая-то тетка, пусть даже она может мне нагадить...

— А магички земли вообще товар дорогой. Я удивлена, что отец так продешевил.

— Ты это о чем?

Во взгляде появилось нечто...

Деньги.

Самое волшебное заклинание всех миров и времен. Скажешь человеку о его выгоде — и он готов на многое, если не на все. Я развела руками.

— А папенька вам не объяснил? Тогда простите. Не могу...

— Я с ним сама поговорю.

Прозвучало достаточно угрожающе. Я пожала плечами.

— Поговорите для начала со слугами. А то вконец распустились, папенька это точно не одобрит. Это ж надо, к княжне, как в кабак ломиться!

Маменька грохнула дверью.

Я пожалала плечами и решила почитать дневничок. И так, Маша, радость наша...

Чтение продвигалось небыстро.

Маша придерживалась мнения, что писать надо красиво, вычурно и с завитушками. Еще и на полях рисовала.

Хорошо, что смесь французского с нижегородским тут была не в моде, а то словарь бы понадобился, но и так...

Моя предшественница, как оказалось, была совершенно несчастным существом. Из категории тоскующих-страдающих-горюющих-рыдающих.

Есть такие. Ипохондрики, и даже хуже.

Мария была именно такой.

Она страдала, плакала, она ненавидела отца за предательство памяти матери, сестер — за отнятую любовь отца, мачеху — в принципе...

Разумеется, ее никто не любил, все оскорбляли, унижали, обижали, и свои обиды, вплоть до того, кто и как посмотрел, она обильно выплескивала на странички дневника.

Я читала с интересом.

Подруги, прислуга, родные... и — ОН!

Разумеется, куда ж без мужика?

Познакомила Марию с этим ОНОМ подруга. Лучшая и любимая, княжна Зизи Михайлова. И Мария влюбилась по уши.

Опять описания.

Слез, соплей, слюней, конечно, розовых...

Он посмотрел, он сказал, он подарил...

Для верности я выписывала все ее метания на отдельный лист. И мрачнела с каждым разом.

Парень, кстати, не безымянный, а с красивым романтическим именем Милонег Олегович, просто вываживал княжну, как рыбку.

То засыпал цветами, то становился холоден, то опять шатался в

другую крайность. Как хотите — неспроста.

Мне было это видно, но девчонке в неполные семнадцать? Когда в голове ветер, а под подолом ураган? Какой уж тут анализ?

И — да.

Артефакт малолетней балбеске достал именно он. Достал, дал, показал, как пользоваться. И — ввел в заблуждение. В его интерпретации, артефакт служил, чтобы жених неотвратно охладел к невесте. Продемонстрировано было на собаках.

Где встречались?

А подруженьке спасибо. Княжна Зизи старалась, как не всякая сводня за процент. Интересно, что ей такого пообещали?

В результате, Мария рассчитывала, что Демидов ее возненавидит. Только артефакт примени, и будет тебе счастье.

Ежь твою рожь!

А ведь активировать его надо было в храме! На помолвке, чтобы Демидов сам отказался.

Боевой артефакт.

Среди толпы.

Да там бы всех положило, уж половину — так точно.

Ежь! Твою! Рожь!

Почему так не получилось?

Мария нервничала, тискала капельку с рубином в руках... она же маг земли, хоть и необученный. Могла случайно активировать?

Ну... если тискать в руках пульт от ядерной бомбы, есть вероятность, что кнопку ты нажмешь. Это логично.

Получается — покушение?

Ах, Андрей Васильевич, как же мне вас не хватает! Но ведь так и получается!

А кто бы с этого поживился?

Опять информации не хватает! И не съездишь, не посоветуешься, не пустит никто. Хотя...

Может, попробовать, в больницу-то? Пусть с сопровождением, но могут и отпустить. Или пригласить врача на дом, это здесь чаще практикуется.

Ладно. Я еще об этом подумаю после семейного ужина.

Увы, уехать у меня никуда не получилось. Последствий от моих выходов не было, но и выпускать меня из дома никто не собирался.

Отец был задумчив и серьезен, мачеха поглядывала то на него, то на меня, я расправлялась с овощным рагу, ну а моих сводных сестер по малолетству просто не допустили за стол.

Ужин прошел спокойно и тихо, а вот утром закрутилась адская карусель.

Маникюр, педикюр, массаж, волосы, кожа...

Не была я в той жизни светской львицей, вот и в этой себя чувствовала драной кошкой. С которой шкуру содрали, а до того еще и эпиляцию сделали.

Болели все места. Но результат был — ничего не скажу, замечательный. Этакая аристократическая статуэтка. Правда — богини плодородия.

Бюст, талия, попа — все на месте. Завтра надо правильно подобрать прическу, и все будет отлично. Лишь бы с платьем не подвели.

До вечера я так и провозилась. А вечером в комнату постучали и внутрь скользнула служанка. Эту я еще не видела.

Девушка протянула мне букет полевых цветов и осталась ждать у двери.

— Что?

— Ответа не будет ваша светлость?

Я подумала минуту.

— Выйди. Я тебя позову.

Служанка поклонилась и вышла. Я вцепилась в букет.

О, а вот и наш Милонег активизировался. Кому бы такое сокровище подарить, чтобы помучились подольше?

Но каков слог!

Какие чувства!

Моя очаровательная, несравненная, любимая девочка!

Я рад, что ты дома. Доверься Лине, я буду ждать тебя сегодня в саду, на нашем месте.

Тысячу раз целую твои нежные ручки, мечтаю увидеть твои

прекрасные глаза.

Всем сердцем твой Мил.

Хорошо, что мне не шестнадцать. И даже не тридцать два.

Недолго думая, я взяла перо в левую руку. До чернильных ручек тут тоже додумались, это хорошо.

Итак...

Не могу уйти.

Встретимся завтра на приеме.

Верю в тебя. М.

Мария такими записочками не ограничивалась, она эпистолы на полстранички строчила. Откуда знаю?

А, она их в дневник переписывала, потом еще прикидывала, хорошо ли получилось. А то в романе не совсем так, и обстоятельства там другие....

Ежь твою рожь!

Вот и дочиталась. И дописалась на свою голову.

Нет, кто бы спорил, романтическая любовь обязательно бывает. Но необязательно — с тобой.

Я выглянула за дверь.

Служанка стоит неподалеку. Поманила ее пальцем, та подошла.

— Отнесешь записочку. Просто так не отдавай, пусть тебе денег даст, поняла?

Та кивнула.

— Все, иди отсюда.

А если это провокация мачехи?

Нет, вряд ли. Этот умник так и подписывался во всех письмах, их влюбленная девочка тоже списывала в дневник. Понимала, что хранить нельзя, а вот переписать отдельные моменты можно.

Ладно! И не такое разгребали, и это разгребем. Стопроцентно, я не побегу невесть куда, поздно ночью, к весьма подозрительному типу...

Вот нашли идиотку!

Нет уж.

Нужна — сам придешь.

Нет — мужик с возу, волкам диета.

И... подопру-ка я двери и окна, на всякий случай. А то мне только романтического влюбленного в спальне не хватало. Еще бы какое-нибудь орудие пролетариата подыскать для самообороны... в итоге я вооружилась канделябром. А что?

Хороший элемент декора, старинный, бронзовый, явно дорогой. А главное — тяжелый и ухватистый. Пусть он ночью со мной поспит вместо плюшевого мишки. И на душе спокойнее станет...

Интерлюдия.

Милонег Олегович Доброславский скомкал записочку и в ярости втоптал в землю.

Дура безмозглая!

Кретинка!

Да что она о себе возомнила?!

С княжной Марией он познакомился около полугода назад. Задание было крайне простым — увлечь и влюбить в себя. Это Милонегу удалось с легкостью.

Княжна упала в руки, словно созревшее яблоко, даже сильно стараться не пришлось.

Пара комплиментов, немного игры...

Что поделать, если он нравится женщинам?

А вот самому Милонегу весьма нравились азартные игры. Вот, из-за ни он и...

Так! Об этом лучше не думать.

Лучше уж делать то, что тебе приказали, и не забивать голову разными глупостями. Сейчас надо посоветоваться с господином.

В принципе, и на завтрашнем приеме поздно не будет.

Милонег там быть обязан, по долгу службы, вот и будет. И возможность встретиться с Марией найдет, и разберется, каким чудом она выжила.

И...

Для чего предназначены влюбленные идиотки?

Правильно. Для того, чтобы их использовали. Так что никуда Машка не денется, сделает все, что он прикажет. Лучше бы все ей

рассказать сегодня, но — ладно. Не пришла, так не пришла...

А может, ничего странного в этом и нет? Наверняка, за ней теперь в сто глаз следят...

А и верно. Хорошо хоть написать смогла, потому и записочка такая, чтобы никто ничего не заподозрил.

Милонег поднял ее, еще раз перечитал, убеждаясь в своей правоте.

Да, именно так.

Верю в тебя...

Умному достаточно. А себя Милонег считал очень умным.

Записочка отправилась в карман, а Доброславский, между прочим, офицер, дворянин и просто красавец, на хорошем счету у командования — домой.

Завтра будет тяжелый день. Надо выспаться.

Глава 4

Балы, красавицы, лакеи, юнкера...

Никогда не думала, что к балу надо начинать готовиться с утра. Искренне считала, что для подготовки к вечеринке мне хватит десяти минут — набросать на лицо косметику и натянуть платье. В любой последовательности.

Ан нет.

Не так все просто, господа.

Сначала — завтрак. Плотный.

Потом опять процедуры по уходу за кожей. Потом куафер.

Да, водятся здесь такие звери. И что самое забавное, парикмахер попался тоже... нетрадиционный. Карма это что ли такая?

С другой стороны, в своем мире я знала кучу ребят-парикмахеров, и умные, и семейные, и никакой голубизны... может, это зависит от гламурности? Чтобы причесывать нормальных людей достаточно хорошо работать. А вот чтобы тебя заметили в высшем свете, надо быть с чудишкой?

Кто ж его знает?

Мужчина лет сорока на вид так и вцепился в мои волосы, и запричитал что-то на французском. Опознать язык я еще смогла, а вот разобраться, что именно мне говорят — уже нет. Но доверяться не собиралась.

— Сударь, вы француз?

Мой резкий тон сбил мужчину с настроения, и в его глазах мелькнула растерянность. Ну да, шестнадцать лет девчонке, а рывкает, как сорокалетняя гримза.

— Я проходил обучение в Париже, у самого маэстро...

— Русский?

— Д-да, ваша светлость...

— Вот и говорите по-русски. Мы не во Франции, слава Богу.

Парикмахер диковато покосился, но... это у них тоже общее.

Межмировое.

Расслабишься? Оставишь свои волосы в его руках без присмотра? И получишь нечто вроде 'кобры', 'улитки' или еще какие валики на голове. А то и перьев натыкают или стразов налепят. Я помню, какие прически были модны во Франции во времена оны, спасибо, обойдемся без кораблей и крыс в прическе.

Сначала мы выяснили, что именно он хочет сделать. При этом парикмахер страдал, заламывал руки и вякал, что он-де маэстро, а не ремесленник, и работает по вдохновению.

Я поинтересовалась, не падает ли муза творца в обморок, при взгляде на счет? И вообще, можно ли брать плату за самовыражение?

Спору не дала разгореться служанка, пришедшая от мачехи. Она напомнила, что маэстро ждут буквально через полчаса... край — через час у ее светлости. И мы быстро договорились.

В итоге я получила то, что и хотела.

Волос у меня много, волосы у меня тяжелые и послушные, укладываются они легко и форму держат. Но впереди же вечер!

Лак для волос тут еще не изобрели, поливать голову раствором сахара я не дала, а натывать в себя сорок штук шпилек? И потом мучиться от головной боли?

Это вы кому другому предложите.

Красота должна быть удобна, практична и проста в применении. Как говорил кто-то из мудрых — красота это вообще биологическая целесообразность. Да и не полагается мне сложных причесок, пока я девушка.

А вот заплести косу типа французской, только немного сложнее, перевить ее лентами и нитями жемчуга — в самый раз. И простенько, и со вкусом, и главное — намек на мое девичество. Я же девушка пока.

Интересно, будет ли на балу Демидов? Хоть на жениха посмотреть...

И надеюсь, папаша не продешевит второй раз.

Одно дело — продавать гарантированного потомка. Это счастье и по крестьянкам можно сделать, не от одной, так от другой получится мальчик, а там дело техники.

Другое — избавление от возможного проклятья.

Да-да, какие бы там проклятья не висели на муже, на моих детей они никогда не перейдут. Земля же... Самая та стихия, которая

разлагает любые заклинания.

Огнем можно сжечь, над водой можно развеять пепел, но и из земли не выбраться. Ни одна нежить и нечисть не выдержит той же соли. Соль земли, кровь земли, маг земли...

За такое надо платить, и много платить.

Пусть раскошелится.

А я пока подумаю, что делать мне.

И — одеваться.

Платье было именно таким, как мы и обговаривали с портнихой. Голубой цвет, теплый и уютный, просто согревал мою кожу и красиво оттенял глаза и волосы. Не холодный синий лед и не голубой блеск бриллиантов — ясный кусочек летнего неба. Чуть поярче, чем допустимо для молодой девушки, но на балу — можно.

А вот от косметики пришлось отказаться наотрез.

Ресницы и брови у меня и так хороши, щеки пощипать, губы покусать... я должна выглядеть невинной девушкой, а не кокетливой особой.

Зачем?

А пусть недооценивают.

И я примерила жемчуг, который мне прислал отец.

Идеально.

Легкий обед мне подали за час до выезда. Я как раз успела и скушать бульон с тарталетками, и чуток передохнуть. Дама на балу не должна хомячить за обе щеки, но у дамы не может и быть раздувшегося пузика. Так что меню отработано поколениями моих предшественниц.

Кстати — чем мне нравится этот мир, так отсутствием корсета. Понимают, что если кишки переплющить, ничего хорошего не получится.

Обед, отдых — и вниз, к родным.

Папенька и мачеха уже стояли в гостиной, ждали меня. При виде моего платья мачеха побагровела и издала нечто вроде кваканья.

Понятно, думала не то увидеть.

— Мария, ты замечательно выглядишь, — отец ничего не заметил.

— Я думала, платье будет зеленым?

Не утерпела.

Вот у нее платье было винно-красным, такой насыщенный оттенок. А зря. Блондинка в красном — не всегда светская леди. Надо очень тщательно подбирать и оттенок и аксессуары, чтобы не скатиться в вульгарность. Мачехе это не удалось. С пером в пышной прическе она выглядела, как путана из старых фильмов. Дорогостоящая, но — увы.

Я с удовольствием погляделась в зеркало.

Да, свежесть юности — и рядом перезревший плод, который уже подгнивает с одного бочка.

— Маменька, мне не идет зеленый.

Отец не заметил ни ее реакции, ни моей издевки, и поцеловал супруге ручку.

— Да, дорогая, Мария сегодня очаровательна. Все просто отлично, ты превзошла себя. Пойдем?

Мачеха побурела в тон своему наряду, окинула меня злобным взглядом, получила в ответ невинную улыбку — и поплыла к дверям.

Я блеснула глазами и последовала за родителями.

Не получилось сделать из меня чучело? И не надо!

Всю дорогу мачеха пыталась испепелить меня взглядом, но куда там! Как известно, человек большей частью состоит из воды, так что я мило улыбалась и смотрела в окно. А посмотреть было на что...

Улицы, освещенные газовыми фонарями.

Мостовые, каменные, у нас таких уже и нет.

Экипажи.

Мужчины в строгих костюмах и дамы в не менее строгих нарядах.

И — дворец.

В нашем мире Кремль выглядел совсем не так. А здесь...

Белокаменное кружевное чудо, иначе и не скажешь. Золотые купола, белые стены, устремленные ввысь... черт! Почему я ничего не знаю про архитектуру Москвы?

Как-то из головы вон!

Почему-то отложилось в голове, что столицей при царях был Петербург — вот и пробросило мимо темы. А здесь-то Петруша Первый и не рождался, и Нарышкины — всего лишь один из дворянских родов, хотя и входящие в юрт, и никаких Романовых не было.

И детей никто не убивал, чтобы сесть на трон.

Видимо, при ком-то из Рюриковичей Кремль и перестроили. Но когда это было?

И ведь это не европейские стили, видела я их и не раз. Это — свое, не слизанное по-обезьяньи с Европы. И никаких горгулий, а вот львы, сирины, русалки есть.

Но все это так вписано...

Князь тихонько рассмеялся.

— Сколько раз приезжаю во дворец, столько и восхищаюсь. А на рассвете он еще прекраснее.

— Как бы мне хотелось побывать здесь на рассвете — непроизвольно вырвалось у меня. — Здесь должно быть феерически красиво!

Белый мрамор — и розовые лучи рассвета, разве это не прекрасно?

Момент человечности кончился.

Князь нахмурился.

— Мария, я рассчитываю на твое примерное поведение. Ты поняла? Одна выходка — и ты отправишься в лечебницу для душевнобольных.

— Да, папенька, — вежливо ответила я.

Вот кто бы сомневался?

Интересно, почему я не испытываю никакой дочерней любви? Даже не уровне остаточных рефлексов?

Лестница тоже была произведением искусства.

Белый мрамор разных сортов был так искусно выложен, что оттенки перетекали друг в друга без малейшего разрыва.

Очень часто люди уродуют камень излишним украшательством, но

здесь не было ни лишней позолоты, ни финтифлюшек, названий которых я не знала.

Просто, строго, с большим вкусом.

Мраморные львы, соколы, птицы с человеческими головами...

Красиво.

Лакеи встречали нас у подножия лестницы и сопровождали наверх, к распахнутым дверям. Делали они это так искусно, что мы двигались с интервалом в несколько минут с другими гостями, и только потом я поняла, зачем.

Наверху стоял мажордом, который бил во что-то вроде гонга и громко объявлял следующих гостей.

Вот и наша очередь.

— Князь Горский с семьей!

Понятно. Бабам сразу надо указывать их место в мире и обществе. Личность здесь — князь, и то — титул. А мы — бесплатное приложение к оному.

Я огляделась вокруг и у меня зарябило в глазах.

Если кто-то к этому привык, тогда другое дело.

Я понимала, что хаоса тут нет, что все строго организовано, что у каждого свое место в мире и каждый занят своим делом. Но в глазах все равно рябило.

Кажется, я впервые на суше начала испытывать морскую болезнь.

Люди, лица, платья, цвета, запахи, звуки, движение...

Захотелось сесть на пол, закрыть лицо руками и взвыть. Да так, чтобы потолок обрушился. А мне — свежего воздуха, пожалуйста.

Люди кишели.

Суньте палку в муравейник, поворошите ей там, потом посмотрите, что будет происходить. Вот, это оно и было. А для надежности еще муравьев окрасьте во все цвета радуги.

Меня просто переклинило.

Выручила старая привычка. Я глубоко вдохнула через рот и медленно принялась выдыхать через нос. Раза три.

Тем временем, меня вели куда-то по залу.

Мачеха в этом ориентировалась явно лучше. Она впилась мне пальцами в руку чуть повыше локтя и держала так, что я понимала — будут синяки. Ну и черт с ними, боль хоть чуть-чуть способствовала адекватности.

Отец по дороге с кем-то раскланивался, говорил, я механически приседала в полупоклоне, не вникая в ситуацию. Не упасть бы.

Интересно, куда мы идем?

Тихий угол?

Да, что-то в этом духе.

Стайка девушек всех возрастов, от четырнадцати до восемнадцати, сидящие чинно на стульях. И при них штук шесть матрон.

Этаких полных, пожилых, злобно посверкивающих глазками по сторонам.

Мачеха тут же что-то зашебетала, подталкивая меня к одному из стульев рядом с особо злобной на вид теткой. Усики у нее были, как у сома. И глаза — круглые навывкате.

И даже выражение мор... лица. Сом — рыба хищная и падалью не брезгует.

Но мачеха, кажется, ее отлично знала. Так что меня устроили на стуле, погрозили пальчиком — и свалили с отцом под ручку, общаться со сливками и прочими верхушками.

А меня оставили сидеть, где сидела. Что самое печальное, я тоже должна здесь кого-то знать. А я не знаю.

И как быть?

Как к кому обращаться?

Ладно, пока осмотримся, а если что... неужели я не вывернусь? Должна справиться!

Я принялась оглядываться.

Ага, кажется, я поняла, что это такое.

Отстойник для незамужних девиц, или как-то так. Не знаю, как это по-светски называется, но здесь собраны незамужние девушки, здесь сидят дуэньи, которые за ними приглядывают, и отсюда их можно пригласить потанцевать. Девушек, а не матрон, конечно. Заодно, молодым людям не дадут слишком распуститься под приглядом.

Что ж, разумно.

А...

Ага, вон и столик с мороженым, фруктами и явно не алкогольными напитками. Правда, его охраняет еще одна мегера.

А мне хочется чего-то?

Нет, до сих пор мутит, спасибо. Я бы воды выпила или воды с лимонным соком, но вряд ли здесь это предусмотрено.

Попробуем оглядеться?

С первого взгляда пространство казалось неорганизованным. Но потом я поняла свою ошибку.

Несколько залов.

Мы сидели между бальным и светским, так это можно назвать. Бальный зал — танцевальный. Там менялась музыка, кружились разноцветные парочки...

Светский — там прохаживались в чинной беседе.

Надо полагать, есть и другие?

Игральный, курительный, для мужчин, чисто для дам-с?

Не знаю, как это официально называется, но... пойти, поискать приключений на свой турнюр?

А меня отпустят?

Я покосилась на 'сомиху'. Хм...

Вообще-то леди не пьют и не писают, а если я не леди?

Но я не знаю, куда мне идти? И если опять накроет? Как тогда? В обморок посреди бальной залы падать? Тоже мне, Золушка фигова.

Ладно, та не падала, та бегала. Но — невелика разница. Такого скандала мне не простят, да и я себя зарекомендую, как идиотка.

Мужчинам легче.

Они могут передвигаться по собственному желанию, а вот за нами смотрят в шесть пар глаз. Злых таких, внимательных и вездливых.

Но есть и отдушина.

То одну, то другую девушку приглашают потанцевать.

А у меня и тут пробел. Танцевать не умею. Вальс?

Ну, знаете, большой и малый квадрат, которым всех нас как-то ради развлечения обучили в школе — и то, что здесь вытанцовывают,

это две большие разницы. Мелодии-то звучат похожие, а вот движения — нет.

— Мими!

На меня с восторгом смотрела симпатичная блондиночка в палевом платье с кружевами.

И кто это может быть? Хотя Мария в дневнике упоминала... рискнем?

— Зизи, я так рада тебя видеть!

Блондинка очаровательно улыбнулась.

— Я так боялась, что отец тебя дома запрет... ты не хочешь лимонада?

Я поднялась и кивнула под строгим взглядом дуэньи.

— Да, пожалуй.

Приглашение посплетничать я узнала бы в любой формулировке.

Тетка неодобрительно покачала головой, но спорить не стала. Не сильно.

— Княжна, прошу вас далеко не уходить.

— Мы здесь, рядышком, у стола, — улыбнулась моя 'подруга', и потащила меня чуть ли не силком. Интересно, ей просто поболтать не с кем и на балу заняться нечем — или свои цели есть? Сейчас посмотрим...

У большой чаши с лимонадом было шумно и весело. Мы взяли по бокалу для самооправдания, и Зизи потащила меня куда-то за колонну.

— Ну? Рассказывай?

— О чем ты хочешь услышать?

— Что случилось на твоей помолвке? Такая таинственность! И не приглашали никого, и помолвка, вроде как, не состоялась... что произошло? Ты отказалась выходить замуж?

Так я тебе правду и сказала. По своему миру помню — рассказывать можно только то, что не удастся перевернуть сплетникам. Или хуже будет.

— Да тут и рассказывать нечего, — я развела руками. —

Поскользнулась. Упала. И очнулась уже в лечебнице, представляешь?

— В лечебнице?

— Да. Оказалось, я так неудачно упала, что подозревали сотрясение мозга. Пришлось полежать недолго под присмотром медиков.

Зизи захлопала глазами.

— А как же Мил?

— Его там не было.

— Да я не о том! Мими, вы же увидеться хотели...

Я пожала плечами. Мало ли кто и что хотел?

— Обещался быть сегодня на балу. Но будет ли?

— Вы же хотели...

Я пожала плечами и сделала глоток лимонада. Вкусно. Хотя сахара многовато на мой взгляд.

— Даже не представляю, как с ним побеседовать.

— Что случилось?

— Родители глаз с меня не сводят.

— Я ему шепну, пусть потанцевать тебя пригласит.

Ага, нашлась доброжелательница. Я тебя еще разьясню, погоди...

— Нельзя мне.

— Танцевать?

— Врачи запретили, говорят, голова может закружиться.

— Я что-нибудь придумаю...

Интересно, с чего ты так стараешься? Тебе что — процент за случку пообещали? За сводничество...

Мягкий голос прервал мои размышления.

— Княжна, вы сегодня очаровательны.

Я обернулась.

Ежь твою рожь!

У ног звякнул и разбился безвременно почивший бокал.

Мужчина, который стоял передо мной...

Что я вам могу сказать? Помните фильм 'Собор парижской

Богоматери'? Один из первых, с Джиной Лоллобриджидой и Энтони Куинном в роли Квазимодо?

Так вот.

Квазимодо был натурально симпатичнее.

И дело не в мастерстве гримеров и визажистов, нет.

Стоящий передо мной человек был... я и слов-то подходящих не подберу!

Не только и не столько во внешности дело, хотя жабий рот, подушкообразное тело и бледно-голубые, водянистые какие-то глаза ему обаяния не добавляли. Но ведь и пострашнее люди живут? У меня друг был с ДЦП, причем передвигаться сам не мог. Через пять минут об этом все забывали. В том числе и его жена, между прочим, первая красотка на факультете, незадолго до моего переселения они как раз двадцатилетие свадьбы отметили.

А тут-то что не так?

А все!

Опасность? Безусловно!

Жестокость, властность, безразличие? Этим меня было не удивить, не тот список. Считаю, у нас сейчас в каждого третьего ткнешь, так и попадешь. А в политике так и в каждого первого.

Эти качества меня бы тоже не напугали.

Но что тогда?

Не знаю, как и объяснить. Но... вот представьте себе, что рядом с вами находится нечто гниющее, омерзительное, что-то такое, что вы отродясь ненавидели... к примеру, вам предложено съесть дохлую лягушку месячной давности, набитую опарышем.

Бээээ?

Вот, это я и чувствовала. Даже хуже.

Но почему? Что происходит?

Стало горячо в груди, потом в животе, там, где...

Черт, маноисточник!

Он пульсировал так, словно у меня еще три сердца открылись.

Это... реакция на мужчину?

Он опасен для меня? Что тут вообще происходит?

— Рада вас видеть, господин Демидов.

Я еще размышляла, а тело было умнее меня, оно само присело в реверансе, потупило глаза и прощebetало вслед за Зизи.

— Рада вас видеть, господин Демидов.

Демидов.

А не ты ли это, друг?

По всему выходило, что сие — мой жених. Ну, папаша, мать твою! Я тебе сейчас спою...

Пришлось срочно вдохнуть и выдохнуть! И даже мысленно цыкнуть на свой маноисточник.

Кто тут главный, хотела бы я знать? Я — или моя магия? Цыть, зараза, ежь твою рожь! Цыть, сказала!

А не поэтому ли Мария решилась на авантюру? Я-то чувствую, а она могла еще и понимать, что именно происходит. И стопроцентно, этот человек опасен для меня и вреден.

Но почему?

На нем какое-то проклятие? Да, похоже я все правильно угадала... Но почему только я? Почему здесь? Почему никто другой этого не понял? Или поняли и молчат? Слишком много вопросов и мало ответов.

— Княжна, когда я узнал, что вы в больнице, я чуть с ума не сошел от тревоги...

— Сергей Владимирович, — нежно пропела я. — Я так благодарна вам за букеты, которые вы присылали!

Что раздала их все. Персоналу. Но об этом умолчим.

— Машенька, если бы ваш отец позволил, я бы осыпал вас розами с ног до головы.

Как романтично. Я должна повестись и упасть к твоим ногам?

Представляю, как корчилась бедная девчонка. А ты ведь неискренен, дружок. Ты сейчас играешь со мной, как кот — с жирной мышкой. И думаешь, что со мной делать.

Рядом столбиком замерла Зизи.

Я улыбнулась подруге.

— Зизи, милая, прошу тебя, предупреди, что я с Сергеем Владимировичем?

Кого предупреждать? А, неважно, сама прекрасно разберется. Подруга послала мне благодарный взгляд и улетучилась даже не пискнув ничего на прощание.

Кажется, господин Демидов плохо действовал на всех женщин в принципе? Или только на тех, кто одарен магией?

А я улыбнулась Демидову.

— Сергей Владимирович, прошу вас, проводите меня на балкон? Хочу подышать свежим воздухом, так голова разболелась...

Ответом мне был удивленный взгляд.

Кажется, Машка бегала от него, как черт от ладана. И вдруг такая просьба?

Ничего, не здесь же беседовать? Здесь и неудобно как-то всюду народ.

Демидов с поклоном предложил мне согнутую в локте руку, я оперлась самыми кончиками пальцев, как учил ротмистр и мило улыбнулась

— Благодарю вас. Вы мне буквально жизнь спасаете.

— Неужели в зале так душно?

— Мне — да. Врачи сказали, что у меня слабые сосуды, и надо быть поосторожнее.

Диагноз впечатления не произвел, мужчина поднял бровь.

— У мага земли?

— Маги земли уже и не люди? — обиделась я. Притворно-кокетливо, ничего, если я с проверяющими из налоговой кокетничала, то с этим и подавно потерплю! Уж какие там гады были!

— Мария, вы не человек, вы небесное создание, которое по недоразумению богов спустилось на нашу грешную землю. И мой долг заботиться о вас, оберегать и защищать.

Эвон как завернул! Куртуазно! Хоть ты в стихи вставляй!

— А выполнять мои желания?

— Для вас, милая Мария, любой каприз.

— Совсем любой?

— Разумеется.

— Я могу попросить что хочу, и отказа не будет? — допытывалась я, отлично зная, что грош цена такому слову.

— Конечно, вы можете попросить.

Ага. А ты можешь выполнить так, как тебе понравится.

Ну да ладно...

Вот и балкон, ветерок, тишина...

— Сергей Владимирович, расскажите мне, что там с вашим семейным проклятьем?

Если б я его с размаху палкой по башке огрела — эффект и то похуже был бы.

Мужчина секунд тридцать смотрел на меня, словно баран на новые ворота, а потом сообразил. Сверкнул глазами, схватил за руку... ежь твою рожь! Что ж они меня сегодня все за одну и ту же руку хватают?

Сговорились, гады?

Тут уже не синяки, тут не знаю, что будет!

— Откуда ты...

— Откуда я знаю? А что — это секрет? Отец знает, — захлопала я глазками, что есть сил изображая невинную девочку. — И выпустите руку, мне больно!

Демидов посмотрел на меня, на свои пальцы...

— Князь... знает?

От меня. Но это уже детали жизни, которые никому не интересны.

— Мы с отцом об этом разговаривали. Он сказал, что... как же это... маг земли для вас спасение. Но вдруг? Я ведь не обучена, и вообще...

Демидов явно расслабился.

Ситуацию он понял так. Князь узнал о его проклятии и решил поговорить с дочерью. Ну и надо полагать, денег срубить.

Дочка слишком глупа, чтобы молчать, вот и проговорилась.

Это хорошо, глупой женой управлять проще...

— Уверяю вас, милая Мария, ничего особо страшного...

— А отец сказал — уже не одно поколение Демидовых страдает?

Демидов скрипнул зубами.

— Милая Мария, поверьте мне...

Ага, если с дерева упаду, сразу и поверю. Не иначе. Ищи себе других идиотов, дорогой!

Демидов распинался минут десять.

И проклятие-то там плевое, снять его раз чихнуть.

И нет никакого проклятия толком, это больше сплетни.

И любить он меня будет. И на руках носить.

И за детей что хочешь подарит, хоть завод, хоть изумруды...

Эх, почему я не итальянка? Столько лапши навешали, всему Апеннинскому полуострову на год прокормиться хватит! Но пришлось

кивать и делать вид, что я всему верю. И соглашаться на изумруды.

Договорив обо всем и ни о чем, Демидов проводил меня обратно к гарпиям и улетучился. Решил обдумать новости, наверное. Я уселась, как прилежная девушка, спина выпрямлена, руки сложены на коленях, на лице выражение стукнутой поленом идиотки, и задумалась о своем, о девичьем.

Итак, подбросить ежа получилось в оба лагеря.

Отец будет драть с Демидова денег.

Демидов будет интересоваться, откуда папенька узнал о проклятии.

Доверия в такой обстановке никогда не будет, это вам не дочь продавать. Кстати, про меня отец не скажет, это точно. Как это звучать будет?

Сам дурак, не заметил, да дочка носом ткнула?

Что-то я сомневаюсь.

Конечно, они договорятся. Но... я выиграю главное. Время.

Что с ним делать? Да уж решу как-нибудь. Главное, на следующей неделе меня под венец не потащат. Может, и помолвка отложится.

Ничего, я не тороплюсь. Еще лет двадцать я прекрасно подожду. Ладно. Хотя бы лет пять и кого-нибудь попримечнее Демидова.

— Мими, солнышко, ты уже здесь?

Я с удивлением посмотрела на Зизи.

— Да. Что-то не так?

— Ну... вы же с Сергеем Владимировичем...

— Зизи, несмотря на жуткий вид, он не питается девушками.

Кажется, подруга в этом сильно сомневалась. Но спорить не стала и показала глазами за колонну, в угол.

Там мелькнул синий мундир.

Я подняла бровь. Он?

Ответом мне стали утвердительно опущенные ресницы. Я вздохнула и поднялась со стула.

— Зизи, может, мы прогуляемся ненадолго? Мне надо бы освежиться.

— Ненадолго, — сдвинула брови 'сомиха'. Зизи закивала.

— Да-да, конечно...

И потащила меня за собой.

— Скорее. У вас будет совсем чуть-чуть времени!

Кто бы сомневался. Физиология — дело деликатное, в туалет меня не провожают, но примерное время вычислить несложно.

Туда, там, обратно — не больше пятнадцати минут.

Зизи ловко скользнула в какой-то коридор, потянула меня за собой, я чихнула, получив по носу портьерой...

А она здесь хорошо ориентируется. Хотя кто его знает, может, Мария не хуже могла? Просто я не владею ее памятью?

Зизи вталкивает меня в какую-то полутемную комнатуху, на миг ослепляя — и меня тут же хватают в охапку. И страстно целуют. Да так, что у меня разом пол-литра половых гормонов в кровь выплескивается, не иначе.

Бррр...

Маруся, соберись! Когда это меня так от мужика вело?

Да вот тогда!

В восемнадцать лет, когда дурой была!

Помнишь, чем закончилось?

Помню...

Ох, как помню. И потому гормоны, печально поскуливая, уползают обратно. А я, не размениваясь на слова, со всей дури опускаю каблучок туфельки на чей-то сапог.

— Ашшшшш!

Мужчина шипит и выпускает меня.

— Мими!

— Мил! У нас мало времени!

Бесполезно. Этот тип хватает меня за руки. По второй ноге ему, что ли, двинуть?

— Девочка моя! Я так скучал! Я так волновался...

Ля-ля-ля, в поле тополя...

А тоже красиво излагает. Здесь что — открыты курсы для мужчин? Как навешать лапшу на уши женщине? Я бы не удивилась. А будь мне шестнадцать, как Машке, и повелась бы. В свое-то время я не умнее была.

Это уж в сороковник я соображать начала, и то похвастаться тут

нечем. Если баба в сорок такая дура, что верит всем мужчинам на своем пути... тут и переселение в другое тело не поможет. Проще сразу прибить, чтобы не мучилась, болезная.

Так что Милонег распинается, а я разглядываю бравого офицера.

Вкус у Машки... нет вкуса!

Представьте себе сахарную плитку. Теперь облейте ее карамелью, обсыпьте сахаром, сверху еще глазури добавьте, каких-нибудь цукатов... слипается?

И тошнотно. Особенно если вспомнить, что внутри та же дешевенькая сахарная плитка.

Хорош как картинка.

Черные волосы глянцево блестят, голубые глаза... кого он напоминает?

Молодого Кларка Гейбла в роли Ретта Батлера. Так и тянет сказать: 'хорош, подлец'. Но Гейбл и играл подлеца. Роль такая.

А тут... вот если бы Ретт Батлер пытался корчить из себя благонаправного Ромео, так и получилось бы. Хоть и полито все слоем карамели, а плитка-то дешевенькая, сахарная... на троечку!

Будь я свободна в своих поступках, давно бы рывкнула: 'В Бобруйск, жЫвотное!' или еще как разогнала полудурка. Но — нельзя.

Надо молчать и млеть, Машка-то млела.

Терпим...

Наконец славословия закончились, и товарищ перешел к делу.

— Мими, зайнька, что случилось у вас дома? Я так и не понял?

— Я тоже не поняла, милый, — заныла я. — Может быть, амулет не так сработал?

— Как?

— Не знаю. Я его активировала, как ты и сказал, а ничего не произошло!

— Этого не может быть!

— Разве что я в обморок упала...

На лице 'возлюбленного' явственно читалось желание скинуть меня откуда повыше. Перебьешься.

— И только?

— Да, Мил...

Мужчина хмыкнул.

— И где он сейчас?

— Амулет? Я его кажется, потеряла... это очень страшно? А может, слуги украли, я же в обмороке была...

— Это плохо, — Милонег взъерошил волосы. — Достать второй мне будет сложно.

— Что ж, — вздохнула я. — Придется так обходиться.

Этот вариант уже не устраивал мужчину.

— Что ты, звезда моя! Как можно подумать! Я никогда не оставлю тебя без помощи...

Передо мной закачался амулет. Золотая цепочка, черный камешек, вроде обсидиана, крупный такой, с фалангу большого пальца, ограненный 'маркизой', прозрачный...

Странно.

Что это за камень и почему его так ограничили?

Не понимаю...

И в руки брать не буду.

— Что это такое?

Кажется, вопрос не предусматривался. Но Милонег тут же справился с собой.

— Когда Демидов будет рядом, ты просто сожмешь камушек в кулаке и произнесешь: 'активация'. И он будет чувствовать к тебе неизбывное отвращение.

Ну, Маша, вы и дура, что в это верили.

Я мило улыбнулась.

— Милонег, мой отец собирается отказаться от помолвки, так что амулет не требуется. Мы и так справимся, правда, любимый?

У любимого было такое выражение лица, словно он о стену носом стукнулся. Стекланную. И больно, и не понятно ничего.

— Но так же надежнее!

— Нет-нет, если у меня заметят постороннюю магию, на приеме... я не стану так рисковать тобой, любимый!

А еще хотела бы узнать, как ты ЭТО сюда протащил.

Мы ведь не просто так по лестнице шли, на ней охранных заклинаний — штук пятьдесят, малым, не на каждой ступеньке, и в барельефы заделаны... природные камни вообще отлично хранят заклинания.

Есть запрет. Мне ротмистр рассказывал.

На балах не должно быть ничего постороннего, ни амулетов, ни

артефактов... почему дамы прибегают к услугам парикмахеров и прочих, хотя магия иллюзий — простейшая магия воздуха? Миражи — это наша жизнь...

Да именно потому!

До бального зала дойти не успеешь, а уже козленочком станешь. Высосет всю магию.

Просто ли так расписаны стены не христианскими, а древними славянскими символами?

Христиане в магии были, что кони в ананасах, а вот славянские волхвы и знали, и ведали, и рунами владели, и символами, кровью их напитывали... ротмистр рассказал.

Когда началось, к кому и обращаться было? Последних знатоков по чащобам и трущобам собирали, из небытия школу восстанавливали...

Справились.

Так — как?

Ох, неладное что-то творится.

Милонег упал передо мной на колени.

— Мими, любовь моя, роза моя! Не рискуй! Если мы не сможем быть вместе, я покончу с собой! Умоляю, возьми амулет...

Хрен ты мне его впихнешь, гадина!

Руки мужчины уже потянулись ко мне. И что-то подсказывало, даже контакт с кожей будет губителен для меня. Нельзя!

Ни дотрагиваться, ни даже краем платья... ни-ни!

Я прыгнула в сторону росوماхой.

— Ой! Кто-то идет!!!

И вылетела за дверь что есть скорости.

Ага, вылетела — молодец. Но Зизи-то меня ждать не стала, зар-раза! И удрала!

А как мне обратно дойти? При условии моего полного топографического кретинизма?

Откуда я пришла-то сюда? Слева? Справа?

В покинутой мной комнате стукнуло, и я бросилась в темный угол,

скорчилась там... удирать — глупо, если не знаешь куда, остается прятаться. И статуя тут удачно стоит, такая, разлапистая... хорошо, что у древних была мода на полных женщин!

Не на моделей, за теми, как за шваброй, не спрячешься. А за этой — вполне.

Я подобрала платье за постамент.

Милонег вышел из комнаты злой, как черт с рогами.

— Сука!

Это обо мне? Любофффф!

— Погоди ты у меня, дрянь сопливая!...!...!!!

Пнут ни в чем не повинную дверь — и свалил из коридора. Я внимательно наблюдала, даже не дыша. Заглянуть в комнату — что он там грохнул?

Нет, ни к чему.

И так все понятно. Ему позарез нужно было, чтобы амулет оказался у меня. И был активирован... сегодня! На балу, ежь твою рожь!

Думалось в углу просто замечательно, недаром детей в него ставят. Видимо, способствует.

Сегодня не просто себе бал. Сегодня здесь должен быть наследник престола с невестой. Выход, как я поняла, полуофициальный.

Она еще не невеста в полном смысле слова, это нечто вроде... лучше узнать друг друга. Не на кабацкие ж танцульки цесаревичу невесту вести? И не по гостям.

А тут бал, приглашение для всего английского посольства, его высочество, ее высочество, танцы, беседа приятное общество...

Кстати — и общество на будущую царицу поглядит, проникнется...

План бала таков.

Августейшие особы никогда к началу не приезжают, не комильфо. Общество сначала собирается — это что-то около часа-полутора. Потом разогревается, это еще час.

Потом — августейший визит.

Ее высочество пожалует первой, с посольством. Может, и уже пожаловала. Это чтобы нашей стороне обидно не было. Все же сколько там той Англии? Если по картам прикинуть и Шотландию с Ирландией отстричь?

А сколько России?

Им родниться выгодно, не нам!

Потом является цесаревич.

Его подданные обязаны встретить. Поклоны, все такое...

А вот где я могу пересечься с Демидовым?

А где-то в это время. Самая та минута, заявить о своих правах на невесту. На танец меня Демидов не пригласит, он, ко всем достоинствам, еще и ниже меня на полголовы, а я и так не гренадерского роста, не захочет он смешным выглядеть. И не солидно для него это...

А вот на встрече цесаревича — в самый раз рядышком оказаться.

Меня аж заколотило, как я это представила.

Цесаревич приезжает, тут моя семья, тут Демидов, идет его высочество по проходу...

— А это кто с тобой, Сережа?

— Машенька, невеста моя...

Если до этого Мария и не решилась бы активировать подаренную Милонегом игрушку, то уж в эту минуту — точно бы!

И привет с Юпитера.

Я даже и не сомневалась.

Или оно само активируется, на присутствие нужного человека, на кровь, на что-то еще... даже не сомневаюсь!

Я отказалась. И от 'сомихи' на метр не отойду больше.

Вопрос на засыпку.

А другие 'смертницы' у Милонеге есть? Запасной вариант, так сказать?

Наверняка есть. Слишком хорош, подлец, чтобы удовольствоваться одной только Машкой. И неглуп, это видно.

Да, играет, но старается и не переигрывать, и в меру, и аккуратно... Мария бы не увидела, а вот мне видно. И что делать теперь?

По-хорошему, надо бы кому-то сказать. Но кому?

И что?

Я тут подозреваю, что подозреваю?

Ох, что-то мне это не нравится. Ни капельки.

Допустим! Я знаю, что на любом балу есть охрана. Я сейчас подхожу к кому-нибудь и рассказываю всю эту историю.

Что будет?

Да не поверят мне. Это первое.

Схватят, законопатят и будут допрашивать, пока в ситуации не

разберутся. То есть — пока что-то не произойдет. Потом еще и крайней объявят.

А что?

Знала же!

А что там, как там... вилки найдутся, осадок останется. Да и Милонег все сделает, чтобы меня утопить, кто б сомневался. И у него получится.

С незнанием местных реалий, с моими проблемами, скажем так...

Песец мне будет. Полярный и жирный.

Это не выход. А что выход?

Только один. Удрать на фиг до приезда их величеств и высочеств.

А все происходящее останется на моей совести. Да, не я делала. Но если ты знал и не пресек, не сделал ничего, чтобы помешать злу совершиться... грош тебе цена.

И книги ты не те в детстве читал.

Ага, зато я явно про Мальчишка-Кибальчиша перечитала. Вот что я могу сделать?

Не знаю.

Хотя...

А где у нас подружка Зизи?

Могу для начала найти ее и поспрашивать. Как следует.

Я выбралась из-за постаменты, отряхнула платье и попробовала пойти направо. Угадала.

Ну хоть что-то приятное в этой жизни.

'Сомиха' встретила меня грозным взглядом.

— Вы долго отсутствовали, княжна...

Я потупилась.

— К сожалению, я не так хорошо себя чувствую, после лечебницы... у меня расстроился желудок...

Меня окинули грозным взглядом, но компромата не нашли.

Вид слегка растрепанный, губы не припухшие, следов обид не видно... Милонег — опытный. Меня и не скомпрометировали, и

постарались привести в состояние неадекватата. Однако...

— Поправьте ожерелье. Оно сбилось...

Я послушно переместила жемчуга ближе к центру. И поискала глазами Зизи.

Ах, вот ты где, подруга?

Сидит, со вкусом облизывает ложечку с мороженым, стреляет глазками.

— Я сделаю глоток воды?

Тетка кивнула, и я перебралась сначала к столику, а потом к подруге. И уселась ей аккурат на платье.

— Мими!

— Не пищи, — я мило улыбалась. Искусство переговоров одним краешком рта, незаметно, но доходчиво, осваивает на лекциях каждый студент. Который учится, конечно.

— Ты мне платье помнешь...

— И скандал устрою.

Зизи смотрела недоуменно.

— Какой?

— Чем тебя шантажирует Милонег?

Лягнула я наугад, но попала в точку. Ложечка дрогнула, и я едва успела отобрать у подруги вазочку. А то ходить бы ей с кляксой на платье.

— Сиди спокойно и отвечай. Ты ему что — письма писала?

Опять-таки, не моя идея. Просто если вспомнить романы — там в каждом третьем такая чушь.

Вернуть письма, неосторожно написанные письма, повод для шантажа...

Я бы отовралась от всего, но у ледей было не то воспитание. Явно.

Зизи прикусила нижнюю губу.

— Откуда ты знаешь?

— Он сказал, — не долго думая, соврала я.

Глаза блондинки сверкнули злобой.

— Да! И что?

— И ничего. Он тебе их хоть вернул?

— Не все.

— Козел, — подвела я итог.

Зизи посмотрела на меня ошалевшими глазами.

— Мими?
— Молчи и слушай. Ты не одну меня к нему отводила, так?
— Еще Нини.
— Кого?
— Наташу. Мелецкую.
— Я ее не вижу?
— Да вон она, в розовом платье.

Я прищурилась.

Повезло, розовое платье было лишь одно. И девушка в нем выглядела не очень счастливой. Она хоть и веселилась со всеми, но видно было, что-то не так...

— Это было еще до меня?

— Да.

— Сам Милонег тебе ничего не давал? Кроме писем? Магическое? Взгляд Зизи остался недоуменным.

— Н-нет...

Ну и то дело.

Вот ведь... значит я, еще одна девчонка, а может, и еще кто? Бог любит троицу.

— Ты ведь меня нарочно с ним познакомила? Он просил?

Зизи медленно кивнула.

Я поставила бокал, вручила ей вазочку и встала.

— Дура ты.

И отошла.

Вовремя, за мной как раз явилась мачеха.

— Мария!

Я улыбнулась.

— Да, маменька.

— Нам пора.

Ежь твою рожь! А сделать-то я ничего и не успеваю. Не кричать же в голос: 'Слово и дело!'?

Нет, не кричать.

Ладно, если что — буду спасаться сама. А дальше разберемся.

Я послушно шла за мачехой. Народ двигался примерно в том же направлении.

— Приехали?

— Ее высочество уже здесь, — проинформировала мачеха. — Его Императорское высочество только что прибыл. Карета подъехала.

Не успеваю, ничего не успеваю...

Вот и большой зал. Действительно большой, с колоннами, арками, и сколько же здесь народа? Много... человек двести, наверное. И еще не все подошли...

Я оглядываюсь по сторонам.

Ну должно же что-то быть?

Не просто так пошло, мой дом — моя крепость... должна здесь быть какая-то магия? Ротмистр говорил, при постройке старых зданий ее вплетали автоматически, даже не думая. Достаточно ли старое это здание?

Я пробую, как в лечебнице, выпускать 'щупальца'. А что?

С ужиком договорилась, может, и тут договориться получится? Вдруг повезет?

Прислушиваюсь к ощущениям, забывая обо всем на свете. Выглядит это так, словно меня окутывает облако сахарной ваты. Теплой, уютной, мягкой... хорошо.

Я — друг. Но здесь могут быть и враги!

Нужна защита!

По лестнице медленно поднимается молодой человек.

Люди поспешно расступаются в две шеренги, да не просто так, а согласно табелю о рангах, те, кто знатнее, те дальше от входа.

Князь чуть оттеснил меня с прохода.

— Ваша светлость...

Демидов!

Я принялась оглядываться по сторонам, насколько возможно незаметнее. Милонег... где эта гадина?

Высокий, красивый, но...

Ежь твою рожь!

Вот бы кого с Демидовым скрестить! Или хотя бы запереть на недельку в одной комнате!

Синий мундир, черные волосы...

А где эта?

Нини?

Что за идиотская привычка называть человека собачьей кличкой?

Розовая тушка обнаружилась где-то в третьем ряду... нет, вряд ли ставка сделана на нее. Я более знатная...

Вот и цесаревич.

Самый обычный молодой человек лет двадцати — двадцати двух, симпатичный, темно-русый, кареглазый, улыбающийся...

Мундир белого цвета, кортик — на балу сабли или шпаги это не комильфо...

Я смотрела во все глаза.

Милонег!

Вот и синий мундир! Вот он!

Мужчина стоит и во все глаза глядит на девицу в темно-зеленом. Или уже не девицу? Рыженькая, лет двадцати пяти на вид, она смотрит с выражением обреченности... точно! Здесь что-то будет.

Милонег начинает протискиваться к стене.

Уйдет, гадина.

Что же делать, что делать?!

Упасть в обморок?

Закричать?

А цесаревич все ближе.

И рука 'темно-зеленой' тянется к шее, туда, где убегает за вырез цепочка подозрительно знакомого плетения...

Я невольно 'ныряю' на тот уровень, на котором начинаю видеть ауры.

Рядом со мной чернотой сверкает Демидов. Отец переливается всеми цветами радуги, но больше всего — красным, у него небольшой дар огня, мачеха бездарна, цесаревич...

Или бездарен — или закрыт.

Не знаю, может быть и первое, и второе...

'Зеленая' переливается сполохами мрака, и я не понимаю, почему этого никто не замечает. А что могу я?

Я — маг земли.

Дворец — каменный. И маги, которые плели его защиту, должны были предусмотреть многое! Не могли не предусмотреть! Не только спокойствие и защищенность, но и активное противодействие, это логично! Дома стены помогают!

Я и сама толком не понимаю, что делаю. Но вот же солярные знаки, коловрат, вот они! На дальней от меня стене...

И от них явственно идет слабое сияние.

Защита?

А, все равно другого выхода нет! Что бы ни было, все польза будет!

И я, видя, как вспыхивает черное облако вокруг выбранной Милонегом девицы, бью всей своей силой по символу солнца.

Камень — моя стихия, ему легко принять мою силу, легко провести ее...

Девушка в зеленом вспухает чернотой, рассыпается, на ее месте остается нечто вроде громадной черной воронки, в которую затягивает людей, перемалывая в прах, Милонег куда-то удрал, скотина, а воронка затянула уже человек пять, с каждым проглоченным делаясь только сильнее, отшатывается цесаревич, но я понимаю, что ему уже не уйти, никому не уйти...

Хотя бы несколько минут выиграю.

Я падаю на колени, наплевав на крики, прикладываю ладони к полу.

— Волна!!!

Вы когда-нибудь встряхивали коврик?

Вот, нечто подобное я и проделываю. И никаких сил для этого почти не требуется. Древняя защита наконец-то приходит в себя, начинает работать... стены сами помогают мне.

Полы вздыбливаются, люди летят в разные стороны, а воронка... она ведь тоже может смещаться.

Она отлетает к дальней стене, почти к знаку солнца.

И то — вспыхивает.

Золотым, прекрасным огнем, заливающим залу.

Плюс сталкивается с минусом и происходит — взрыв!

Последнее, что я вижу — кусок кирпича, летящий в голову мачехи. А потом меня накрывает волна слабости, бросая навзничь.

Темнота.

А жить так хотелось...

Глава 5

Дежа вю.

Рядом со мной о чем-то разговаривают. Первое желание — открыть глаза. Второе — полежать и послушать.

Вверх одерживает благоразумие — и я прислушиваюсь.

— Жертвы!

— Да, Бог хранит цесаревича. Чудом уцелел...

— А человек тридцать погибло.

— И раненых — вся лечебница.

— Говорят, завтра здесь будет его величество, лично...

— То-то вся лечебница на ушах стоит...

Голоса стихают, отдаляются...

Я открываю глаза.

Палата. На четырех человек. Четыре кровати, на двух лежат незнакомые мне женщины. Но явно из высшего общества.

Не бывает у служанок ни таких ногтей, ни такой кожи...

Одна кровать свободна, но надолго ли?

Одежда?

Моей одежды нет. Я оглядываю больничную рубашку, потом снимаю со спинки стула халат. Подхожу к окну и выглядываю наружу.

И кто б сомневался?

Бывали мы на этом вашем Марсе, бывали. То есть в этой больнице. На улице явно ночь, фонари горят, тишина и покой. Ну, относительные. Больничные.

Кто мне может рассказать, что здесь происходит? И чем вообще кончилась моя эскапада?

Ну, цесаревич явно жив. Не факт, что здоров, но хотя бы выжил, уже польза. А тридцать человек погибло...

Вспоминаем родной мир?

У нас хоть как-то организуют службы спасения, но у нас есть опыт. А здесь?

Часто ли здесь устраиваются теракты?

Подозреваю, что всех пострадавших просто свезли в больницу, не

особо разбираясь. И завертелась карусель.

Сортировка, оказание первой, второй, десятой помощи...

Поэтому до меня руки и не дошли. Мне-то помощь особо и не требуется. Жива, здорова, а что в обмороке... тут, небось, и пострашнее есть случаи.

А когда дойдут? Что со мной сделают?

А мысли-то нерадостные вырисовываются...

Благодарность власть имущих? Не верю я в нее, от слова совсем и никак. Не видела, вот и не верю. Скорее, будет осуществляться другой вариант. К примеру, благодарность получит мой отец. А я получу... а ничего я не получу. Помолвка с Демидовым — и вперед.

А если упомяну про Милонегу...

Ага, это будет не песец. Это будет конец.

Первый же допрос — и меня расколют до самой попы. Это ротмистр ко мне хорошо отнесся, а так-то... кто со мной миндальничать будет?

И допросят, и все выпросят... и как тут относятся к подселенцам типа меня? Ох, что-то мне подсказывает, что крайне недружелюбно. У меня ведь от княжны ничего, кроме дневника, ни знаний, ни памяти, ни манер, ни навыков, ни опыта... я никого толком не обману. Ладно еще отец с мачехой, хотя и они заподозрили бы неладное. Не успели просто.

А серьезные ребята, занятые расследованием?

Изведут меня на допросы. И не факт, что я не пропаду где-нибудь в застенках охранки. Надавить, вынудить сотрудничать... это могут.

Варианты?

Бежать.

Что есть ног и лап. И не медлить... Хорошо, что мы с ротмистром гуляли по территории больницы. Сейчас я хоть знаю, куда мне бежать. И сбегу!

Пока я без сознания, пока народ без сознания, перепись не проводилась...

Касаюсь волос.

Однако!

Косу мне так и не расплели, и украшения так и не вытащили. С шеи сняли, а вот из волос не выплели.

Отлично. И на пальцах кольца сохранились, на какое-то время мне на пропитание точно хватит. В ломбарде заложу, не побрезгую.

Можно предположить, что без сознания я пробыла не так долго. Это ночь, последующая за балом. Не сутки я здесь валяюсь, точно не сутки.

Так, а что по состоянию?

Прислушиваюсь к себе. Нельзя сказать, что самочувствие отличное. Но...

Меня не тошнит, на ногах я стою твердо, руки действуют... синяки-ссадины есть?

Задираю рубашку и оглядываю себя. Отлично!

Есть и то, и другое, но в пределах нормы. Так, чуть-чуть. Пробую ощупать спину, насколько дотягиваюсь. Вроде бы тоже сильных повреждений нет.

Живем!

И двигаться можем!

Рвем когти!

Честно говорю, я поступила неподобающе. И гадко.

И наверное, по-свински.

Но украшения я собрала все, что нашла в палате. И свои, и обеих дам. Пригодятся.

Будем считать, что со мной расплатились за спасение жизни. Хоть их, хоть цесаревича.

Оказались у меня пять заколок с полудрагоценными камнями, мой жемчуг и шесть колец с разными драгоценными камнями.

Стыдно, конечно, но я не знаю, что меня дальше ждет. Если не пригодится, я найду случай вернуть побрякушки, память на лица у меня хорошая. Если пригодится...

Запас карман не тянет.

И я вышла в коридор.

Отделение не то, в котором я лежала. Зайти, попрощаться с ротмистром?

Можно. И про Милонегу ему рассказать, на всякий случай. Пусть он сам передаст, кому пожелает.

Я оглядываюсь. Ага, вот сестринская, вот пост... о! Удача!

На спинке стула висит чей-то плащ. Рядом стоят ботинки. Грубые, тяжелые, и мне они явно велики, но тут уж не до жиру! Я сдергиваю плащ, заворачиваю в него ботинки — и припускаю к лестнице. Пригодится.

Найти отделение, в котором я лежала, несложно. Это отдельный корпус, этакое государство в государстве. Для богатых.

Почему все не там?

Так не поместились.

Вот и окно ротмистра.

Заходить в отделение? Ну уж — нет. А вот пару камешков докинуть я смогу, благо, окно открыто.

Потребовалось целых четыре камня, прежде, чем Андрей Васильевич выглянул в окно. Я прикусила губу.

Несколько дней. Всего лишь пара дней, и такие перемены?

Истоков выглядел лет на пять старше. Прищурился, на зрении тоже сказалось, узнал меня и кивнул на беседку. Туда я и отправилась.

Ждать пришлось минут двадцать, прежде, чем Андрей Васильевич возник на пороге.

— Мария!

Я молча бросилась ему на шею — и разревелась.

Отдаю должное деликатности мужчины.

Меня просто гладили по голове, пока я не пришла в себя. Потом продолжили, пока не улеглись последние всхлипывания. А потом я сорвала здоровущий виноградный лист, высморкалась, и улыбнулась.

— Спасибо...

— Я уж и не надеялся свидеться.

И голос надтреснутый.

— Болезнь...

— Проклятие прогрессирует. Думаю, еще дней десять, вряд ли больше.

Слезы катятся сами собой. Но...

Не надо!

Андрей Васильевич этого не оценит. А вот...

Я решительно вытираю нос рукавом.

— Андрей Васильевич, у меня для вас есть интересная история. Надеюсь, вы сможете ей с кем-то поделиться?

— Расскажите, Мария?

Я поудобнее устраиваюсь на скамейке — и принимаюсь пересказывать. Что-то из дневника княжны, что-то из моих личных впечатлений... Милонегу я сдала, как металлический лом на базу.

Андрей Васильевич внимательно слушал. Кивал...

— Мария, это важно. Сможете вы завтра...

— Завтра меня здесь не будет, — я подняла голову и поглядела ему прямо в глаза. — Я хочу уехать.

Нельзя сказать, что я сильно удивила собеседника.

— Не проще ли будет остаться?

— Нет, вряд ли. Отец меня защищать не будет...

— Вашему отцу сейчас не до того, Мария.

— Вот как?

Приязни к папеньке я не испытывала. Ни разу. Не огрело ли и его кирпичом по маковке? До просветления?

— Ваша мачеха умерла. Примерно, час назад. Помочь не смогли, сильная травма...

Мне осталось только пожать плечами.

Ну и что?

Умерла — так умерла. Вот уж кого не жалко.

— Я видела, что с ней беда, но помочь уже не могла. Она бы меня, кстати, не пожалела. Так что... я плакать не стану.

— Князь сейчас там, в корпусе... он безутешен.

— Не уехал домой? Странно...

— У него нога сломана. И синяки — врачи его до завтра оставили.

И опять мне не жалко. Хоть и отец. Якобы.

— А Демидова вы там не видели?

— Нет...

— Может, повезло и он померши? — понадеялась я. Потом подумала пару минут. — Нет, удирать все равно надо.

— Не уверен, что вы принимаете правильное решение, Мария.

— Сама не уверена, — вздохнула я. — Но почему-то мне кажется, что так спокойнее.

Андрей Васильевич покачал головой.

— Куда вы поедете?

— В Березовский. — Ответ я уже знала. — Съезжу к Кальжетовым, подумаю о жизни...

— Одна. Вы рискуете...

— Я всю жизнь рискую. Кстати — что цесаревич?

— Жив. У него просто сотрясение мозга.

— Что ж. Значит, у него есть мозг.

Ротмистр невольно улыбнулся, хотя шуточка вышла рискованная. Здесь за такие и посадить могут.

— А вот у его невесты тяжелые переломы ног.

Александр мне жалко не было.

— Свадьба откладывается на неопределенное время?

— Да, думаю — да.

Я пожала плечами.

— Значит, это судьба.

Андрей Васильевич задумчиво смотрит на меня.

— Мария, я не смогу вас отговорить от побега?

— Нет.

— Тогда... вы можете подождать меня немного?

Я могла.

Что я теряла? Да ничего, до утра время еще есть.

Впрочем, стоило мне остаться одной, и в голову полезли нехорошие мысли.

А если сейчас Андрей Васильевич придет с кем-то? Если сдаст меня охране?

Если...

Так, спокойно.

Ничего страшного не происходит. Я не хочу разочароваться в человеке, но вдруг все и обойдется?

На всякий случай я вышла из беседки и прошлась чуть поодаль.

Скажу, ноги разминала.

Ноги, кстати, мерзли. Надо одеться, обуться, да и попробовать...

От халата, что ли, рукава оторвать? И как портянки их?

Надо попробовать, иначе я просто ноги сотру. Ботинки-то и грубые, да и чужие, безглаголю просто. Да и косу хорошо бы переплести, жемчуга вынуть. Займусь пока?

А пожалуй что...

Андрей Васильевич вернулся один.

При полном параде, в форме, спокойный и сосредоточенный.

— Мария?

Я вышла из тени.

— Андрей Васильевич?

— Идемте.

— Куда? — искренне удивилась я.

— Я провожу вас. Посажу на поезд и даже платочком помашу вслед.

Я открыла рот. Закрыла.

Еще раз открыла и наконец, выдавила.

— Андрей Васильевич, вам же нельзя...

— Мне как раз уже все можно, — горько улыбнулся ротмистр. — Мария, вы ведь почти ничего не знаете. Как нанять извозчика, доехать до вокзала, расплатиться, как договориться с проводником, у вас же нет никаких документов...

И поди, поспорь.

Он прав на сто процентов. Да, я решу эту проблему так или иначе, но с ним все будет проще и легче. Только вот...

— Андрей Васильевич, у вас могут быть неприятности.

— Мария, я умираю.

Коротко, четко и по делу.

Действительно, какие уж тут неприятности? Вряд ли ему можно хоть чем-то пригрозить. Он уже приговорен.

— Андрей Васильевич...

Быстрый взгляд на мои ноги.
— Давайте я помогу вам одеться.

Сделать из рукавов халата подобие носков, надеть ботинки, завернуться в плащ...

Все было проделано достаточно быстро, и Андрей Васильевич повел меня вглубь парка.

— Там в заборе дыра. Для контрабанды.

Я кивнула и послушно последовала за ним.

Ожидала подвоха, но все было тихо. Мы спокойно вышли с территории больницы, хотя и через дыру в заборе, мы спокойно пошли по ночным улицам.

Андрей Васильевич предложил мне руку, и я взяла его под локоть. Попробовала посмотреть своим 'взглядом'.

М-да.

Человека окружает как облако — аура. У кого ярче, у кого бледнее, этакое размытое цветковое образование.

У Андрея Васильевича были только жалкие лохмотья.

Магия или болезнь, не знаю, как это правильно назвать, но его просто разъедала черная гадкая клякса. И прикоснуться к ней было опасно.

Я отчетливо понимала это.

Вот, видишь ты капкан. Ясно же — не трогай. Опасно.

Так и тут.

Не с моим опытом, не с моими знаниями.

Вот так. Другой мир, магия, а медицина и тут бессильна. И почему так несправедливо? Какая-то сволочь, типа того же Демидова — живет, об асфальт не расшибешь, а хороший человек...

Промысел Божий неисповедим?

Или, как говорил, один мой знакомый священник, еще и в той жизни, почему сволочи живут дольше? Им шанс дают раскаяться. Чтобы осознали и не губили себя...

Что-то я сомневалась в большом числе раскаявшихся, ну и фиг с

ним. Не до теологии...

Ночные улицы Москвы казались темными и таинственными. Из подворотен показывались тени, но Андрей Васильевич уверенно шел вперед.

Да, одна я бы тут со страху описалась. А с ним и спокойно, и не страшно...

Вот и несколько извозчиков. Андрей Васильевич оглядел их, выбрал одного и подошел к пролетке. Постучал костяшками пальцев по лакированному боку.

— Ась? — встрепенулся водитель кобылы.

— До вокзала нас довези, любезнейший.

— Двугривенный, барин.

— И пяточка тебе хватит.

— Мне-то да, так лошадке ж тоже надо, — ухмыльнулся 'Ванька'.

Андрей Васильевич улыбнулся.

— Ладно. Тебе пяточок, да лошадке гривенник.

— Эх, вы и черта уговорите, барин.

Андрей Васильевич посадил меня в пролетку, потом сел сам.

Извозчик свистнул, щелкнул кнутом, но лошадку, кстати, не ударил.

— Эх, пошла, Манька!

Лошадь двинулась мерным спокойным шагом.

Я посмотрела на Андрея Васильевича, но тот показал кивком на извозчика и покачал головой, прикладывая палец к губам.

Поняла.

Все, что здесь будет сказано, будет растрезвонено по всей столице.

Помолчим.

Ехали мы минут двадцать неспешным шагом. Пару раз навстречу показывались другие экипажи. Пролетка с пьяным господином, карета, потом еще одна...

Я молчала.

Молчал и ротмистр, сжимая мою ладонь в своих руках. Нет,

никакой влюбленности, ничего такого. Просто чувства мужчины, который волнуется за близкую женщину. Вот и все.

Вокзал...

Громадное здание.

Часы, башня, большие двери...

Мраморная лестница, львы на постаментах, освещенные окна...

Только вот мы идем мимо.

Я с удивлением поглядела на ротмистра.

— Андрей Васильевич?

— Вам туда нельзя, Мария.

— Почему?

— Из-за моих коллег. И — у вас нет документов.

Я вздохнула.

— Да уж. Но я попробую решить эту проблему.

Я пока плохо представляла, как именно, но... кто знает?

Что у нас — в моргах неопознанных трупов не бывает? И нельзя найти тех, кто документами торгует?

— Я бы помог, но это нужно несколько дней, — развел руками Андрей Васильевич.

— Вы уже помогли мне больше, чем родной отец.

Ответом мне стала грустная улыбка.

— Идемте, Мария.

Несколько поездов, я такие только в старых фильмах видела. Еще в черно-белых...

Только эти еще более древние, немного непривычной формы...

Хорошо хоть не дилижансы. И на том спасибо...

По какому признаку Андрей Васильевич выбрал тот самый поезд — я не знаю. И проводника — тоже. Но его взгляд упал на продувного мужчину лет сорока, полненького, с округлым пузиком, и между ними завязался оживленный разговор.

Я в нем понимала, в лучшем случае, одно слово из трех. Прислушивалась, но...

Жаргон какой-то?
Да, наверное.

Мужчины разговаривали, я поглядывала по сторонам.

Вагоны, вагоны...

Люди садятся в вагоны, люди провожают друг друга...

Последние вагоны явно с каким-то грузом, это понятно даже мне. Они закрытые, при них охрана... это хорошо. Спокойнее ехать будет.

Наконец мужчины договорились, и Андрей Васильевич протянул проводнику несколько купюр. Я шагнула вперед, но наткнулась на предупреждающий взгляд.

И — смолчала.

— Мы сейчас попрощаемся, и я девушку сам посажу в купе. А ты по приезде мне ответишь, как довез, понял?

Проводник закивал.

Андрей Васильевич положил руки мне на плечи.

— Будьте счастливы, Мария.

И я не удержалась.

Ткнулась лицом ему в плечо, слезы сами побежали...

Я сильная?

Нет.

Здесь и сейчас, рядом с этим мужчиной, я понимаю, что такое настоящая сила. Когда человек идет и делает то, что должен. Вопреки любым обстоятельствам, вопреки самой смерти.

Почему таких мужчин мало?

Теплая рука гладит меня по волосам.

— Машенька... не плачь, родная. Все будет хорошо, обещаю. Ты еще молодая, ты будешь жить долго и счастливо, и за себя, и за нас с Алиной...

Слезы потекли еще сильнее.

Усилием воли я загнала их поглубже, шмыгнула носом. Может, и не аристократически, но платка-то у меня нет!

— Прощайте, Андрей Васильевич.

— Прощайте, Мария.

Слова пусты. За нас сейчас говорят наши глаза.

Доля секунды, не больше, а потом мы отводим взгляды. Слишком многое мы поняли друг о друге.

— Отец...

— Дитя мое...

Ни сказано ни слова. Но слова повисают в воздухе.

Как можно стать такими родным за несколько встреч? А вот можно. Только если сказать все это, я и уехать-то не смогу. Никак не смогу...

Я порывисто обнимаю мужчину и крепко целую в щеку.

И получаю в ответ отеческий поцелуй в лоб. Андрей Васильевич крестит меня.

— Храни тебя Господь, дитя мое...

Купе оказывается вполне комфортным.

Два диванчика, никаких верхних полок. Оно рассчитано на двоих людей, не больше.

Есть места для багажа, но мне они не нужны. Все равно ничего у меня нет...

Андрей Васильевич стоит на перроне до последнего. Я смотрю в окно, он смотрит на меня, машет рукой, когда поезд тронулся...

Раздеваться я начинаю только когда фигура ротмистра скрывается из вида. И в кармане халата...

Как он умудрился?

Когда?

Небольшой кошелек черной кожи. Портмоне.

Открываю его.

Несколько крупных купюр, горсть мелочи, записка, нацарапанная наспех, карандашом на уголке газеты. Медленно читаю.

— Храни тебя Господь, дитя мое...

И не откажешься.

Эх, Андрей Васильевич...

За окном мелькают дома, деревья....

Стук в дверь заставляет меня завернуться в плащ. Проводник чуть смущается.

— Госпожа...

— Да?

— Господин просил принести...

На второй диванчик ложится три платья.

— Откуда это?

— Дамы ездят, забывают иногда...

Действительно, глупый вопрос.

Приглядываюсь к платьям.

Одно отбраковываю сразу. Винно-красный шелк, черное кружево, вырез до... этого самого. Ясно какая дама и какого сорта его забыла. Подозреваю, даже в каких обстоятельствах.

Два других попрличнее.

Коричневое сукно и серый бархат.

Увы, придется выбрать сукно. У него есть один большой плюс — пуговицы спереди. Да, это заявка — я из простого народа, у меня нет служанки. Ну и пусть, мне ли сейчас привлекать внимание?

Бархат выглядит намного благороднее, разве что на подоле пятно от чего-то жирного. Но множество мелких пуговиц сзади, тонкое кружево отделки...

Нет, это просто не то.

Выбираю коричневое сукно.

— Иголлка и нитки найдутся?

— А то как же, госпожа.

— Сколько с меня?

— Господин все оплатил, не извольте беспокоиться...

И вновь по щеке сбегает непрошенная слезинка.

Ах, Андрей Васильевич...

Прощайте. И простите меня за все. Я вас никогда не забуду. И сына назову Андреем.

Интерлюдия.

Андрей Васильевич бодро шагал по ночной Москве.

На душе у него было легко и весело, как не было уже давно, с того самого черного дня...

Легко ли узнать, что ты умираешь?

Обречен, и никто не может для тебя ничего сделать?

Поверьте, это очень тяжело. Осознание собственной смерти свалилось на Истокова, как каменная плита на плечи, придавило, расплющило...

Когда сразу — не так больно, наверное.

Вот ты был, а потом тебя не стало, и разве что кто-то тебя оплачет. И не больно, и не страшно...

А тут...

Лежишь, и вспоминаешь свою прошлую жизнь, и понимаешь, что ничего-то в ней такого и не было.

Настоящего.

Разве что Алина.

Синие глаза, светлые волосы, улыбка, поляна с ромашками, платье с такими же ромашками... горькое сожаление о своей глупости.

Да, он получил следующий чин, он продвинул свою карьеру...

И что толку?

Натали с детьми навещала его в больнице, а он смотрел, и понимал, что они — чужие, совсем чужие.

И с этой нарядной женщиной в платье по последней лондонской моде, и с этими манерными девушками, которые жеманно растягивают слова, и даже с сыном, который вырос избалованным и изнеженным.

Строил он карьеру, строил...и что?

И пепелище...

И горькие сны, приходящие по ночам, скручивающие мышцы болезненной судорогой, и проклятье, разъедающее тело и душу...

И вдруг касание теплой руки.

И взгляд серьезных темно-серых глаз.

Мария...

Похожая на Алину — и совершенно другая. Хрупкая и беззащитная, умная и отважная, серьезная и не по годам рассудительная — и в то же время удивительно наивная.

Ах, Мария...

Тебе плохо? Так помоги тому, кому еще хуже.

Андрей Васильевич не определял свои чувства. Это было не сексуальное влечение, нет. Не любовь, не привязанность. Скорее, некое родство душ.

Да, именно так.

Две раненых души, два одиночества.

Княжна могла быть его дочерью по возрасту. И хотелось помочь, защитить, согреть... что он мог ей дать?

Несколько разговоров — и только.

Думал, они никогда больше не увидятся, но судьба оказалась благосклонна к ротмистру.

Взрыв.

Покушение на наследника...

Совсем Романов мышей не ловит, разленился вконец...

А, что уж теперь.

Именно благодаря этому покушению, Мария вновь оказалась в той же больнице. И смогла найти его. Удивительное присутствие духа для молодой девушки.

Мария все рассчитала правильно.

Ей — не поверят.

Нет, оправдываться тут будет просто бесполезно. Говори, не говори, ругайся, проси, умоляй...

Романов в принципе будет сейчас рыть землю носом, надо бы ему этого Милонегу заложить, пока еще есть силы и возможность. Сегодня же, как придет, письмо напишет.

Денег в карманах не оставалось даже на извозчика.

Казалось бы, зачем ему крупные суммы в больнице?

Но Андрей Васильевич не привык быть без денег. Издержки полунищего детства и отрочества, знаете ли. Когда после тяжелого рабочего дня стоишь и думаешь — извозчик — или булочка. А если булочка, то придется тебе идти пешком четыре квартала, а зима и холодно. И обувь старая.

И кушать хочется так, что желудок судорогой сводит.

А если извозчик, то дома ничего нет, кроме осточертевшей пшенки. Зато там можно согреться... и сил уже нет идти...

Вот, с тех пор он и привык держать при себе крупные суммы. Как появилась возможность...

Булочка?

Да он три булочных скупить мог на корню.

А сейчас у него в карманах ветер гулял. Даже мелочь отдал Марии, потихоньку, вспомнив кое-какие навыки, подсунул портмоне в карман халата, чтобы она сразу не нашла. Откажется ведь...

Отказалась бы.

Правильно ли она поступила?

Уехала, все бросила...

Разве нет?

Истоков умел слушать и слышать. И то, что он не стал объяснять Марии весь расклад, не значило, что он его не просчитал.

Ситуация складывалась неоднозначная.

Кому нужно покушение на наследника? А ответ-то прост. Только своим.

Цесаревич собирается жениться, его невеста приезжает в Москву — и здрасте-нате? Покушение задумано так, чтобы устранить или обоих, или одну. Вызвать осложнения с Лондоном... собственно, они УЖЕ появились.

Королева не простит такого отношения к собственной внучке, да и ее отец не спустит... возникнет напряженность. Под шумок оживятся те, кто хотел подсунуть цесаревичу невесту из своего юрта. Таких четверо.

Шуйские, Соболяnsкие, Захаровы и Матвеевы.

Четыре юрта с которыми придется считаться на какое-то время. Цесаревич, по счастью, жив, а вот его невесте долго восстанавливаться придется. Переломы костей, они даже с магией зарастают долго, магия не всесильна.

Кто-то начнет давить 'за', кто-то 'против'...

Мария попадет в жернова.

Романов, насколько знал Истоков, поддерживал Матвеевский юрт. А у старого Матвеева своя дочь-красавица, младшая, Анастасия Матвеевна Матвеева, хороша до необычайности.

Если оказывается, что Мария знает нечто о состоявшемся покушении... что сделает Романов?

Да вытряхнет из девочки — все. И что та знает, и чего не знает... и подставит, и свои выводы сделает, и наживку из нее тоже сделает.

Спокойно.

Ну уж — нет!

И князь тут не защита.

Горский сейчас в горе и трансе из-за смерти супруги, он дочери не защита. А так...

Нет княжны. Сбежала.

Отчего?

Да, от брака с Демидовым, к примеру. Если там и правда проклятие, там, кто хочешь, сбежит. Что ж она, дурочка, что ли?

А что там было, как там было...

Если кто-то и понял, что именно сделала княжна Мария, то сразу никому не рассказали. А теперь уж и поздно.

Княжна вне досягаемости.

Плохо другое.

Когда она захочет вернуться... ротмистр даже не сомневался, что захочет, рано или поздно она вернется в высший свет, такие в безвестности не пропадают и не прозябают...

Так вот.

Когда она захочет вернуться, ее репутации будет нанесен существенный урон.

Побег из-под венца... м-да.

А с другой стороны, он верил в Марию! Она наверняка что-то да придумает. Справится. Она умная и сильная девочка, она еще и не такое потянет...

Да и вернуться не так, чтобы сложно. Магия-с...

Марии достаточно поклясться на крови, что она — ее светлость Мария Горская, и вопросы будут сняты. Ей не нужны никакие документы, достаточно слова и крови.

А еще он попросит старого друга приглядывать за малышкой. Так, на всякий случай.

Но кто же стоит за этой пакостью?

Шуйские, Соболяnsкие, Захаровы или Матвеевы?

Занятый своими мыслями ротмистр и не заметил, как позади него выросла темная тень. Рука захватила горло, рванула назад.

Нож вошел под лопатку и тело мужчины выгнулось в жестоком захвате.

Мгновенная смерть.

Истокову повезло в последний раз в его жизни. Не придется гнить заживо, мучаясь от проклятья, не придется считать минуты до смерти,

не придется просить об отпущении греха — смертного, потому что такие мучения мало кто выдерживает, просят дать им опиума, чтобы уйти быстро и во сне...

Ему повезло.

Только вот рассказать о своих выводах он никому уже не успел. Увы....

Не повезло грабителям — в карманах Истокова не нашлось и медного гроша. Эка жалость! Разве что мундир снять, да загнать? Но опасно...

А колеса поезда стучали по рельсам, унося княжну все дальше от Первопрестольной. И ее знания о заговоре — тоже.

Глава 6

Встречи с судьбой.

Сутки я ехала просто великолепно.

Перешила платье, как — перешила?

Без швейной машинки, конечно, было сложно и неудобно. Но уж что-что, а чуть укоротить рукава и подол я могла. Вот с талией было сложнее, пришлось уточнить у проводника насчет ремня.

Ремень оказался мужским, ну да ладно, лучше такой, чем никакой.

И спороть с платья жутковатую отделку в виде атласных бантиков.

Получилась этакая коричневая мышь.

Теперь у меня был почти целый гардероб.

Платье — раз. Халат, ночная рубашка, нижнее белье... хорошо хоть его на мне оставили. И даже ботинки.

Чулки бы мне.

И хотя бы еще одно платье.

Покуситься на то, серое?

Нет, не стоит. И слишком дорого, и слишком роскошно, и вообще — не для моего образа жизни. Лучше я потом что-то подешевле куплю. Деньги экономить надо.

Дорогой я думала о важном. А именно — как жить?

Передо мной стояли две проблемы.

Первая — где добыть документы на любое другое имя?

Вторая — чем прокормиться?

Скажем честно, для гувернантки или учительницы у меня не те манеры. И возраст. И внешность. А работать нянькой-давалкой, тут уж увольте. Дело не во внутреннем протесте, а в примитивной контрацепции, распространении разных венерических заболеваний и последующих проблемах.

Знаете ли, замуж сложно выйти будет.

Здесь с этим строго.

В храме венчают всех, но есть ограничения.

Фата — символ невинности. Плотная, почти покров, она снимается женихом прямо на свадьбе. И простыня потом предъявляется после брачной ночи. Иногда она, кстати, в чужом доме проходит.

Да, не у молодоженов, а у кого-то третьего, если есть сомнения. Вроде как свидетели невинности.

Здесь с этим строго.

Если ты не девушка, покров ты не одеваешь. Точка.

Рискнешь — выгонят из храма с позором. Нужно ли мне такое для моих детей? Пятно на репутации, знаете ли...

Береги честь смолоду.

Смешные слова?

Ну, кому как. А вот моим родным так не казалось. И дед говорил, и отец повторял, что одно пятно грязи портит все платье. Вот представьте, платье невесты — и на него кто-то опрокидывает вазочку с вареньем. И спереди остается некрасивое пятно...

Нравится?

Нет.

И никому не понравится.

Это не ты вор, это твои родители вырастили вора, твои дети выросли у вора, твои братья и сестры тоже не отмоются, не говоря уж о супругах...

Это не ты шлюха, это твои дети — дети шлюхи, родители вырастили проститутку, а дети... а они такие же, чего тут непонятного?

Ложки нашлись, осадок остался.

И приходится ни в чем не повинным людям всю жизнь доказывать, что они не верблюды. Насмотрелась я в той жизни...

А в этой — что?

А, то же самое, только еще жестче. Кто бы что ни говорил, но двадцать первый век снял многие запреты и ограничения. Нормально заводить любовников, драться на публику, материться, ходить с голыми сиськами, вытряхивать всем напоказ свое грязное белье...

Сейчас это не то, что немыслимо — за такое в дурдом запрут. И будут правы.

Так что надо придумать способ выживать без потерь для своей репутации.

Итак, что я умею?

Ну, проектировщик я неплохой. Ставим плюстик и тут же

вычеркиваем. Просто потому, что я не знакома с местными нормами и правилами. Могу огрести по самое дальше некуда. Надо переучиваться. По-любому.

Я уж молчу про то, что здесь это мужская профессия, меня просто никто туда не возьмет.

Что я умею еще?

У меня два образования, агрохимия, если что, и потом уже АСФ. Переквалифицировалась. Только вот агрономов тут тоже нет. И память у меня не идеальная.

А что я еще могу?

Домашние дела.

Стирать, готовить, шить...

Умею неплохо вязать крючком, но тут и без меня это умеют.

Прислуга, одним словом. Или супруга. А эти два варианта меня не устраивают.

А вот чему меня еще научили? Что может быть полезно в данной ситуации?

Ответ прост.

Ни-че-го.

У меня нет никаких уникальных знаний или умений, у меня нет каких-то талантов, нет ни слуха, ни голоса... ладно, в этом теле они, может, и есть, но...

Ага, так и спеть. Что-нибудь из последних хитов, к примеру...

Что там меня довело до нервного смешка? Ага... 'ты просто так заменила всех, из-за тебя я опопсел...'. И потом еще веселее. 'Ты только дай мне вдохнуть тебя и спрятать нашу тайну'...*

Страшусь даже спросить — в какое место будут ее прятать?

*- Миша Марвин. Атомы. Если что — вылезло на вопрос хиты лета-2019 и разложило автора на атомы. Прим. авт.

Спев такое, потом действительно можно не беспокоиться о пропитании, в психушке оно бесплатное. Правда, с лечением, но ведь и с проживанием тоже.

Кстати...

Может, туда?

Грязи я не боюсь, крови тоже, работа это почетная...

Попробовать устроиться в больницу?

Медсестрой или санитаркой?

А кстати — спокойно. Ставим плюсик.

Это неквалифицированный труд, но есть плюсы. Больница — то место, где можно познакомиться с самыми разными слоями населения, завести контакты, разжиться документами... да, вот еще проблема.

Документы.

Ладно еще деньги, продавая жемчуг из моих волос я пару лет проживу безбедно, но аусвайс? Я ведь без него беззащитна перед законом, а где найти?

Где разжиться таким полезным предметом?

Черт его знает.

Тут и магия не поможет, здесь свои маги имеются. И вообще, сколько я знаю чиновников, на них магия не действует, только деньги. В особо крупных размерах, как пишут в УК РФ.

У меня столько нет.

Искать уголовников? Ага, тут-то меня под березкой и прикопают. И то не факт, что такое романтическое место выберут, могут и просто в какое озеро скинуть, на радость рыбам.

Нет у меня навыков общения с криминалом, нету! Ни в том мире, ни в этом...

Значит, дешевле и не связываться.

Какие еще варианты?

Украсть самой? Тоже уметь надо.

Получить новые? Тут хоть компьютерной базы и нет, но запрос сделать можно. И возьмут меня за попу...

И так плохо, и так нехорошо...

И не устроишься никуда без документов. Не продумали мы этот момент с Андреем Васильевичем. Но... было ли у нас время?

Он и так для меня сделал, что мог, спасибо ему. Теперь надо самой выгребать лапами.

Справлюсь?

А куда я денусь? Выбора у меня нет, значит — вперед! Не домой же возвращаться, под крылышки любящего папочки и влюбленного женишка? Они от меня ни рожек, ни ножек не оставят.

Нет уж.

Перебьются.

Увы, долго мне пребывать в одиночестве не дали.

Уже на второй день проводник стукнул в дверь.

— Госпожа...

— Слушаю вас, сударь.

— На следующей станции дама подсядет...

Я кивнула.

— Хорошо. Можете мне раздобыть каких газет? Полистать в дороге?

— Конечно, госпожа. Чайку вам принести?

— Я буду вам очень благодарна.

Ничто не ценится так дорого и не дается так дешево, как обычная вежливость.

Старая поговорка? А от этого она не потеряла актуальность. Наоборот, стала еще вернее. Столько хамов развелось, хоть трамваями дави.

Я вежлива с проводником, и он отвечает мне тем же. Пусть не таит на меня злобу. Пока, вроде, получается.

Стук в дверь обрывает мои мысли. В купе входит девушка чуть постарше меня, может, лет двадцати — двадцати двух...

Обручального кольца нет, а здесь это возраст серьезный.

Волосы потемнее моих на несколько тонов, глаза голубые, водянистые, фигура сухощавая и тонкая... не сказать, что мы с ней похожи, но и не полные противоположности.

Девушки — и девушки.

При виде меня она чуть наклоняет голову.

— Добрый день, сударыня.

Отвечаю таким же наклоном.

— День добрый, сударыня.

Она тоже не из богатых.

Серое суконное платье идет ей не больше, чем мне — чужое коричневое. Простой крой, пуговицы спереди, митенки на руках, а пальцы выдают свою хозяйку.

Костяшки пальцев. И ногти...

У аристократов руки другие. А тут костяшки пальцев человека, который часто стирает в холодной воде. И ногти квадратные, сами пальцы короткие... нет, это не аристократическая ладонь.

Мне досталось тело получше. Хотя бы руки и ноги маленькие и

изящные.

Селекция...

И волосы неухоженные, видно, что моют их простым щелоком, и потом ничем не споласкивают. И не надо мне о дико дорогой косметике, тот же яблочный уксус не хуже действует. Вымыл голову — и прополощи слабым раствором. Волосы и мягче, и послушнее будут, и стоит он даже не копейки — гроши. Хоть залейся.

Дело в общей неухоженности девушки.

Это — человек, который работает, много и тяжело.

И вдруг — купе?

Странно...

Проводник приносит нам чай. Постепенно завязывается беседа.

Мою соседку тоже зовут Мария. Здесь это распространенное имя, кстати говоря. Не модное, а именно частое.

Дева Мария, отсюда и идет. Считается, что названные Мариями, находятся под ее покровительством. Суеверие?

Да какая мне разница?

Имя — и имя, мода и мода... из десяти девочек хоть одна Марией да окажется.

Только эта — Синютина Мария Петровна.

Двадцати лет от роду, сирота...

Откуда деньги?

Да, так получилось. Семейная история, которую Марии хочется рассказать, а я выслушиваю с большим интересом.

Жили-были две сестры — Настя и Анютка. Настя старше, Анютка младше... но рано или поздно влюбляются все.

Настя и Анютка влюбились в одного и того же мужчину. Красавца, офицера, кавалериста... Петра Синютина.

Не дворянина, нет. Мог бы выслужить личное дворянство, но...

По порядку?

Да, по порядку.

Полк стоял на постое в их городке. И Петр запал в душу обеим девушкам. А ему понравилась младшая. Да так, что завязался пылкий и бурный роман, закончившийся браком.

Старшая сестра, увы, не отличалась душевным благородством. А

еще вернее — в любви каждый сам за себя.

Настя пыталась отбить жениха у сестры, пыталась подставить младшенькую, пыталась... да много чего нехорошего было.

Точку в истории поставили родители, выдав Настю за купца Карпа Романовича Сидорова, а младшую — за ее любимого кавалериста.

А вот дальше жизнь расставила все по своим местам, она это умеет.

Красавец мужчина оказался, увы, плохим хозяином. Плохим добытчиком. Отвратительным мужем.

Что он умел делать — детей. Еще пить, гулять, еще любил лошадей и драки. Вот и убили его однажды на дуэли, оставив вдову с четырьмя детьми.

Старшей — Машенькой, и младшими, Ванечкой, Петенькой и Ариной. Было и еще трое, но те умерли в младенчестве. Арине сейчас четырнадцать, Ванечке шестнадцать, Петруше десять.

С наследством тоже не задалось.

Не было наследства, как такового. И у Анюткиных родителей не было палат каменных, обычные мещане, и у Пети Синютина их тоже не было. И дворянство он не выслужил...

Пришлось Анне с детьми возвращаться к родителям, тем паче, что Петенькина родня ее принимать отказалась.

А у Насти была другая ситуация.

За мужем она была, как за каменной стеной.

Деньги?

Сколько угодно. Купец пошел в гору, раскрутился, только вот детей у него не было. Увы...

Умер он, когда ему было за семьдесят, и оставил Настю вдовой. В неполных сорок лет. Богатой, обеспеченной...

Беда одна не приходит.

Следом, друг за другом, умерли родители девушек. Аня билась с детьми, как рыба об лед, но прокормить их не могла. Маша, которой тогда было пятнадцать, помогала, но что она могла-то?

Настя подумала, и предложила сестре забрать к себе старшую дочь. Компаньонкой.

Дать кое-какое образование...

Аня, конечно, согласилась.

Маше не хотелось уезжать, родных она любила, но...

Денег не было, а тетка обещала помогать. Как тут не поехать?

Действительность оказалась намного хуже, чем обещания. Маша оказалась прислугой за все.

Стирка, готовка, уборка... Настя, пожив со своим купцом, заразилась от него скупостью, и вообще, характер у нее был отвратительный. Прислугу она гоняла, племяннице доставалось, но сестре она деньги высылала. Маша сама отправляла переводы и получала благодарность от матери. Так что...

Девушка терпела.

А потом тетка умерла.

Сердце, неумеренность в пище, вот и получилось так...

Завещание было составлено на Марию. Но — хитро.

До двадцати пяти лет девушке полагались только проценты с капитала. Если она выйдет замуж, то управление деньгами переходит к ее мужу, а потом к ее детям. А она все равно снимает только проценты. Но Марии и того хватало.

Она ехала домой, к родным, она везла им деньги, которых хватит для приличной скромной жизни. А подождать пять лет...

Да и пусть их!

Пролетят — не заметишь.

Я кивала, поддакивала, улыбалась. И думала, что рассказать о себе. Правду было как-то неохота выкладывать. А неправду... врать тоже надо уметь.

Решила ограничиться примерно половиной.

Воспитывалась в пансионе, отец нашел мне мужа, сейчас еду знакомиться.

В каком-то смысле это было правдой. Мария покивала и опять принялась болтать о своем.

И какая она довольная, и как хочется домой, и...

К вечеру я готова была ее придушить подушкой. Это — не радио, это хуже. Это кошмар какой-то! Незамолкающее орудие пытки, вот!

Ну да ладно, могло быть и хуже. Пока она болтает, я могу молчать. И кстати, между делом качать информацию. О том, о сем, о работе женщин, о труде прислуги, о полученном Марией образовании...

Слово за слово, так и рассказ сойдет.

Пытка продолжилась на следующее утро.

К концу третьего дня я готова была отправить Марию вслед за ее теткой. Но...

Все получилось очень внезапно.

Что-то загрохотало впереди. Да так, словно на части рвалась сама земля. Шум бил по ушам, рвал в клочья барабанные перепонки...

Что-то вспыхнуло, ослепляя и окончательно оглушая.

Поезд содрогнулся, как подстреленная на полном скаку лошадь, и все заскрежетало, завизжало, это был какой-то невообразимый звук...

Я полетела головой вперед на стену, и последней мыслью стало:

'Что-то частенько это повторяется, как бы в привычку не вошло...'

Полноценного дежа вю не получилось. И серьезной травмы не было, и пришла я в себя достаточно быстро. Тут же, в купе.

Голова болела.

Ну-ка, попробуем встать? Да, а были б мозги, было б и сотрясение. Но голова, хоть и болела, это было единственными последствиями. Ничего не кружилось, меня не тошнило...

А что с моей соседкой?

Ох, ёпт...

Марии не повезло.

Натуральные материалы — не всегда благо. Раму словно внутрь вмяло, и большой кусок дерева просто пригвоздил девчонку к стене, словно бабочку на булавке.

Я приложила пальцы к ее шее.

Жива.

Черт!!!

А как тут быть?

Чтобы снять человека с этого кола сил требуется побольше, чем у меня. Намного. Да и... я подозреваю, что она может умереть от кровотечения. Кол прошел аккуратно под грудиной, если там ничего не повреждено, будет просто чудом божьим. А я подозреваю, что с чудесами у нас накладка.

Где взять бригаду реаниматологов?

Я попробовала выглянуть в коридор... ага, наивная девушка. Дверь заклинило намертво, колоти, не колоти. Чем бы попробовать?

Я оглянулась в поисках... да хоть чего! Ломик бы! Но это не наши, отечественные поезда, в которых что угодно найти можно. Здесь — увы — ничего не было.

— Ааааа...

Мари я застонала, и я повернулась к ней.

Глаза девушки были открыты, она была в сознании. А простое темное платье все сильнее намокало кровью.

— Маша! Не дергайся!

Я бросилась к ней. Девушка непроизвольно шевелилась, и это было... паршиво. Кажется, там было сильное кровоизлияние... какой-то сосуд повредили? Вену? Артерию?

А, что так, что этак, все равно дело дрянь.

— Я...

— Я сейчас позову на помощь.

— Больно... я умираю?

Голос был неразборчивым, почти шепот. И я не стала врать.

— Если помощь придет в ближайшее время, можешь выжить. Или можешь не выжить.

Лучше такие вещи знать. И можете считать меня жестокой... я бы предпочла знать. Кажется, моя тетка — тоже.

— Если я... помоги моим?

— Чем?

— Пожалуйста...

Я вздохнула.

Ага, поди туда, не знаю куда, вразуми того, не знаю кого.

— Хорошо. Если помощь не объявится в ближайшее время — обещаю. Помогу твоим родным.

Маша прикрыла глаза.

— Больно...

Ежь твою рожь! Ну хоть что бы, лишь бы снять ее!

Помогите же! Хоть кто-нибудь!

Я дернула еще раз дверь, выругалась — и кинулась к окну.

Паршиво?

Нет, это еще не то слово.

Знаете, что заставило меня отшатнуться от окна? Задергаться, занервничать?

Звуки выстрелов.

Их я ни с чем не перепутаю... страшно!

Я осторожно добралась до окна и выглянула наружу.

М-да.

Вы знаете, что такое песец? Вот, здесь и сейчас был именно он, полярный и жирный. Поезд сошел с рельсов, насколько я поняла. Пропахал метров сто целины... и спасателей видно не было.

Зато мне отлично были видны последние вагоны. Поезд компоновался по простому принципу. Паровоз, потом какие-то опечатанные вагоны, потом вагоны для бедных, потом уже купе. Это мне проводник объяснил.

Это не просто так, с бухты-барахты сделано.

Поезда здесь топят углем. Как там в моем времени — я не знала, а здесь уголь, сажа, хлопья которой летят и могут оседать на... везде они оседают! Запах, шум...

Поэтому сначала груз, потом вагоны для бедноты, той все равно, а потом уж чистая публика. Мы, кстати, от бедных отделены вагоном-рестораном. И абы кого через него не пропустят.

Я попала в купе благодаря Андрею Васильевичу.

Мария? Та просто решила шикануть. Уж очень она натерпелась с теткой... бедная девчонка.

Но суть-то не в этом.

Я сейчас вижу все, что происходит у паровоза, и ничего хорошего там нет.

Там суется примерно пятнадцать-двадцать человек, точнее сосчитать не удастся, они же двигаются.

Лежат тела машинистов, их легко опознать по приметной зеленой форме.

Кажется, там еще кто-то убитый... солдаты?

Я бы не удивилась.

Итак, картина становится яснее. В этом поезде что-то перевозили и местные.... Кто? А, плевать, кто именно. Если они такое устроили, их все равно вешать надо!

Только вот не мне об этом рассуждать. Мне бы самой сейчас

уцелеть.

Если кто-то пользуется результатом катастрофы, значит, он ее и организовал. Это раз.

И живые свидетели им ни к чему. Они же даже морды платками не замотали, значит... пройдут и добьют выживших. Долго ли? Это два.

Становится ясно, что на помощь можно не рассчитывать в ближайшее время. Вряд ли налетчики не предусмотрели такой ситуации.

Наверняка, час или около того у них есть. Что они могут сделать за это время?

Забрать груз, перебить всех присутствующих и благополучно скрыться. Я бы так и поступила, чтобы свидетелей не осталось. А тут как?

Словно в ответ на мой безмолвный вопрос, один из налетчиков всаживает несколько пуль в неосторожно высунувшуюся тетку. Та падает внутрь вагона для бедных. И я успеваю даже отметить заливающийся кровью цветастый платок.

Как много мелочей ухватывает подсознание за несколько секунд.

Довольно!

Что я могу сделать?

Да только одно. У меня нет ни оружия, ни супермена по вызову. У меня есть только моя магия, которой я толком и пользоваться не умею. Но вряд ли у налетчиков есть маги?

А, выбора у меня тоже нет.

Либо я пробую здесь и сейчас, либо меня просто пристрелят. В вагонах для 'чистой публики' наверняка есть чем поживиться. Они просто пройдутся зондеркомандой по всему поезду, добьют выживших свидетелей и уйдут. А мы останемся уже двумя трупами.

Ну уж — нет!

Не для того я из своего мира сюда переселилась, чтобы так нелепо помереть! Выживала, выживаю и жить буду! А кому не нравится — пусть пойдет, отравится!

Ну что, Маруся, оципдем гуся?

Выбора у меня не было.

Я прикрыла глаза и попробовала вызвать внутри себя то же ощущение, что и во дворце.

Магия земли ни разу не боевая.

Огонь, ветер, даже вода — они позволяют драться, а вот земля слишком медлительна, слишком инертна, пока ты ее дозовешься, тебя три раза поджарить успеют. Но это на магической дуэли.

Сейчас у меня чуть больше времени.

Я прикрываю глаза и пытаюсь вызвать в себе то же ощущение, что и в больнице.

В висках начинает ломить. Но медленно, очень медленно, как по мне, оно все-таки приходит. Досталось мне... лишь бы не перегореть. Черт, о чем я думаю?

Лишь бы выжить!

Мир словно размывается серыми пятнами, и проявляется совсем иначе.

Я по-прежнему вижу материальные объекты, но сейчас они словно тени из старого фильма. Черно-белые, неважные. В них нет ни крошки силы, они мне неинтересны.

А вот люди...

Каждый человек пульсирует огнем.

Ярким, живым, каждый человек — словно искра на моем внутреннем радаре.

Протуберанцы разных цветов и оттенков, поярче и побледнее, один совсем рядом, вообще почти угас.

Маша.

Она умирает, и жизненной силы в ней почти не осталось.

В тех, кто убит, она тоже погасла. Осталось пока еще нечто вроде каркаса из силовых линий, я вижу их тела черно-белыми силуэтами, но и только.

Вижу я и налетчиков.

Все они, и те, кто напал, и Маша, и вагоны с людьми, все видятся примерно одинаково. Они не маги, это хорошо.

А что я могу сделать, как маг земли?

Да самое простое.

Зыбучие пески.

Я не могу вырастить какие-нибудь колючки, чтобы они запутались, я не могу разверзнуть землю под их ногами... подозреваю, что это сложно, я не могу призвать какого-то духа или поднять мертвых, я не

шаман и не некромант. Хорошо хоть я что-то читала, что-то смотрела, и примерно представляю, как это должно работать. И выбираю единственное, что не так сложно сделать.

Принцип хоть магии, хоть сантехники — один и тот же.

Хочешь что-то сделать?

Ты должен знать, как оно устроено.

Про зыбуны я знаю, читала в свое время.

Благо, все налетчики пока еще сгрудились на ограниченном пространстве, надо бы поторопиться, пока не опомнились.

Проблема за малым. Я даже отдаленно не подозреваю, как сделать зыбун. Хотя...

Поменять структуру почвы, вот и все.

Что такое зыбучий песок, если научно?

Хотя научно я и сама не помню, помню, как нам объясняли.

Зыбучий песок — это песок, под которым начал пробиваться подземный источник. Он сделал песок движущимся, привел к смещению пластов, и в итоге образовалась вязкая масса. Человека ей не засосет до конца. Но вот придавить и удержать — может.

А мне того и требуется.

Был и еще один вариант. Это если песок перенасыщен газом. Первый вариант, с водой, обычно встречается на побережье, второй — в пустыне. Откуда в песке берется газ я не помню, но нам тогда было интересно. Только в своих способностях насытить почву газом или жидкостью я откровенно сомневалась.

Какие еще варианты?

Да сцепление у зыбучего песка намного меньше, чем у обычного. Вязкость понижена...

А вот это я могу попробовать!

Устроим бассейн?

Не надорваться бы...

Ладно. Попробуем, а там посмотрим, что получится. Насколько я понимаю, маги здесь — сила. Редкость, но...

Вряд ли налетчики захотят связываться с таким неудобным противником. Кто его знает, что у мага окажется в заглазнике? Лучше удрать, пока шкурка цела.

Не убью, так распугаю.

Итак, почва.

Если кто не знает, почва — это смешение разных частиц и разных фаз. Частицы разного размера. Фазы — твердая, жидкая, газообразная и живая.

Если наколдовать я ничего и не могу, то уж разобрать на запчасти...

Чтобы разломать телефон вовсе не надо быть гением, не так ли? Надо знать, где снимается крышка и как работать отверткой.

Я попробую.

Я мысленно очерчиваю круг, в который заключаю налетчиков. Очень они хорошо сгруппировались, простояли б там еще минут пятнадцать...

Кажется, они пытаются что-то сломать... приглядываюсь к вагону.

Интересно?

Что там такого везут, что вагон слегка светится?

Он опечатан еще и с помощью магии?

С каким интересным грузом я ехала... а лучше б без него, сколько людей погибло неизвестно за что. А может ли это самое неизвестное и мне пригодиться?

Хотя нет, это уже утопия.

Вернемся к конкретике.

Что от меня требуется?

Меньше сцепление — меньше частиц.

Какая здесь почва?

Каштановая, причем, что приятно, супесчаная.

Ну-ка, попробуем?

Я сосредотачиваюсь, пытаюсь разделить почву на песок и глину. Представим, что у меня есть... о!

Классика жанра!

Змей Полоз, который стянул на себя золото, помните? Окружил месторождение кольцом, золото к нему за ночь и сползлось! Обожала я в свое время уральские сказки, особенно Бажовские.

Мне надо сделать то же самое, только с глиной...

Кольцо медленно разрастается, смыкается...

Так, а теперь притянуть к нему все глинистые частицы... резко? Как можно резче, чтобы опомниться и выбраться не успели. Чтобы почва поменяла плотность — за пару секунд и просто разъехалась у них

под ногами. Но этого мало, ведь лишившись глины, земля просто осядет вниз такой идеальной песочницей. Но бандиты не дети — играть в ней в куличики не останутся, а, напротив, полезут наружу, чтобы оторвать шутнику голову. Что нужно, чтобы оставить зазор между песчинками, ведь ни вода, ни газ мне не починяются? А если заставить песчинки танцевать, попеременно притягивая и отталкивая их от тела моего полоза? Может получится... по крайней мере, ничего другого придумать я не успеваю.

Раз-два — начали! Изо всех сил как можно быстрее притягиваю всю глину внутри кольца к его краям.

Я оседаю на пол, потому что меня ноги как-то не выдерживают. Становятся ватными и подгибаются.

Зато снаружи слышны удивленные вопли.

Сработало, ей-ей, сработало!!! Земля внутри кольца осела, а снаружи образовался валик, скрывший тела бандитов чуть выше, чем по пояс.

А теперь нужно трясти песок: наружу-внутрь. Это как детская игрушка-шуршалка, сколько я таких переделала для племяшек? Вправо-влево, вправо-влево, и еще быстрее, еще сильнее... как можно чаще! Постепенно начинает что-то получаться: песок внутри кольца вспухает, и фигурки бандитов начинают тонуть в нём.

Есть!

Отлично, просто шикарно!

У меня получился бассейн с зыбучим песком, что и требовалось.

Теперь остаётся держать вибрацию как можно дольше, тем более, что процесс, кажется, стабилизировался — я попала в такт с этими качелями и приходится прилагать гораздо меньше сил.

Но тут удивлённые вопли бандитов сменяются воем, полным ужаса, а от кольца начинают накатываться волны какой-то inferнальной жути.

Что происходит?

Не понимаю, но продолжаю поддерживать нехитрое магическое действие, пока не выключается сознание.

... Через какое-то время с громадным трудом я возвращаюсь в реальность.

Ежь твою рожь, как же мне тошно и паскудно! В ближайшие час-два я отсюда не сдвинусь, даже если лично цесаревич примчится

предложение мне делать. Не вытяну.

Ооооох!

Мышцы вообще сделались стеклянными и теперь медленно и неотвратимо рассыпаются на части. А в голове завелось стадо дикобразов-шизофреников.

Больно-то как!

А что там с бандитами? Смотрю в окно. Что творится внутри застывшего круга не вижу — мешает глиняный бортик, но голосов не слышно, да и огоньки почему-то погасли. Они все умерли? Почему? И тут вспоминаю ту inferнальную жуть. А ведь это инфразвук. Я трясла песок так быстро, как могла, примерно восемь-десять раз в секунду, да и размеры пятна таковы, что внутри вполне могла образоваться стоячая волна с такой же частотой. А танцующие песчинки заставляли колебаться воздух. Да и человеческие кости, они ведь тоже по сути своей — земля, и тоже поддались этому смертельному танцу. Как долго мне удалось держать вибрацию, не помню, но, видимо, достаточно, чтобы убить всех, кто находился внутри круга.

Ну и пусть!

Они бы меня точно не пожалели.

— Ааааа...

Я повернулась к Марии. Магия схлынула волной, и вряд ли я смогу вызвать ее снова. Вердикт был печален и прост.

Все, конец.

У девушки характерно заострилось лицо, запали глаза. Она была без сознания, стонала, не приходя в себя, даже скорее, не стонала — какой-то внутренний, утробный звук... А по темной ткани платья стекала, капала на пол гадкими темными пятнами кровь...

Сволочи!

Будьте вы прокляты!!!

Стало ужасно обидно.

Вот за что?

Почему из-за каких-то грязных политических разборок гибнут такие девчонки, как эта? Случайно угодившие под чьи-то 'гениальные', мать их, планы? Убивала бы подонков!

Вот ни минуты, ни секунды не жалею, что убила! Сейчас я даже

рада этому! Поделом мразям! Надеюсь, они перед смертью еще и помучились как следует!

А ведь наверняка, это простые исполнители. А есть и заказчик.

Но этим пусть полиция озаботится.

Мария больше не стонала. Из рта девушки ручейком текла темная кровь. Голова бессильно свесилась.

Запах... соответствующий.

Конец.

И мне почему-то было больно и тошно.

Случайность, всего лишь случайность, и я жива, а она умерла. Так выпали кости...

Я смотрела на девушку, и думала... да, это гадкая мысль. Но...?

Последний раз ее родственники видели в пятнадцать лет. Сейчас ей за двадцать. Сильно меняются люди за такое время? Хорошо забываются?

Вполне.

Может быть, никто и не поймет. Марию похоронят, как неопознанный труп... можно даже самой об этом позаботиться. Пусть проводник оправдывается, кого он там провез, если он вообще живой.

А мне — новые документы.

Новая свободная жизнь.

И можно даже не выдавать себя за Марию, не ходить к ее родным... ежь твою рожь! Позаботиться о них так и так придется, я обещала!

Ладно.

Можно и со стороны помогать. Дело житейское. Переводы посылать или еще что — придумаем, как будет лучше. А пока...

Я подошла и закрыла девушке глаза.

— Прости меня.

За что?

За то, что оказалась рядом. За то, что не смогла спасти и помочь.

За то, что уцелела.

Оставшиеся в живых всегда винят себя, и сейчас я это понимала. Несчастный случай — и только, коса смерти проходит рядом, и — вот.

Он вчера не вернулся из боя.

А ты вернулся, и вроде бы все осталось таким же, или вдруг стало совершенно другим.

Ты выжил.

А кто-то другой отправился домой грузом-200, и можно рыдать по этому поводу, а можно радоваться, что ты жив.

Радоваться мне определенно не хотелось.

— Прости меня, Мария. Я обещаю, я позабочусь о твоих родных. Не знаю пока, как именно, но я обещаю тебе — это теперь и моя ответственность. Я их не брошу. И... пойми меня правильно. Я возьму твои документы и твое имя. Но не ради денег. Думаю, сейчас ты там все уже знаешь — у меня нет другого выхода. Я просто очень хочу выжить.

Ни ответа, ни отзвука.

Может быть, душа сразу уходит. А может, и просто не отзывается, я ведь не некромант. Ну... могла бы. Как сказал Андрей Васильевич, шансы были. Но попробовать сейчас что-то?

Увольте...

И так голова кружится, меня подташнивает...

А что с моими силами?

Я положила ладонь туда, где видела огоньки. Медленно провела сверху вниз.

Оно пульсировало.

Смотреть на себя я не стала, не хотела перенапрягаться еще больше, но ощущение было такое...

Как это называлось в каком-то романе из тех, что обожали мои племяшки?

Раскачка, вот.

Чем-то это напоминает физические упражнения — чем больше ты качаешься, тем сильнее становишься. А я... я за последнее время выкладываюсь второй раз.

Первый — во дворце.

Второй — сейчас.

Лучший способ развития магического источника, выложиться, что есть сил. Это я еще не знаю, что именно утварила моя предшественница и почему попала в больницу.

Мне повезло два раза. Первый раз — чистое везение, второй — житейская смекалка и образование. Хорошо хоть что-то я про почвы помню. Немного, но мне хватает...

Ежь твою рожь!

Где все справочники заклинаний, книги по прикладной

некромантии, мастера Шаолиня и прочие радости-гадости? Даже элементарного Хагрида — и того мне не полагается!

Ничего.

Никто меня учить, озадачивать и благословлять на подвиг не собирается. Как хочешь, так и крутись. Самостоятельно.

Не нравится?

Можешь благородно помереть. Уже раза три как могла.

Первый — еще в больнице, ну и два других... нет уж! Обойдемся без похорон. Я готова только к смерти от старости, лет через сто. А лучше — двести.

И хорошо, что надо мной нет никого, кроме Бога. Я сбежала от ответственности, от титула, от жениха — от всего. И не жалею ни минуты.

Я прислонилась виском к прохладной стене и прикрыла глаза.

Выбраться не получится, так хоть немного передохнуть и восстановить силы. Подремать-то вряд ли, рядом с трупом это гиблое дело, а вот посидеть с закрытыми глазами я могу.

Снаружи так и продолжали доноситься вопли и ругательства. Словарный запас у налетчиков оказался на редкость богатым.

Когда же придет помощь?

МЧСа на вас нет, паразиты плюшевые. И это еще самое мягкое, что я могу сказать.

Сволочи, гады!

Три часа прошло, прежде, чем явилась помощь.

Три.

Часа.

И кто явился?

МЧС?

Отряд медиков на марше?

Маги?

Ни-фи-га!

Десяток человек. Из них четверо железнодорожных служащих, пять полицейских и один врач.

Здорово, правда?

Кто-то еще удивляется, что здесь такие наглые налетчики? Я вот,

удивляюсь, как тут еще не всех перебили!

Зыбучего песка, как я и предполагала, надолго не хватило, но он начал возвращаться в прежнее состояние. То есть — затвердевать.

Налетчики плавали по поверхности, как пельмени. Основательно дохлые. Если у них и были сообщники, то они сбежали куда подальше. И отлично!

Услышав конский топот, я высунула голову из окошка. Осторожно, чтобы пулю не получить, осмотрелась и чертыхнулась.

И что толку с этой помощи?

Считай — никакого.

Не одна я оказалась такая умная.

Народ сообразил то же самое.

Просто никто не рисковал вылезать из вагонов, потому как налетчики оружия не лишились и могли выстрелить. А кому хочется помирать во цвете лет?

Сошел поезд с рельсов?

Плохо.

Смотрим дальше.

Все живы?

Вагоны второго и третьего класса набиты более плотно, там людей побольше. Есть те, кто умер, есть. Но и уцелевших много, скооперировались, оказали помощь друг другу, а услышав выстрелы, конечно, сидели тихо. Кому оно надо — под пулю подставляться?

Авось пронесет!

Заберут негодяи то, за чем пришли, и свалят подальше. Тогда и вылезти можно будет.

Или помощь придет, тогда тоже можно выходить.

Организовать сопротивление и напасть на налетчиков?

Да вы о чем!?

Это же не спецназ ехал, обычные люди. Старики, женщины, дети...

Что ж. им действительно сегодня повезло, хотя я не настаиваю на благодарностях. Мне даже известность не нужна, я без нее прекрасно обойдусь. Пусть меня только отсюда вытащат, из этой мышеловки!

Но снаружи начался такой шум и гам, что даже высунь я голову в окошко и заори благим матом, меня бы не слышали.

Что ж.

Посмотрим, как цирковое представление.

Я подошла к окну и высунулась наружу уж вовсе нагло. Выпрыгивать на землю я пока не собиралась. И багаж с собой взять надо, пусть даже чужой, и здесь-то диванчик и крыша над головой, а там голая земля и солнцепек. И неясно, сколько ждать придется... лучше уж я тут, хоть с трупом, но в комфорте.

Снаружи разворачивалось настоящее цирковое представление. Хотя — организованное. Один из полицейских, с эполетами побольше и покрасивее, принялся распоряжаться хорошо поставленным командным голосом. И все ожило, засуетилось, зашумело...

Полицейские первым делом бросились к налетчикам.

И не сильно-то обрадовались. А что поделать?

Имеются один бассейн с песком и кучадохлых трупов мертвых людей. И с ними надо что-то делать.

Полицейские подошли к вопросу просто — начали вытаскивать тела и едва сами не провалились. Матюги полетели — вдохновенные! Лошади — и те ушами дергали, разве что не краснели. А может, и краснели, просто под шкурой не видно.

Полицию можно было понять. Им теперь заниматься то ли экстремальной рыбалкой, то ли...

Один из полицейских попробовал ногой зыбун, провалился по колено, плюнул и принялся отчищать штаны.

Нет, не пройти.

Вытаскивать по одному веревкой и складывать в сторонке. И никак иначе.

Этим они и занялись. Активно припоминая при этом родословную налетчиков, мага и суля им всем богатую и насыщенную половую жизнь в самом скором будущем.

Ну, с налетчиками им только некромант поможет. А вот что касается мага...

М-да, не буду я признаваться. Такого эротического режима ни одна 'светская драная кошка' не выдержит, не то, что я, скромная. А какие мечты о встрече со мной... правда, они предполагают, что маг — мужского пола!

Вот и ладненько.

Женщины здесь магией не занимаются, им еще детей рожать. Я полностью разделяю и поддерживаю это мнение. Я — не маг. На том и стоять будем.

А, вот, один из полицейских явно отправился за помощью.

Это правильно, такими силами здесь не справиться. Да и всю толпу надо доставить до города, не ночевать же людям среди чистого поля?

Железнодорожники направились к вагонам.

Каким-то образом они по очереди отжимали двери, выпуская людей на свободу. И ими начал заниматься медик.

Бордель там царил — страшный.

Вопли, визг, стоны, крики, слезы... это еще не все перечислено, что происходило. Но народ компенсировал три часа тяжелой жизни и крушение, как мог. Если так дальше пойдет, бедному врачу самому понадобится помощь.

Психотерапевта.

Железнодорожники работали, как автоматы, отжимая двери вагонов, выпуская людей... где-то проводники остались живы, где-то, наверное, пострадали... маловато их было на такое число народа.

Полицейский с эполетами достал где-то рупор и орал в него, что есть сил, перекрывая толпу.

— Дамы и господа! Соберитесь семьями! Проверьте своих родных! Раненые — налево от меня, остальные — направо... Господа, успокойте дам! Женщины, позаботьтесь о детях!

Действовало плохо, но постепенно доходило даже до самых тупых.

Стадо организовывалось по кучкам.

Раненые — отдельно, женщины с детьми — отдельно, мужчины разбрелись по вагонам, и принялись вытаскивать лавки, одеяла... все, на чем можно было сидеть, чем можно укрываться... развели несколько костров, нашли еду.

Полицейские наконец закончили вытаскивать и складировать налетчиков, и включились в помощь железнодорожникам.

Очередь доходила и до моего купе.

Я огляделась по сторонам, достала Машины чемоданы, засунула туда свои нехитрые пожитки. Пусть так... оставлять ничего не стоит, кто его знает, кого и на какую мысль что может навести. А теперь...

Как же мне не хочется этого делать!

Как же гадко, подло и паскудно это и выглядит и ощущается!
Какой же гнидой я себя чувствую...

Только вот выбора нет.

Плащ Марии.

Документы есть?

Нет, здесь нет.

Мало проверить саквояжи, надо еще обыскать само тело. Противно дотрагиваться до свежего покойника?

Мне тоже, но это все равно сделают в морге. Лучше исключить разные случайности.

На юбке Марии нашелся маленький карман, в котором было несколько бумаг, какая-то фотография... сейчас все было подпорчено кровью, но не сильно. Ладно, спишем на аварию. А багаж ее я точно заберу, своего-то у меня нет. Пусть потом полиция голову ломает, кто тут, что тут...

Метки на одежде есть?

М-да, так я их не высмотрю, а раздевать труп...

Нет уж.

Если что — отоврюсь.

Я еще раз тщательно обшарила тело. И правильно сделала.

Карман был еще и на панталонах. Там лежало портмоне с какими-то документами. Видимо, девушка не доверяла чемоданам... логично.

Я помню, дарила подруге 'трусы путешественника'.

Трусы, совершенно обычные, но с внутренней стороны на них был пришит карман на молнии. Ага, как раз спереди.

Положил самое ценное, застегнул — и вперед. Не выпадет, не вытащат... сокровища короны так не перевезешь, но деньги и кредитку положить можно.

Все найденное засовываю к себе в чемодан. Уже — к себе.

Прости меня, Маша. Выбора нет...

Вроде бы все.

Снаружи начинают ломать дверь. Вовремя я уложилась... на пороге возникает полицейский.

— Сударыня?

— Синютина, Мария Петровна, господин капитан.

Повышенный в чине полицейский кивает.

— А это...

— Моя соседка. Ее тоже зовут... звали Мария. Она говорила, что к жениху ехала.

— А фамилия? Ничего не знаете?

— Нет, господин капитан. Не знаю.

— Давайте я помогу вам выйти, сударыня. Дверь перекосило, заклинило...

— Благодарю вас, господин капитан. А нельзя спросить у проводника, как зовут эту несчастную?

Взгляд полицейского уходит в сторону.

— Нельзя.

Поэтому он и не видит, как я облегченно перевожу дух. Еще одна ниточка обрублена. А как дать о себе знать Андрею Васильевичу, я придумаю. Главное, меня не опознают.

— А... как теперь?

— Теперь, сударыня, вы побудете вместе с остальными, потом из города приедет транспорт, и всех перевезут на вокзал. И по домам...

Я кивнула.

— Благодарю вас, господин капитан. Мне было так страшно...

Слезинку выдавить не удалось, но расчувствовавшийся капитан подхватил мой саквояж и помог вытащить наружу. И даже показал мне, к какой группе людей отправляться.

Всего в первом классе ехало-то человек десять-пятнадцать, нельзя сказать, что мы сильно увеличили толпу.

На улице мне стало плохо.

Затошнило, голова закружилась... из поезда выносили тела, складывали в ряд. Мужские, женские... несколько детских...

Господи, да за что? Им-то за что?

— Сволочи, сударыня, что тут скажешь...

Я вслух говорила? Да, наверное...

Тем более, из вагона вынесли тело Марии, чтобы присоединить его к печальному ряду тех, кому уже не помочь.

— Что случилось с нашим поездом? Я слышала, стреляли...

— Березовский, сударыня.

Мне это ни о чем не говорило. Я смотрела непонимающими глазами, и полицейский сжалился. Разъяснил.

— Рудники. В поезде взрывчатка была, оружие... потому и решились, наверное.

Я посмотрела в сторону опломбированных вагонов.

Ах, вот оно что.

Почему и поезд практически цел. Невыгодно устраивать серьезную катастрофу, может и сдетонировать раньше времени.

— А... охрана?

— Перебита.

— Кошмар какой! — ахнула я.

— Да уж... если б мы вовремя не успели, эти твари всех перебили бы, — подкрутил ус мужчина. — Но что-то у них не так пошло, сами видите... Где-то в поезде маг оказался, или печать так сработала, это специалист должен будет разбираться....

— Настоящий маг? — ахнула я. — Сейчас едет сюда?!

Черти б его взяли! Вместе с лошастью!

— Да пока он еще сюда приедет, — в сердцах буркнул капитан. — Дождешься... до завтра б явился!

Я мысленно поставила еще один плюсик.

Маг не явится. Не слишком быстро. И — отлично!

Кто его знает, сможет он меня увидеть или нет, определит, чьих рук дело — или нет...

Лучше не рисковать.

— Нам очень повезло, да, господин капитан?

— Не всем. Но — да. Повезло, сударыня. Вы пока во-он там побудьте, вместе со всеми. Скоро дрезина подойдет и всех отвезут в город.

— Благодарю вас, господин капитан.

Полицейский помог мне донести саквояж, и мы почти дружески распрощались.

Я уселась прямо на свои, да теперь свои вещи, и принялась обдумывать ситуацию.

Итак.

У меня есть деньги. Есть документы. Теперь у меня есть возможность спокойно прожить пару лет и решить для себя, и чем я хочу заниматься, и куда пойду...

Обещание, данное Марии.

Обязательно пообщаюсь с ее родными. А дальше будет видно.

Чтоб всех террористов черти до конца веков на сковороде без масла жарили. И вилами в зад пихали!

Негуманно?

А гуманистов бы сюда! И мордой потыкать в раненых! В убитых!

И запереть с трупами. Пусть проникаются идеями всеобщего прощения и возлюбления.

Хорошо, я не пострадала, не считая слабости. И могла помогать.

Санитарка из меня, правда, не очень, в местных лекарствах я вообще никак не разбираюсь, разве что перевязать могу... этим и занялась.

Полицейские принесли откуда-то воду, таскали ведрами, и я активно взялась помогать врачу. Промывала раны, перевязывала, наорала на бабу, которая неудачно впала в истерику, и даже пару пощечин отвесила.

Всем плохо, ты тут еще орать будешь?

Умер у тебя кто? Нет? Ну и молчи, овца нестриженная! А то под ноль побрею!

Я понимаю, что это такая реакция на стресс, запоздалая, но выслушивать ее не обязана. Вот ни разу, ни два раза.

А если еще и все остальные заведутся... тут же кошмар начнется. Сейчас скулят потихоньку, а если впадут в громкую истерию, мы тут с ума сойдем. Или такого натворим, что уже сейчас думать страшно. Так что истерику я пресекла быстро и решительно, получив одобрительный взгляд от врача. Так их... народными средствами!

Второго эшелона спасателей пришлось ждать еще три часа. Видимо, нас подловили в сельской местности. Пока до города добрались, пока там колесо завертелось, пока сюда доехали...

Мы успели перевязать всех, раздать сухпайки, то есть хлеб, сыр, мясо, холодные закуски, найденные в вагоне-ресторане, а детям еще и сладости, обнаруженные там же.

Успели более-менее определиться с вещами, вытащить их и раздать законным владельцам. Не оставлять же пожитки в чистом поле?

Успели даже списки пассажиров найти. Это уже полицейские.

Последнее меня не обрадовало, но документы есть, предъявлю.

Обещанные дрезины меня порадовали.

Я видела, как это выглядит в нашем мире, платформа, на которой едва хватает места для четырех человек. Здесь они выглядели иначе.

Интересно, был ли здесь свой Карл Дреза?*

* барон Карл Фридрих Кристиан Людвиг Драйз фон Зауерброн, немецкий изобретатель мясорубки, пишущей машинки, велосипеда, прим. авт.

Здесь дрезины были рассчитаны изначально человек на десять, да еще к каждой крепился прицеп примерно на столько же человек.

На них приехало примерно сорок человек разного железнодорожного персонала и полиции. И тут же принялись наводить порядок.

Полиция занялась налетчиками и населением, железнодорожники бросились обследовать вагоны и паровоз. Все при деле, все заняты... вот и до нас дошла очередь, перецепили дрезины и принялись грузить пассажиров.

Раненых, женщин и детей эвакуировали первыми, и я не стала отказываться. Была охота здесь сидеть до завтра?

Полицейские сверяли списочный состав, помогая людям грузиться в прицепы.

Как полиция выглядит здесь?

Серые мундиры, эполеты, каски, сабли, пистолеты...

Мне понравилось.

А что сейчас они были усталые, запыленные, грязные, кое-кто и в крови... так работа! Не на параде стояли, а людям помогали.

— Паспорт?

Я молча протянула Машин документ.

Как выглядят паспорта в этом времени? Да обычная книжечка, похожая на наш паспорт, только обложка попроще. Картонная, грубая.

Внутри — голубые листки с гербом империи.

На первом листке имя — фамилия — отчество — год рождения — где и кем выдан документ.

На втором основные сведения.

Место регистрации, место проживания, дети, супруг...

Кстати — отметка о магии. Одаренная — или нет. Мария была неодаренной.

Ну и ладно, так спокойнее. Фотографий тут, конечно, не было. Приметы тоже не указывались. А какие? Цвет волос — штука

индивидуальная, зависит от выбора красок по лавкам, цвет глаз разве что? Но и это субъективно.

У меня была подруга, глаза которой меняли цвет от серого до голубого. Красиво, конечно, но как тут укажешь?

Ладно, я не в претензии.

Полицейский проглядел мой паспорт, кивнул...

— Где остановитесь в городе, сударыня?

— К родным поеду, господин... эээ... полковник? — я ткнула пальцем в строчку с адресом. Полицейский, которого я определенно повысила в звании, пригладил усы и кивнул.

— Не забудьте зайти в участок по приезду. В течение трех дней отметиться надо.

— Да, господин полковник.

Я уселась с края. Подобрала юбки, чтобы освободить побольше места... прокатимся с ветерком? Подозреваю, что я к концу поездки буду на черта похожа. Уже как кошмар выгляжу, чумазая, потная, растрепанная, а тут еще пыль добавится...

Ну и пусть ее!

Дрезина — не лошадь, шарахаться не будет. Главное убраться отсюда до прибытия мага. А уж в городе я себя приведу в порядок.

Угадала я точно.

Пока доехала до города... м-да.

Надо зайти на вокзал в туалет и привести себя в порядок.

Ей-ей, такое чудовище не то, что людям лучше не показывать — крокодилов им пугать можно. Покажи меня сейчас убежденному каннибалу, так он на всю оставшуюся жизнь вегетарианцем станет.

Но что творилось на вокзале!

За оцеплением из полицейских волновалась сотенная толпа. Тысяч человек тут не было, но пара сотен — точно.

Родные, близкие, просто зеваки, журналисты, всякая шушера...

Засверкали магниевые вспышки.

Я порадовалась, что плащ с капюшоном, натянула его поглубже и так прошла в здание вокзала. Погляделась в зеркало.

Жуть жуткая.

Ладно, вода, мыло и расческа творят чудеса.

Я вышла из туалета, чувствуя себя человеком, и тут же попала в нежные лапки полиции.

Вопросы были те же самые.

Кто, куда, зачем...

Я отвечала, благо, Маша снабдила меня полной информацией по своей жизни. Полицейский записывал. Потом поблагодарил меня и кивнул на выход.

— Там ваши родные приехали, сударыня.

— Мои родные?

В горле пересохло.

Меня резко замутило, не планировала я сейчас встречаться с кем-то... нет, не планировала. Не ко времени. Но...

Не удирать же теперь?

— Кто?

— Ваша мать.

— Где она?

Я оглядывалась по сторонам, словно не понимая, не видя...

— Я попрошу ее пригласить, сударыня.

— Пожалуйста, — кое-как выдавила я.

Лучше пусть все решится здесь и сейчас.

В зал ожидания ворвалась толстущая бабища в какой-то невнятной юбке и жуткой блузке с рюшечками.

— Доченька!!!

И стиснула меня в объятиях, щедро поливая слезами и обдавая вонью немытого тела.

— М-мама?

— Машенька, солнышко мое ненаглядное, я ТАК волновалась, ТАК ВОЛНОВАЛАСЬ!!!

Тетка активно загоняла себя в истерику. И что мне оставалось делать?

— Мама, успокойтесь. Я жива, я здорова, я здесь. Все в порядке. С кем младшие остались?

— А... Ванечка присмотрит. И за Аришей, и за Петрушей.

В способность шестнадцатилетнего парня присмотреть за девчонкой-подростком и десятилетним мальчишкой мне вот ничуть не верилось. Ни капли и ни разу.

Как бы ему самому присмотр не потребовался, а то и реанимация!

Помнила я, как попросила одного племянника приглядеть за другим.

Итог — вывих, выбитый зуб, подбитый глаз, разбитый нос... они решили покататься на качелях, потом их не поделили, потом... да много чего было. Так что не доверяю я детям.

Здесь шестнадцать лет уже взрослый?

Меня вы в этом не убедите.

— Пойдемте домой, матушка.

И проглотила следующие слова. Пока еще есть за кем приглядывать.

Тетка подхватила меня под руку и потащила к выходу, я едва успела саквояж прихватить.

Я поняла, в кого Мария такое трепло.

В мамочку.

Анна Николаевна болтала всю дорогу до дома.

Рот у нее не закрывался ни на минуту.

Я узнала про все, про что хотела и не хотела.

Узнала, что соседи — негодяи и доверять им детей никак нельзя.

Что дети отбились от рук.

Что сама Анна Николаевна раньше швеей работала, а сейчас, вот тяжело ей. И видит плохо, и руки уж не те, и заказчики какие-то кошмарные пошли, все им не так... вот, блузочку, к примеру, она сама шила...

Я лишний раз покосилась на блузочку, которая не сходилась на объемной полужидкой груди, и подумала, что заказчиков понимаю. В жизни бы не сделала заказа человеку, который так одет.

Швея — это имя, стиль и вкус. Тогда к ней пойдут.

А такие чучундры...

Что-то я сомневалась, что Машина мать способна сшить нормально даже детскую игрушку по выкройке.

А Анна Николаевна трещала.

Про свои переживания, про материнское сердце-вещун, про то, как у нее с утра печень болела (к несчастью, точно...), про то, как она примчалась к вокзалу и уже три часа тут, на солнцепеке, и никто ничего не говорит, а они волнуются, и ей два раза плохо становилось, ни

никому до этого и дела нет...

Отвратительно!

Я слушала, и все больше убеждалась в нехитром факте.

Эта тетка не пытается срубить денег, признав меня дочкой. Нет.

Она просто дура.

Она просто забыла, как выглядит ее дочь, или помнит приблизительно, и потому приняла меня за Машу. Хорошо это или плохо?

Пожалуй, что и хорошо.

Для меня — оптимальный вариант.

Думаю, месяца два будет идти расследование. Вот, и я проживу с 'мамочкой', как-нибудь потерплю. В общаге жила во времена оны и выжила. И всех, кого надо, построила. Что я — с одной дурой и тремя детьми не справлюсь?

Еще как!

Не одной левой, но опыт у меня есть. Есть племянники... были. Так что и разъясню, и построю, и наследство получу, и постараюсь сделать так, чтобы дети были обеспечены. А потом...

Замуж вышла и уехала.

Или просто уехала на заработки.

Или...

Вариантов я могу придумать много. Главное, чтобы они не вызвали никаких подозрений. Пока я полностью не освоюсь в этом мире, не разберусь со своей силой и не стану материально независимой, я буду сидеть тише мыши под веником.

Дальше — посмотрим.

— Матушка, а что у нас дома есть покушать?

Анна Николаевна оборвалась на полуслове.

— Ну... хлебушек есть. Молочко. Все, наверное...

Я посмотрела удивленными глазами.

Трое детей — и только хлебушек и молочко? Не поняла юмора? Денег в доме нет? Так Маша рассказывала, что переводила неплохие суммы, что, сложно овощей закупить? Даже если на мясо не хватит, мы вот, суп из овощей варили. И отлично шел! На ура!

— А чем детей на ужин кормить?

— Машенька, ты же знаешь, не люблю я готовить. И спина у меня болит.

Ежь твою рожь!

У тебя трое детей на руках, и ты готовить не умеешь?

Ну, знаете...

— Предлагаю сейчас зайти, купить что-то такое, что легко приготовить, — решила я. — Ту же рыбу, муки немного... идем?

— Машенька...

— Матушка, — нажала я голосом. — Я не готова сидеть голодной или на молоке и хлебе. Это вредно для желудка, да и детей кормить надо. Идемте, я уже успела забыть, где тут и что продается.

Анна Николаевна посмотрела мне в глаза. Не знаю, что она там увидела, но спорить не стала.

— Обжорный рынок как бы не до темноты работает...

Почему он обжорный я спрашивать не стала. Меня больше волновало, что там можно купить съестного. После пережитого на меня напал дикий жор.

Хлеб с молоком?

Я бы не отказалась от здоровущего куска мяса, тарелки борща, и на сладкое штуки три пирожных. Сегодня я заслужила.

Но...

Кормить меня собираются только баснями.

Я вам не соловей! Я существо плотоядное, я вас самих при таком раскладе раньше сожру! Где этот рынок?

Интерлюдия.

— Как — сбежала?

Игорь Никодимович Романов в гневе был страшен. А сейчас у него были все основания гневаться.

После покушения на цесаревича...

Император гневался.

А расследовать-то как?

Вы понимаете, что тут сплошь сливки общества, одна аристократия....

Во-первых, не все выжили.

Во-вторых, не все целы.

В-третьих, тут деликатно надо...

Да, содействовать-то они будут, но ты поди, надави на кого! Обязательно ведь зло затаят.

А еще есть такая поговорка: 'врет, как очевидец'.

После множества деликатных допросов и расспросов выяснилось, что взорвала магическую бомбу баронесса Поликсена Семеновна Ковальская.

Род древний и знатный, но захудалый.

Прибыла она на бал вместе с дальними родственниками, Юрьевыми. Жила у них приживалкой, хотя старый Юрьев и собирался выдать ее замуж, но...

Всему свое время. Да и любителей на бесприданниц не так, чтобы очень много. А денег у юной дамы не было, только красота и титул. Связи... так себе. Средние.

Слуги показали, что последнее время баронесса была задумчива, рассеяна, кажется, у нее кто-то появился, но кто? Нет ответа...

Будем искать.

Его величество метал грома и молнии, требуя разобраться, и было отчего.

Цесаревичу невероятно повезло. Активировались старые, еще при постройке заложенные охранные системы дворца.

Его не убило, не придавило, а простое сотрясение мозга, когда рядом активируется 'Черный смерч' — это даже не везение. Это рождение с золотыми ложками во всех возможных местах.

А вот его невесте так не повезло.

Принцесса Александра получила тяжелые переломы ног. Обеих. Когда она сможет ходить, и сможет ли не хромать при этом... да, и женское здоровье тоже под большим вопросом. Камень угодил в живот, а тупая травма живота может и потом отозваться. К примеру, выкидыши будут, или дети больные родятся, или мать родов не переживет. Маги рядом с ней дежурят, но ведь магия тоже не всесильна!

Англичане сильно обиделись. Давят, требуя расследовать, найти и наказать. А Романов пока что выяснил одну интересную вещь.

Защитные системы дворца активировала княжна Мария Горская.

Нашлись очевидцы (несколько), опознавшие девушку.

Теперь бы с ней побеседовать. Как догадалась, как у нее так получилось... вроде бы княжна не маг? Или?

Романов затребовал информацию.

Оказалось, что княжна — маг земли, просто ее ничему не учили, а так сил хватает. Мать ее была магом, по слухам, земли, просто своим даром не пользовалась. Отец — тоже маг огня, правда, очень слабый. Князь Горский и не учился никогда, считал, что бессмысленно...

Одаренные вообще делились на три категории.

Первая — неактивная кровь. То есть те, у кого в роду были маги, но конкретно этим потомкам силы не досталось. Теоретически, если удачно выйти замуж или жениться, они могли родить магов. Естественно, велся учет этих людей.

Контроль?

Ну, сложно это назвать именно так. Скорее, благожелательное внимание со стороны той же церкви. Кому, как не попам и заниматься подобными вещами? Там посоветовать, здесь подтолкнуть, тут свести... государству — польза, людям тоже не во вред.

Вторая группа — слабосилки. Неофициальное название, конечно. А так... в эту группу входили женщины, у которых был дар магии, и мужчины, у которых дар хоть и был, но хватало его... допустим, у мага огня — чтобы зажечь сигарету. Фу, бесовская забава... Или маг воды, который максимум, что мог — наполнить водой стакан.

Вроде бы дар есть, он активен, его даже можно развить, но сделать с его помощью нечто серьезное? Не получится.

Третья категория — маги. Мужчины, у которых есть дар и достаточно сил для его реализации. Именно на них сделало ставку государство. Именно они идут в бой, именно они возводят стены и дамбы, они первыми появляются там, где нужна помощь.

Как правило, они принадлежат каким-либо юртам. Ибо — ценный ресурс.

Вот, князь, его вторая жена, его дочь — все относились ко второй категории. Или все-таки?

Романов дураком не был, и прекрасно понимал, что не использовать дар в полную силу — не значит, что он слабый. Княжна могла унаследовать силу от матери, все же союз двух магов, огня и земли мог дать потомство с сильной кровью и сильным даром.

Не проявляла способностей?

А кто бы их проявлял, при таком-то отце, да при мачехе?

Игорь Никодимович приказал собрать информацию о княжне, и

знал о ней многое.

Родилась, воспитывалась, потом случайно, перед помолвкой... по словам князя — это был несчастный случай.

По словам лекарей — княжна активировала серьезный боевой артефакт, и могла вообще умереть. Чудом выжила, но дар не утратила. И лечивший ее доктор считал, что дар у княжны сильный.

Могла она что-то заметить и понять?

Вполне. И не стала кричать, бежать, устраивать сцену, что привело бы только к ее гибели. Мария сделала то единственное, что могло ее спасти. Романов и не сомневался, что спасала княжна себя. А наследник оказался бонусом к ее жизни и здоровью.

Самое время было бы побеседовать с княжной, но...

Князь вообще не знал, где его дочь. Плевать было ему на все, у него жена погибла. Третья, любимая. И он пребывал в отчаянии, кое-как устраивал похороны... дочь?

Жива, наверное, что-то такое лекари говорили. А что?

Да ничего.

Просто не было дочери ни дома, ни в лечебнице, и никто ее не видел с того вечера. То есть с утра следующего дня. И это давало пищу для размышлений.

Что знала Мария?

Кого она узнала? Что произошло, что она сочла необходимым скрыться?

Ответа не было.

А единственного человека, который мог пролить свет на это происшествие, хоронили с почестями, и никто даже не догадывался о роли Истокова в этом деле.

Тем более, никто не связывал пропажу княжны с аварией на железной дороге.

Княжна вышла из палаты и словно бы исчезла.

Романов скрипел зубами, но что тут сделаешь? Разве что ориентировки разослать. Но помогут ли они? И надо попробовать копать со стороны жениха княжны, тогда уж, может, хоть какой-то свет прольется. Но тоже осторожно, Демидовы — род и древний и богатый.

Про Милонегу никто и не подозревал.

Следствие медленно, но верно заходило в тупик и все шло к тому, что козел отпущения будет назначен — для широкой общественности, а

уж кто там на самом деле виновен...

Искать — будут. А вот найдут ли?

Романов не знал. Но выбора у него не было.

Глава 7

Чужая жизнь.

На рынке удалось дешево купить курицу. Симпатичную такую, здоровущую, даже уже ошипанную. Дешево — это в том смысле, что стоила она около пятидесяти копеек. Так — дороже. Мясо дешевле, но приличного мяса мы не нашли. Набрать овощей. Никогда морковку поштучно не покупала, новый опыт. Но тут на развес не продают, за отсутствием весов, только на штуки. Риса бы еще, но где мы, а где Китай? Пришлось взять пшена. При правильном подходе и супчик сделать можно, и

Я не гений, но живя одна, готовить учиться любая женщина. Не так, чтобы сильно... хотя бы для себя. Десяток рецептов из разряда: 'жрать охота, мочи нет', 'быстро и вкусно', 'на скорую руку для гостей'...

Может и не научится. Но это уже вариант фастфуда и пятьдесят последнего размера попы. Кому нравится — гипермаркет в помощь и их кулинарный отдел. Я как-то сдурьма зашла, купила себе запеченную рыбку... та рыба явно умерла от отравления нефтью. Или чем еще поядовитее. Или это просто была рыбка фугу.

Похудев на три килограмма, я решила, что мне такого счастья не надо. И готовила себе сама.

Я уж молчу, что все жирное, жареное, тяжелое...

Нет. Я на такое и в той жизни не подписывалась, и в этой не хочу.

Дешевле купить исходники, раз в неделю наготовить себе три-четыре блюда, а потом доставать, разогревать и кушать. И экономнее, кстати.

А если кто сейчас скажет про однообразие...

Не надо!

У всех есть морозилки. Сготовил кастрюлю супа, половину разлил по контейнерам и в морозилку. Варим сначала борщ, потом щи, потом уху... смотришь, а у тебя в морозилке и разнообразие блюд получилось. Доставай и разогревай в микроволновке.

Так я и поступала. И угостить людей могла, если нагрянут, и племянников было чем кормить...

Ладно!

Забыли-проехали.

Маман (называть ее матерью язык не поворачивался, а по имени-отчеству тоже не стоило бы) трещала без остановки. Я пыталась слушать, и думала, что рано или поздно ее пришибу.

Прости, Маша, но твоя мамаша...

Ужас.

Даже не так.

УЖАС!!! Ходящий и говорящий. Летящий на крыльях материнской любви.

Нести даже часть продуктов она отказалась. Спина болит, руки-ноги болят, и вообще, она переволновалась... ладно. На первый раз ей сошло, не так уж и много здесь было. Разузнаю обстановку, а потом начну действовать по обстоятельствам. То есть — воспитывать.

Поздно?

Воспитание в любом возрасте самый раз, просто надо подобрать правильные средства убеждения.

Наконец, перед нами воздвиглась калитка родного дома.

Я осмотрела забор цепким взглядом. Театр начинается с вешалки, частный дом — с забора.

Так... когда-то здесь был рукастый мужик. Хозяин с большой буквы. Он ладил доски одну к одной, и потом подправлял. А вот последние лет пять-шесть его не было.

Краска облупилась и облезла, кое-где доски покосились, кое-где покривились, поправить бы и несложно, но руки нужны. И желание. У живущих здесь такого не было.

Ладно, посмотрим во дворе.

Двор меня тоже не порадовал. Не порадовала калитка, которая так закрипела петлями, что собаки по округе лаем зашлись (уж смазать-то чего проще?), не порадовал двор, сотки так на три, в котором не было ни одной грядки, не порадовало покосившееся строение с трогательным сердечком на двери... я не удержалась, подошла и заглянула внутрь.

Ежь твою рожь!

Тут надо все срочно или вывозить, или засыпать и копать новую выгребную яму... я решу этот вопрос. А уж про мытье...

Гррррр!

Рассадник дизентерии!

Сарай тоже не порадовал. И пустая будка для собаки. Первый был покосившимся, и даже отсюда видно — не заперт. Тут в округе святые живут? Чтобы при незапертых дверях и отсутствии барбоса, да не залезть?

Просто брать нечего.

— А почему без собаки? — уставилась я на мать.

— Да вот, брали... отравили нам собаку первый раз.

— А второй? — спросила я, решив, что если был первый, то и второй...

— Кидаться на людей начал, прибили его.

Та-ак...

И чего это маман глазки отводит, аки девочка перед полком гусар? На кого это собака кидаться начала, что ее пришибли?

Разъясним.

Я направилась к дому. Войти не успела, дверь открылась и на пороге воздвигся парень лет пятнадцати на вид. Такой возраст, когда под носом и в голове еще пусто, но масса и рост уже нарастают.

— Мать, тебя где черти носили?

— Ванечка, — залезбила мать, — ты уже дома? А я Машу встречала...

— И как — встретила?

Пацан смотрел недоверчиво, как волчонок.

М-да. А и ладно, мало у меня племянников было? Считаем и этого — своим и начинаем воспитывать.

Я отодвинула с дороги маман, выбрала место почище, поставила вещи, благо, немного их было, и прищурилась.

— Иван Петрович Синютин, значитца...

На миг мальчишка опешил. И я атаковала уже активнее.

— Мать встречаем на пороге, и тут же хамить начинаем? Ну-ка живо, сумки забрал, печь растопил... дрова есть?

— Н-нет...

— Сейчас дам денег, живо по соседям. Прикупить и протопить. Будем ужин готовить.

— А ты...

— А я — твоя старшая сестра. И уши драть тебе буду на законных основаниях.

— А руки не отвалятся?

Спустившись с крыльца, мальчишка возвышался надо мной примерно на голову. Руки в бока, вид самый что ни на есть наглый, взгляд тоже...

— Ничего так, сестренка...

Ты куда смотришь, сопля с претензиями? Ну все, мое терпение кончилось. Его и так-то невеликие запасы были.

— Продемонстрировать? — нежно уточнила я.

— Чего?

— Того. Я тебя сейчас пну вот сюда, — наглядно потыкала я носком ботинка парня в коленную чашечку. — Пока ты будешь прыгать на одной ноге, стукну по голове... да хоть бы и этой курицей. А когда упадешь, отпинаю, как захочу. Вопросы есть?

— Уверена, что получится?

— Получится. Но курицу жаль. Так идешь за дровами?

— Дети, как вы разговариваете?!

Мы с одинаковым недоумением покосились на маман.

Как-как, да так! Ясно же, что мы выясняем, кто главнее. Так же ясно, что я круче — у меня есть деньги. Но уступить свое место без боя?

Никогда!

Вот Ванечка и шипит, дело житейское. Ничего, пошипит и за дровами пойдет.

Я сунула руку в карман и достала мелочь.

— Хватит?

— Щас к Вирятиным стукну, у них надысь полную телегу хозяин привез, — сориентировался мальчишка. Схватил монетки и вылетел за калитку.

Я прошла внутрь.

М-да. Это — не нищета. Это — намного хуже.

Дом-то был построен на века, и устроен толково. Начинался он прихожей, большой и некогда, наверное, уютной. Сейчас тут во всех углах валялась какая-то рванина и обувь, повсюду висела одежда... Я плюнула, и прошла не разуваясь. Хуже тут уже не будет, да и Ваня в сапогах был. А слой грязи на полу такой, что хоть картошку сажай.

Окна были застеклены слюдой. Не стеклом, нет, дорого. Но и не пергамент или бычьи пузыри, слюда. Зажиточно жили.

Все равно, в доме было сумрачно и только несколько лучин потрескивало, наполняя кухню (раз печь — пусть будет кухня) светом и запахом горящего дерева.

— Мама?

Голос раздался с печи.

Большеглазый лопухий мальчишка смотрел на нас серьезно и недоверчиво. Понятно, мама, но с ней-то кто.

— Петруша? — попробовала угадать я.

— Да. А ты — Маша?

— Я, — согласилась я. — А чего ты на печке?

— Нога болит...

Я протянула матери корзины.

— На стол. А я пока посмотрю... показывай, какая нога болит? Ежь твою рожь!

А что мне еще было сказать?

Я не гений, но вывих угадаю. Или перелом?

Нога опухла чуть не до бедра, красная, воспаленная... кажется мне — или коленный сустав выглядит не вполне естественно? Вывих?

На такой опухоли, черт его разберет. Я-то ни разу не медик, мой потолок — синяки и шишки йодом заливать.

— Что делал? Рассказывай?

— Бегали. Потом Сенька меня толкнул, я упал в яму, а он убежал.

— Нога такая давно?

— Домой я сам дошел...

— Только вчера опухать начало, к вечеру. Я мазь взяла, припарки сделаю... — отозвалась от стола мамаша...

Я кивнула.

— Ясненько. Подозреваю, что это вывих. Или перелом, что хуже... короче, доктор нужен.

— Да откуда у нас такие деньги! — опять взвилась мамаша.

— Я высылала, — огрызнулась я. — Что, не хватает?

— Да что ты там высылала? Слезки горькие, сиротские...

— Люди и на меньшее живут, — отрезала я. Маша говорила, что рублей по двадцать в месяц переводила. При цене за кубометр дров около двадцати копеек, уж дрова-то не заказать?

— Не с тремя детьми!

— Работать не пробовала?! Нет? Я тут, у тетки, с ночи до зари вкалывала, чтобы тебе деньги отправлять, а ты даже детьми не занимаешься?! — заорала я. — Не работаешь — ладно! Так почему в доме гадюшник? Стол грязный, пол немытый и неметеный, дров нет, жрать нечего!!! Ты — мать! У тебя трое детей на шее! Что за х...ня тут творится!?

Орать я могла долго и выразительно, а тут еще накопилось и накипело.

День выдался... песцовый.

Сначала эти налетчики, потом Маша, потом пока до города добрались, да и здесь... эта овца истратила остатки моего терпения. И наружу пробилась не княжна Мария Горская, нет...

Наружу пробилась Марика, которая раньше конспирировалась аки Штирлиц. Милая, добрая и откровенно бешеная.

Чтобы приехать из деревни, поселиться в общежитии, получить образование и добиться своего не в самой просто профессии, поверьте, надо быть не тепличным цветочком, а вполне себе ядовитой гюрзой. Вы еще не верите?

Тогда я ползу к вам.

Орать я умела. И драться — в общежитии научат. И отбиваться, и за себя постоять, и наехать на кого-то... еще в те времена меня было сложно переорать. И сейчас я использовала все старые навыки.

Хватит с меня дипломатии!

— Почему ты в грязном ходишь, постирать сложно? Почему дети кое-как одеты? Почему денег нет, на что они, б..., потрачены?

Маман пыталась что-то вякнуть, но потом поняла, что это бесполезно. Даром, что все упреки справедливы.

Подхватила с порога веник и шагнула ко мне, угрожающе заноса его.

— Ах ты, дрянь! Да я тебя сейчас...

Не знаю. Кажется, она хотела меня по лицу этим веником ударить.

Ага, наивная...

Бить я ее не стала, все же баба и дура. Но перехватить руку за запястье и завернуть за спину? Спокойно.

Маман согнулась вдвое.

— Пусти!!!

Я вынула из пальцев веник и откинула в сторону.

— Значит так. Я сейчас навожу порядок в этом гнидюшнике. Ты идешь за лекарем. Нормальным лекарем, ясно? Уговариваешь, умоляешь, всеми правдами и неправдами приводишь его сюда. Я оплачу, но ребенок ночь с такой ногой терпеть не будет. Ясно?

— ПУСТИ!!!

Я усилила нажим.

— Не слышу ответа?

— Аййййй!!!

— Я так долго могу простоять. А если доведешь — сломаю руку, и пойдешь ты за лекарем еще и для себя. Поняла?

Ярость схлынула, осталось опустошение. Холодное, ледяное... не то, что руку — шею бы свернула. И не пожалела, и не посочувствовала.

Довольно!

Кажется, бабища это почувствовала. Как-то подобралась и заскулила.

— Машенька,пусти...

— Еще драться будешь?

— Н-нет...

Я махнула рукой и выпустила тетку.

— Живо! За лекарем!

Та отшатнулась, потирая плечо и глядя с ненавистью.

— Ты...

— Урок повторить?

Я шагнула вперед. И видит Бог, я бы ее сейчас прибила, но мозгов хватило у Анны, что-то она на моем лице прочитала. Передернулась — и выскочила за дверь, едва не снеся Ваню с дровами.

— Ну, ты ломишь, сестренка!

Голос был явно восхищенным. Сколько он видел?

— Ты почему за лекарем не послал? Я двадцать рублей в месяц переводила, неужели на эти деньги нельзя прожить и сколько-то отложить? Ты понимаешь, что у мальчишки или растяжение или перелом, он без ноги остаться может?

— Двадцать? — уловил только одно Иван. — А мать говорила, десять...

— Грррррр, — ответила я.

Если эта жирная вша говорила детям про десятку, то половина

оставалась ей. И на что она потрачена? Или отложена?

Если отложена, тогда хоть понятно, на черный день. Но куда ж хуже, твой сын без ноги может остаться? С этим не шутят!

Но если нет...

Ну, твою мать!

Других слов у меня не осталось.

— Почему — без ноги, — пискнул Петруша с печки.

Я обернулась и погладила его по голове.

— Успокойся. Я здесь, так что все будет в порядке. Обещаю. А почему... в ноге есть косточки, мышцы, связки. Вот, если их повредить, они будут воспаляться и болеть. А если их не лечить, то они могут зажить неправильно. И ходить тебе будет трудно. Мы ведь этого не хотим?

— Н-нет...

— Поэтому матушка сейчас приведет доктора, он тебя осмотрит, и все будет хорошо. Понял?

— Да. Но это дорого...

— Дороже здоровья ничего нет, — отрезала я. — Будем здоровы, и денег заработаем. А не будем... и тогда точно все. — и вспомнила еще кое-что. — Ваня, а где Аришка?

— Сам бы знать хотел. С утра сказал ей приглядеть за мелким, сам-то он едва до поганого ведра добирался...

— И ее нет?

— Нет...

— А ведь поздно уже.

— Да, что с ней будет?

С четырнадцатилетней девчонкой?

Да что угодно!

Вслух я этого не произнесла, но что-то Ваня на моем лице прочел, потому что вздохнул.

— Маш... ты ее пять лет не видела. Ты изменилась, она тоже. Уж ты поверь...

— Увижу — поверю, — отозвалась я. — Печь топи, давай... где в этом свинюшнике посуда?

— В лохани... Петь, Аринка и посуду не отскребла с утра?

— Нет... она рано ушла, вскоре после тебя.
Ваня выразился непечатно.
Я плюнула и направилась на поиски тряпки.

Что я могу сказать?
Анну Батьковну... кажется, Николаевну, пора было убивать.
Цинично и жестоко.

Грязным было — все. Вот так — ВСЕ.
Ведро, тряпки, посуда, стол, стены, пол, окна...
Потолок — и тот был в паутине. Справиться с этим за один день?
Нереально. Только если ты — грязеуборочный комбайн с шестнадцатью манипуляторами и вечным зарядом. И то — спалишься.

Мне оставалось только скрипеть зубами и материться. Иван с каждым услышанным оборотом смотрел на меня все более уважительно. А уж когда я крысу увидела...

Не угадали.
Отродясь не визжала, и визжать не буду. В гадкую тварь я запустила, чем под руку подвернулось, каким-то старым сапогом, но большой боцманский загиб таки вспомнила.

И отправила Ваню за водой.
Четырех ведер хватило, чтобы оттереть стол и часть посуды. И я занялась готовкой.

На скорую руку покромсала курицу, отделяя мясо от костей, кое-как обжарила на сковородке, потом на той же сковородке обжарила морковь и лук, благо, режутся они быстро, а жарятся еще быстрее, сложила в большой горшок курицу, засыпала пассированными овощами, высыпала несколько стаканов пшена, залила подсоленной водой и поставила в печь, томиться. А Пете пока сунула погрызть кусок хлеба с сыром и большую морковку.

Мальчишка явно повеселел.
М-да.
А насколько он свой словарный запас пополнил... дура ты, Маруся, научатся от тебя дети...
Ладно. Исправлюсь.
И я пошла по дому, пока ужин не готов.
Изначально тут было четыре комнаты.

Кухня, она же столовая и надо полагать, гостиная.

— Вот здесь мама живет, — показал Ваня на комнату, которая примыкала... так... ага!

У нее одна стена с печкой общая, то есть должно быть всегда тепло. Ясненько.

— А вы?

— Мы с Петрухой обычно на песке спим. Аринка в той комнате, — показал Ваня пальцем.

Две других комнатки были поменьше. И печка там тоже была, маленькая, не знаю, как это называется. Тоже одна на две комнаты.

— А протопить? Если дров нет?

Свои вещи я поставила в последнюю незанятую комнату. Пока и так сойдет, потом перераспределим блага.

— Ну...

Ваня отвел глаза в сторону. Потом разозлился на свое смущение и рыкнул.

— Это редко так! Я зарабатываю! Вот!

— Кем ты работаешь? — резко спросила я. — Колись, закон нарушаешь?

— Ты что! Мешки разгружать хожу. Если меня мусора загребут, на кого младшие останутся? И так Аринка от рук отбилась...

Я вздохнула.

И поглядела на Ваню уже другими глазами.

Да, выше меня на голову. Весь еще нескладный, растрепанный, волосы непонятно-русые, криво покромсаны и торчат во все стороны, глаза серые, лицо усталое... а на Машу он похож. Очень похож...

А еще, под бравадой и напускной наглостью кроется обычный мальчишка. Которому так хочется, чтобы рядом кто-то был... чтобы не один он был на этом свете. И не самым старшим... ну хоть ненадолго!

Здесь дети взрослеют быстрее, я уже поняла. Но для пацана все равно это ноша тяжелая. Даже может, и неподъемная...

Пять лет.

— Мать всегда так?

Он понял, о чем я спрашиваю, но покачал головой.

— Последние года два-три. До того лучше было...

Климакс у нее, что ли, начался? По нашим меркам рано, а здесь могло и пойти уже, как говорится, кто раньше начинает, тот и раньше

закончит.

— Выправим, братишка, — улыбнулась я. — Все мы выправим... сегодня вам еще придется поспать на печке, там теплее будет. А завтра начнем дом в порядок приводить, дров прикупим...

— Мать может и с околоточным вернуться...

— Да хоть с чертом с рогами, — отмахнулась я. — Лишь бы лекаря привела, а остальное меня мало волнует.

— Ты на нее руку подняла.

— Надо будет — и ногу подниму, — хмыкнула я, — совершенно не раскаиваясь. И видя на лице мальчишки непонимание, объяснила. — Ваня, если мать не заботится о детях, то она НЕ ВПРАВЕ называть себя матерью. Понимаешь?

— Она о нас заботится.

— Я вижу. Жрать нечего, спать негде, сидите в грязи и в холоде, зато у мамыши лучшее место в доме.

— Она работает, устает...

— Кем — работает?

— Ну... шьет.

— Дома. Могла бы и подмести. А раз работает — значит, зарабатывает. Деньги где?

— Думаешь, все так просто?! Приехала тут, рассуждать...

Я махнула рукой.

— Не рассуждать, Ванечка. Некогда мне рассуждать. Работать будем. И для начала порядок наведем, а там посмотрим... кстати, почему у нас никакой живности? Хоть кур бы завели, или кроликов... невелик труд!

Ваня вздохнул.

— Матери тяжело...

Я почувствовала, что зверею. Мало я этой дуре вломила, ой, мало...

Гррррррр!

Во дворе послышался визгливый голос мамыши.

— Вот, сюда пожалуйста...

Мы с Ваней переглянулись, и поспешили навстречу гостям.

Гостем оказался молодой мужчина лет тридцати, с белым чемоданчиком.

— Добрый вечер, — произнесла я. — Господин...?

— Ремезов, Гаврила Иванович. Я фельдшер. Ваша мать сказала, что у ребенка тяжелая травма...

Вот ей бы такую и нанести! Два раза!

Ну ладно, хоть кого нашла.

— Проходите, господин Ремезов. Вы имели дело с вывихами и переломами?

— Да. А вы...

— Синютина, Мария Петровна. Рада знакомству, — сухо представилась я. — Мой брат, Иван Петрович. Второй брат, которому требуется помощь, там, на печи. Вань, помоги ему слезть...

Второй раз просить не потребовалось.

Гаврила Иванович получил от меня жирный плюс за то, что вымыл руки, и только потом подошел к пациенту.

— Ну-ка, показывай... ох!

Нога произвела впечатление.

— Давно это? Мария Петровна?

Мамаша помалкивала с видом пресвятой мученицы.

Недомученницы, ежь! Но я исправлю!

— Больше суток.

— Ох, плохо-то как... что ж сразу не пришли?

— Господин Ремезов, я в городе ровно два часа. Ну, три, — ледяным тоном произнесла я. — Почему моя мать не обратилась к вам раньше, даже не представляю.

— Я... мне плохо было! — вякнула мамаша. — Даже ходить не могла!

Было?

Будет тебе плохо, я с тебя весь жир сгоню, дрянь такая! Небось, до вокзала мигом доскакала, и полдня там пропрыгала... сплетни собирала?

— Так... похоже, вывих. Здесь больно?

— Да.

— А здесь? Вот так?

— Д-да...

— Ясненько.

Фельдшер достал из чемоданчика что-то, смутно напомнившее мне губку, накапал на нее раствор из пузырька.

— Дыши, малыш.

— Это что? — подозрительно поинтересовалась я.

— Хлороформ. Если б сразу вправлять, было бы проще. А так надо обезболить, а то у мальчика сердце зайдет...

Я кивнула.

После нескольких вдохов глаза у мальчишки закатились, и он обмяк.

Гаврила Иванович ловко подхватил и малыша, и губку, кивнул Ване.

— Вот тут прижми, и держи.

И как-то ловко повернул, дернул Петину ногу...

Мальчишка взвыл даже во сне.

Я погладила его по голове.

— Все хорошо, маленький...

— Мне плохо! — напомнила о себе мамаша.

— Сейчас нюхательную соль подам, — огрызнулась я. Захотелось навернуть мамашу ухватом. Но вместо этого я забрала у фельдшера из чемодана губку. Вытащила нужный пузырек под ошалевшим взглядом хозяина, который даже вякнуть ничего не успел, накапала еще дозу.

И спокойно вручила мамаше, которая сидела в углу.

— Дыши. Полегчает.

Хлороформ быстро выветривается, да и концентрация на такую тушу должна быть побольше, но — получилось.

Через пять минут спящих стало двое.

— Извините, господин Ремезов, — покаялась я.

Фельдшер только рукой махнул.

— Все в порядке, Мария Петровна, я все понимаю...

Я развела руками и мило улыбнулась. Ваня ловко строгал досочки для лубка, а Гаврила Иванович прибинтовывал Петину ногу.

— Все будет в порядке с парнем. Пусть недельку ногу побережет, а потом придете показаться.

— Спасибо, господин Ремезов. Сколько мы вам должны?

— Рубль...

Цена была явно завышена, но я молча вручила мужчине полновесный целковый.

Заслужил.

— Благодарю вас. Мы обязательно придем.

— Да... спасибо, — закивал Ваня. — А Петя долго еще проспит, господин доктор?

Ремезов даже приосанился. Вот что с человеком лесть делает.

— Думаю, с полчаса. Я ему маленькую дозу дал.

— Вы нам очень помогли, — с чувством произнесла я.

— Всего вам наилучшего, — попрощался фельдшер и ушел.

Я достала из печи аккуратно к этому времени упарившуюся курицу с пшеном.

— Ванечка, ты себе невесту нашел?

Я обернулась.

М-да. Дите рабочей окраины, было у нас такое выражение. Стоит на пороге девчонка, и смотрит...

Нет. Не шлюха. Это сразу видно, взгляд у нее не продажный. Но тоже, тот еще волчонок. На Ваню похожа, кстати. Маша выразительнее была, а эта вообще ни о чем. Мышь серая лабораторная, с первого взгляда от стены не отличишь.

Четырнадцать лет — здесь возраст расцветающей женственности. У этой...

Либо, он будет позже, либо никогда.

Фигура плоская, волосы серо-русые, глаза серые, лицо не особо выразительное, на улице встретишь и мимо пройдешь. А здесь модели не в чести.

В высшем свете еще туда-сюда. А вот у простого народа баба должна быть в теле.

— Арина? — прищурилась я.

— Я-то Арина. А ты...

— А я — Мария. Не помнишь?

— А, старшенькая пожаловала?

— Цыц, сопля, — опомнился Иван. — Ты где шлялась целый день?

— Твое какое дело?

Я вздохнула. Сейчас бы и эту оттрепать, но сил не просто не осталось — они в минус ушли.

— Садись, кушать будем.

— Хлеба с молоком, что ли?

— У вас это что — блюдо месяца? — окрысилась я. Поймала

недоуменные взгляды и махнула рукой. — Курицу с пшенкой. Будешь?

— Не мать готовила?

— Я. На всех. Так как?

Арина уселась за стол и трянула косой.

— Давай сюда свою курицу.

Курицу с пшеном 'родственнички' наворачивали за обе щеки. Маман так в себя и не пришла, а вот младший завозился.

Логично, ему-то досталось под присмотром врача, а маменьке бесконтрольно.

М-да, что-то не везет мне с мамашами в этом мире. Первая умерла, вторая стерва, третья дура...

Я отложила кашу с курицей в миску, положила побольше мяса и поставила отдельно. Сама вытащила куриную ногу, понимая, что в большой семье клювом не щелкают и впились зубами в натуральное мясо без антибиотиков и гормонов. Жесткое, как сволочь. Тут даже печь ничего не сделает, курица при жизни была спортсменкой.

— Потом покормишь мелкого?

Ваня кивнул.

— Придет в себя — прослежу.

— Много сразу не давай, пусть сначала водички попьет, а уж через часок и кашу можно.

— Хорошо, Маш. Ты бы пошла, прилегла? Тебя ведь шатает...

Меня и правда штормило. Все хорошо в меру, а сегодня у меня день был при отсутствии всякой меры. Я порадовалась задвижке на двери комнаты, закрылась изнутри и почти упала.

Как там господа Синютины будут разбираться — меня не волновало.

Раздеваться?

Вот в этой комнате?

В этой кровати?

Пусть меня сначала расстреляют! И вообще, моему платью уже ничего не поможет, кроме торжественного сожжения. Завтра разберусь, где тут купаются, и пущу его на тряпки.

Завтра, все завтра...

Сон накрыл меня в минуту, унося в глубокую черноту без

сновидений.

— Кукареку! КУКАРЕКУУУ!!!

Мутант сволочной.

Чтоб тебе всю жизнь прожить в инкубаторе!

Как же мне хотелось поспать подольше. Но петухи разорались, как последние... петухи!

Час ночи!

Два часа ночи!

Четыре утра!

Вот, в четыре утра я и встала. Сволочи пернатые, чтоб вам ваши цыплята за меня отомстили! Кубики бульонные на ножках! Чтоб вам один 'ролтон' жрать до скончания птичьего века!

Глаза решительно отказывались открываться, но мозг заработал на полную мощность. Есть у меня такое плохое качество.

Встаешь ночью, начинаешь думать, и потом заснуть не получается. В таких случаях идеально помогает или считать овец, или просто что-то считать, но не думать. Ни о чем не думать.

У меня так не получилось.

Накатило.

Вчера я убила людей.

Вчера я сидела рядом с умирающей девушкой и держала ее за руку.

Вчера я примерила на себя еще одну чужую жизнь.

Память нахлынула волной, и сопротивляться стало бесполезно. Меня затрясло, я перевернулась на пузо, уткнулась лицом в руку и прикусила рукав.

Так, спокойно, Маруся.

Ты делала все, чтобы выжить.

Выжить, вырваться, не быть убитой.

Если бы ты не сбежала, тебя бы убили. Сначала продали, потом убили... с Демидовым в кровать захотелось?

Это даже не садо-мазо, для такого извращения и слова-то еще не подобрали. Пятьдесят оттенков кретинизма, не иначе.

Если бы ты не сбежала, тобой бы занялась охранка.

Если бы ты не оказалась в поезде...

И что бы это поменяло?

Маша все равно погибла бы. Или кто-то думает, что эти негодяи охотились за поездом, потому что там я ехала? Сомневаюсь...

Все равно бы девчушка погибла, а я... я воспользовалась ситуацией. И за эти документы мне еще отработать предстоит, как стахановке.

Ссссемейка, ежь ее рожь!

С мамашей все понятно, таких я и у себя навидалась. Будут ныть, скулить и выть, но зад не поднимут. Единственный вариант — пнуть по нему со всего размаха.

Такие очень боятся тех, кто сильнее, и может им навалить без оглядки на правила. Раз оттрепleshь, два...

В наше время сложнее, они ползут к участковому, но если нет ни свидетелей, ни следов...? Я их вчера точно не оставила, а вопли — не доказательство. Переживем.

Мальчишки...

Старший поддается воспитанию. Ведь взял на себя заботу о младших, хоть как-то.

Девчонка — оторва. Но может, удастся скорректировать?

Младший — тихий стоик. Это ж надо? Сутки терпеть с вывихом и не вякнуть? Да в наш суровый двадцатый век ребенок и часа терпеть не станет! А тут?

Сутки!

Акселерация, ежь?

Или просто пацан знал, что до него никому нет дела?

Вот, во второе мне больше верится. Да, мамочка у Марии класс! Прибить не жалко!

Но чем можно заниматься столько времени? Не домом, не детьми, не работой... хотя ответ прост.

Мужиками.

Какие здесь мужики героические! Геракаклы! Я к такой мамаше щипцами бы не притронулась, а кто-то позарился. Хотя... смотря на что.

На мамашу — или на домик и деньги?

Да, вовремя я приехала.

А какой план действий-то?

А, простой.

Первое — уборка.

А потом буду устраиваться в жизни, как Мария Синютина. Для начала.

Устроюсь поудобнее, оценю окружающий мир, разберусь со своей магией...

Вернусь ли я в высший свет?

А вот тут надо еще прояснить со своими правами и обязанностями. Конечно, там комфортнее, и прислуга есть, но — что там есть еще?

Какие права у княжны?

Что и кому она должна?

А соваться в это болото просто так, будучи во власти отца...

На фиг!

Кому хочется за Демидова замуж, могут не стесняться, уступлю вместе с местом. Правда, к жениху еще и проклятие прилагается, но это ж мелочи?

Ладно. Сами собой дела не сделаются. Вставай, Маруся — и вперед.

Я поднялась и отправилась на подвиги.

Арина и Петя еще спали, Ваня уже нет. Он растапливал печь и улыбнулся при виде меня.

— Доброе утро, сестричка.

— И тебе того же, братик, — кивнула я. — Завтракать будешь?

— Эммм... там, вроде, еще осталось?

Я обревизовала чугунок.

Осталось... по стеночкам поскрести и ложку облизать. На пятерых человек этого явно не хватит. А курицу вообще всю умяли, тут одна пшенка.

— Вы с Петей ели, и мать. Верно?

— Тебе же осталось? — Ваня смотрел непонимающе.

Я махнула рукой.

— Не в этом дело. Кормить-то всех надо... слушай, тут, по соседству петухи орали. Было?

— Да.

— А яиц ни у кого прикупить нельзя? Я бы сготовила по-быстрому? И зеленки какой?

Пшенки осталось достаточно для моего замысла...

— Сейчас сбегаю, — Ваня кивнул, но мелочь не взял. — У меня еще со вчера осталось.

— Действуй, — поощрила я.

Яичные котлеты делаются быстро и просто. Обычно я их с манкой мешала, но где я тут манку возьму? Пшеники хватит.

Молоко есть, хлеб есть, сделаем гренки.

Надо к печке привыкать. Надо...

Как же не хватает микроволновки и полуфабрикатов! И даже 'Макдональдса'.

Яйца я сварила, порубила и перемешала с пшеникой и зеленью. Сделала котлеты и быстро обжарила на большой сковороде. Ваня вызвался помогать, так что вторым эшелонам отправились гренки.

К моменту появления Арины, все было почти готово, но по протянутой руке я шлепнула полотенцем.

— Куда?

— А чего? — огрызнулась девица.

При свете дня она выглядела еще более непрезентабельно. И сильно напоминала костистую щуку.

— А того, — разъяснила я. — Не поздоровалась, не умылась, сразу давай хватать. Ты что — в хлеву живешь? Вон лохань, можешь посуду отмыть, а потом остатками воды умоешься. Поняла?

Арина засопела.

Ваня показал кулак, и та молча пошла к лохани.

Я кивнула и продолжила метать на стол гренки.

Расточительство, конечно, но разок можно. А там... уж прикуплю что-то такое. Тот же мешок гречки на семью, пшено, овес, к примеру, овощи... интересно, а ледник тут есть?

— Раньше был.

— А сейчас?

Ваня посмотрел на меня выразительным взглядом и отвернулся. Я вздохнула.

— Будет. Ты на работу сейчас?

— Не заплатят же...

— Сколько там тебе заплатят за день? Копейки... Давай-ка лучше, оставайся дома. Будем по хозяйству крутиться, тут мужские руки

нужны.

— Ну...

— Ваня, я одна не справлюсь.

— У нас богатенькая сестренка? — поинтересовалась от лохани Арина.

— И любопытная, — парировала я. — Где ты была допоздна?

— Не твое дело.

— Вот так себе и ответь на любой вопрос.

Арина засопела еще интенсивнее и выместила зло на тарелке.

— Доброе утро, — высунулась с печи головенка младшего.

— Доброе, — согласилась я. — Как нога?

— Хорошо.

— Денек полежишь, а потом будешь мне по дому помогать, — решила я.

— Да я и сейчас могу...

— Цыц! Дай посмотрю, — я метнула на сковородку еще порцию хлеба и подошла к печке.

Нога была явно лучше. Отек спал, надо будет перебинтовать еще раз. И полежать.

Это я и сообщила.

— А что мы сегодня будем делать? — Ваня с удовольствием отдал в мои руки бразды правления.

— Спроси, чего мы делать НЕ будем, — ухмыльнулась я. — Сидеть и отдыхать. А остальное все будет.

Арине это явно не понравилось, но кто ее спрашивал?

— Доброе утро, детки! Я смотрю, вы уже завтрак приготовили?

Мамаша лучилась улыбкой, словно изотоп урана. Бессмысленно и беспощадно. И беззубо. Во рту у нее, дай бог, зубов шесть оставалось...

Сегодня коричневая блузочка сменилась на голубую, в цветочек, но юбка осталась та же самая.

Кудельки волос были кокетливо заколоты здоровущим гребнем.

И к столу она направилась так же прямой наводкой.

— Руки! — рыкнула я.

— Что?

— Мыть руки и умываться, — пояснила я. — Обязательно для всех,

потом завтракать.

— Маша, ты слишком много на себя берешь!

— Кто платит, тот и распоряжается, — огрызнулась я. — так сколько денег я высылала каждый месяц? Десять рублей, значит?

Арина наострила уши. Мать замялась, потом дернула головой (подбородки воинственно колыхнулись, все четыре) и пошла в атаку.

— Ты знаешь, как все дорого?

— Знаю. Так куда деньги пошли?

— На хозяйство!

— Незаметно! Иди мой руки, потом завтракаем, а потом займешься хозяйством, раз уж о нем заговорила, — прищурилась я. — Что выбираешь? Мыть, стирать?

— У меня суставы от воды опухают!

— Ничего страшного, от веника они не опухнут, — я ухмыльнулась. Веник, швабра... уж что-что, а изготовить знаменитое оружие труда — несложно.

— И нагибаться я не могу, у меня голова кружится.

— Значит, не будешь нагибаться. Будешь заниматься уборкой, метлу дадим. Итак, руки — и за стол.

Мамаша засопела не хуже Арины, но подчинилась. Котлеты на гренках пахли вкусно, подозреваю, она на запах и выползла.

На пожрать все мастера. Посмотрим, как на 'поработать'.

Вот с поработать было плоховато.

Арина на меня шипела и огрызалась, но видя, что я не командую, а сама вкалываю, успокоилась и взялась за тряпки всерьез.

Стирка велась по методу дачного ноу-хау.

Сложить тряпье в корыто, залить водой, добавить мыла и как следует потоптать ногами. По такой методике Арина стирала даже с удовольствием, а Ваня выжимал и развешивал.

Помимо этого, он таскал, прибивал, договаривался с соседями...

Мамаша ворчала, но упорно выметала грязь и терла пол шваброй.

Петя требовал работы, и мы свалили в корыто всю посуду.

Залить водой, посадить мальчишку рядом, и пусть отмывает потихоньку. Петя согласился и принялся за работу.

Я участвовала везде.

Вытряхивала из шкафов постельное белье, определяя, что постирать, и сама выплясывала в корыте, показывая Арине, как сделать лучше.

Полола сорняки во дворе, собирала мусор, сбрасывала все в костер...

— Ваня, нам нужна новая выгребная яма. Забор починить, крышу подправить, сарай...

— Маша, а денег хватит?

— На дело? Хватит!

Деньги у меня были по-прежнему при себе. В комнате я ничего не оставляла, и как выяснилось, не зря.

Когда Петя выглянул во двор и жестом подозвал нас всех, показывая, что надо молчать, мы переглянулись, но пошли.

Как оказалось, не зря.

Матушка была занята.

Сидела и перетряхивала мои вещи.

Меня аж саму затрясло.

— И что тут происходит?

— Вот, смотрю, что постирать надо, складываю... — залебезила мамаша, но меня таким было не провести.

— Денег там нет.

— А?

— Они все в банке. С собой у меня на мелкие расходы и на дорогу. И согласно завещанию, снять деньги могу только я. Распоряжаться буду тоже я. Вопросы есть?

— Ты... ты...

— Могу вообще уйти. И ты ни копейки не получишь. Я-то проживу...

Мамашу аж затрясло.

Денег хотелось. Бесконтрольно и побольше. А тут оказалось, что к ним прилагается стервозная дочурка.

— Вот как ты платишь мне за любовь! Я тебя растила...

— Ночей не спала, дней не жила, — продолжила я в том же патетическом тоне. — Последние пять лет не спала и не ела — я. И деньги вам отправляла тоже я. Десять умножить на двенадцать — сто

двадцать. Умножь еще на пять — шестьсот рублей. Куда ты их размотала?

Ваня аж головой затряс, то ли от огромности суммы, то ли...

— Маш, а ты считать так хорошо умеешь?

— Ваня, я в доме купца жила. Значит так, мать, руки от моих вещей убрала раз и навсегда. Узнаю, что шарилась — уйду из дома. Не пропаду.

— Бросишь братьев и сестру...

— Найду, как их устроить. Но ты ни денег не получишь. Останешься одна, и лезь куда пожелаешь.

— Креста на тебе нет!

— Хм...

Крест вообще-то был. Но — Марии Горской.

Золотой, отличной работы, на изящной цепочке. Стоил он, наверное, как три таких домика.

— Есть. Ваня, вы в церковь когда ходите?

— По воскресеньям.

— Вот, сходим. Если мать меня до того не выгонит.

— Мария!

Я фыркнула и припечатала.

— Или если я сама не уйду. С деньгами.

Намек был понят. Мамаша убралась из комнаты, а я запихнула все обратно в саквояж. Хорошо, что там были именно Машины вещи. Дешевые, простые, штопанные... а то приличное платье, которое было на мне, больше всего сейчас напоминало половую тряпку.

— Маш... ты ведь не уйдешь? — Ваня коснулся моей руки.

Господи, как же его все достало?

Я похлопала парня по плечу.

— Вот, пристрою тебя на работу, Аринку замуж, Петрушу в обучение, а там и посмотрим.

Ваня понял шутку и улыбнулся.

— Хорошо, что ты приехала.

Я в этом уверена не была, но — ладно уж.

Ближе к вечеру мы с Ваней посетили Обжорный рынок.

Закупились там мясом, крупами, овощами...

Сейчас ранняя весна, так что посадки еще сделать не поздно. Устроим во дворе грядки, посадим зеленушку, посмотрим, какие есть кусты...

Теплицу я тут вряд ли устрою, но что-то попроще посадить...

Фасоль, свекла, тыква, та же морковка, а на репе вообще можно два урожая получить в год, если не хлопать ушами. Но это на хороших семенах.

Что тут с семенами — неясно, но вряд ли здесь Мичурины бегали.

Самой, что ли, заняться?

Хотя... вот я дура!

Я же маг земли!

Зем-ли!

Захочу — у меня огород шесть раз за лето отплодоносит! А уж селекция... да мне сам бог велел этим заниматься. Вот и дело нашлось...

Подождите!

Вы ко мне еще за семенами придете и в ножки поклонитесь.

Я ухмыльнулась, и направилась к дому.

— Ваня, ты подумай, может, нам еще кроликов и кур завести? И козу хорошо бы... парочку.

— Дед и бабушка коз держали, я точно помню...

— Сарай есть. А ухаживать младшие смогут, никуда не денутся. Я огород устрою, дом поправим... ты не против?

— Маша, это так хорошо звучит... мне даже страшно.

Я махнула рукой.

— Пошли. Я на ужин сегодня щи сварю. Плохо без горячего... а! Мне бы еще отметить надо, что приехала...

— Сейчас сходим?

— Завтра меня проводишь. Не в таком же виде идти?

Ваня хихикнул.

— Да уж. Зато на Обжорке тебе скидку дали!

— Издеваешься?

— Да ни в коем разе!

— Отдам мозговую косточку Пете, — пригрозила я. — Кстати, пройдишь по соседям. Нам нужна собака. Может, у кого приплод будет, чтобы нам на щенка договориться? И кошка не помешала бы, а то что за гадство? Крысы скоро по головам скакать начнут! Почему вы никого не

завели?

— Матери возиться некогда...

Я скрипнула зубами.

Ага.

И некогда, и неохота, и вообще...

Лень у нее на шее сидит и ножки свесила.

Ваня все понял и промолчал.

Мамашу наши планы не обрадовали.

— Сами будете со всем этим возиться! Мне здоровье не позволяет!

Я прищурилась.

— Кушать оно тебе позволяет! На, почисть лук!

Сама я его чистить по понятным причинам не любила. И принялась чистить и шинковать морковь.

Лук, морковь, свекла... И вот в печи томится борщ с мозговой косточкой. Запах идет такой, что даже соседские собаки облизываются. Все же котлеты — это не то. Это сухомятка...

Стук в ворота раздался, когда мы сидели и ужинали. Молчали все, намотались за день.

— Анька, открывай! Открывай, сказал! ЖИВО!!!

Ощущение было, что гризли яйца у ворот придавило, так он ревел. Я уронила ложку.

— Это — что?

— Карп!

— Торговец рыбой? — не поняла я.

Мать заерзала.

— Я пойду, открою...

— Что? Такое? Карп?

Вопрос прозвучал отчетливо и резко.

— Возчик. Мамин знакомый, — отозвался Ваня.

— И часто такое происходит? Давно?

— Года два.

— Не твое дело! — взвизгнула мать, хлопая по столу пухлой ладонью. Получилось неубедительно.

Я встала.

— В нашем доме пьяни подзаборной делать нечего.

— А у него свой дом есть, — окончательно заложил мамашу Ваня. — Сюда он как напьется, ползет. Проспится, и обратно, к жене.

— Замолчи!!! — завизжала маман.

Я покачала головой.

— Прелюбодействуем? А батюшка знает?

— И ты замолчи!!! Какое ваше дело!? Почему я должна перед вами отчитываться?!

Я покачала головой.

— Вань, ты сможешь выставить этого Карася?

— Карпа? Нет...

— Тогда мамашу придержи, чтобы не лезла.

Понятное дело, мамаша тут же полезла из-за стола. Но Ваня не зря мешки таскал. Подошел и взял за руку.

— Мама, сядь.

— Да ты...

— Сядь, я сказал. Маш, ты уверена?

Я недобро улыбнулась.

Уверена ли я?

— Более, чем уверена. Арина?

— Да?

Девчонка смотрела серьезно Кажется, ей это рыбопроизводное тоже не нравилось.

— Живо за околоточным.

— Да что вы задумали, ироды!? — взвыла мать.

Я посмотрела жестко и холодно.

— А во что ты превращаешь жизнь детей? Как не стыдно? Пускать это пьяное животное! Арина? Через забор придется...

— Мышью проскользну.

Я кивнула и пошла к воротам.

Подождала, пока Аринка сиганет через забор, только пятки замелькали, и крикнула:

— Иду-иду! Уже иду...

Продержаться надо. Главное, чтобы Ваня свою мать удержал.

Вот ведь... дура!

Интерлюдия.

Игорь Никодимович Романов чувствовал, что срочно нуждается в лекарстве от головных болей.

Это ж надо!

Не успели одно расхлебать — другое навалилось.

Вот уж что было не ко времени — так это происшествие на железной дороге.

Казалось бы, что тут удивительного? Поезда иногда грабят, в последнее время даже чаще, чем просто — иногда. Березовский — город рудников, металлы едут оттуда, а туда... да много чего. Полезного, нужного, дорогого...

Что ехало в этот раз?

Демидов перевозил какой-то ценный груз. Вот, кстати, и сам он явился секретарь известил. Романов и не сомневался, как-никак лично Демидову отписал, просил приехать в гости, побеседовать. Вежливо, очень вежливо, но и ему, и заводчику было ясно, что это просьба только по форме. А по сути — приказ. И лучше подчиниться, чтобы не попасть под подозрение.

А Романов бы не удержался.

Вот кто бы ему сказал, почему он так не любит Демидова? Но просто не переносит, корбит его от этого человека, тошнит. Гадкое от него ощущение. Но внешне это никак не отражалось Романов был сама любезность. Улыбался, радушно предлагал удобное кресло...

Да и Демидов, какие бы чувства этот мужчина в хорошо сшитой тройке не испытывал к своему визави, выглядел вполне довольным и жизнью и визитом. Прямо-таки к дорогому другу на блины зашел.

— Добрый вечер, Сергей Васильевич.

— Игорь Никодимович, мое почтение.

— Как у вас дела, как жизнь?

— Да... пожалуй, что и неплохо.

Романов покивал.

Для Демидова происшествие на железной дороге действительно закончилось неплохо. Налетчикам ничего не удалось забрать, благодаря...

Да!

Благодаря оказавшемуся в поезде магу земли.

Знать бы еще кто это и откуда он там взялся...

Маг воздуха, штатный сотрудник полицейского управления Березовского, прибывший на место происшествия, написал отчет. Клялся и божился, что ни один пассажир в поезде не может быть магом земли.

С другой стороны...

Налетчики были на лошадях, может, кто-то из них? Видно же, что с места происшествия кто-то удрал. Кстати — странное заклинание. До сих пор его опознать не могут. Вроде как школа-то земли, но есть там что-то и от магии воздуха. Но универсалов не бывает. Значит, скорее всего земля.

Или было два мага?

В это Романов верил с трудом. Скорее уж один маг, которому все осточертело, который увидел для себя удобный случай удрать... к примеру, решил покончить с преступной жизнью и заодно покончил с товарищами? И такое бывало... всякое случалось. Мага можно затянуть в преступную группировку, чего уж там, святых нет. Можно поймать, шантажировать, просто предложить много денег...

Магией обладают не только аристократы, и монополия на магов не только в юртах.

Всякое бывало.

И с крестьянскими девками погуливали, и не только с крестьянскими, и дети бывали... разные. Не будешь же бегать по всем огулянным тобой бабам?

Обычно с такими криминальными магами разбирались быстро и жестоко, показательно, чтобы уроком стали для других. Но... все не угадаешь.

— Я бы сказал, вам очень повезло, Сергей Васильевич.

— Не жалуюсь. Вы же знаете, что случилось с моим грузом.

— Да. Не знаю, правда, что вы такого перевозили...

Глубоко посаженные глаза Демидова полыхнули мрачной ненавистью.

— Почти никто не знал! Я сам все решил малым не в последний момент!

— Список тех, кто знал, вы мне предоставьте, — мило улыбнулся Романов. — Для дружеской беседы.

Демидов кивнул.

Он понимал, нападение произошло из-за него, но пострадали простые люди. И поезд... государь гневается, и он в своем праве.

Романов требует голову виновника, и он тоже в своем праве. И лучше с ним не ссориться, к добру такая ссора не приведет. А что Демидов постарается найти виновника сам и лично оторвать ему голову... ну, есть вещи, которые все понимают. Но зачем же вслух-то о них говорить?

— А что вы перевозили, если не секрет?

— Не секрет, конечно. Березовский — мой город. И банки там мои, и ценные бумаги, и кое-что фамильное... из драгоценностей.

От Романова не ускользнула заминка, и он задумчиво поглядел на Демидова.

Правды этот скользкий глист ему не скажет. А вранье слушать неохота, лучше он сам докопается... или послушать? Мало ли что ляпнет заводчик?

Демидов понял взгляд правильно.

— Игорь Никодимович... семейный секрет. И рад бы рассказать все, но не могу, клятву на крови давал. Вы уж поверьте, вещь эта ценная и сильная.

Романов пожал плечами.

— Допустим. Список вы мне предоставите...

— Разумеется.

— И что там за история с вашей невестой?

Вот этого Демидов точно не ожидал.

— С княжной Горской?

— Насколько я помню, вы были с ней помолвлены?

— Не состоялась помолвка, — заметно помрачнел Демидов. Явно ему это было не по душе. — Княжна попала в больницу.

— По причине активизации боевого артефакта. 'Искорка', кажется так?

Демидов помрачнел.

Никодимов развел руками.

— Сергей Васильевич, это все тоже в моей компетенции, поэтому... рассказывайте. Прошу вас душевно...

Ага, а может попросить и ЗАдушевно. Это когда берут за душу и вытряхивают из нее все содержимое.

А рассказывать-то и не хотелось. Ну, часть высказать можно. Ту, о

которой все и так знают.

— Вы, Игорь Никодимович, в курсе нашей семейной проблемы.

Романов кивнул.

Кто-то, может, и не в курсе, а ему по должности положено, работа такая. Точного текста проклятия у него не было, но кое о чем он догадывался, кое-что маги подсказали, примерно механизм он представлял. И Демидова понимал.

Род вымирает.

Тут и с кобылой свяжешься, не то, что с княжной. Лишь бы получилось... но могло ли оно получиться?

Проклятия — штука сложная. Смотря кто проклял, как проклял, какая сила в проклятье вложена... иное и не отклянешь назад, только помирать останется.

Хотя...

Есть оговорка.

Чтобы проклятие легло правильно и хорошо, нужно исключение. Как в детской сказке. 'Жить тебе до конца дней твоих чудовищем невиданным, неслыханным и уродливым, коли не найдется красавица, которая полюбит тебя за душу добрую да за сердце светлое'. Вроде бы условие есть, проклятие можно снять. На словах.

А на деле... много вы таких девиц знаете?

Вот Игорь Никодимович — ни одной.

Правильно составленное проклятие просто так не снимешь, это уж вы поверьте. И несколько поколений смениться успевало, пока дорожку нащупывали. Бывало...

— Княжна Горская?

— Оказалась сильным магом земли. Поэтому я решил попробовать еще раз. Вдруг в этом случае мне бы повезло?

Романов мог понять. А понимала ли это княжна?

— Княжна была против?

— Что вы хотите от молоденькой девушки? — развел руками уже Демидов. — Им в этом возрасте подавай не основательность и заботу, а романтические ухаживания, вздохи под луной и серенады...

Романов сдержал улыбку.

Ага, забота и основательность.

О племенной кобыле тоже заботятся, основательно так, в лучшем деннике держат, лучшим овсом кормят, но ни выбор пастбища, ни

выбор седока не доверяют.

Увы...

И чего это княжна взбунтовалась?

— Думаете, кто-то был у нее? Из тех, кто... пел серенады?

— Князь клялся, что не было, — задумался Демидов. — И я потребовал освидетельствования у врача, княжна была девицей.

Романов поставил еще один плюсик.

Если у княжны кто-то был, конечно, она взбунтовалась. А кто бы на ее месте остался равнодушен? Но даже если и не был. Положа руку на сердце, Демидов не являлся предметом девичьих грез. Разве что в плане кошелька и статуса, но оценила бы их княжна?

Неизвестно.

Надо, надо допросить слуг в доме Горских.

— Сергей Васильевич, я ведь о прогулках под луной говорю, а не о... последствиях. Серенады из девушек женщин не делают.

Демидов задумался всерьез. Такая мысль ему в голову не приходила. Не в силу глупости, просто... его это не интересовало. Девственность есть, князь согласен, княжна... да кто ж девиц-то спрашивает? Что за глупости?

У них и ума-то нет, чтобы рассудить, родительским им жить положено.

— Полагаете, мог быть кто-то...

— Не думаю, что у Горского все шкафы в доме 'искорками' забиты. Вы сами-то видели, как это произошло?

Демидов усмехнулся.

— Если б я видел, мы бы не разговаривали. Я-то не маг.

— Да, я помню. Спящая кровь.

— Примерно так. Может, если бы княжна мне сына родила, он бы способности раскрыл. А так...

Горе Демидова, тем более, показное, Романова не тронуло. Ни разу.

— А кто видел?

Демидов задумался.

— Пожалуй, что и никто.

Он вспоминал тот день. Медленно, шаг за шагом, каждую минуту прокручивал в памяти.

Он ждал в храме. Домовой храм Горских, маленький, в загородном поместье, все случилось не в городе, а именно там...

Княжна шла от дома до храма одна, так принято. В знак добровольности принятого решения и покорности. Уже в храме ее встретит отец, поведет к алтарю, отдаст жениху...

Одна.

Не считая нескольких слуг, они же охранники, они же конвой, которые незаметно сопровождали княжну по пути к храму.

Двое не выжили.

Княжну спасти удалось, а у них ожоги, и сильные. В саду до сих пор воронка.

По свидетельству оставшихся в живых, вдруг что-то полыхнуло, аж земля содрогнулась, и пошли вспышки.

Красная — фиолетовая — синяя.

Только по ним артефакт и опознали.

А если бы это произошло в храме, осталась бы там воронка. Ну, может стены и уцелели бы, а вот люди... Демидов не обольщался. Столько сил у него не было.

Хоронить бы нечего было.

Урезанную версию он и рассказал Романову.

Княжна шла, потом что-то взорвалось, все выбежали смотреть... княжну нашли в эпицентре взрыва, потому и догадались. И срочно доставили в больницу. Хотя она даже не дышала какое-то время, потом князь начал вливать в дочь ману, и та вздохнула, сердце забилося...

Сразу начал?

Нет, не сразу, минут через пять-семь. Но разве это важно?

Романов махнул рукой. Нет, не то, чтобы важно... князь не говорил, откуда у его дочери такие интересные вещи? Нет?

Демидов признался, что не говорил. Да его это и не слишком интересовало — к чему? Вот способность девушки родить лекари ему подтвердили, а что еще надо?

Романов согласился, что больше ничего, и поинтересовался судьбой невесты Демидова. И тут-то Сергей Васильевич помрачнел.

— Не знаю.

— Как?

— Вот так. Ее отец сам не в курсе, похоже, эта сопля сбежала из больницы.

— Невероятно! Там же люди, охрана...

Демидов только рукой махнул.

Что такое больница после теракта? Это даже не бордель, это намного хуже. Не хватает — всего и разом. Персонала, операционных, коек, палат... да ничего не хватает! В такой момент оттуда мог кто угодно сбежать, хоть бы и три княжны разом.

— И вы не представляете, куда она могла сбежать? К кому?

— Об этом вам лучше поговорить с Горским, — привычно Демидов.

— Обязательно. А вы все-таки не знаете?

— Понятия не имею. Знал бы — вернул бы обратно, чтобы впредь неповадно было.

Романов сочувственно покивал. Да-да, такой позор, такой кошмар, весь свет в курсе, и что будет говорить вдовствующая императрица...

Только когда Демидов ушел, он позволил себе ненадолго сбросить маску.

— Маг земли... с проявленными активными способностями. Маг, которого никто не учил? Или учили? Но кто? И где вы сейчас, княжна? Хотелось бы с вами пообщаться.

Ответа не было.

А увязать два в одном?

Нападение на поезд и мага земли, который там поработал с княжной Марией Горской? На такое у Романова просто фантазии не хватило.

Не стоит его за это осуждать, в его понимании, княжна не должна была бежать на территорию ненавистного жениха — это первое. Если уж сбежала, то должна сидеть тише воды ниже травы, это второе. А сама не поймет, так друзья или любовник, кто там есть, подскажут, это третье...

Мысль о том, что княжна сбежала одна, положившись на удачу. Что Истоков выбрал Березовский просто потому, что туда шел ближайший поезд и удалось договориться с проводником.

Что Мария растерялась, когда ей пришлось защищать свою жизнь, и наворотила дел...

Да кому бы такое пришло в голову?

Это даже не бред, это что-то худшее.

А уж привязать ко всему этому кошмару гибель Истокова?

С какого перепугу?

Романову опять-таки и в голову не могло прийти, что княжна

пойдет бродить по ночам и познакомится с умирающим ротмистром. По мнению Романова, при благородной девице должны были неотступно находиться служанки, какой там ночной променад? А что Ольга Горская об этом 'позабыла'... к чему княгине были лишние траты и хлопоты? Все равно падчерицу есть за кого замуж сплавить, была бы девушкой, а Демидов ее возьмет с любой репутацией, у него положение безвыходное.

Опять недостаток информации.

И странная дружба умирающего с новорожденной, и их разговоры, и совместный побег из больницы... последний побег.

Сбежало двое, вернулся один. Возвращался.

Но даже если допустить, что княжну где-то спрятал Истоков, у него уже не спросишь. У его родных?

Романов пометил себе уточнить, без особых шансов на успех. Слишком уж неправдоподобно.

Скорее всего, у княжны был возлюбленный, возраст такой. Как ни стереги молодежь, все равно просочится где-нибудь. Так что надо допросить слуг в доме Горских, кто-то что-то да видел или слышал. Вот, с ним княжна и удрала.

Куда?

Найдем, так разберемся.

Смерть Истокова тоже вполне объяснима. Ротмистр был обречен, и предстояло ему умирать медленно и мучительно. На его месте Романов тоже пошел бы искать приключений на свою голову. Лучше уж умереть в бою, чем гнить от проклятия.

А маг...

Искать надо лучше.

Романов и тут не сомневался, что это кто-то из преступников. Бывает...

Игорь Никодимович раздал всем задания и опять сосредоточился на главном.

Покушение на цесаревича...

Ладно. Расспросим слуг в доме Горских, найдем, за какую ниточку потянуть. Никуда княжна не денется... рано или поздно все находятся, и она найдется.

Лишь бы не было поздно.

Глава 8

Рыбы, пресмыкающиеся и прочая фауна.

Аринка умчалась.

У меня была только одна надежда, что Карп осточертел детям намного больше меня.

Так что девчонка побежала не погулять, а за околоточным, и скажет ему все, как нам надо. Не дура ведь! Я бы на ее месте и не сомневалась... мамаша-то уже старая, а Аришка молодая, мало ли что придет в голову пьяной скотине?

В ворота продолжали ломиться. И орать непристойности на всю улицу. Я вздохнула, и открыла калитку.

Стоящий за воротами мужик в нее просто не проходил. Только боком.

И рождает же земля-матушка таких... медведей!

Здоровущий, рост под два метра, в объёме, наверное, те же два метра, черная борода залита вином, на рубаху, кто б сомневался, красную, тоже попало немало, а уж сколько внутрь, и вовсе думать страшно, лицо красное и злое, кулаки сжаты, общее впечатление — кошмар. С таким ночью встретишься, так помчишься, не разбирая дороги.

Не знаю, кого он ожидал увидеть, но — не меня.

Потому что на пару минут даже застыл. Видимо, информация шла от глаз до спинного мозга.

— Т-ты кто?

— Маша.

— Анька хде?

— Уехала. Навсегда.

— Чаво?!

— Анна уехала и просила вас больше не беспокоить, — медленно и отдельно повторила я.

В маленьких глазках неопределенного цвета что-то мелькнуло.

— Вррррешь!

— Вам здесь делать нечего. Уходите.

Я была предельно вежлива и спокойна. А краем глаза отмечала появившихся соседей. Видимо, пьянки этой рыбки тут были не в новинку. Поорет под воротами, мамаша его впустит, и гудят они дальше. А тут что-то новенькое? Сбой в программе?

Интересно...

Вот и подглядывали. И хоть бы кто вмешался!

Хотя последнее — точно нет. Это не коммунизм, когда все лезли к соседям, как к себе домой, боролись за каждого алкаша, на собраниях пропесочивали...

Здесь и сейчас в чужую семью лезть не принято. Я по деревне помню...

Да, все и всё знают, все понимают, но чтобы лезть?

Свои собаки грызутся, чужая не влезай! Вековая мудрость, написанная кровью неосторожно влезших.

— Вы пришли в чужой дом. Идите к себе домой.

Я понимала, что это не подействует, но говорила медленно и раздельно. Мне надо протянуть время — и только.

Я понимаю, что это не человек. Это пьяная пакость, которой плевать, что ломать, калитку или мои ребра, я понимаю, что рискую, я все понимаю... выхода у меня другого нет. Мне необходимо дожидаться околоточного и сдать этот рыбзавод в участок.

— Я уже пришел! Где Анька?

Пошло по второму кругу.

— Уехала.

— Куды?

— В столицу...

— Зачем?

— За шляпкой.

— Чаво?

Вот на этом прелестном слове я и увидела Аринку, которая спешила домой. И рядом с ней шел мужчина в мундире околоточного.

— Таво! — передразнила я. Все, защита кончилась, атака началась. Теперь надо продержаться... — Иди отсюда к жене и детям! И чтобы больше не приходил!

— А то чаво?

— В участок сдам!

— Да я тебя сейчас...

Здоровущая лапа сгребла меня за плечо.

— Дяденька, только не бейте! — заверещала я. И тихо. — Все равно денег не дам, понял?

А вот это он понял.

Меня тряхнули так, что чуть позвоночник в трусы не ссыпался. Но...

Резкий свист разорвал сумерки.

— А ну, отпусти девушку!

Я закатила глаза и изобразила обморок. Как смогла, конечно.

Рыбы — существа не особо интеллектуальные. А уж пьяные карпы — и подавно. Так что меня не отпустили, а вместо этого заревели что-то матерное — и зря. Потому что околоточный, здоровенный дядька лет сорока, церемониться не стал.

Махнул рукой — и огрел Карпа чем-то по лбу. Без дискуссий.

И правильно, к чему дискуссии, когда тут я висю?

Карп охнул, но сознания не потерял. И получил второй раз. Я так поняла, это было что-то вроде мешка с песком...

Со второго удара эта пьяная скотина таки вырубилась и сползла на землю, увлекая меня за собой.

Да, и здесь с нарушителями не церемонятся. И правильно.

Интересно, а тут есть превышение допустимой самообороны и прочие радости УК на радость подонкам?

Надеюсь, что нет.

Ладно, меня тут спасать и отцеплять будут — или как? А то холодно на земле лежать, а от цистита ни один маг не застрахован. Даже самый-самый земляной.

Спустя полчаса я рыдала, размазывая сопли по лицу.

Каких это усилий стоило Ване, я не знаю, но мамашу он надежно удерживал в доме. Сам не показывался, ей лезть не давал. Старались Аринка и Петруша, подносили воду, предлагали чем нос вытереть. А я редела, страдала и рассказывала, сочувствующему околоточному, что приехала вот, вчера, домой, вечером, едва жива от испуга, а тут... такое!

Где мать?

Она себя так плохо чувствовала, что легла пораньше, а тут... вот это! Я вышла его уговаривать, чтобы не шумел, поэтому, уж простите, в дом не приглашаю.

Околоточный смотрел с явным недоверием. Я его понимала, истории, конечно, особой веры не было. Да и мне придумывать тоже было некогда, сляпала на скорую руку что пришлось. Так, деревенский театр 'Подберезовик'.

Но...

Околоточного эта историях, похоже, тоже устраивала.

Шум, гам, да не первый раз такое дело, соседи жалуются... к чему? К чему ему такой очаг нервотрепки на своей территории? Что тут со статистикой мне неизвестно, вряд ли она в большом развитии, но элементарные вещи и тут знают.

К примеру — не живи с алкашом, рано или поздно или ты, или твои дети за это поплатятся. В лучшем случае шкурой, в худшем — жизнью. Это общеизвестная истина.

Когда человек пьян, его личность исчезает. Остаются одни звериные инстинкты... убеди бешеную собаку тебя не кусать, ага... просто кто-то предпочитает жить в шорах, а кто-то смотрит на вещи здраво. Околоточный явно эти истины знал и не хотел получить пару трупов на своей территории.

А тут я приехала, начинаю порядок наводить, и понятное дело, с помощью закона. А больше-то никак не получится. Нет у меня таких возможностей.

Можно бы и самой этого Карпа. И оглушить, и поленом по ребрышкам пройтись, и... да много чего можно сделать. Кто в деревне не рос, тот не знает, какая multifunctional вещь — скалка. Сковородка, опять же... здесь они добротные, чугунные, пока поднимешь, без рук останешься.

Только перестараться легко.

Одного треснешь, выживет и пуще прежнего пакостить будет, а второй и копыта отбросит. Отвечать за такую дрянь, как Карп?

Вот еще не хватало!

Он — агрессор, я — жертва. Заберите его, дяденька околоточный. И подальше...

Дяденька с красивым именем Елпифидор Семенович, согласно кивал. И обещал забрать пьяницу, чтобы проспался, да и

воспитательную беседу провести.

Что характерно, сам пьяница дрых сурком. Еще и посапывал во сне, гад такой. Понятно. Пьянь нажралась, теперь отсыпаться будет... чтоб ему похмелье без рассола!

Но...

— Вы же, Марья Петровна понимаете, что это надолго не поможет? Я кивнула.

— Понимаю. А беседу с ним надо в участке проводить — или дома? В присутствии его семьи?

Околоточный прищурился.

— На первый раз, думаю, участка хватит. А там уж как дело пойдет.

Мы друг друга поняли.

Я просила отвадить Карпа от нашего дома, он не собирался возражать... синенькая трехрублевка плавно поменяла хозяина.

— Я вам так благодарна... а это — на извозчика.

На эти деньги можно было купить телегу. Но околоточный придирается не стал. Вместо этого он попросил меня зайти завтра в участок, отметиться, попрощался и уехал, увозя с собой присмирившего пьяницу.

Извозчик даже и не думал ругаться, помог околоточному погрузить туловище и послушно тронул лошадь.

Вот у нас никогда так не получилось бы... интересно, в чем разница? Ладно, узнаю еще.

И я вернулась в дом.

Там-то я и поняла, как Ваня справился с матерью. Он тупо затащил ее в ее же спальню, подпер дверь поленом и устроился снаружи, следить, чтобы не выбралась. Хотя так и так, в окно бы дама не пролезла. Застряла на полдороге — и намертво.

Теперь парень ждал дальше ценных указаний. Я постаралась его не разочаровать и поцеловала в щеку.

— Ванечка! Умничка ты наша! Защитник!

— Маш... все обошлось?

— Сейчас — да, а там кто его знает? Надо сделать так, чтобы он к нам больше не приходил.

— Мать...

Мы переглянулись.

Ясно. Эта корова за любовником побежит. На рысях. И вернет, и опять прикормит... гонять замучаемся. Надо разбираться не только там, но и здесь.

И сейчас...

Я махнула рукой.

— Открывай дверь.

Мамаша орала, но младшие все были на моей стороне. Ваня — за двумя руками, особенно после того, как понял, что половину присланных денег любящая мамочка тратила на выпивку с хахалем.

Арина — за. Кажется, ей этот бугай тоже не нравился. И даже Петенька принялся что-то подвякивать.

Вчетвером мы маман переорали.

А вот нечего тут!

Я понимаю, что бабе без мужика тяжело, это в любое время так. Но!

Зачем же заводить чужого, женатого, да еще и алкаша? Вот зачем?

И толку нет, и удовольствия, да и просто гадко это — лезть в чужую семью. Все я понимаю, не мне бы вякать, но что я тогда соображала, в восемнадцать лет?

Ведь искренне верила, что там жена-стерва, что меня любят, что на мне женятся, что...

Дура была.

Просто — дура.

Но здесь-то мамаша не верит, что к ней уйдут! Просто она считает, что ей нужен мужик. Для потрахушек. Для погульбушек. Для имиджа, если хотите. И ее не смущает, что она отрывает крохи от детей ради этой пьяной скотины.

Понять таких? Да понять-то я и не таких уродов могу. Но простить — нет.

— Чтобы больше этой пьяной мрази в нашем доме не было, — приговорила я жестко. — Хочешь гулять — иди в кабак. А к детям его тащить не позволю!

— Да кто ты такая, чтобы позволять или не позволять!

— Я — та, у кого есть деньги, — просто объяснила я. А что? Универсальная постановка вопроса.

Кто платит, тот и танцует. Не нравится? А другого не бывает. Или

ты зарабатываешь самостоятельность, и тогда диктуешь свои условия, либо ты ложишься под того, кто тебе платит. Молча и без претензий.

— Да я тебя... в околотоx сдам!

Я фыркнула.

— За что?

Мамаша зависла.

А правда — за что? Не нарушаю общественный порядок, не пью, не дебоширю, не...

— За непочтительность к старшим!

Ваня заржал первым. Потом Аринка, Петя, я... последней дошло до маман. И та надулась, став удивительно похожей на жабу.

— Хамка!

Я фыркнула.

— Я не стану терпеть в доме пьяную скотину. И не дам тебе тратить на него мои деньги.

— Это наши деньги! — возмутилась мамаша.

— Официально завещание составлено в мою пользу, — это я знала от Марии Синютиной. — Можешь попробовать его оспорить. Но если эта пьяная мразь придет сюда еще раз, я опять сдам его околотоxному. И так будет каждый раз.

— Не посмеешь!

— Поспорим? И сдам, и его семье донесу... или уже сейчас так сделать? Его жена точно найдет, что сказать по этому поводу.

— Мать, хватит, а? — Ваня говорил устало, но более-менее твердо. Раньше, я так поняла, мать его затыкала, а сейчас, с моей поддержкой, он осмелел. — Маша права, не нужен здесь этот урод.

— Правильно, — кивнула я. — С такими знакомствами нам отродясь мать замуж не выдать.

— Что? — ошалела сама мамаша.

Я развела руками.

— Ты еще молодая, красивая, женщина в расцвете сил. Тебе бы еще раз замуж выйти.

— Да кому я нужна...

— С таким довеском, как Карп — никому. Поэтому надо приводить в порядок дом, участок, себя... а там мы тебя и замуж за хорошего человека выдадим. Дай только время...

Время нужно было в первую очередь мне. Чтобы мамаша не

мешалась под ногами, чтобы я разобралась, что делать дальше, чтобы...

— Без мужчины в семье плохо, — плаксиво протянула мамаша.

Я пожала плечами.

— Начнем с одежды. Ты же швея, купим ткань, надо будет сшить новые платья тебе, Арине, может, и мне, но это в последнюю очередь... Аришка, считай, невеста, да и тебя приодеть нужно. Справишься? Спина не заболит?

Почему-то жалоб на здоровье не последовало. Вместо этого...

— Справлюсь, конечно! Я видела такой шикарный бархат в лавке у Лукича! Сиреневый, с золотыми нитями и вышивкой перьями...

Я представила мамашу в подобном платье... и промолчала. Молчание — золото, правда ведь? Правда, правда...

На следующий день мы отправились в участок. К околоточному.

Ваня сопровождал меня, я пока плохо ориентировалась в городе, а забрести куда не надо не хотелось. К тому же, на обратной дороге нам надо было зайти на рынок.

Купить семена.

Я твердо собиралась снять в этом году урожай овощей, а лучшее отложить в свой собственный семенной фонд.

Да, именно так!

Этот мир еще не слышал ни о генетике, ни о селекции, ни о скрещивании, разве что скота, или прививании даже на примитивном уровне... у меня есть хороший шанс стать местным Мичуриным. И я его упускать не собиралась.

Вы у меня еще увидите Шоколадницу, или Тамарис, или хотя бы Шпанку. А знаменитые конфетные яблоки? Груша Талгарская красавица?

Не могу сказать, что я знаю все сорта, но уж самые знаменитые-то?

На что-то моей магии должно хватить!

Не запалиться бы... но у меня два преимущества.

Первое — здесь привыкли, что магия применяется в военных, строительных... короче, в глобальных масштабах. В том числе магия земли. А крохотные всплески никто и не заметит.

И второе. Женщин-магов не бывает. На том и стоять будем!

Я рискую своим деторождением?

А может, и нет. Посмотрим...

С этими мыслями я и вошла в участок.

Что из себя представляет участок в этом мире?

Небольшой дом. С пристройками для скотины, лошади при участке есть. И коляска есть, мало ли куда выехать надо будет.

И собаки тоже есть. Три штуки точно, может, и больше.

Дом крепкий, кирпичный, основательный. Входишь — прихожая. Из нее кабинеты. Табличек на дверях пока нет, поэтому я постучалась в первый же попавшийся под руку. Там сидели письмоводители, кажется, так это называется? Такие полезные люди, которые занимаются писаниной, чтобы специалисты могли работать, а не отчеты целый день царапать.

— Здравствуйте, господа. Как мне Елпифидора Семеновича найти?

— третий кабинет по левой стороне.

А вот хамство куцую власть имущих во всех мирах одинаково. Я, не прощаясь, закрыла дверь и пошла к третьей.

М-да.

И тут кабинеты размером с коробку для кошки, старые столы, куча бумаг... чувствовалось нечто общее с родным двадцать первым веком.

Может быть, атмосфера? Или общая направленность? Невзирая на время и пространство, у участка в наше время и в это были одинаковые цели и задачи, вот и отразилось.

Письмоводители не обманули, Елпифидор Семенович встал нам навстречу из-за стола, который явно знал лучшие времена.

— Мария Петровна, мое почтение.

— Елпифидор Семенович, доброго вам дня. Угоститесь, не побрезгуйте? — пропела я и поставила на стол корзиночку с выпечкой. Сама с утра делала.

Шарлотка — ничего сложного, но быстро и вкусно. От второй даже крошек не осталось, все подлизали.

— С яблоками, — не заметить это было сложно. Кто знает, как пахнет свежая выпечка, тот поймет. — Сами пекли?

Я развела руками.

— Сама, конечно.

И ловко приподняла уголок салфетки. Показала небольшой

сверточек, в котором покоилась пятирублевая купюра. Кажется, околоточный понял.

Хоть и невелики деньги, да чего отказываться? Мне приветливо улыбнулись и даже предложили стул. Предложили бы и Ване, но второй стул тут было просто некуда впихнуть. Пришлось брату постоять. Зато с ним за руку поздоровались. И опять вернулись ко мне.

— Давайте, Мария Петровна, сначала о делах. Документики ваши позвольте?

Я позволила.

Околоточный ловко отметил что-то в документах, потом занес несколько строчек в тяжелую амбарную книгу... все, регистрация получена.

— Мария Петровна, я с Перелукиным побеседовал, обещал он держаться от вашего дома подальше, но вы учтите. Если что — сразу же за мной посылайте. Пьяный он себя не помнит, натворит чего...

— Перелукиным? — не поняла я.

— Карп, — пояснил мне Ваня.

Ах, он еще и Перелукин? Ну и пес с ним!

— Обязательно, Елпифидор Семенович. Самим нам никак не справиться.

Справиться я могла и еще как, но было у меня подозрение, что даже местный уголовный кодекс квалифицирует это действие, как предумышленное убийство, заранее спланированное и обдуманное.

Расстались чуть ли не лучшими друзьями, и я отправилась в банк.

Бумаги у меня были с собой. Желания идти в банк особо не было, это все же не шарашкина контора, это серьезное заведение. Так вот проверят...

Но — надо.

И все свое положить в арендованную ячейку, и насчет денег распорядиться. Знаете, как неудобно спать с драгоценностями, пардон, в плавках? Нет?

Попробуйте, только вот крепкий сон не гарантирован. А оставить тоже нельзя, не та семья, не те люди. Сопрут и на разведение Карпов потратят.

Вопреки моим страхам, местный банк оказался... ну, не шарашкой,

но таким 'Колхозбанк'. Выглядело все донельзя просто.

Большое здание, явно с какой-то магией, аж пальцы заломило при входе. Несколько комнат. В первой сидят кассиры, молодые люди лет до двадцати пяти, общим числом три штуки. Сидят, скучают, мух гоняют.

Явно, и трех слишком много.

Я подошла к ближайшему.

— Добрый день, сударь. Мне нужно разобраться с условиями завещания, арендовать ячейку и возможно, снять немного денег со счета. Прошу, помогите мне, пожалуйста.

И хлоп-хлоп-хлоп ресницами.

Эх, как давно я так не поступала. Классический треугольник 'в угол — на нос — на предмет' сработал, даже в этом мире.

Парень дружески улыбнулся в ответ.

— Конечно, госпожа, я рад буду вам помочь...

— Синютина, Мария Петровна. Из мещан, — отрекомендовалась я.

Выражение лица парня стало более дружелюбным. Ну да, не из благородных, нос драть не буду, проблем лишних не будет, да можно и приударить за симпатичной девушкой.

— Алексей Модестович, к вашим услугам. А ваш сопровождающий, сударыня?

— Мой брат. Иван Петрович.

— Рад знакомству, — еще шире улыбнулся парень. Да, по нынешним временам уже вполне себе мужчина, а я всех воспринимаю с позиций двадцать первого века.

Где мы живем, вопим о раннем развитии и акселерации, и забываем, что в средние века ребенок в двенадцать частенько уже женился\выходил замуж, к четырнадцати годам девочки могли сами стать мамами, а понятия 'отрочество' особенно и не существовало.

Какие уж там 'погулять', 'пожить для себя' и прочие радости?

Более свободны были аристократы, но там свои подводные камни. А крестьяне до сорока-то иногда не доживали и считались при этом стариками.

А для меня все, кто до тридцати — мальчишки. И Ваня тот же... а ведь он уже мужчина. Добытчик и кормилец.

А я уже почти старая дева по меркам того же простонародья. Ну, может, по верхней границе нормы.

Ну и фиг с ними!

Вот уж что-что, а замуж я в обозримом будущем не собиралась, идите вы к черту, господа! Нашли удовольствие, вы бы еще касторки предложили!

Здесь женщина, выйдя замуж, становится почти собственностью мужа. Если, конечно, все не оговорено в брачном контракте. И — да. Здесь их заключают регулярно, особенно в купеческом сословии. Там все прописывают так, что в Америке прослезилась бы от зависти.

Обычная практика.

Но это я отвлеклась умственно. А в реальности выложила на стол документы.

Паспорт.

Завещание.

Копии документов.

Купчая на дом, свидетельство о помещении денег в банк, как оказалось, тетка была не дура. Распорядилась продать дом и реализовать все свое имущество по максимально высокой цене, а деньги тоже внести на счет. И пусть Мария едет жить с родными.

В чем-то она была права.

В целом на счете у Маши оказалась кругленькая сумма аж в тридцать тысяч рублей.

Я невольно присвистнула.

Да, по местным меркам — небольшое состояние. При проценте банковского вклада — три процента годовых, можно жить вполне безбедно.

Если что, три процента — это порядка девятисот рублей. В год.

В месяц — семьдесят пять рублей. Зарплата врача. А здесь вам не там, здесь врач на свою зарплату может снимать квартиру, содержать семью и нанимать служанку.

Потребительская корзина, конечно, здесь дорогая, но жилье снять, к примеру, пять рублей в месяц стоит. Не лучшее, лучшее — до двадцати рублей, но это уж хоромы. По меркам среднего класса, конечно. А за неквалифицированный рабочий труд двадцатку и платят.

Мои распоряжения были просты.

Открывается еще один счет, на который поступают проценты. К нему имею доступ также только я. Я честно хотела дать Ване доступ, но — увы. Только через полгода.

До той поры я и этими деньгами распоряжаться не могу. Они будут копиться на счете.

Ладно, своих хватит.

Андрей Васильевич мне около тысячи рублей сунул. Я сразу не поняла, а потом поздно было... и возвращать не получится.

Ладно.

Земля круглая, так или иначе я свои долги верну.

А потому продавать драгоценности или еще как их оказывать у меня не было ни малейшего желания. И необходимости такой тоже нет, пусть полежат.

Я не стала открывать еще один счет, я попросила арендовать ячейку, к которой меня и проводил Алексей Модестович. Одну.

Ваня предлагал пройти со мной, но — нельзя. Тайна вклада.

Зал с ячейками располагался в соседней комнате. Там мне вручили ключик, показали, как открывать и закрывать железную дверь, сильно похожую на вокзальную камеру хранения, и оставили одну.

С какой же радостью я выгребла все свое добро!

Ладно. Не только свое... кольца я украла, будем честны. Но во-первых, я их взяла, как страховку на черный день. А во-вторых, если будет возможность, я их попросту верну.

В ячейку отправилось много всего.

И Машины письма с фотокарточкой, в том числе.

Я не оговорила, у девушки был роман, Правда, о нем она не рассказывала, из чего я сделала вывод, что он закончился печально, а прочитав письма, убедилась в своей правоте.

Роман был настолько классическим, что мне захотелось пасть ниц и восславить Пушкина, который здесь не родился. Увы...

За что я любила в свое время Александра Сергеевича, так это за сугубую жизненность его персонажей.

Обычные человеческие характеры, не высосанные из пальца страсти, типа тварь я дрожащая или тварь я ползучая, адекватные мотивации, которые понятны и спустя триста лет... да, можно искренне считать его героев идиотами в каких-то вопросах, но при этом всегда понятно, что иначе-то они поступить и не могут. Да и мы за это время не сказать, чтобы поумнели.

Речь шла о 'Пиковой даме'.

Понятно, почему Маша мне ничего не рассказала. Во все времена

люди не любят рассказывать то, что их не украшает. А тут...

Классическая драма.

Он, она и деньги. Чужие, заметим, деньги. Теткины.

Как я поняла, начиналось все нежно и приятно, но потом о юном 'Германе' (а так — Аристархе) узнала тетка. И разогнала проходимца, внятно объяснив, что дорога до острога... она короткая дорога.

Устроить это с таким капиталом было несложно.

Я только порадовалась. И так-то мне пока везет. Мы с Марией не то, чтобы сильно похожи. Она была выше и тоньше, костлявей, кто больше на нее похож, так это Арина.

Я же невысокая, плотная в определенных местах, волосы у меня темнее...

Все.

Но сила человеческого заблуждения велика и необозрима. Когда-то я лазила по просторам интернета и наткнулась на фразу с перестановкой букв. Что-то вроде: 'Елис вы это чиатете, занчит...'

А читалось-то легко.

Я знала, что именно должно было быть написано, я это так и воспринимала.

Все должны были увидеть Марию Синютину, они ее и увидели.

Невысокая?

В мать. В нее же сиськи и попка, косы тут у всех девушек, кроме дворян, да и у них тоже частенько. Мода на короткие стрижки здесь не существует, наоборот, считается, что длинные волосы — это красиво. Дворянки еще могут себе позволить всякие отклонения, а вот мещане к коротко стриженным и подходить-то не будут. Либо болела, либо б...

Да, тут так. Гуляющие девки стригутся коротко, за этим следят. Отрастит волосы ниже плеч — обрезают налысо.

А если так прикинуть, мне просто повезло с легендой.

Пять. Лет.

Ване было одиннадцать, младшим и десяти-то не было, какая уж тут идеальная память?

Мать?

Да дура она. И... между нами, близорукая. Я это еще вчера поняла. Не знаю, как у нее со спиной и прочим, а вот близорукость там точно есть. По местным меркам — самый обычный недуг. Поди, поработай при лучине. Или при свече...

Соседи?

А вы-то много внимания обращаете на соседских детей? Потом их всех на улице узнаете, правда? Через пять лет, повзрослевших и изменившихся. Но даже если и так...

Раньше Машина семья жила в другом месте. В этот дом они переехали после смерти родителей Анны, и Машу тут если и видели, то недолго, ее быстро забрала к себе тетка.

Ну и?

Кто остается?

Да никого. Главное самой не проколотся.

Так что в ячейку отправился и мой золотой крестик, и большая часть денег... себе я оставила рублей сто. По местным меркам — месяц прожить можно, да и не один.

Знаю, что не получится, слишком многое надо купить. Те же дрова или уголь, доски, людей нанять крышу подновить, кроликов, кур, семена прикупить...

Последнее — уже сегодня.

Я решила поделить все на два проекта.

Первый — краткосрочный.

Это огородные культуры. Весной посеял, осень собрал урожай, отобрал семена, действуй дальше.

Второй — долгосрочный. С деревьями такой номер не пройдет, их растить надо. Даже если я сейчас посажу вишню, сливу, грушу, к примеру, осенью они плодоносить не начнут. И в следующем году не начнут.

Это дело на несколько лет, а вот проживу ли я их здесь?

Ладно.

Вишня — слива, это лирика, а вот картошечка, моркошечка и свеколка — объективная реальность. И надо уже заниматься рассадой.

Пора...

Ваня к моим идеям отнесся крайне положительно. И мы отправились на Крестьянский рынок.

Я так поняла, их тут было несколько.

Обжорка — продуктовый.

Крестьянский — сельхозпродукция.

Тараканий (черт его знает, почему так названный) — барахло.

Каждый рынок четко поделен на несколько частей, для чистой публики и для всякой шантрапы. И сильно эти две части не смешиваются. Подозреваю, есть еще и черный рынок, Березовский все же город рудничный.

Чтобы тут из-под полы самородками или еще чем не торговали?

Не бывает такого!

Но в это я точно не полезу, ни за какие коврижки! Шею свернут и не поглядят, что аристократка.

Нам надо было на Крестьянский рынок.

— Вечером сядем с тобой и посмотрим. Что починить, что купить, сколько это будет стоить, — решила я. — Семена можно сейчас закупить, а вот живность сразу не получится. Клетки нужны, сарай, корма...

— Маш, а нам денег хватит?

Я кивнула.

— Хватит. Ты же слышал — полгода, а потом мы и проценты снимать сможем...

— Слышал. Деньжищи такие!

Я остановилась, взяла Ваню за руку и пристально посмотрела в глаза.

— Ванечка, солнышко — молчи!

— Что?

— Молчи. Говори о двадцати, край — тридцати рублях в месяц, но не больше, понял? Мать у нас... не самая толковая особа, сам понимаешь. Или тебе целый карпушник... карповник... ты понял?

— Понял, — набычился Ваня.

— Я вас обделять не собираюсь, сам увидишь, куда деньги пойдут. И приданое Аринке дам, и если ты жениться захочешь, помогу, чем смогу.

— Вот еще... жениться. Это потом, лет в двадцать...

Прозвучало у него это как: 'в глубокой старости'.

Я только улыбнулась.

Ребенок, бог ты мой, какой ребенок!

— Ты меня понял, да? Если увидишь, что я эти деньги на глупости

транжирю, расскажешь. А пока — молчи.

Ваня кивнул.

Все он прекрасно понимал. И ему хотелось жить хорошо. Мне тоже.

Правда, у меня были более серьезные планы, но это требовало времени. Итак, рынок...

Рынок меня порадовал.

Вот честно, ожидала худшего, а тут вполне приличная барахолка, не хуже иных наших рынков.

Четко — скот в одном углу, разделенный по породам и видам.

Загоны огорожены, крестьяне стоят у своего товара чин чинком, никто не шумит, да это и бессмысленно, скотина за всех старается. Орет так — уши закладывает.

Тут торги проходят, в основном, жестами.

Выбрал покупатель животное, показывает. Крестьянин показывает на пальцах цену, потом начинается торговля. Чем-то похоже на беседы глухонемых. Я даже загляделась.

В другом углу овощи. На телегах, в мешках...

В третьем то, что меня и интересовало.

Семена.

Я потеряла руки.

Нет, не пакетики с картинками, тут все в холщовых мешочках, а то и россыпью, а уж что тебе подсунут...

Что надо мне, я отлично знала. И принялась выбирать.

А еще обнаружила, что моя сила позволяет и кое-что интересное.

К примеру, я могла провести рукой по семенам, и определить, что это за растение такое, я могла определить жизнеспособные они или нет, и даже в каком семечке больше жизненной силы. Это меня не удивило, самые те способности.

Главное не засветиться, но я подозреваю, что пройдет незамеченным. Сколько там той силы тратится?

Крохи!

А сколько пользы?

В результате долгого выбора и ожесточенного торга, я наполнила семенами целую корзинку. Небольшую, но увесистую.

Саженцы покупать не стала, есть то, что мне хотелось бы посадить, но... подождем. Посмотрим, что у нас уже есть.

Приценились к скотине.

Я порадовалась, примерно за десятку можно было купить четырех хороших коз... дорого?

Так я не крестьянских блеялок покупать собиралась, а ангорских коз. И куры мне нужны не абы какие, а что-то вроде леггорнов.

Я знаю, что один из самых надежных способов разориться — это сельское хозяйство. Но я-то маг земли! Неужели не справлюсь?

Должна потянуть.

А значит — будем брать лучшее.

Если корову, то нечто вроде Холмогорской или Ярославской, чтобы сливками доилась и помоложе, чтоб телята были.

Если овец — то меринсов.

Одним словом, берем не абы что, а лучшее. Мы не так богаты, чтобы покупать дешевые вещи?

Вот именно! К скотине это тоже относится.

Мы уже направлялись к выходу с рынка, когда Ваня на минуту отстал, купить хлеба, перекусить. А я ждала его. И привлекла ненужное внимание.

Женщина, молодая, одна... понятное дело — жертва. Дойная корова всякого пролетариата!

— Тетенька, купи щенка!

Я посмотрела с сомнением.

Мальчишка лет десяти, по виду — воришка и прощельга, протягивал мне щенка.

Ах ты...

— А если я сейчас околоточного позову? — ледяным тоном поинтересовалась я, перехватывая лапку второго воришки, которая вознамерилась влезть мне в карман? — Или мой брат тебе просто руку сломает?

В лицо мне полетели одновременно матерное слово — и щенок.

Сволочи мелкие!

Естественно, я поймала кутенка. Но при этом второго воришку пришлось отпустить. Удрать они — удрали, но с пустыми руками. Что ж я, дура полная, кошелек в кармане носить? Все деньги у меня были надежно спрятаны в местном варианте бюстгальтера, корсет называется.

Пока докопаешься, сама офигеешь. В кармане так была, мелочишка на молочишко, и ту на семена потратила.

Кутенок в моих руках заскулил.

Ваня вздохнул.

— Щеки паршивые...

— А с этим-то что делать?

Мы переглянулись.

Щенок, кажется, тоже не ждал уже от людей ничего хорошего. Обвис тряпчочкой и не сопротивлялся.

— С собой заберем. Пусть мелкие играют, а там посмотрим. Кому-то ж надо и двор охранять.

— Опять отравят.

Я махнула рукой.

— А здесь ему так и так погибать. Что, в канаву его швырнуть? У нас хоть шанс будет, а тут наверняка подохнет. Ты посмотри, у него едва глазки открылись!

— Молоко нужно, — печально вздохнул Ваня.

— Ну и пошли за молоком.

И пошли.

Ваня нес корзинку, я щенка.

Эх, елки! Никогда собак не заводила. И считаю, что у собаки должен быть дом и двор, и гулять мне всегда было лень. Вставай каждое утро в шесть, топай...

И ни уехать никуда, ни приехать... нет уж. Сама по себе оно как-то проще было.

А тут...

Родственники, семена, собаки... я этого хотела?

Черт его знает, чего я хочу. Я пока точно знаю, чего НЕ хочу.

Не хочу, чтобы моей жизнью кто-то распоряжался.

Не хочу ни от кого зависеть.

И замуж тоже не хочу. Даже за принца. Даже за цесаревича, он мне не понравился.

Так что — будем добиваться и обустриваться. А значит даешь и собаку, и скотину, и... и вообще! Переименовали у нас Козлов в Мичуринск?

Ну так на мой век и козлов и Козловых хватит! Авось и в мою честь что-то переименуют! Чего мелочиться?

Глава 9

Бумаги и овраги

Планы, как известно, составляются на бумаге. А в жизни у нас есть такое образование, как овраг. Эрозионное и неприятное.

Вот, в него они и падают.

А потому, придя домой, я уселась за стол, достала лист бумаги и принялась планировать.

А как иначе?

Сельское хозяйство — это один из самых надежных способов разориться (дам-с и рулетку не считаем). А потому без бизнес-плана я даже не чихну.

Итак, семена.

Замечательно, но... сажать-то где будем?

Во дворе?

Ага, обязательно.

Три сотки — это не тридцать. Это, если кто понимает, на одну тепличку или штук шесть грядок. Потому как во дворе есть еще сарай, сортир, и ходить там тоже как-то надо. А мне-то нужно больше!

Мне нужна большая опытная делянка.

Огрызок двора мне просто не подойдет, он даже мое... ладно, пусть — мое семейство прокормить не сможет.

Под все хорошее мне надо соток пятьдесят. Лучше — сто.

Замечательно. Но тогда встает вопрос — кто их обрабатывать будет? Я лично, с лопатой наперевес? И ворон гонять, и воров, и вообще, навечно там поселиться и сливаться в экстазе с кучей навоза, или с компостной ямой?

Не хочу.

Вывод.

Участок — раз.

Работники — два.

Сторожа — три.

И четвертое. Самое серьезное.

Рынок сбыта.

Допустим, магия решит многие проблемы. Но дальше-то что? Сидеть на возу и торговать репой? Ох, как-то неубедительно это выглядит.

'Налетай, не зевай, по мешку расхватывай!'

Нет. Нелогично.

А ведь у рынка всегда свои законы. И цену мне собьют, и у меня купят за копейки, а продадут за рубли... запросто. Я тут пока словно ребенок, меня всякий обмануть может. Эх, спасибо вам, Андрей Васильевич. А то бы сейчас вообще замужем была за Демидовым.

Я вспомнила змеиные глаза, короткие пальцы предполагаемого жениха...

Идите вы, граждане... в ногу! А меня туда не надо, мне лучше тут, на грядках.

Тем не менее.

Кто может мне дать совет?

Да мелкие. Вот, их я и позвала на совещание. Мамашу не звала, та сама приперлась.

Мы сидели вокруг стола. И я излагала свои планы.

Вырастить урожай овощей. Продать. Получить деньги.

До наследства еще полгода, а жить на что-то надо. И хорошо жить. Никто не против? Значит, будем налаживать то, что сможем.

— У меня спина болит, — мамаша заботилась о своей шкуре, как и всегда. — Я на огороде работать не смогу.

— Ты туда вообще подходить не будешь, — легко согласилась я. Пользы от маман явно не будет, пусть хоть не мешает.

— Нужен участок за городом? — уточнил Ваня.

— Да.

— Большой, чтобы земля была не вовсе уж паршивая, чтобы достался он дешево...

— Я понимаю, что это неосуществимо, но помечтать-то можно? — прищурилась я.

Мы дружно приуныли.

Мечты — мечтами, а правда — как? Как совместить несоединимое и впихнуть невпихуемое? Я пока себе такого счастья не представляла.

— А хуторов или чего-то такого здесь нет? Вольных хозяйств,

фермерства? — задумалась я.

Ваня покачал головой.

Нельзя сказать, что здесь было крепостное право. Здесь оно вообще не развилось, как класс, Петра же не было. Но....

Было нечто промежуточное.

Так называемые, выкупные.

Допустим, год неурожайный, или еще какие проблемы у крестьянина. Денег нет, жрать хочется... идешь к барину и кланяешься.

Денег-то тебе дадут. Но отработать потребуют.

При этом таких крестьян нельзя было продавать, убивать, калечить... закон был составлен четко и следили за ним строго. Но можно было сделать кучу всего другого.

К примеру, переселить куда-нибудь крестьянина с его семейством. Или посадить в долговую яму. Или заставить работать не на земле, а на заводе — где прикажешь, там и будет долг отрабатывать...

Варианты возможны.

Случались и злоупотребления, и перегибы, и всякое разное... бывало.

Вот, здесь, в окрестностях Березовского, все крестьяне были именно такие. Демидовские должники. А никто сюда особо и ехать не хотел по доброй-то воле.

И горное дело не подарок, и земля бедная, и условия не райские, чай, не Канары...

Если с ними пытаться договариваться, то только с управляющим Демидова. Или с самим Сергеем Владимировичем. Крестьяне ничего решить не смогут, а если попробуют, их просто посадят. И меня заодно.

Мне этот вариант уже не понравился. Пришлось покачать головой, мол, кто мы такие, чтобы с нами договаривались?

Ваня согласился. Мамаша фыркнула, но сословные отношения здесь были четкие. Она для Демидова так, между тлей и тараканом.

Управляющий нам тоже не подойдет. Слишком уж близко к Демидову. Да и не решаются такие дела без барского одобрения... дальше — понятно. Думаю, одной встречи Демидову за глаза хватит, чтобы узнать беглую невесту... зачем тогда бежала?

Какие есть еще варианты?

Взять кусок земли в аренду у городских властей. У них с Демидовым если и не контры, то такое, вооруженное перемирие. Из

Ваниных обрывочных рассказов я поняла, что градоправитель общего языка с Демидовым не нашел.

Ругаться они не ругаются, но и дружбы нет.

Этот вариант меня устроил, но вот беда. Вся хорошая земля давным-давно была освоена до меня. Да и не так ее много было в округе, чтобы уж очень.

Ладно.

Кусок земли — как вариант.

Рабочие руки?

— Если будешь платить, то я таких же ребят найду, как мы с Аришкой, — предложил Ваня. — Чай, грузчиком-то больше наломаешься, чем на грядках?

Тут зависит от нанимателя. Наломаться-то можно и там, и тут, помнила я девяностые, когда мы дружно с огородов выживали. Ног не чуяли, рук не знали...

Но спорить я не стала.

Ладно, пусть будет молодежь. Прослежу, кто и как работать будет.

Охрана?

— Это тоже решаемо, — кивнул Ваня. — Вон, отставники, к примеру? Им тоже монета не помешает, знать они всех знают, к строевой уже негодны, а поля постеречь сгодятся.

И последнее.

Рынок сбыта.

— Может, сразу заключить с городом договор? — подумав, предложил Ваня. — По столько-то за мешок? Если брать землю в аренду?

— Или процент от урожая отдать, — кивнула я. — Небось, продукты привозные?

— Не без того.

Оставался вопрос — участок. Но брать его в аренду или покупать, вот в чем вопрос? Я бы выбрала второе.

Что такое аренда?

Сегодня твое, завтра не твое... получается, что платишь ты за чужое, и обустройстваешь чужое. Я и в своем мире никогда не понимала людей, которые на съемных квартирах годами жили. Да накопи ты хоть сколько, и возьми в ипотеку хоть собачью конуру. Уже за свое платить будешь!

А там и поменяешься, добавишь, доплатишь...

Оно, конечно, обстоятельства разные бывают. Но платить все равно лучше за свое имущество.

Остался последний вопрос.

Участок земли.

Это должно быть нечто достаточно большое, рядом с городом, потому как возить туда-сюда людей... это еще свою конюшню надо, и телеги, и...

Одним словом — рядом.

Все бы прекрасно, но таких мест просто не было.

Мы сидели и думали, спорили, прикидывали, а потом Ваня вдруг высказался.

— А что если Туманную лощинку?

Если б мне это о чем-то говорило?

Хоть Туманная, хоть Сонная... хотя нет. Вот Сонной — не надо, там разные сволочи на конях шлялись, они мне все грядки попортят.*

*- отсылка к фильму ужасов 'Сонная лощина', прим. авт.

— Ты с ума сошел? — тут же взвилась маман.

— Я туда не пойду, — взвизгнула Арина.

— А что это за лощинка? — не понял Петя.

Я тоже не поняла, но мать замотала головой.

— Не надо туда ходить! Плохое это место, Петя! Сплошная чертовщина!

Я посмотрела на Ваню.

— Напомнишь, что там за история?

— Ты не помнишь?

— Ваня, солнце мое, — я говорила достаточно раздраженно. — Меня здесь сколько лет не было? Меня эта лощина и тогда не слишком интересовала, а сейчас и подавно из головы вон!

— Хорошо...

Я превратилась в слух.

Туманная лощина.

Хорошее было место.

Было, пока лет сто назад, или не сто, а меньше, больше... кто ж его теперь разберет, сколько там прошло? Разве что в библиотеках покопаться, в архивах, да кому оно надо? Старики рассказывали, вот и все временные рамки.

Вот что именно там получилось, никто не знает. Но сходятся примерно на одном.

Стоял там скит. Жили несколько монахов, молились за нас, грешных. А потом, в одну ночь, его не стало. Только проплешина гари.

Жить там никто больше не может. Ночевать — тоже. Неуютно там, холодно, страшно, зябко и гадко. Никто не знает, почему.

Но если нам просто овощи выращивать?

Земля там неплохая, сторож будет не нужен, вряд ли туда кто придет, ночью-то...

Я задумалась.

В принципе, морковка с привидениями никак не сочетается? И прекрасно растет, где ей нравится. Хотя ты над ней кадилом маши, хоть ты над ней сутры Корана читай, главное, поливать не забывай. А сажать — да хоть и пентаграммой рассадил, все равно вырастет.

Это плюс. Остальное — сплошные минусы.

Сторож не нужен, но работники, наверняка, заломят бешеную сумму.

Реклама будет обеспечена, но — какая?

Покупайте Чернобыльские яблочки? Для жены, для тещи...

Ага, смешно.

— Вань, а попрличнее места в округе нет?

— Есть. Но все они заняты. Маша, ты действительно забыла... продукты так дороги, потому что привозить приходится. Медь здесь добывают, камни, а вот расти здесь почти ничего не растет, почва плохая...

Мне осталось только чертыхнуться.

Действительно, не сообразила. А ведь продукты — проблема и в нашем времени.

Только вот правительства пошли не по тому пути. Что надо делать? Да развивать сельхозиндустрию и всячески помогать. А они удешевляют пищу, мешая ее с химией.

А с сельского хозяйства такие налоги дерут, что проще в казино выиграть, чем хозяйство наладить.

— Ваня, давай завтра съездим, и посмотрим на эту лощинку? Это ведь недалеко?

— Давай съездим, — согласился 'братик'.

— Вы ополоумели оба, — возмутилась Арина.

Я покачала головой.

— Арина, а тебе нравится так жить?

Я обвела рукой облезлые стены, загаженный двор, старый стол...

Девчонка покривилась.

— Легко тебе говорить!

— Легко было бы вообще сюда не приезжать. Но я здесь. Так что... попробуем.

Я уже собиралась спать, когда в комнату ко мне постучали.

— Войдите?

Вот уж кого я не ожидала увидеть, так это маман. И посмотрела удивленно.

— Что случилось?

— Вы хотите завтра в Лощинку ехать?

— Хочу, — честно призналась я.

А что делать?

Если там хорошая земля, ее можно купить чуть ли не за копейки, и использовать...

Почему — нет?

Может, потому, что немало таких умных было? Или... не было?

Допустим, какая-то звездюлька или политик попали в аварию. Или заболели. И что?

Больницы стоят на ушах, скорая приезжает в секунду...

А если тетя Клава из деревни Михрюткино? И кто тут на уши встанет? Хотя не факт, что политик для страны больше сделал.

Вот и здесь так же.

Было б дело в столице, разобрались бы и с лощинкой, и с историей. А здесь, в медвежьем углу, кому оно надо? Да не ходи туда, и всех проблем! Пошел?

Ну и пошел ты...

Кому надо тут все приводить в порядок? Демидову?

Его рудники интересуют. Он в столице крутится, невест себе подбирает, размножаться хочет, а тут какая-то лощинка... ага, ему это так важно, так нужно, аж ночами не спит.

Управляющий?

Если в этом мире существует такое сокровище, как бескорыстные,

добросовестные и не вороватые управляющие — покажите хоть одного!
Я ХОЧУ это видеть!

Мечтаю!

Тоже управляющему дела до какой-то лощинки! Щаззз!

И я подозреваю, что маги — народ капризный. Им деньги давай, а не работу на благо партии и правительства.

Градоправителю?

А ему-то это к чему? Положа руку на сердце, лощинка сколько уж лет существует, и черти оттуда не лезут. Вот, и вы туда не лезьте. Проще запретить туда шлаться, чем тратить время, силы и деньги в попытках изничтожить странное явление.

— Это — плохое место.

— Я понимаю, — кивнула я. — А у нас есть выбор?

— Откажись от этой идеи.

Я посмотрела на мамашу.

Она что — может говорить рассудительно? А иногда еще и думать? Хм... неожиданно.

— А что взамен?

Мать посмотрела непонимающе.

— А что надо взамен? Деньги есть, наследство ты через полгода получишь, будем жить...

— Как? Деньги кончаются, наследство проживать? А как быть, когда Ваня соберется жениться, я и Аришка выйти замуж? Да и ты не отстанешь? Что, думаешь, на всех хватит?

Мать об этом точно не думала. Нахмурилась...

— Двадцать рублей в месяц, хотя бы двадцать — это двести сорок рублей в год, — просто сказала я. — Чтобы получать такой процент, нужно положить в банк тысяч восемь, лучше — десять. И не забывай, жизнь — штука сложная. Человек может заболеть, может попасть в сложную ситуацию, ему может понадобится крупная сумма, тогда основной капитал уменьшится. У нас не так много денег. Это кажется — ого! А на деле, если жить только на проценты, или поделить на всех, там мало будет.

— Но...

— Твои предложения?

Предложений не было.

— На наш век хватит.

— Хватит ли? Что за история с этой лощиной?

Мать понурилась.

— Я тогда маленькая была. Бабушка рассказала...

История была такой.

Если кто-то в детстве не совершал безумных поступков, он не был ребенком.

Мы в свое время считали крутым сходить ночью на кладбище и принести оттуда ветку сирени. Белая сирень, махровая, шикарная, цвела только там, на одной могиле...

Ох, как же могло влететь от родителей за такие похождения! Но и ходили, и носили...

В Березовском дети тоже бегали на кладбище. А тут возник разговор...

Ане тогда было лет восемь, не больше. Ну и... развели девчонку 'на слабо'. Она пошла бы в ту лощинку, видит Бог. Пошла бы...

Заложила сестричка.

Рассказала все родителям, и отец впервые в жизни взялся за ремень. Выдрал он Аню так, что повода не идти искать не пришлось — неделю с кровати встать не смогла. А бабушка рассказала ту историю, из-за которой лощинка получила недобрую славу.

Вроде как было это лет сто-сто пятьдесят назад, может, и чуть больше.

Стоял в той лощинке скит.

Всего три домика с монахами, жили они себе и жили...

Пока однажды не нашли на пороге скита — девушку. По преданию — красивую, словно заря. Золотые волосы, золотые глаза, золотая кожа...

Ничего она о себе не помнила, не знала, не ведала, в горячке малым не неделю лежала... монахи хотели ее выходить и в город отвезти — не успели. Попалась она на глаза молодому барину, за какой-то надобностью оказавшемуся в скиту.

— Демидову? — не удержалась я.

— Бабушка говорила — барину.

С другой стороны, а какие тут еще баре шлялись? Я развела руками.

— Извини, что перебила.

Мамаша махнула рукой и продолжила.

Конечно, увидев такую красотку, барин не утерпел. И забрал ее к себе.

Как уж там обходилось, хорошо ли, плохо ли... если есть мужчина и есть женщина, могут быть и дети. И красавица оказалась в тягости.

Только вот счастья это никому не принесло.

Богатые на бедных не женятся, а благородные — на неясно ком, будь та хоть какой красоты. У барина-то невеста была в столице, вот и позвали его жениться.

Говорят, златоглазая уже на последних сроках была, когда узнала, что любимый ее на другой женился.

И в тот же день пропала, как не бывало.

По следам собак пустили, искали, а только дошли до лощинки — и ахнули.

Скита словно не было, пятно черное на его месте, лощинку туманом затянуло, а в том тумане ровно кто жалобным голосом поет. Колыбельную малышу...

Без слов, а только понятно все, так мать свое чадо укачивает.

Искали, кричали, с собаками все прочесали...

Никого не нашли.

Ни монахов, ни девушку... никого.

Говорят, как барин приехал, да узнал это, пошел он тоже в лощинку, да и сгинул там. Нашли наутро седого как лунь, а лицо... и не узнали, сразу-то. Словно что-то ужасное он увидел, да так и помер от страха.

А колыбельная там так и звучит.

И вот еще как говорят.

Мужчины там сразу загибнут. А у женщины еще может, и есть шанс.

Я задумалась.

— Я Ваню попрошу со мной не ходить.

— И сама б ты не ходила. Ни к чему это...

Мне оставалось только пожать плечами. К чему, ни к чему...

За историю — спасибо, а только делать-то что дальше? Есть варианты арендовать землю у Демидовского управляющего. Рядом с одной из деревень...

Что-то мне подсказывало, что ничем хорошим это не кончится. Я — мещанка, без особых прав, надуть меня, кинуть, а то и поиметь во

всех смыслах — дело чести. Ее отсутствия.

А тут...

Лощинка — и лощинка. Если можно там купить землю и что-то выращивать... плевать на ту историю! Свою напишем!

— А в скиту что-то выращивали? Бабушка не говорила? То есть прабабушка?

— Не говорила. Но должны были... наверное...

Мать ушла, а я лежала и смотрела в потолок.

Что там такое, в этой лощинке?

Что там может оказаться?

Не знаю.

Но сходить определенно надо. Посмотреть, подумать...

Серьезно, здесь я ничего выращивать не смогу. А там, может, и шансы есть?

Я махнула рукой на все размышления, усилием воли расслабила мышцы лица, и принялась мерно дышать и считать до ста. На третьем повторе упражнения меня накрыл глубокий крепкий сон.

Утром Ваня подъехал к крыльцу на небольшой телеге, запряженной флегматичной коняшкой.

— У соседа попросил, — ответил он на мой вопрос. — Сказал, дрова купить да привезти... заплачу.

Я кивнула. Правильно, ни к чему лишние разговоры, а дрова мы и на обратном пути купим.

— Зря вы это, — повторила мать.

Я молча полезла в телегу.

Зря, не зря...

А что еще делать было?

Коняшка мерно рысила по дороге, поднимая пыль. Пахло чем-то уютным и спокойным... из детства. Еще оттуда...

Поскрипывали колеса, сияло прохладное еще весеннее солнышко... я куталась в шаль.

— Ваня, расскажи, как вы тут жили? Без меня?

Парень посмотрел на меня.

— Вот так, Маш. Жили... скажешь тоже. Я копейку сшибал, где мог, Аринка от рук отбилась... ты приехала, у меня хоть надежда появилась. Петька на глазах оживает, Аришка хоть и дичится, а приглядывается. Знаешь, как паршиво бывало...

Словно кран сорвало и кипятик хлынул во все стороны.

Я слушала — и очень тянуло вернуться и медленно, со вкусом, пришить их мамашу.

Как она сидела по два часа над блузкой, потом падала в кровать с мигренями. Как постепенно растеряла всех заказчиков.

Как Ваня носился по городу, где разносил, где подносил...

Как его били несколько раз, чудом не отбив нутро.

Как Аринка пыталась помочь и присмотреть за маленьким Петей, и как они болели, а Ваня с ума сходил от страха. Мать даже не пыталась помогать, лежала рядом и стонала, что ей плохо, она страдает и переживает. А мальчишка не знал, где достать денег, хоть баночку меда прикупить... может, горячим напоить... спасибо, соседи чем могли помогали.

Только вот старики померли в том году, а те, кто въехал... с ними мать отношения сразу испортила.

Как отравили первого их пса, потому как мать разругалась со всеми, с кем могла и не могла.

Второго — да, Карп пришиб, а первого вот...

Отравили.

И Ваня пытался выхаживать собаку, которая до последнего смотрела, и руки ему лизала, прощения просила, что оставляет...

Я не плакала.

Я тоже могла бы многое рассказать про свою жизнь, настоящую, не Машину. А ту, в которой переживаешь боль, обиду, отчаяние, стискиваешь зубы — и живешь!

Вопреки всему, назло самой жизни просто живешь. Потому что сдаться — тоже невозможно.

Когда теряешь близких людей.

Когда слышишь безжалостный приговор врача — детей у вас никогда не будет, смиритесь. Не надо было на аборты бегать...

Когда любимый человек целует тебя в щечку и уходит навсегда. А ты ему столько лет жизни отдала...

Когда...

А, рассказать можно многое. Только вот не стоило мальчишке это слышать. А потому я просто дала ему выговориться. И когда Ваня замолчал, сухо и горько всхлипывая, давясь сухими спазмами, положила руку ему на плечо.

— Я вас не брошу. Мы теперь вместе, мы справимся. Клянусь.

И словно струна прозвенела.

Бывает такое иногда.

Скажешь слово — и понимаешь, здесь и сейчас тебя услышали. Недаром, вначале было Слово. И сейчас прозвучало так же.

Я не уйду отсюда, пока все трое детей не будут пристроены. Хорошо пристроены.

А мамашу я за ноги на березе подвешу. Сволочь старая!

Это ж надо малявок до такого состояния довести?

Сука!

Вот если б не страшная история, в жизни бы ни в чем это место не заподозрила. И ехать недалеко — минут двадцать от города, и местечко уютное...

Ручей журчит, деревья стоят, кстати — не сосны, а лиственные. Березка, осинка...

Лощина...

Несколько холмов, невысоких таких, уютных... так и хочется вон на том, похожем на спящую кошку, построить симпатичный домик. Одноэтажный, деревянный, с черепичной крышей...

А все же...

И лошадь чего-то ушами прядает.

И туман стоит в распадке между холмами.

— Вань, ты привяжи ее и посиди здесь, — попросила я.

— Я с тобой пойду.

Я покачала головой.

— Не пойдешь. Ты парень, тебе сложнее будет. Одна я может, и разберусь, а если не так что пойдет? И сама пропаду, и тебя за собой утяну? А у нас мелкие...

У нас.

Уже — у нас.

Ваня нахмурился.

— А если ты...

— Если меня больше трех часов не будет... ну, до полудня, край, садись, да и поезжай в город. Я в банке распоряжение сделала, если что, ты мой наследник. Понял?

— Не хочу я этих денег.

— А мелких кормить хочешь? Цыц!

Ваня надулся, а я слезла с телеги, отряхнулась и направилась в распадок.

Шаг, другой... и туман окутал меня уютным серым пуховым одеялом.

— Аааа... ааа... аааа...ааа...

Чей-то голос словно бы мурлыкал ребенку. Знаете, как бывает, слов не помнишь, а мотив самый, что ни на есть подходящий. И мурлычешь, просто на мотив песенки, и ребенок успокаивается...

А туман все глуше, он окутывает, и вот уже даже неба не видно...

Довольно!

Я решительно тряхнула головой.

Маруська, вспомни, ты — маг!

Паршивый там, не паршивый, а все-таки...

Маг земли? Ну так помоги мне, мать сыра земля...

Я медленно опустила на колени и погрузила пальцы в землю. Прохладную, уютную... запахло чем-то свежим, грибным.

Песня стала еще отчетливее...

И где же это поют?

А если попробовать найти?

Туман тут не помощник, зрение тоже... но я же маг земли?

А земля — это дороги. Неужели не найду? Не дойду?

Только как идти, если отнимаешь от земли руки, и опять чувствуешь себя ребенком в темном лесу? Страх накатывает, одиночество, беспомощность...

А если так?

Нельзя идти, так я на коленях поползу! Благо, юбка длинная, коленки не обдеру...

Первое движение вышло неловким, но четыре точки опоры всяко лучше двух!

Наверное, смешное я представляла собой зрелище. На четвереньках, в шали, завязанной узлом и заткнутой за пояс, я медленно и упорно, с закрытыми глазами, ползла туда, откуда слышалась песня.

Шаг, другой, третий...

Ежь твою рожь!!!

С этим воплем я куда-то и провалилась.

Вы никогда всеми четырьмя точками опоры об камень с размаху — не ударялись?

Вот и не надо, вы ничего не потеряли. Ощущение отвратительное, могу подарить, кому понравится. Глаза сами собой открылись от удара. Рот открылся следом за ними.

Это была пещера.

Или... как называются подземные гробницы?

Черт его знает... вроде и помнила слово, а вот вылетело из головы.

Склеп?

Да, что-то вроде...

Маленькая подземная гробничка.

И сидит на сгнившем деревянном гробу девушка с золотыми волосами, и мурлычет ребенку у груди песенку, а ребенок смотрит, и глаза у него такое же, золотые...

Точь-в-точь как у нее.

Я только рот открыла.

— Ты...

— Я. А ты кто?

— Маруся, — ляпнула я. — А ты?

— Меня любимый Нитой называл.

— Анитой?

— Нитой, — нахмурилась девушка.

Или женщина?

Хороша она была невероятно. Даже в простой рубашке, даже в полутьме...

Блин!

Солнышко, да и только.

Идеальные черты лица, громадные глаза, волосы, словно жидкое золото...

— Нита, а что ты здесь делаешь?

— Прячусь...

— От кого?

— От убийцы...

Я замотала головой.

— Нита... давай я тебе расскажу, что я знаю. А потом ты мне расскажешь?

Девушка медленно прикрыла глаза. И на миг мне показалось, что зрачки у нее вертикальные.

Не укусит?

Эх, знала бы, так шею б купоросом натерла, на всякий случай. А так...

Авось, и не цапнет. Клыков у нее точно не было. Только ребенок у груди. Маленький, красный, сморщенный, словно вчера родился, только и того, что глазки открыты, и не бессмысленные они, а золотые. Как у девушки.

Я прокашлялась от пыли, села прямо на пол, не отрывая рук от земли, и заговорила, пересказывая мамашкину историю. Про скит, про лощинку...

Девушка слушала внимательно, потом покачала головой.

— Не так все было.

— А как? — воспользовалась я случаем. Чего б не спросить?

Девушка нахмурилась.

— Гадко было. Очень гадко и грязно...

— Расскажешь?

Губы девушки дрогнули.

— А и расскажу. Пора уж...

История вышла действительно гадкой и грязной.

Кем была златоглазая, она не рассказывала. Упомянула, что поссорилась с кем-то намного более сильным, была побеждена, бежала. Не было другого выхода.

— Ты ведь не человек? — уточнила я.

— Нет.

— А кто?

— А ты хочешь это знать?

— Есть подозрение, что все равно расскажешь.

Девушка хмыкнула.

— А если так?

Моей руки коснулось нечто. Я опустила глаза, и невольно ахнула.

— Ежь твою рожь!

Но если девушка рассчитывала, что я тут в обморок упаду, или истерику устрою...

Щаззз!

После нашей российской реальности, она уже не котировалась.

Подумаешь, до пояса нормальная девушка, а ниже пояса — змеиный хвост. Золотой, кто бы сомневался. И чего тут пугаться?

Вот вы хоть раз в пенсионном фонде были? А в поликлинике? А налоговую декларацию заполняли?

Вот где ужас-то! А получеловек-полузмея... и что?

— Кусаться будешь?

Девушка рассмеялась, коротко и невесело.

— Не буду. Хорошо, что ты не боишься.

Я пожала плечами. Не могу сказать, что я в диком восторге, но и ужас тоже изображать не стану.

— Не боюсь. Что дальше было?

— Я бежала. Сил не было, меня подобрали монахи. И там был один человек...

Я подняла брови. А подробности можно?

Можно.

Как оказалось, скит — не просто так стоял. На тот момент в нем жил один человек, которому и вовсе не жить бы на белом свете.

Демидовы, да...

Гнилое семя, дурное племя.

На тот момент у патриарха Демидовых, то есть старшего мужчины в семье, который и получил основное наследство, было семеро детей. Четыре дочери, три сына. Вот, младший и начудил.

В плане маркиза де Сада.

В детстве кошек и собак мучил, в юности за людей принялся. Начал девушек резать... родные первыми поняли, что 'это ж-ж-ж неспроста'. Допросили юношу по всей строгости, ужаснулись, и увезли в Березовский. В скит.

И охрану приставили.

Такой вот расклад.

Два монаха, два охранника и сам Иван Демидов. Младший сын.

Понятно, что здесь делал Андрей Демидов? А, то самое. Брата навещал.

Я задумалась.

— А как же он тебя не того-с? Андрей?

— Что толку над бесчувственным телом издеваться? — пожала плечами красавица. — Я ведь и не соображала ничего... хоть ты убивай меня тогда. А чуть позже, когда я в себя пришла, Андрей приехал. Меня увидел, с собой забрал, Иван хоть и злобился, но спорить не решился. Мне сказал, чтобы возвращалась, он-де ради меня на все готов.

— Ты поверила?

— Я ведь о нем ничего не знала. Это потом он сам рассказал, скольких убил, скольких...

Девушка замолчала, прикусила кончик косы, и прошло минут десять, прежде, чем она заговорила снова.

— Андрей не таким был, как брат. Мне так казалось. Любил меня, на руках носил, красивый, веселый...

— А разве ваше племя может... с людьми?

— Можем. Только никогда не связываемся, — махнула рукой девушка. — Мужчины еще погулять могут, а женщины стараются подальше держаться. Для меня день пройдет, а для него — год. Такой вот... — она задумалась, и я помогла подобрать слово.

— Мезальянс?

— Да, что-то вроде. Мы и любим сильнее, и переживаем острее, кому ж охота потом тысячу лет любимого оплакивать? Видеть, как он стареет, как...

— А тут ты себя плохо чувствовала. И не убереглась.

— Я даже истинный облик принять не могла. Так мне плохо было.

Я кивнула.

— С этим понятно. А потом... полюбила?

— Да.

— А потом Андрей Демидов женился. А тебя захотел оставить любовницей.

Девушка скривила губы.

— Все еще хуже.

— Даже так?

— Так, Маруся. Я ведь дурочкой была, я ему свое имя открыла, и родовой знак отдала. Думала, навек мы связаны.

— Родовой знак?

— Видишь мои волосы? Хвост...

— Вижу. Красиво.

— Золото я могу чувствовать. У вас таких как мы полозами зовут, во мне хоть и небольшая доля крови, но золото мне покорно.

У меня аж во рту пересохло.

— А ты отдала Демидову родовой знак.

— Он из моей крови сделан был. И власть надо мной давал полную...

— Знак он принял, а жениться...

— Женился он на другой.

Этот расклад мне тоже был понятен.

— Ясненько. От тебя золото, а там небось, связь выгодная. Союз с каким-нибудь юртом, да?

— Да.

— Захотели Демидовы на двух стульях сидеть. Ясненько. Тебе это не понравилось...

— Я в тягости была, на последнем месяце. А как поняла, что со мной сделать хотят...

— Я бы тоже сбежала. Или убила бы эту дрянь к ежу колючему, — искренне посочувствовала я.

— Не могла я убить. У них доля моей крови, мой амулет.

— Вот ёж! Вляпалась ты, подруга.

Сочувствовала я совершенно искренне. Это ж надо было так попасть! Лишний раз понимаю, что любовь — любовью, а колбаса врозь. Доверилась девчонка подонку.

Сам Андрей дрянью был, или его отец надавил, теперь уж и не узнать. А только змеюшке от этого не легче.

— Ты сбежала.

— Да. К Ивану, в скит. Там и родила.

— Вряд ли тебе после этого легче стало.

— Да. На следующий день Иван ко мне и пришел. Рассказал, что именно от меня хочет. О 'подвигах' своих рассказал, пообещал малышу голову разбить, если неласкова буду...

— Мудак.

Девушка и не стала отрицать.

— А остальные? Не один же он там был?

— Что им до меня было? Охранники его стерегли, чтобы не сбежал, монахи молились... может, и сами хотели после хозяина попользоваться. Он этот склеп и сделал, кстати. Хотел умыкнуть меня, так чтоб уж точно не нашли.

— А охрана?

— Им чем бы барин не тешился. Копают он — и копают, авось приглядывать легче. И денег он им дал, много...

Красивые губы тронула горькая усмешка. Ну да. За деньги у нас многое покупается, и честь, и совесть...

— А монахи?

— Не знаю. Роды они у меня приняли, а потом ушли. Своими делами занимались.

Понятно. Либо что-то им наобещали, либо запугали, либо... варианты возможны. И все нелестные.

— Сволочи. И что ты сделала?

А что могла сделать в такой ситуации змея?

Бежать некуда, на руках ребенок, догонят ее в три минуты...

Как я поняла, змея сделала, что могла, спасая ребенка.

— Все равно Иван бы его убил. Взгляд у него такой был... не увидишь — не поймешь.

Я понимала.

Чтобы спасти малыша, змея решила на крайнее средство.

Бежать некуда, да и не уйти с малышом тайными тропами. Оставить его — немыслимо, мальчик в ее породу пошел. Убить всех?

Она думала и об этом. Но потом-то куда?

Нашли бы, и опять — смерть, только медленная и мучительная. Церковь таких, как она, почему-то не любит. И с чего бы?

Я кивнула.

Да, попади змейка в лапы к церковникам или к охранке... я тоже к ним доверия не питала, прекрасно понимая, что своя ряса ближе к попе. Или мундир...

А шантажировать ее малышом было очень и очень легко.

Итак, что оставалось делать?

Змея решила все по-своему.

Она смогла убить всех, кто находился в скиту, и поместить себя с ребенком... в нечто вроде временного кокона. Чтобы дожидаться... чего?

Меня, как вариант. Я же маг земли, вот и смогла сюда попасть.

Другие маги?

Могли бы.

Мир даже не четырехмерный, он многомерный, и змея воспользовалась этим, чтобы создать кокон. Кто к ней мог попасть?

Либо тот, у кого ее талисман, либо тот, кого она сама впустит.

Меня — впустили. Мужчинам она по понятным причинам, не доверяла, да и было их тут немного, всего пара-тройка магов за эти годы. Долгие годы.

Демидов?

Появлялся. Но без талисмана. И пройти к ней не смог.

— Ты его убила? — без обиняков уточнила я.

— Я.

Змея и спорить не стала.

— За подлость?

— За подлость, за предательство. За ту тварь, на которой он женился, за мою кровь отданную... если бы у него с собой мой амулет был, я бы ему вреда не причинила. Но его не было.

— Чем ты и воспользовалась.

— Осуждаешь?

Я покачала головой. Я бы и похуже что утворила над этими гадами. Кстати...

— А не ты ли, получается, их прокляла? — задумалась я.

— Прокляла?

Я вздохнула, и принялась честно рассказывать о себе. С того еще мира, и до этого. А чего стесняться? Вряд ли змея поползет кому-то меня закладывать. Разве что имя свое настоящее я не называла, ни к чему.

Нита внимательно слушала, кивала. А потом подвела итог.

— Да, похоже. Мой сын — старшая кровь семьи, законный наследник. И у них в руках мой талисман.

— И они им пользуются?

— Если горнозаводчики, то надо полагать, пользуются, — губы девушки исказила злая ухмылка. — С его помощью можно золото искать, можно к себе жилы притянуть...

Я кивнула.

Ну да, кто ж от такого бонуса откажется?

Потому, небось, и вымирают, что за все платить требуется.

Попользовались?

Все, халява кончилась. Если бы у Андрея Демидова хватило ума жениться, да сына наследником признать, дело другое. Ему бы мать помогла, да и талисман ему бы вреда не причинил. А эти-то никто. Хотя и пыжаты, а змеиной, золотой крови в их жилах ни капельки не течет.

Мне оставалось только кивнуть.

— Поняла. И что теперь?

— А что ты хочешь? — прищурилась на меня Нита.

Я пожала плечами.

— Уж точно не замуж за Демидова. Я вообще хотела опытный огород развести, вот, съездила, посмотреть, что тут и как. Здесь земля хорошая, и к городу близко...

— К городу близко? Раньше тут только деревенька стояла...

— Наверное, что-то и разрослось за столько лет, а что-то и поменялось, — махнула я рукой. Чего тут удивительного, мир меняется...

Змея кивнула.

— Да, вы, люди, очень подвижные.

Я пожала плечами.

— Мы такие. А хорошо это или плохо — жизнь рассудит.

Змея тоже не стала вдаваться в философские материи.

— Мы можем договориться. Нужно тебе золото?

Я подумала недолго.

Нужно ли мне золото?

Вот, никогда алчной не была. Знаете, счастлив не тот, у кого много, а тот, кому достаточно.

Допустим, у меня будет грудa золота. И зачем?

Власть?

И что с нее? Чтобы вечно тебе в глаза лебезили, а за глаза ненавидели, чтобы ни минуты свободы не иметь, чтобы всю жизнь быть на публике, чтобы кроить чужие судьбы и брать на себя такой груз, который поколениями расхлебывать придется?

Ну уж — нет!

Это в шестнадцать лет кажется, что круче светских львиц никого нет.

А в сорок понимаешь, что драная кошка, она и есть драная кошка, какую шкуру не нацепи.

Королевой стать? Императрицей?

А оно мне надо? Что называется — см. выше.

Не хочу.

Хочу жить тихо и спокойно, хочу ни от кого не зависеть, хочу любить и быть любимой не за деньги, а просто так. Потому что я — это я.

Вот хочу.

Это — много?

Это я и изложила змее. И поинтересовалась, на кой черт мне куча золота при таких планах?

— Чтобы ты все это купила.

Я только фыркнула.

Да купить-то можно. Но...

— Человеческих отношений не купишь. Только суррогат.

— Иногда людям этого хватает.

— Мне — не хватит.

Некстати вспомнился Ретт Батлер. Что-то подобное он и говорил Скарлетт, что, мол, деньгами все меряется, а если ты не можешь получить какую-то вещь за деньги, то можешь приобрести ей отличную замену. За что жизнь его и натыкала носом об забор.

Скарлетт он так и не получил. Ребенка лишился. А деньги... деньги-то у него и были, и остались. И что дальше?

Вернули они ему хоть что-то? Хоть кого-то? Да скупил ты весь бордель три раза! Бесполезно! Жаль, что змее про мировую классику не объяснишь. Но я честно попробовала, и кажется, Нита поняла. Покивала.

— Да, как-то так. Ты мне не лжешь, я это вижу.

Я пожала плечами.

— А чего лгать-то?

Здесь я полностью в ее власти, захочет — я отсюда никогда не выйду. Что я, не понимаю?

— Мы можем заключить сделку.

— Какую?

— Я хочу, чтобы ты забрала и вырастила моего сына, как своего.

Я посмотрела на малыша. Ног видно не было, пеленка...

— Извини... у него форма — какая? Он человек — или...? Ты сказала, что он в вашу породу?

— Он будет человеком. Обернуться он сможет только на пятнадцатом году жизни.

Я выдохнула.

Ладно, к пятнадцати годам у людей мозги уже отрастают. Это не так страшно.

— А цвет глаз-волос?

— Люди бывают и такие... разве нет?

— Бывают... может, их красить можно?

Ладно, куплю хну или басму, и будет ребенок темненький. Или рыженький, как повезет. Лучше даже рыженький, еще и веснушек наставлю... я что — соглашаюсь?

А какая разница?

И так три штуки есть, четвертый будет. Дело житейское...

— Ты согласна?

Поторговаться — это святое.

— Ты от меня требуешь нечто достаточно серьезное. Это не на день, не на два, это на всю жизнь.

— Ты — маг земли, у тебя жизнь длинная будет.

— Тем не менее.

— Что ты хочешь взамен?

Я подумала пару минут.

А что я хочу? Что самое интересное, мне ничего не надо. Вот ей-ей, анекдот про нового русского и золотую рыбку. Что тебе надо? Да все у меня есть. Хотя... холодного пива — и засохни.

Ни убавить, ни добавить.

Просить у змеи документы? Помощи в жизни?

Разве что золота, так и то мне больше во вред пойдет, чем на пользу. Вот и получается, что мне ничего не нужно. А девчонку жалко, девчонка не виновата, что попала в руки подонкам...

— Ничего. Просто так помогу. По-человечески. Если это будет от меня зависеть, выращу я твоего ребенка, как своего. Только честно говорю, детей у меня никогда не было, только племянники. Мать из меня может плохая получиться.

Змея улыбнулась.

— Золота дать?

— Ни к чему. Деньги есть, а золото еще реализовать надо... нет, с этим только хуже будет.

Глаза вспыхнули расплавленным золотом.

— Ну, коли так...

Я пожала плечами.

— Скажи, как его называть. Наверное, настоящее имя ты мне не доверишь? Да?

— Доверю, — странным голосом сказала змея. — И имя доверю, и кое-что еще подарю. Если уж тебе моего золота не надо...

— А...

— Подойди поближе.

Я послушно шагнула вперед.

— Руку протяни.

Блеснули золотые когти на тонких пальцах. По запястью полоснула боль, я даже не сразу поняла, а змея уже так же распоролла свое запястье и соединила наши руки.

— Я Аншшшшшаранита эн Шшарраласс, нарекаю тебя своей сестрой, Маруся из человеческого рода. Пусть порукой этому будет кровь, текущая в моих жилах. Отныне и навечно, ты сестра ссарешесс!

Полыхнуло золотом.

Я даже зажмурилась, а когда открыла глаза, все было кончено.

На запястье был только тоненький шрам. Словно я татуировку золотом сделала.

— Это...

— Ты — маг земли. И теперь в твоих жилах течет и моя кровь.

— И зачем это было нужно?

— Теперь ты моему сыну — тетка. А еще... сможешь жилы чувствовать, сможешь металлам приказывать, не сразу, но способности у тебя усилятся. Моя кровь тебе и долголетие даст...

Я потрясла головой.

— Я, вроде, и так не жаловалась. А твой враг... сможет нас найти?

— Хотел бы — нашел бы. От такого под землей не спрячешься.

— А это... на запястье — пройдет?

— Прикажи ему стать невидимым, вот и все.

Я послушно приказала. Вслух.

Браслет замерцал и словно растворился под кожей.

— Однако...

— Ты станешь сильным магом. Очень сильным...

Я вздохнула.

— У людей считается, что сильные маги детей иметь не могут...

— Глупости, — махнула рукой полоз. Или ссарешесс, как она себя назвала. — Хоть дюжину. Знаешь, почему человеческие женщины ребенка скидывают?

— Почему?

— Потому что до определенного срока ребенок — не маг.

— То есть?

— Полгода после зачатия надо не колдовать. Потом видно будет, маг это или нет. Если нет, то еще три месяца продержаться. А если маг, то ему ничего не повредит...

— Понятно.

— А тебе и подавно теперь ничего не навредит. В жилах твоего ребенка будет течь и моя кровь, а мы — магические создания. Магия течет в нашей крови.

— Это все мои дети будут магами?

— Да.

Песец.

Вслух я этого не сказала, но подумала, что буду молчать.

Молчать, а потом и еще раз молчать.

Меня ведь не просто на опыты пустят, меня на донорство размотают! Из меня кровь цедить будут, пока я жива буду.

Оххх...

— Руки подставь.

На мои ладони легло теплое тельце. Я послушно прижала к себе малыша, и тот утих рядом с грудью.

— Его имя Нааршерессс.

— Красиво. Ничего, если я буду звать его Нилом?

— Так только лучше будет. Ни к чему кому-то знать наши истинные имена...

Тонкие пальцы с золотыми ногтями гладили щечку малыша. Так ласково, так безнадежно...

— Я тебя не подведу. Обещаю.

— Как бы я хотела сама его вырастить. Не судьба...

По тонкому лицу катились слезы. Падали на землю золотыми каплями, застывали... я не удержалась — и крепко обняла беднягу.

— Ты...

— У меня нет сил. Я умру.

— А помочь никак нельзя? Может, как-то, что-то...

Змея покачала головой.

— Уже никак. Мои силы на исходе... хорошо, что ты пришла.
Сбереги моего сына, пожалуйста.

— Обещаю.

— Тогда — прощай.

Нита еще раз коснулась губами младенческой щечки — и оттолкнула меня. Совсем легонько...

Все завертелось перед глазами, земля, небо, трава...

Трава?

Я замотала головой.

Я стояла посреди лощинки.

Туман рассеивался.

И если бы не спящий на руках младенец, я бы подумала, что мне все это приснилось. Бывают же у людей глюки? Или там кошмары наяву...

Но ребенок был совершенно реален.

— Маша!!!

Огромными прыжками ко мне неся перепуганный Иван. Солнце ласково светило с неба, судя по нему, я и часа не провела рядом с Нитой.

А казалось — так много времени прошло?

Я крепче прижала к себе ребенка.

Да уж, малыш.

Но — слово дано. Я обещала твоей маме, и я тебя выращу. И когда-нибудь расскажу тебе про Ниту. То есть про Аншшшшараниту эн Шшарраласс из ссарешесс. Все расскажу.

Но сейчас надо решить, что рассказать Ване. Тем более, что брат уже заметил младенца — и ошалел.

— Маша?

— Я.

— А это... откуда?

И что я ему должна была ответить? От верблюда?

Я набрала воздуха в грудь и принялась вдохновенно врать.

— Ваня, а здесь это в порядке вещей?

— Что именно?

— Детей бросать?

Братец кролик захлопал ушками.

— К-как бросать?

— Ничего страшного я в лощине не нашла. А вот ребенка какая-то зараза выкинула.

Прости меня, Нита. Но как его еще легализовать? Если я сейчас братику про змей расскажу, он меня в психушку сдаст. Или, еще того хуже, в церковь или в охранку. Оно мне надо?

А вот ситуация с брошенным ребенком — самая обыкновенная.

В двадцать-то первом веке такие твари встречаются, а уж здесь...

Ваня почесал в затылке. А потом посмотрел на меня неожиданно серьезным взглядом.

— Маш, ты ведь мне врешь.

Вот не ко времени эта проницательность. Но...

— Ваня. В лощинке ничего страшного. А ребенка кто-то выкинул.

Вышло очень увесисто.

Ваня почесал макушку для лучшей стимуляции мыслительной деятельности.

— И... что теперь?

На этот вопрос у меня ответ был.

— Первое — мы оставляем ребенка себе. Второе — едем, выкупаем землю у города. Третье — освящаем место, чтобы сюда люди без страха ходили. Четвертое — крестим малыша. Думаю, ему пойдет имя Нил. Пятое — начинаем наше маленькое дело.

Ваня только головой покачал.

— Знаешь, странно все это...

— Знаю. А потому — учти. Мы с тобой даже до места не доехали... где мы могли найти этого ребенка?

— Тут неподалеку перекресток, — задумался Ваня. — Вот, могли и там оставить.

— Прямо так, в пеленках...

Ребенок действительно был завернут в обрывки ткани. Я подозревала, что это рубашка самой Ниты, вряд ли у змеюшки было что-то еще. А в золотые листы ребенка не завернешь, неудобно будет.

Мальш захныкал.

— Голодный, наверное. Или обгадился, — определил Ваня.

Я махнула рукой.

— Где здесь поблизости деревня? Хоть какая? Молочка бы купить, козьего...

Кормилицу мы не потянем, а вот козу...

Домой мы добрались только к вечеру.

Какие там дрова?

Купили большой горшок козьего молока, договорились приезжать раз в два дня, сразу покормили малыша, купили для него хоть какое приданое, выслушали кучу соболезнований и негодований на матерей-кукушек, которые детей выбрасывают...

Было обидно, но...

А что я еще могу придумать?

Дома нас уже встречали. Мамаша первая выбежала на порог, ахнула, всплеснула руками и запричитала.

За ней выскочили Арина и Петя.

— Ваня?

— Маша?

— Что это такое?

— Гав-гав!

Мелкая щенявка уже освоилась и весело крутилась у Пети под ногами. Признал.

— Мы сегодня ездили за дровами. Не доехали, на перекрестке дорог кто-то бросил младенца. Пришлось забрать с собой, не оставлять же его там, — громко отчиталась я.

Кажется, соседи тоже это слышали. Отлично, пусть сплетничают.

— Но зачем нам этот ребенок? Его надо сдать в сиротский приют! — возмутилась мамаша.

— Может, сразу убьем? — зло огрызнулась я. — кто там о нем заботиться будет?

— Но сплетни же пойдут!

— Какие?

— Ну... что это твой ребенок...

— Значит, схожу к лекарю. Любой осмотр подтвердит, что это не

может быть мой ребенок, — я была настроена достаточно воинственно.

— Да кто ж поверит?

— Значит, как разных Карпов в дом тащить — тут ущерба репутации нет. А ребенка спасти — есть?

— Да как ты смеешь, нахалка?

— Маменька, этот малыш остается у нас. А вы к нему можете и близко не подходить, здоровее будет!

— И не подойду!

— И не надо!

Маман хлопнула дверью и ушла в дом. Я скорчила ей вслед рожу и посмотрела на Петю с Ариной.

— Что у нас есть для малыша? Колыбелька, пеленки, соски... что? Вдруг да осталось?

Мелкие задумались.

— Я посмотрю на чердаке, — вызвался Петя. — Может, туда что и стащили...

— Будь ласков.

— Можно еще по знакомым поспрашивать, — предложила Арина. — Сегодня-то вряд ли, а завтра я могу попробовать.

— Вот и решили, — согласилась я.

А пока мелкий поспит со мной. Тем более, что попытки передать его кому-то на руки заканчивались плачевно. Малыш просто не воспринимал людей.

Ревел, орал, закатывался...

И в чем тут дело?

Запах?

Магия?

Черт его разберет, слишком уж это тонкие материи... авось, со временем и станет что-то ясно.

Вечером я лежала в кровати.

Нил, удобно устроенный между валиками из одеял, сопел в две дырочки. Сытый и довольный. Его вообще все устраивало, если я нахожусь в пределах досягаемости.

А я уснуть не могла.

Лежала, размышляла, что мне делать.

План, озвученный Ване, был вполне жизнеспособным. Хотя видит бог, я бы с удовольствием уехала из Березовского. Но...

Куда?

Чисто теоретически — в любой другой город.

Чисто практически — неосуществимо.

И всю эту ораву не бросишь. И малыш Нил...

Как это скажется на его здоровье? Вот вопрос? Мы с Нитой толком не поговорили, я вообще ничего не знаю об этих... полозах. Буду их так называть для краткости, а не то язык сломаешь.

Уральские сказки, ёж!

С другой стороны, сказки не на пустом месте возникают, ох, не просто так. И если кто поедет на Урал.... Говорят, и до сих пор они встречаются.

Полозы.

А уж как там с золотом...

Даже в сказках — они разумны, и могут походить на человека. А значит, отлично маскируются, кто б сомневался.

А дальше... знающий — не говорит. А говорящие — сами ничего не знают.

Лично мне кажется, что ребенка отсюда увозить никак нельзя. Почему?

Я и сама не могу ответить. Но у меня четкое ощущение, что минимум год мне отсюда дороги нет.

Я посмотрела на запястье.

Повинуясь моим мыслям замерцал тусклым золотом, проявился след когтей. А потом и странная золотая вязь под кожей.

Голос крови? Память крови?

Может и такое быть.

Я не уверена, но вдруг?

Ладно!

Год у меня есть.

Куплю лошину, построим там дом, устрою детей в жизни, а дальше будет видно, уезжать или нет. Мелкого я точно заберу с собой. И Петю жалко. И Аришку. И Ваню...

Ёжь твою рожь!

Ну почему я не родилась самодовольной скотиной, которой на всех наплевать? Почему я позволяю себе обрести привязанностями?

Почему?

Я протянула руку за газетой, которую по моей просьбе купил Петя.

Сюда столичные вести доходят гораздо медленнее, но доходят ведь? Почитаем...

Что тут интересного? В новостях и сплетнях за прошедшую неделю?

Ага, расследуется покушение на цесаревича.

Разыскивается без вести пропавшая при взрыве княжна Мария Горская. Приметы... ну, тут я спокойна. Документы у меня новые, а приметы... таких женщин по планете — пруд пруди.

Нападение на поезд...

Ищут мага земли, который поубивал налетчиков и удрал, не прощаясь. Ну, пусть ищут.

И уже в самом конце, мелким шрифтом, как не особо важное...

Прощание с А.В. Истоковым.

Перечисление заслуг и орденов, название кладбища, стандартные слова о тяжелой утрате...

Андрей Васильевич, как же так?

Я же... вы же...

Газета выпала из рук. А я зарылась в подушку, чтобы никто не слышал, и разревелась.

Как же больно знать, что ты совсем одна на свете. Раньше... неважно, что Истоков был за тысячу километров от меня, даже больше. Он — был.

А сейчас его нет. И мне очень, очень больно...

Я кусала подушку, чтобы заглушить стон, и радовалась. Что есть отдельная комната, что есть защелка на двери...

Как же больно.

Интерлюдия.

— Вань? Спишь?

Аринка змеей проскользнула к брату на печь.

— Дремлю. Чего надо?

С появлением Маши жизнь немного наладилась. Во всяком случае,

дрова купили, дом протопили, комнаты отмыли, сделав их пригодными для жилья, но Ваня все равно решил поспать на печи. Ему и тут неплохо...

— Поговорить, — Арина и шипела едва слышно. — Пошли, во дворе пошепчемся?

Слезать с теплой печки Ване не хотелось вообще.

Никак.

— Здесь говори. Или брысь отсюда.

— Ваня!

— Ты меня слышала!

Аринка помялась немного, вздохнула...

— Вань, ты нашу старшую сестру хорошо помнишь?

— А чего ее помнить? Вот же она...

— Странная она какая-то...

Ваня напрягся. Но постарался не выдать себя голосом, благо, все остальное и так исключалось. На печи было темно, так, что ладонь рядом с глазами не разглядеть.

— Нормальная. А что?

— Да... странная она. Говорит не по-нашему, словно какая благородная, руки у нее тонкие, пальцы холеные, ножки тоже...

— И что?

— А волосы?

— Арина, ты мне сейчас о чем? Маша у тетки жила, они не бедствовали. Что, сложно за собой следить?

— Она говорила, что работала...

— Опять-таки — и что? Если, к примеру, вышивала? Или кружево плела...

Арина задумалась.

— Я лицо ее плохо помню. Ваня, ты старше был... это точно Маша?

Иван Синютин глубоко вздохнул.

— Ну да. Тебе девять лет было...

— Даже восемь...

— Вот ты и плохо ее помнишь. Маша это, точно. А что поменялась... так тетка и учила ее, и время прошло...

— Все равно она странная.

— Глупости говоришь!

Арина помолчала еще пару минут.

— Вань, а это точно Маша? Как-то сильно она поменялась?

— Конечно! — отрезал Ваня. — Я ее отлично помню. Да и мать тоже...

Аринка ушла успокоенная. А Ваня еще долго лежал на печи и глядел в окошко, затянутое слюдой. Свет оно почти не пропускало, но выделялось бледным пятном на фоне стен.

Сестра задала тот вопрос, над которым думал и сам Ваня. Думал, честно, серьезно думал...

И выходило у него одно и то же.

Даже если сестричка ненастоящая, все равно — так лучше.

Мать она приструнила, делами занимается, деньги есть... чего еще желать надо? Да ничего!

Ваня отлично понимал, что сам он, как глава семьи, не справился. Не смог.

Пять лет назад ему всего одиннадцать было. И что он мог? Мальчишка мальчишкой.

Глава семьи?

Конечно, все забрала в свои руки мать. И деньги, и хозяйство, и старый дом их продала, хотя там и была развалюха, и сюда они переехали...

Мать принимала решения. И служили они только одному, чтобы ей было удобно. А Ваня...

Стукнуть кулаком по столу?

Поучить мать вожжами?

Выгнать того же Карпа?

Вот что мог сделать мальчишка? Да практически, ничего. Бился, что та рыба об лед, пытаюсь хоть как-то облегчить жизнь младшим. И понимал, что не справляется, не может, не...

Даже если Маша — не та... плевать!

Он первый будет ее отстаивать. Это Аринка губы кривит, она дура... в мать пошла, чего уж там. Лучшее, что с Аришкой можно сделать — это за хорошего мужика замуж пристроить. Чтобы и неглупый, и хозяйственный... где ж такого взять?

Надо с Машей посоветоваться об этом. Она поможет. А то девка уж заневестилась, видел Ваня, какими глазами на сестру парни смотрят.

Надо, надо поговорить, мало ли что...

Принесет в подоле, все, считай, жизнь кончена. Либо за вдовца какого с детьми идти, либо в монастырь, либо старой девой век куковать, либо гулящей станет...

Нет, такой судьбы он для сестры не хотел. Обязательно поговорить надо с Машей.

Интересно, а сама Маша замуж не собирается?

Ваня подумал пару минут, и решительно покачал головой. Нет, не похоже.

И сегодня... странно это, конечно. Ну и ладно, что вышло, то вышло. Он в любом случае будет на ее стороне.

Нашли они ребенка. И все тут.

Маша — его сестра. И любой, кто вздумает с этим поспорить, получит первым делом от Ивана.

Парень увидел ШАНС. И упускать его не собирался. А остальное... мораль, нравственность, поиски истины... а вы никогда краюхой хлеба в день не обходились?

А мешки пятипудовые не таскали?

А зимой в дырявых валенках на босу ногу не бегали?

Нет?

Тогда придержите языки, господа. И не осуждайте тех, кто все это проделывал. Нищета не способствует высокой духовности. И Ваня ее хлебнул с избытком.

Та Маша, не та Маша...

Да хоть бы и нечистая сила... тьфу-тьфу-тьфу...

Ведь и правда Петруша мог без ноги остаться.

А еще было в этой Маше что-то такое, надежное. Ваня смотрел на нее, и понимал — их не бросят. А раз так...

Это — его сестра.

Точка.

Глава 10

Долой овраги, даешь мосты!

Куда я направилась на следующее утро?

А вот и не угадали.

В магазин готового платья я направилась. Потому как встречали, встречают и встречать будут только по одежке. Так что я взяла Ваню — и пошла напрямик по нужному адресу.

Да, и малыша пришлось взять с собой. Ибо разверещался он сиреной, стоило мне только выйти из комнаты.

И как поросенок отличает?

Вот в нужник — можно. Я ночью выскакивала.

А по делам — не смей! Особенно без него!

Ладно, заодно и краску надо подыскать. Перекрашу-ка я его в рыжий цвет. Хной. Смывается долго, держится хорошо и стопроцентно натуральный краситель. Никакой аллергии.

Магазин я нашла не сразу.

То, что посоветовал Ваня, мне решительно не подошло. Тряпье — тряпьем, на безрыбье сойдет, а для моих целей уже не годится.

Найденный мной магазин явно был более дорогим, ну и ладно. Главное, чтобы они сделали то, что нужно мне. Я толкнула дверь и вошла.

Ко мне тут же повернулся приказчик.

— Сударыня? Сударь?

И столько удивления в голосе! Столько... есть такое у продавцов, когда они презируют клиента. Исключительная вежливость с немалой долей змеиного яда.

Меня таким отродясь не сдвинуть было. Я насмешливо улыбнулась.

— Любезнейший, мне нужно платье. Молодого человека нужно приодеть. А еще мне нужен слинг.

— Простите, сударыня?

Приказчик явно растерялся. Я насмешливо подняла брови.

— Вы не знаете, что такое платье?

— Я нас замечательный выбор, сударыня. Но... вот это... слинг?

— У вас такого не продается? Но возможно, ваши швеи мне его сделают?

Я бы и сама, да вот проблема — слинг должен был подходить к платью. То есть ткань должна быть в гармонии, а дома... дома у нас такое тряпье, что на пугало надеть постесняешься.

Мамашшшш!

— Начнем с платья, — решила я.

Спустя двадцать минут я выбрала то, что мне нужно.

Серое платье когда-то явно принадлежало богатой даме. Хорошее дорогое сукно, тяжелое и плотное, классический покрой, закрытый лиф, мелкие пуговицы, ворот стоечкой, никаких рюшек и оборок. Из недостатков — подол чуток обтрепался, рукава, и на кармане небольшая дырка. По размеру — подходит, разве что чуть длинноват подол и чуть свободна талия. Это — не страшно. Пояс найду.

— Это — заштопать. По подолу и рукавам пустить оборки.

— Эээ...

— Узкую ленту черного цвета, — распорядилась я. — Сколько нужно времени исправить?

— Сейчас я позову девушку, — нашелся приказчик.

Не во всех магазинах готового платья, но здесь это было. Хотя и чуть дороже. Швея, а то и не одна. Покупаешь платье, меряешь, и можно подрубить, что-то пришить, если не подходит...

Да, услуга стоит денег. Но не ходить же чучелом?

Девушка-швея появилась ровно через минуту. И выслушала мой заказ.

— Хорошо, сударыня.

— А еще мне нужен слинг для малыша.

— Сударыня?

— Объясняю. Берете кусок ткани, сворачиваете вот так, здесь и здесь прошиваете... я понятно?

— Да, сударыня.

— Есть у вас серая или черная ткань для него?

— Черная, сударыня.

— Хорошо бы саржу...

— Есть такая, сударыня.

— А пара колец вот такого размера? Металл или дерево?

— Д-да...

Примерно десять минут ушло на объяснение — как правильно изготовить слинг с кольцами. Другой мне сейчас просто не подошел бы. Но девушка все поняла, и кажется, заинтересовалась. Ну и ладно, мне идей не жалко.

— Отлично. Делайте, я жду. А вы, сударь, займитесь пока моим братом.

— Маш... не привык я в костюмах-то!

Я кивнула.

— Понимаю. Но и в лаптях тебе рядом со мной не место. А потому давай решать и выбирать вместе.

Ваня понурился, но я была неумолима. Нам идти в канцелярию градоправителя, а братец будет выглядеть, как лох педальный? Не пойдет.

С другой стороны, он прав. Надень на него костюм — и он будет смотреться, как седло на корове. Требовалось подобрать оптимальный средний вариант, этим мы и занялись.

И сколько же сил это от меня потребовало!

Жилеты, фраки, сюртуки, пиджаки...

Категорическое — НЕ ТО!

Ваня в них просто смотрелся инородным телом.

Выручила нас пиджачная пара по американской моде. Приказчик не знал, как она оказалась в магазине, но выглядело это прилично, а Ване движений не стесняло.

Итак. Низ — сапоги. Привычная обувь, не туфли лаковые. Потом штаны, вроде галифе. Только не такие парусные. Рубашка с воротником-стойкой. И пиджак. На голову — кепи, органично дополняющее образ. Получился вполне приличный молодой человек, не стыдно на люди показаться.

— Ах... ть... — закрутился перед зеркалом Ваня. И получил от меня подзатыльник.

— Не ругайся на людях. Мы это берем, подгоните.

За платье, костюм, подгонку, за все про все, я отдала почти тридцать рублей. Ване чуть дурно не стало, но второй подзатыльник подействовал лучше всякого нашатыря. Цыц, балбес!

Нам надо прилично выглядеть.

Нил тоже освоил слинг и мирно посапывал.

Вообще, на редкость спокойный ребенок. Хотя так и должно быть. Нормальные дети спят, едят и гадят. Где-то первые месяца три точно. Если они орут, значит, у них проблемы.

Нил, кажется, так и собирался поступать.

Вот и отлично. К генерал-губернатору Храмову, если быть точной.

Что делать со старой одеждой?

Выкиньте. Или пустите на половые тряпки. Всего хорошего.

Вы когда-нибудь пробовали попасть на прием к мэру города?

Фиг пробьешься, бюрократия.

Здесь она была ничуть не менее развита.

Большой дом, не хуже нашей мэрии, швейцар при входе...

Ваня заробел, но мне было не привыкать к таким кадрам. Я поблестела в ладони полтинничком — нечего баловать.

— Доброго утра, любезнейший?

— Доброе утро, сударыня, — легко определил мой социальный статус швейцар, у которого на ливрее было больше золота, чем у меня в сейфе.

Полтинничек перешел из рук в руки и куда-то исчез. Растворился, наверное.

— К кому бы мне обратиться по поводу покупки земли? Посоветуйте, вы здесь наверняка и всех и все знаете, сразу видно, человек опытный.

Швейцар задумался. Ненадолго. По лицу было видно, что я ему польстила. Не сильно, но удачно.

— К господину Ильясову пожалуй, сударыня, идти надо. Если общий язык найдете, так он и к губернатору вхож, долго решить не придется...

— А где я могу найти господина Ильясова?

Второй полтинник поменял руки.

— А вот его секретарь идет, господин Филев, — тут же сориентировался швейцар. — Господин Филев? Сидор Аполлонович, наше почтение.

— Здравствуй, Афанасий.

— Сидор Аполлонович, тут вот дама до его высокоблагородия Павла Модестовича.

Рубль был потрачен с толком.

И имена сказал, и аттестовал должным образом, и показал, с чего начинать...

Ах, как же часто недооценивают вахтеров, уборщиц, дворников, а ведь эти люди знают, пожалуй, побольше иного директора.

— Дама?

— Синютина, Мария Петровна, из мещан, — спокойно отрекомендовалась я. — Вы позволите занять несколько минут вашего времени, ваше благородие?

Сидор Аполлонович кивнул.

— Да, прошу вас, сударыня.

Я улыбнулась и кивнула Ване. Брат поудобнее перехватил сумку, набычился и последовал за мной.

Перед кабинетом секретарь чуть замялся, поглядывая на младенца.

— Может быть, сударыня, вам удобнее будет оставить ребенка с братом?

— Сидор Аполлонович, это не мой ребенок, — горестно вздохнула я. — Представляете, вчера на перекрестке подобрали найденыша... бывают же гадины, которые таких малышей выбрасывают!

Выражение лица 'благородия' было неоценимо.

— Что вы говорите!

— Сидор Аполлонович, это жестокая реальность. Я еще не была в участке, но обязательно побываю. Найдется мать — будем разбираться. Не найдется... что ж. Оставлю малыша у нас. Тем более, он со мной расставаться не желает.

Сидор Аполлонович изобразил недоверие мордочкой лица.

Что ж, сам напросился.

Я послушно распустила слинг.

Нил издал хнык.

Слинг отправился к Ване.

Хнык перешел в визг.

Если кто не в курсе, по степени приятности, младенческий визг может быть сравним только с жужжанием бормашины. И Нил бил все рекорды. Я бы туда еще добавила 'бензопилу 'Дружба' и скрип вилкой по стеклу. И как им удастся такие мерзкие ноты подбирать?

Детям, в смысле?

Минуты секретарю хватило для понимания ситуации, и слинг вернулся ко мне. Ваня выдохнул, я закрепила полосу материи, как надо, и прошла вслед за Сидором Аполлоновичем, в его кабинет.

Кабинет его благородия, провинциального секретаря, роскошью не отличался. Зато выглядел чистеньким.

Тоже показательно.

Не будь он лицом приближенным, пусть чин пока и невеликий, не старалась бы ради него уборщица. Сидор Аполлонович показал мне на стул для посетителей, сам занял кресло, Ваня встал у двери.

— Я вас слушаю, сударыня?

— Я хотела бы выкупить у города кусок земли.

— Хм... большой ли кусок, сударыня?

— Примерно пять десятин, — вспомнила я лощинку. — Может, чуть больше, тут землемеры требуются...

— Сударыня, возможно, вы не в курсе, но покупка и продажа земли возможна только с непосредственного соизволения генерал-губернатора.

— Я в курсе. И надеюсь, ваше благородие, мне не откажут, когда узнают, что я хочу приобрести.

Молодой человек изобразил внимание.

— Место, которое называется Туманной лощиной.

Я могла бы сказать о приобретении личной бензопилы Фредди Крюгера. Подозреваю, парень точно так же впал бы в шок.

— Ва... вы... эээ...

— Я неясно выразилась, Сидор Аполлонович?

— А... это не в моей компетенции, сударыня.

— Тогда возможно, это будет в компетенции его высокоблагородия Павла Модестовича?

Секретарь задумался.

Я улыбнулась и положила ладони на стол. Под одной из них мелькнула десятирублевка.

— Я была бы вам очень благодарна... в разумных пределах.

Разумные пределы — это один — три процента от суммы контракта. Секретарю — три, его хозяину — десять. Будь я

аристократкой, было бы пять процентов или вовсе — дружеская услуга, а секретарь бы вообще не рыпнулся, но здесь и сейчас я мещанка.

Спасибо вам, Андрей Васильевич. Именно на таких мелочах шпионы и сыплются. Откаты, взятки, чаевые... у местных это в крови и костях, а я и половины не знала. Мне нужно пять десятин.

Стоимость одной десятины — примерно пятьдесят рублей. Плюс-минус в зависимости от места, ухоженности, плодородности... место хорошее, но словосочетание 'Туманная лощина' само по себе повод для скидок.

Секретарь посмотрел одобрительно.

— Я... могу поговорить о вашем деле.

— Будьте так любезны, ваше благородие...

Я показала краешек второй десятки.

— Если вы будете так любезны подождать немного, — определился мужчина.

Я — буду. Что и продемонстрировала всем своим внешним видом.

Сидор Аполлонович поднялся и вышел из кабинета.

Край непуганых идиотов. Не будь здесь Ваньки, я бы мигом весь кабинет пролазила. А уж подкинуть что-то...

Раздолье для шпионов! Я начинаю понимать, почему тут террористы завелись.

— Маш, ты с ума сошла? Такие деньги!

— Ваня, цыть!

— Но...

— Ванечка, поверь мне.

— Высоко мы лезем, как бы не упасть...

— Не попробуешь — не поднимешься, — махнула я рукой.

Малыш хрюкнул, не открывая глаз, и я проверила пеленки.

Сухо. Это хорошо. А вот остальное...

— Бутылочку дай?

Ваня послушался.

Мелкий зачмокал крохотным ротиком. Кулачок показался из слинга. Сильно я его не пеленала, вообще пеленки не люблю. Руки-ноги должны быть по возможности свободны и двигаться. А как еще мышцы разрабатывать?

Матерью мне быть не довелось, но сестры с племянниками, а то и братья у меня жили регулярно. Роддом-то хороший в городе, вот, пока привезешь рожать, пока заберешь с малышом, пока пару-тройку недель на выздоровление и закупки самого необходимого...

Младенцы для меня новостью не были.

Эх, детка. Остался ты без матери... ну ничего. Я тебя не брошу. Вырастешь еще, выправишься. И с Демидовым разберемся, и талисман у него надо будет забрать. Не во имя мести, нет.

Тут несколько факторов.

Ниту, конечно, жалко, и отомстить за нее хочется. Но хочется и за себя поквитаться, и себя обезопасить. Что-то мне подсказывает, если я заберу амулет Ниты, вся власть Демидовых над рудами и жилами кончится.

А снимется ли проклятие?

Вот это — вопрос. Я бы сильно не рассчитывала. Даже если бы Демидов женился на мне, я бы оттянула окончательный расчет очень ненадолго. Мне бы пришлось своих детей хоронить.

Родить-то я бы родила, и мне бы проклятие ничего не сделало, я маг земли. А вот малышам... или уже взрослым...

Запросто.

А все жадность человеческая. Неотразимое оружие в сочетании с человеческой глупостью.

— Сударыня?

Я посмотрела на Сидора Аполлоновича.

— Ваше благородие?

— Его высокоблагородие примет вас. Сейчас...

— Благодарю вас, Сидор Аполлонович. Вы оказали мне громадную услугу.

Я встала.

Рука в перчатке, словно невзначай сдвинула уголок бумаги на столе, показывая три десятки.

Это больше обычного процента за посредничество, но скупиться я не стану. Если что — и еще доплачу. Как гласит мой личный опыт — связи среди чиновников лишними не бывают.

Сидор Аполлонович понимающе посмотрел на икебану, улыбнулся мне и предложил руку. Растем в статусе.

Кабинет его высокопревосходительства Павла Модестовича был намного роскошнее.

Тут и шикарный стол, и кресла более удобные, и ваза напольная в углу стоит определенных денег. Я такую вазу видела у себя дома. То есть у княжны Марии.

Даже если это — эрзац, все равно определенных денег она стоит.

Сам Павел Модестович встал из-за стола. Не кланялся, конечно, приветствуя даму, даже голову не наклонил, но определенное уважение ко мне проявил.

Я склонила голову.

Может, и присела бы в поклоне, но с младенцем неудобно, так что пришлось одной рукой намекающее погладить Нила по головке. Мелкий мурлыкнул что-то непонятное и прижался поплотнее.

Тяжелый, хрюшка такая. Килограмма три-четыре точно есть... тренируй, Маруся, осанку.

Если Сидор Аполлонович больше всего походил на карликового лемура — тонкий, с большими глазами и трепетными пальцами, то хозяин этого кабинета напомнил мне коалу.

Симпатичный такой, плюшевый... вроде бы травоядный.

Если не вспоминать о том, что листья эвкалипта содержат синильную кислоту. Нам, людям, миллиграммов хватит, чтобы помереть, а мишка спокойно ее лопает. И когти там тоже есть.

И клыки.

А если коала решит подраться, то достанется всем окружающим, без разбора. И людям тоже.

— Ваше высокопревосходительство.

— Сударыня?

— Мария Петровна Синютина. Из мещан.

— Рад нашему знакомству. Итак, сударыня?

— Я хотела бы выкупить у города Туманную лощину. Это около пяти десятин земли, может, больше, — просто сказала я.

А чего вилать?

Сначала определим, что я хочу. Потом — что мне могут дать. А потом будет долго и упорно торговаться.

— Туманную лощину? Зачем вам это место, сударыня?

— Хочу там устроить ферму и торговать овощами, ваше

высокопревосходительство, — я не стала скрывать. А чего крутить, лучше начать именно сейчас. И рекламу и продвижение на рынке.

— Вот как?

— Я недавно приехала в город, ваше высокопревосходительство. Продукты здесь более дороги, чем там, где я жила. Это потому, что они привозные. Местных — мало.

— Это верно. Земля у нас сплошной камень, сударыня. Не родит, что ты ни делай...

Комментировать этот факт я не стала. Мичурина на вас нет, Козлов.

— Возможно, у меня что-то получится, ваше высокопревосходительство. А может, и не получится.

— Не проще ли тогда взять землю в аренду, сударыня?

— Я предпочитаю играть своими игрушками, ваше высокопревосходительство. Не чужими.

— Хм... Можете называть меня попросту, Петр Модестович.

— Благодарю за разрешение, Петр Модестович.

— Располагаете ли вы начальным капиталом, сударыня?

— Я могу себе позволить выкупить эту землю, Петр Модестович.

— И вы в курсе ее истории?

— Безусловно.

— Считаете, что справитесь с проклятьем?

— Уверена. Сегодня же схожу в храм, поговорю с батюшкой, молебны закажу...

Высокопревосходительство прищурилось.

Опытный чиновник прекрасно понимал, что у меня есть и другие карты в рукаве, но выкладывать я их не собиралась. Если каленым железом пытаться не будут.

Церковь — и все тут.

Сомневаться в силе креста и молитвы? Здесь таких дураков нет, а то ведь и крестом по маковке могут отвесить.

— Вы немного неточно информированы. Там десять десятин, — Петр Модестович испытующе посмотрел на меня.

Десять десятин.

Почти одиннадцать гектаров.*

*- автор берет казенную десятину = 2400 квадратных саженей или 109,25 соток = 1,09 га. Использовалась до Октябрьской революции, прим. авт.

Много, конечно.

Но... под опытную делянку?

Как бы не пришлось еще докупать, уже не по такой цене...

— А цена за десятину, Петр Модестович?

— Семьдесят пять рублей, сударыня.

Мужчина хитро прищурился.

Я пожала плечами.

Андрей Васильевич мне с собой больше дал, если что. Но...

— Семьдесят пять рублей — это дорого. За землю с проклятием...

— Которое вы собираетесь снять.

— Я ведь, а не город.

Намек был понятен. Я выполняю вашу работу, извольте снизить цену? Петр Модестович пошевелил усами.

— Ладно. Допустим, шестьдесят пять рублей за десятину...

— Петр Модестович, здесь это цена хорошей плодородной земли, которую обрабатывают годами...

— Сударыня, это рядом с городом...

Торговались и рядились мы, как цыгане на ярмарке. Но я точно знала, сколько может стоить эта земля. Красная ей цена — тридцать — сорок рублей за десятину.

Сошлись на сорока пяти, ну и пусть его. Но четыреста пятьдесят — уже не семьсот пятьдесят. А мне еще людей нанимать, еще семена докупать...

Мне пообещали поговорить с генерал-губернатором... да, в ближайшее время. Сегодня или завтра. Послезавтра с утра я могу уже зайти за ответом.

Я не возражала. Раскланялась и ушла.

— Никогда не думал о таком!

Ваня поглощал мороженое большими глотками. Уже третью порцию. Я подумала, и заказала четвертую.

Сама я и с первой пока не управилась.

Сидела, ковыряла ложечкой в вазочке, хотя мороженое было выше всяких похвал. Думала.

Итак.

Земля — надеюсь, будет.

Семена.

Можно бы сегодня и отправиться за ними... хотя — нет. Сегодня мы идем к околоточному. А потом в церковь.

— Ты так спокойно с ними разговаривала...

Мне оставалось только вздохнуть.

Табель о рангах... то, что местные знают наизусть и свято соблюдают. Перед чем преклоняются. Но в меня-то это не вбито с рождения!

Как Марусе — мне плевать. Я и с царем договорюсь, только дайте поговорить.

Как княжне Марии — мне тоже плевать. Я выше многих и многих уже по рождению. И это чувствуется...

— Продадут ли нам эту лощинку?

— Ты сомневаешься? — Ваня внимательно смотрел на меня.

Я кивнула.

— Во-первых, она недалеко от города. Во-вторых, там хорошая земля. В-третьих, я мещанка. Не дворянка, у меня приоритета перед другими желающими нет.

— Кому нужна проклятая земля?

— Вот этим вопросом и зададутся многие, Ванечка. Очень многие.

— И что мы будем отвечать?

— Что крест и молитва сильнее любого проклятья.

— Это уже пробовали. Не раз пробовали...

Я махнула рукой.

— Дураки никогда не переводятся. И нас примут за еще одних идиотов, вот и все. Но когда что-то начнет получаться...

Ваня вздохнул.

— Маша, ты уверена, что мы ухватили кусок по зубам?

Я не была в этом уверена. Ни разу, ни полпразика... Но есть ли альтернатива?

— Мы попробуем, Ваня. Иначе ведь и не узнаешь, если не попробуешь.

— Так-то да...

— Доедай мороженое. Нам надо в участок. И...

Я подумала минуту, подозвала официанта и распорядилась упаковать кое-что с собой. Участок же...

Хочешь, чтобы собаки тебя любили?

Прикармливай!

Елпифидор Семенович был на месте. Сидел, что-то читал, какие-то бумаги. Я постучалась в дверь и смело вошла внутрь.

— Мое почтение.

— Мария Петровна, день добрый. Какая неожиданность!

— А мы тут мимо проходили, — разулыбалась я. — Подумали, видите вы один, голодный...

Ароматы от сумки шли такие, что околоточный едва стол слюной не закапал. Я распорядилась упаковать с собой тушеное мясо, овощи, кусок пирога — нормальному мужчине пообедать.

Конечно, околоточный расцвел. И мою историю выслушал уже более спокойно.

Так и так, ехали, нашли ребенка... что делать дальше? Да, вот этого самого ребенка.

Чем мне понравился околоточный, у него вопрос 'что делать' проблемы не вызвал. Это вам не русская, просто господи, антеллихенция. Тьфу!

Мужчина четко описал два варианта.

Есть Сиротский дом под патронажем баронессы Ахтырской. Дама она весьма строгая и порядок любит, так что проблем у ребенка там не будет. Можно его попробовать туда устроить.

Нет?

Это делает вам честь. Но тогда ребенка надо усыновлять.

Я покивала. Конечно, усыновлять. Я — могу это сделать?

Околоточный препятствий не видел. Чисто гипотетически, я — взрослая, совершеннолетняя, с определенным доходом, могу хоть пять сирот усыновить. Мужа у меня нет...

Одним словом — да.

Список документов? Вот, пожалуйста.

И документы, и куда пойти, и с кем поговорить. А лучше, начните вы, Мария Петровна, как раз с баронессы. Она дама строгая, но ради такого дела и примет вас, и содействие окажет...

Я подумала, и решила, что это не худший вариант. Начну. Как раз сегодня и начну. Куда ехать?

Да у нее собственный дом на Цветочной, 23.

Туда мы с Ваней и отправились.

Визитки!

Мне нужны визитки, определенно!

Дом баронессы мне весьма напомнил наш краеведческий музей. Два этажа, колонны, портик, хотя чего я удивляюсь? После революции столько аристократических домов национализировали...

Дворецкий, который нас встречал, выглядел ничуть не хуже его высокопревосходительства. Напыщенности столько же, одни усы с бакенбардами чего стоят.

Куда там Бэрримору в исполнении Адабашьяна!

— Чем могу быть полезен, сударыня?

— Прошу вас передать баронессе, что я хотела бы с ней побеседовать по вопросу усыновления ребенка. А также возможной помощи сиротскому приюту.

— Вы, сударыня...?

— Синютина, Мария Петровна. Из мещан.

— Я доложу госпоже. Прошу вас подождать.

Я послушно присела на указанный стул. Ваня опять встал за моей спиной.

Ждать пришлось не слишком долго, минут двадцать. Но дворецкий явно был недоволен.

— Прошу вас, сударыня. Госпожа баронесса примет вас.

— Благодарю, любезнейший, — не удержалась я.

Ответом был поклон.

Черт, опять княжна прорвалась. И выражение ее, и тон ее... молчать, холоп! Ты кому тут рожи корчишь, быдло?

Я еще раз цыкнула на себя, но — увы. Ругайся, не ругайся...

Происхождение у этого тела в крови и костях. Это все равно будет вылезать.

Госпожа баронесса оказалась высокой сухопарой дамой лет пятидесяти. Может, даже больше.

Серое платье, только материя на порядок дороже, а то и на два порядка. Дорогие украшения. Серебро и серый кошачий глаз, но

тонкость работы искупает не самую высокую цену металла и камня.

— Ваша милость, — чуть поклонилась я.

— Сударыня...

Баронесса несколько минут рассматривала меня. Я молчала. Потом дама соизволила разлепить губы.

— Интересное приспособление.

— Оно предназначено для наиболее близкого и удобного контакта ребенка с матерью, ваша милость.

— Это — ваш ребенок?

— Нет, ваша милость. Я бы хотела усыновить этого малыша, если мне позволят.

Баронесса явно была удивлена. Я иллюзий не питала, меня согласились принять из любопытства. Вряд ли кто-то из мещанок мог бы набраться такой наглости — явиться к баронессе. Неудивительно, что дама заинтересовалась. Я даю пищу для сплетен.

А если я обнаглею слишком сильно, нас с Ваней просто вытолкают в шею. Надо пройти по очень узкой грани... Но — выбора нет.

— Что ж. Присядьте, прошу вас. Мария Петровна?

— К вашим услугам, ваша милость.

— Расскажите мне, что привело вас в мой дом.

Я послушно уселась и принялась рассказывать. Историю я уже столько раз повторила, что та в зубах навязла.

Баронесса выслушала меня и кивнула.

— Я понимаю. Что ж, этому ребенку повезет обрести семью и маму. А что вы хотели мне предложить?

Я вздохнула.

— Я хочу выкупить у города Туманную лощину и устроить там нечто вроде огорода. Продукты нынче дороги... думаю, я могла бы поставлять часть выращенного в ваш сиротский дом. Разумеется, по ценам ниже рыночных.

Баронесса подняла брови.

— Туманную лощину? Возможно, вы не знаете ее историю, сударыня?

— Знаю, ваша милость.

— Тогда на что вы рассчитываете?

— Исключительно на силу креста и молитвы, ваша милость, — улыбнулась я краешком губ.

— Хм...

Баронесса встала, прошлась по комнате, подумала пару минут.

— Вы действительно мещанка, сударыня?

Я улыбнулась по-настоящему широко.

— Ваша милость, это сложный вопрос. Говорят, все мы произошли от Адама и Евы, а уж кем они были...

— Хм... Вы не похожи на мещанку.

Я молчала.

— Ваш брат похож, а вот вы — другого поля ягода.

Все равно молчу. Жду.

— Хорошо. Я помогу вам с усыновлением. Я посвятила свою жизнь спасению самых слабых и незащищенных, новорожденных детей. Если еще один обретет будущее, это неплохо. А что касается урожая... Вырастите хоть что-то в Туманной Лощине. Тогда и поговорим.

Я встала, понимая, что это — конец аудиенции.

— Ваша милость?

— Я буду ждать вас через два дня. Дмитрий!

В гостиной нарисовался новый персонаж. Молодой человек лет тридцати.

— Проводи молодых людей.

Молодые люди не возражали.

Я оставила Дмитрию все свои координаты, и мы с Ваней вышли из особняка.

— Куда теперь? — брат ждал еще каких-нибудь пакостей, но ошибся. Я от души потянулась.

— Домой, Ванечка. Домой.

Кушать, отдыхать, и — да. Стирать пеленки, ибо один младенец производит до нескольких килограмм органических удобрений в сутки.

Гадости начались дома.

Карп, твою рыбу об забор! Вот кого мне не хватало!

Не успела я зайти во двор!

Меня не было, Аришка ушла, а Петя...

— Где Петя?

Я поглядела на Ивана.

— Петька!

Долго звать не пришлось. Мальчишка вывернулся откуда-то из-за сарая, и бросился ко мне. В руках он крепко сжимал щенка.

— Маша. А это... а тут...

— Я все поняла, процедила я, разглядывая картину маслом. Ага, по бутерброду.

Во дворе накрыт стол.

За ним сидят Карп, во главе стола, моя мать рядом с ним и еще двое бугаев, таких же, как Карп. Жрут, пьют, бутыль самогона красноречиво свидетельствует, что градус веселья неуклонно повышается.

— Живо за околоточным, — прошипела я Пете.

Мальчишка с такой скоростью вылетел за ворота, словно за ним черти гнались.

— Дочка! Садись, выпей с нами! — обрадовалась мне мамаша.

Я сделала шаг вперед, распутывая слинг, чтобы можно было легко отдать Ване ребенка. Нил недовольно зашевелился, занервничал.

— Значит так, господа. Сейчас вы собираетесь и уходите отсюда. Или через несколько минут здесь будет околоточный. Господин Перелукин, вам прошлого раза было мало?

Карп медленно поднялся из-за стола.

Шаг, другой...

Мне надо бояться?

Он на это рассчитывает. А я — не боюсь. Ни капельки не страшно, почему-то.

— Что ж ты нас так не уважаешь, девочка? Даже выпить с нами не хочешь...

Громадная ладонь тянется ко мне...

— Не тронь мою сестру, гад!

Ваня становится предо мной.

Болван!

Я и ахнуть не успеваю, как Перелукин одним ударом сметает его с дороги. Брат отлетает в сторону, ударяется о стену сарая, корчится на земле... жив?

Остальное исправим...

Я смотрю холодно и спокойно.

— Это была твоя последняя ошибка.

Ответом мне становится пьяный смешок самца, уверенного в своей безнаказанности. Ладонь тянется ко мне, я ухожу в сторону.

Шаг, другой...

Карп движется достаточно проворно. Но не для меня.

Я танцую...

И сама земля пляшет под моими ногами. Я вроде бы не двигаюсь, но попробуйте поймать змею? Вы протягиваете руку, а ее уже нет рядом. Она совсем в другом месте...

Правда, змея укусит.

А я?

Если я сейчас убью его...

— Перелукин, опять нарушаем?

Ресторанное меню не пропало даром. Елпифидор Семенович, кажется, пробежал часть дороги.

На миг я теряю концентрацию. Ладонь опускается мне на плечо, небрежно отодвигая в сторону слинг, задевает крохотную ладошку, и я вижу отблеск золота.

Когти?

ЗОЛОТЫЕ КОГТИ???

— Аааааааа! — взвизгивает в небо крик младенца.

И медленно, словно в дурном кино, Карп оседает на землю.

В один миг выцветает до творожного оттенка пьяное красное лицо, белеет, теряет краски...

Он — умер?

Да, я понимаю, что он умер...

Малыш закатывается в истерику у моей груди, и я перехватываю его поудобнее, начинаю укачивать...

— Тихо, тихо, маленький. Подумаешь, кто-то помер, не плачь...

Ага, помер.

Есть у меня предположения, от чего помер означенный гад. Но...

Господи, как же удачно!

— Карпушка!!!

Мамаша с воем подбитого истребителя бросается к туше дохлого уже Карпа. Но — что там можно сделать?

Только поплакать на могилке. Туда и дорога твари!

На разборки ушло примерно два часа.

Карповы собутыльники мгновенно протрезвели, оставили околоточному все свои данные и свалили с такой скоростью, что за ними мотоцикл не угнался бы.

Мамаша перестала выть.

Теперь она сидела за столом и меланхолично заливала в себя стакан за стаканом. Бутылку (оцените глубину потрясения) эти придурки тоже оставили. Может, парой алкоголиков сегодня меньше стало? После радикальной шокотерапии? Или наоборот — пойдут, напьются, как маман? Я смотрела с интересом естествоиспытателя.

Сильна бабель.

Мне бы (судя по запаху) полстакана хватило для отключки. Хотя свою норму в этом теле мне еще надо вычислить.

В том мире я вино не любила. Просто не понимала, что надо интересного и вкусного находить в перебродившем компотике. Да и остальные спиртные напитки...

Ради опьянения?

Но это ощущение мне никогда не нравилось. Так, фу...

Интересно, как обстоят дела у этого тела. Там-то я норму знала, а здесь классику 'грамм на градус на рыло в час' еще предстоит выяснить.

Ваня лежал в доме, а приглашенный фельдшер, все тот же, Ремезов Гаврила Иванович, осматривал его.

Все было не так страшно. Но сотрясение мозга братику Карп устроил.

Козел!

Мелкий, насосавшись молока, дрых у меня на руках, и прекрасно себя чувствовал. А я пыталась сообразить, это яд — или что?

Вариантов было много, от магии до ультразвука. Ребенок-то визжал на тот момент... хотя ультра — или инфра- звуком нас всех бы накрыло. А тут загнулся персонально Карп?

Яд?

Ради интереса я осмотрела руки покойного. Насколько смогла, конечно, как бы я этот интерес околоточному объяснила?

Руки были жуткие. Цыпки, ссадины, царапины, под ногтями хоть ты сейчас пшеничку сей, а еще все это обильно поросло черным волосьем... если среди этого кошмара можно разобрать какая царапина новая, какая старая...

Да плевать мне тридцать раз на Карпа, лишь бы проблем не было!

И их таки не было.

Елпифидор Семенович, святой человек, еще раз осмотрел тело, и вынес вердикт.

— Удар хватил.

Я посмотрела с сомнением.

— Чей удар?

— А, нет... — околоточный разулыбался. — Никто его не бил, конечно! Просто сколько водку не хлещи, а конец будет. Сердце не выдержало, теперь...

— Такое случается, — авторитетно подтвердил фельдшер. — Апоплексия-с...

Я поежилась.

— Все равно страшновато. Когда вот так...

— Не переживайте, Мария Петровна, — взялся утешать меня околоточный. — Ничего от Перелукина при жизни хорошего не было, паршивый человечиска был, между нами-то говоря. Жену лупцевал, держал в черном теле, детей лупил так, что меня соседи сколько раз звали, пил, гулял, совести не знал...

— А жил-то он на что?

Не мамаша ж его содержала, верно? На десятку в месяц, ага... на водку — и на ту не хватит.

— Дядька у него конюшню держит, племянничек возчиком работал.

Я кивнула.

Ну, не самый плохой бизнес. Со своим бы как-то разобраться.

— Тоже Перелукин?

— Ефим Перелукин, да...

Я кивнула, запоминая. Чтобы не сунуться, да и не нарваться.

Мне лошади в любом случае нужны будут. До трактора здесь еще как до Китая, все по старинке, соха, борона, пахать, сеять — лошадь нужна позарез. А мне и не одна.

Запомним, и с Перелукиными вязаться не будем.

— Спасибо, Елпифидор Семенович. Ох, если б не вы, он бы точно Ванятку убил...

— Убили соколика, — внезапно заголосила мать.

Я подавила в себе желание пнуть скамейку так, чтобы она под стол свалилась. Добрее надо быть, добрее... на людях — точно. И вздохнула.

— Мать жалко.

И почему мне никто не поверил?

Околоточный ушел достаточно быстро. Ему предстояло оформлять Карпа, отвозить тело родственникам, или патологоанатому, куча проблем и дел...

А вот фельдшер остался.

Помог уложить накусавшуюся мамашу, дал ей снотворное, напросился на обед, и вообще всячески выказывал мне свое внимание.

Просекла я это быстро. А вот что с этим делать?

Придется вежливо послать.

И не в том дело, что я княжна, а он фельдшер, вот уж на что мне плевать, так это на сословные предрассудки. Но... не до того мне.

И неохота, и некогда, и вообще...

Я попала в другой мир.

За несколько дней пребывания здесь я успела столкнуться с врачами, с террористами, с разбойниками, с полозами... и при таком интересном раскладе вы мне еще дадите время на личную жизнь?

Извините, и так зае... заелась по самые уши! Какой тут, на фиг, романтик?

Только теперь надо это как-то вежливо объяснить мужчине, чтобы не обидеть.

Ага, как же.

Чем больше женщину мы любим?

Женщины, милые, учтите, что в отношении мужчин это еще более действенно. Будете стелиться тряпочкой, так к вам и относиться будут. Нет, тряпочка в хозяйстве вещь не последняя, но вами будут вытирать полы, мебель и обувь. А для украшения нужна будет во-он та стерва, которая фыркает и всячески показывает, что ты, милый, для меня где-то между котом и плинтусом. И то, кот — важнее.

Чем больше отказываешь, тем интереснее парню получить именно эту игрушку. Тут главное — отказывать стратегически верно.

А мне надо просто отказать.

Так что я честно заявила, что у меня дел по горло.

Братья, сестра (где эта швабра шляется? Убью!) еще, вот, ребенка усыновляю, теперь надо бы земли прикупить, да рабочих нанять, дом

строить, огород сажать...

Фельдшер выслушал меня внимательно.

Подумал пару минут.

— А кого вы, Мария, нанимать хотите?

— Ваня обещал... м-да...

Что бы Ваня не обещал, в ближайшую неделю ему прописан постельный режим. И не фыркать.

— А если вам с околоточным поговорить?

Я подняла брови.

— О чем?

— О должниках.

Я насторожила уши. И узнала интересную вещь.

Если кто помнит 'приключения Шурика'...

Ну что, граждане алкоголики, тунеядцы, хулиганы, кто желает поработать?

Оказывается, в этом мире прекрасно применялось то же самое.

Должники, бродяги, мелкая сволочь, не убийцы с грабителями, но всякое хулиганье... да, особой пользы от них не будет.

Но нанять их можно за какие-то копейки, чуть ли не десять копеек в день на человека плюс пропитание. Разве плохо?

Я задумалась.

— А как за ними приглядывать?

— Так к ним солдат приставляется. Если одного-двух берете, им и бежать невыгодно. Дадите взят... гхм! Поговорите на месте с начальником, он вам расскажет, и как, и кого лучше.

Намек я поняла.

— А как к этому люди относятся?

— Спокойно. Почему нет?

Почему?

Потому что мировую классику я знала. Скарлетт помните? Как на нее фыркали, когда она каторжников наняла! Казалось бы, что в этом такого страшного?

Да ерунда!

Но народ же фыркал!

Не комильфо, не принято, не благоро-одно...

А девчонке надо было грести лапами и кормить семью. И дом содержать, и вообще, с таким супругом, как у нее, выбора просто не

было. Но кто это учитывал?

Деньги она заработала. Но статус потеряла раз и навсегда.

Не леди.

Клеймо на всю оставшуюся жизнь, и еще потомкам припомнят.

Вдруг и здесь есть свои тараканы? Не то, чтобы мне надо было быть леди, но живем-то мы в социуме. И надо или приспособливаться, или сопротивляться.

— Спасибо за совет, я обязательно его обдумаю.

Фельдшер ушел примерно через два часа. Но совет я учту. Авось, да пригодится...

Вечером я не ложилась.

Сидела, ждала... дождалась.

Поздно ночью, когда за окном уже стемнело, Арина поскреблась в дверь. Хотела войти, да заперто оказалось. Я откинула щеколду и кивнула ей в сторону своей комнаты.

— Пошли, поговорим.

— О чем? — с вызовом поинтересовалась девчонка.

— О том, когда в подоле принесешь, — отрезала я.

— Не твое собачье дело.

Подзатыльник у меня получился вполне профессионально. А то ж! Не одного племянника воспитала!

— Ай!

Арина, недолго думая, кинулась на меня.

Зря.

Я уклонилась, и добавила ей пинка сзади, отчего девчонка загремела костями по кухне и кажется, сильно приложилась о печь.

— Успокоилась — или еще добавить? — жестко спросила я.

— Сука!

— Пока ты у нас носишься, хвост задрал. Что, мамочкины радости покоя не дают? Под хвостом свербит? В подоле принести хочется? Так иди сразу на панель, хоть подзаработаешь...

Арина разразилась ругательствами, но бросаться не пыталась. Урок удался

Я фыркнула.

— Садись, дуреха.

Есть и такая порода людей. Пока им по шее не надаешь, банально ничего не поможет. Не сработает.

Тебя не услышат. Но тут есть одна тонкость.

Если они тебе надают по шее, а это тоже может быть, уже они тебя никогда не услышат. Вот и думай, что лучше — рисковать или не рисковать.

С Ариной я рискнула, вспомнив, как уворачивалась от Карпа. И получилось.

Дальше — посмотрим.

Арина поглядела вокруг, но я стояла очень удобно, перекрывая ей дорогу к обоим выходам из кухни.

— Ну? Чего тебе надо?

Но за стол девчонка села послушно.

Я кивнула на крынку и тарелку. В крынке было молоко, в тарелке, прикрытые сверху, чтобы не подсыхали, сыр и хлеб.

— Ешь.

Голод — не тетка, девчонка поиграла минут пять в независимость, и принялась жевать. Я сидела напротив и молча ждала. Нил спокойно, словно и драки не было, спал у себя в колыбельке. Хороший ребенок.

Кстати — свежеекрашенный хной. И веснушки я на личико навела.... Даже не пискнул, маленький. Умничка.

Наконец, еда кончилась, и Арина посмотрела на меня с прежним вызовом. Но уже спокойнее.

— И что теперь?

— Почему ты сегодня удрала? — тихо спросила я.

— Потому что маменькины гости и меня уже замечают, — огрызнулась Арина. — Что, не понимаешь? Мне с этими уродами на сеновал неохота... и мать тут не поможет, не вступится!

Не факт, что и заметит.

— Понимаю. А брата чего бросила?

— Он шавку эту искал...

— Помогла бы найти — и ушли бы вместе.

— С чего это?

— С того, что он твой брат. А ты его бросила. Это — хорошо?

Арина независимо вздернула нос.

— Ничего с ним не... или...?

Ага, сообразила.

— Ваню едва не покалечили. А Петя молодец, спрятался.

— Ваню? — вот теперь Арина побледнела. Старшего брата она любила.

— Его. У нас есть Ваня с сильными ушибами и сотрясением, есть перепуганный Петя, напившаяся мать идохлый Карп.

— К-как? — не сразу осознала последнее Арина.

— Удар хватил. Сколько водочку не пить, а гробу быть, — сымпровизировала я.

— Туда и дорога, — Арина не стала ломать комедию.

— Кто бы спорил. А вот куда ты дойти хочешь?

— Чего?

— Вот-вот. Чего ты хочешь?

Арина задумалась.

— Ну... чтобы замуж, свой дом, чтобы, дети...

— И кто у нас жених?

— Никто, — шмыгнула носом девчонка.

— А если честно? Или мне тебя к фельдшеру за косу оттащить? Чтобы проверил?

Судя по покрасневшей морде — стоило. Мне захотелось побиться головой об стол.

Дура, ёж, какая ж дура!

— Значит так. К фельдшеру ходим. Тайно, чтобы разговоров не было. А теперь рассказывай, кто, что и как.

— Зачем?

— Арина, ты хоть понимаешь, что ты себя, фактически, лишила будущего? Что на тебе никто не женится, что этот парень может тоже тебя бросить в любой момент, что...

Промывала я мозги девчонке долго. Но выяснила пару приятных моментов.

Петтинг был. Полноценного контакта у сопляков не было, хотя парень на нем и настаивал. Но Аринка пока не давала, и то хорошо.

Имени мне не назвали — тоже пока.

К фельдшеру сходить согласились.

И с моими доводами согласились тоже.

Что надо не потискаться за сараем, а замуж. А это дело уже не в ведении парня, а в руках его родителей. И кто им понравится больше?

Сопля из плохой семьи, или помощница старшей сестры?

Успешной и богатой, что тоже немаловажно? Приданое-то Арине нужно...

А раз так — давай, помогай.

С братьями повозись, с хозяйством, мне скоро некогда будет, вот, возьми на себя часть обязанностей...

Нельзя сказать, что Арина была от этого в восторге. Но...

При неудаче она ничего не теряла. Нельзя потерять то, чего у тебя и так нет.

При удаче...

При удаче она получала хороший выигрыш.

Приданое, репутацию, свадьбу, избавление от всех нас... плохо?

Вряд ли.

И требуется всего лишь потерпеть пару месяцев, там будет ясно, стою я чего-то или нет. На это Арина со скрипом, но согласилась. И обещала с парнем хоть и встречаться, но ни до чего серьезного не доводить. Замуж ей хотелось.

Я смотрела, и понимала — соврет.

Не по злобе или глупости, просто мамашина генетика. От осинки не родятся апельсинки, знаете? Вот, Арина похожа на свою мать. Тоже пообещает, соврет, забудет, не со зла, а потому что в критический момент думает нижними полушариями. С парнями проще. Ваня слишком долго отвечал за семью, привык мозгами работать, Петя еще мелкий, из него можно что-то приличное вылепить... надеюсь. А тут самый худший вариант. Время упущено, возраст критический, да еще либидо проснулось. А его уже хлороформом не уложишь, оно уже мозг отключает. Качественно...

Но на какое-то время внушения хватит, потом придется повторять.

А потом... Выдать бы ее замуж, да и вздохнуть спокойнее.

Две дуры на один дом — это многовато.

Следующий день прошел спокойно, если не считать страданий матери.

Первым делом я взяла Арину за шкурку и оттащила в тот же магазин готового платья. А там безжалостно обломала все девичьи мечты.

Никакого розового, красного с черными кружевами, зеленого в

полоску, да, и вон то, с жутким вырезом до пупка тоже уберите подальше. Авось, оно и найдет свое огородное пугало.

В темно-синем платье фасона 'Мэри Поппинс' Арина стала похожа на человека. Конкретно — на гимназистку.

Ребенка я ей все равно не доверила, Нил начинал кряхтеть уже в первом приближении, но сумку — вполне.

Мы купили ей ботиночки из козлиной кожи, потом я подумала, и отвела сестрицу к местному куаферу. Получилось вполне неплохо.

Арине подстригли челку, вытянули несколько выющихся прядей и по-новому заплели косу. Получилась очень даже симпатичная девушка, а что тощая, не по местной моде... так что ж?

На всякую фигуру есть свои ценители.

— Красное платье мне нравилось больше.

— В нем ты бы выглядела, как дешевая девка с панели.

Ворчала Арина больше по привычке, так что я тоже не сильно спорила. Ясно же, девочка довольна.

— Я не...

— Знаю. Теперь и остальные это знают. Встречают-то по одежке...

— И ботинки эти...

— Обычные ботинки, даже почти без каблука. Привыкай, не век в лаптях ходить.

— Угу...

— А ты как думаешь? Развернемся — будешь и к каретам привыкать.

Арина шмыгнула носом и получила легонький подзатыльник.

— Еще рукавом сопли вытри. Платка нет? Ну хоть лопух возьми... высморкайся.

— Угу... куда мы сейчас?

— В околоток.

Я навестила околоточного, уточнила насчет Перелукина — проблем не будет.

Удар же.

Уже и тело родным отдали, чтобы похоронить по обычаю.

Узнала насчет заключенных.

Да, есть такое.

И тут есть интересная градация.

Вот воров, убийц, и что интересно — политических преступников, мгновенно отправляют на рудники. А тех, кто попроще, оставляют. Почему так?

Рудники, это считай, приговор.

Угольный забой, медный...

Я это отчетливо понимала. Туберкулез, чахотка, по-местному, рак во всех видах, а астма — и вовсе вроде разминки. Условия там именно, что каторжные.

А вот мелкая шушера...

К примеру, не вор, но задолжал, а расплатиться не может.

Нахулиганил. Общественный порядок нарушил.

Да и то же ворье — до определенной суммы у них есть шанс не попасть в рудники. Хотя управляющий Демидовых очень просил...

Намек я поняла.

— А если я тоже... буду благодарна?

Околоточный кивнул, и принялся разъяснять мне тонкости бытия.

Побега, убийства хозяев или еще чего такого можно не опасаться. Практически.

Да, изобретение старое, но верное. Ошейник называется. С магической меткой, по которой человека хоть в Китае найдут и поговорят строго. Или просто нашлют порчу.

Но — это ради кого-то серьезного.

А кто такая Маша Синютина?

Фактически — никто. Обычная мещанка, и только. Ради меня копы ломать не будут, так что надо подыскивать тех, у кого в городе и дом, и семья, так и спокойнее будет, и им резона нет меня убивать и в бега срываться.

Ошейник-то да, но...

Мало ли умельцев?

Маги — они не только в юртах бывают, вот, слышали, намедни...?

Елпифидор Семенович поведал мне историю про поезд, только вот концовка меня не порадовала.

Маг проверил всех, кто ехал в поезде. Другого мага там не обнаружил, написал доклад его высокопревосходительству, теперь искать будут более тщательно.

Все же маг неучтенный, не хвост кошачий.

Я согласилась, что искать надо, и поинтересовалась другими подводными камнями. Мало ли что там с должниками и хулиганами может быть? Оказалось, все сильно зависело от моего поведения. Но подробные инструкции мне дали. Пришлось половину записать, вторую кратенько пометить себе на полях записок, поблагодарить и признать себя серьезно обязанной.

Ничего, я еще добром отплачу. Сочтемся... А пока хоть обед прикажу мужчине отнести. Из хорошего трактира. Пусть кушает.

И — в храм.

Куда я идти боялась, так это — туда.

А надо.

Даже не так.

Придется...

Но страшно было до такой степени, что хоть ты иди, лопухи осваивай! общественных-то туалетов здесь до сих пор нет... может, устроить?

Интересно, а это будет считаться делом, достойным настоящей леди?

С одной стороны — деньги не пахнут, с другой — забота о чистоте и здоровье нации, с третьей... все равно позавидуют и обгадят. Не люди такие, жизнь такая.

Так что к храму я подходила с дрожащими коленками. Страшновато.

Арина мрачно тащилась следом, несла мою сумку со всяким барахлом... ладно!

Рано или поздно это надо сделать!

— Жди меня здесь.

— А мне с тобой не надо?

— Хочешь — зайди, помолись, — кивнула я, доставая из сумки легкую газовую ткань и накидывая на голову. Белую, ничего лучше в лавке просто не нашлось. Подозреваю, изначально это было или шарфом, или шлейфом, а потом, в силу обстоятельств, кусок ткани переделали в платок.

Получилось неплохо.

— А мне и голову покрыть нечем...

— Тогда точно жди здесь, — отмахнулась я. И пошла вперед.

Двери храма послушно открылись передо мной.

Вовремя я.

Служба уже закончилась, поп еще не удрал... недолго думая, я подошла к нему.

— Благословите, батюшка.

Руки сами собой сложились в нужный жест, правая поверх левой, голова склонилась.

— Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, — рука попа легла на мои пальцы.

Я молилась, чтобы ребенок его не цапнул, но малыш вовсе не ощущал опасности. Не задыхался, не нервничал, не переживал... ему было все равно, церковь вокруг или чисто поле.

Мне — тоже.

Интересно, это потому, что Христу тысяча с хвостиком лет, а полозам намного больше? Вполне возможно.

Я коснулась губами надушенной кисти. Ладно, в каждом домике свои гомики. Переживу.

И посмотрела на попа.

Ритуал был свершен, батюшка смотрел на меня.

Был он молод, лет тридцати, русоволос, сильно напоминал лицом орла, а бородой — козла. Есть такие люди, симпатичные, но борода им решительно не идет, хоть ты что делай.

— Что привело тебя в храм, отроковица божья?

Я улыбнулась.

— Батюшка... эммм?

— Николай.

— Отец Николай, я решила богоугодное дело сделать.

— Какое же, отроковица божья?

— Покупаю Туманную Лощинку, распахиваю ее под огород, буду овощи выращивать.

Взгляд у попа был откровенно непонимающим. Ну да, а добро-то в чем. И... что покупаешь?

— Туманную Лощинку?

— Да, батюшка.

— Да ты знаешь ли, отроковица, сколько людей там смерть приняло?

Я потрянула головой.

— Знаю. Но я и сама знак получила... ангельский.

— Вот как?

— Отец Николай, если вы мне минут десять уделите....

Естественно, уделит. Любопытство у священников орган не последний. Иногда даже первый на очереди.

Меня провели в комнатку, сильно напоминающую кабинет, предложили присаживаться, правда, угощать не захотели, но я и не настаивала.

— Я там была на днях. Приехала посмотреть... я местная, но уезжала. Много поменялось. Я думала, подойдет Лощинка под мои цели, или нет, и услышала плач.

— Вот как?

Я коснулась детской головки ласкающим жестом.

— Какая-то сволочь... простите, батюшка, бросила там малыша.

Батюшка кивнул. Мол, не извиняйся, чадо, и так ясно, что сволочь в данном случае не ругательство, а точная характеристика.

Я развела руками, мол, сами понимаете.

— Если уж чадо невинное выжило, значит, и нам можно.

Логика хромала, но я во-первых, женщина, а во-вторых, в церкви. Какая им еще логика нужна? У нас половина Библии вся в знамениях.

Мало ли, что туда идти не надо?

Есть знамение?

Топай и побеждай!

— А от меня-то что надо, отроковица?

— Батюшка, освятить бы Лощинку?

— Гхм...

Рисковать своей бесценной шкуркой попу явно не хотелось. Я заулыбалась.

— Я бы уж в долгу не осталась. Да и вы нечистое место прекратите в... богоугодное. — Так и хотелось сказать 'в свежеччищенное'. Прикусила язык.

— Если получится.

— Как же может не получиться? Дело-то благое!

Как-как... каком!

Это настолько явственно читалось на морщинке попо, что я едва не фыркнула.

— Батюшка, хотите — мы с вами сейчас съездим?

— Нет, сейчас не хочу. Завтра если только... вы когда хотите ее освятить?

Я подумала.

Завтра мне разговаривать с баронессой Ахтырской, послезавтра пойду оформлять землю... дня через три в самый раз было бы?

Так я попу и сказала.

Тот вздохнул, прикидывая, не составить ли ему заранее завещание. Но согласился.

Поди, откажись!

Хотя мужчина был свято уверен, что ничего не получится. Доедем, да и обратно повернем, вот и все. Я спорить не стала, такие вещи лучше делом доказывать, не словами.

Кстати, за освящение 'проклятого места' с меня взяли десять рублей. То есть назвали цену, а оплата по факту освящения.

Я согласилась.

Ладно уж, репутация дороже стоит.

Арина ждала там же, у храма.

А неподалеку отирался храмовый служка. Или — послушник? Кажется, послушник, так их называют. Мелкая шушера на посылках, из которой может и поп вылупиться.

Я хмыкнула.

— Арин, а за священника замуж не хочешь?

— Это как?

— Любому батюшке нужна достойная матушка.

— А я...

— А ты подумай, подумай... в храм сходи, приглядишься.

— Это же Храм!

— Вот, значит, и дело богоугодное, — согласилась я.

Аришка зависла. Я потрепала ее по уложенной косе, и выдохнула с облегчением.

В храм я хожу спокойно, сигналка на меня не срабатывает, ребенок тоже себя хорошо чувствует... какая ваша любимая роль в жизни?

Баба-яга в тылу врага.

Вот, так я себя и чувствую.

Но выбора-то нет!

— А как, — открыла рот Аринка. — Ну... то есть... матушкой стать...

Я хмыкнула.

Рецепт был еще из прошлой жизни.

Одна моя племянка влюбилась в парня. А того сильно библией по маковке приложило, вот, хочет человек стать священником, и хоть ты Евангелие ему на голове теши.

Ладно, желание понятное, достойное и даже заслуживающее уважения, все не политиком, или прости господи, поп-звездой.

Но девчонке-то что делать было?

Она подумала — и заделалась активно верующей. Все службы, все молитвы, все работы... ну и намекнула одному попу о своем желании. Мол, люблю, аж жить не могу.

Поп посмотрел, да и порекомендовал ее парню.

Батюшке ведь матушка нужна?

Нужна...

Обрати, чадо, внимание.

К моменту моей смерти у них уже трое детей было. Может, и больше будет. Эту историю я Арине и рассказала, с некоторыми купюрами. Девчонка задумалась.

А и пусть.

Меньше шлаться будет, больше пользы.

Вечером дом меня встретил запахом каши с мясом.

Петя расстарался.

Правда, каша частично подгорела, а мясо было жестким, как подметка, но я съела и поблагодарила. Старался ведь мелкий, готовил!

Заодно и по маман отчитался.

Та с утра рыдала и мучилась похмельем, к обеду более-менее пришла в себя, а вечером... тут и маман выползла.

— Мария!

— Да?

— Научи Петрушу готовить! Это ужасно!

Я заскрипела зубами. Ага, таких высказываний человеку и не хватает, чтобы все бросить! Нет бы похвалить! Паразитка!

— А мне очень понравилось.

— Эти помои?

— Вам никто не мешал сварить кашу самостоятельно.

Мамаша скривилась.

— У меня руки!

— И спина. И голова. И лень на шею села, — кивнула я. — Знаем, слышали. Петя, спасибо. Меня все устроило, а у матери просто похмелье. Ее сейчас хоть икрой накорми — все продукт не впрок пойдет.

И только потом сообразила, что икра-то сейчас продукт достаточно дешевый! Вплоть до того, что ей водку в дешевых кабаках закусывают. Крошат в икру лук, да так и подают... м-да.

Ладно. Замнем...

— Ваня, ты как себя чувствуешь?

— Уже намного лучше.

— Но ходить тебе пока не стоит. Арина, ты меня завтра будешь сопровождать?

— Куда?

Арина была не против, ей был интересен собственно, маршрут.

— Повсюду, сестренка. В канцелярию губернатора, нам надо узнать о нашем деле. К баронессе Ахтырской.

— А я? — подала голос мать.

— Вас я с собой взять не могу, — отрезала я.

— Почему? Я — Синютина!

— И что?

Лучше б я не спрашивала.

Мать разразилась речью на час, из которой следовало, что мы — род старинный, восходящий своими корнями чуть ли не к Рюриковичам... уж точно не моложе!

Я расшифровала так, что мамаша оценила Аринин вид, преисполнилась зависти и тоже захотела приодеться. И пошляться за мой счет.

И новую рыбку ловить надо, Карп-то померши....

Но взять это с собой? Ладно б она, как Аринка, молчала и улыбалась. Или как Ваня, моральную поддержку оказывала. Но в канцелярию?

Потом можно туда просто не приходить.

К баронессе?

Меня на порог не пустят.

Я подумала, как бы отказать повежливее, и в результате, плюнула на все. И без всяких обиняков заявила:

— Я вас с собой не возьму.

— Почему?

— Потому что вас в порядок надо приводить три дня. Минимум.

Мамаша ошалела, а потом открыла рот для второй порции возмущений. Я фыркнула и ткнула пальцем в сторону лохани с водой.

— Смотрите! Волосы упущены, руки — под ногтями хоть ты картошку сажай, приличное платье на вас тоже не вдруг подберешь... мне заниматься некогда, а в таком виде вас к баронессе просто не пустят. Сначала приводите себя в порядок, а потом уж...

— Денег нет!

— А что — вы уже все Карпу на пропой отдали?

— Мария!

Я пожала плечами.

— Перевод был недавно, матушка, приводите себя в порядок, а потом поговорим. Но в таком виде то немыслимо. Решат, что мы милостыньку просить явились.

— Да как ты смеешь! — взвилась мамаша. Но... концерт закатывать можно только при наличии группы поддержки. А ее-то и не было. Петя гремел чугунками, Ваня смотрел с осуждением, а Аришке не хотелось уступать свое место. Так что мамаша посопела, и кивнула.

— Я займусь. Надо же соответствовать!

— Вот-вот, займитесь.

Интерлюдия.

— ЧТО!?

Орал Демидов вдохновенно.

А кто бы не заорал на его месте?

Сокровищница рода Демидовых... все, все, что нажито непосильным трудом... рабочих и крестьян, ага... все в единый миг...

Ценный артефакт был доставлен в Березовский.

Туда, откуда пошло богатство рода Демидовых.

Сам Демидов собирался выехать следом за ним, задержался из-за Романова. Причина более, чем уважительная. Поди, откажи такому.

Зачем везли артефакт?

Разумеется, не просто так. Рудник с золотом на землях Сергея Владимировича, начал иссякать. То ли жила в сторону ушла, то ли просто выбрали все... надо было это проверить. И...

Проверить-то мог каждый маг земли.

Но ожерелье давало ВЛАСТЬ над рудами.

Если жила рядом, была возможность ее притянуть. А теперь?

Нет такой возможности.

И ожерелья нет.

И сокровищницы — тоже.

Хранилось оно в родовом поместье Демидовых, в сейфе, конечно, вот, пару дней назад и полыхнуло ночью. Да так все удачно выгорело, что на месте дома лишь прогалина осталась. Черная насквозь.

Обугленная.

И не только дом сгорел, подвалы под домом, управляющий на мага воздуха не поскупился, чтобы письмо доставить... все, все пропало!

Демидов решительно встал из-за стола.

Надо выезжать в Березовский.

Черт с ним, с Романовым, с расследованием, с княжной, провались она куда поглубже, да там и останься. А вот 'змеиный талисман', ожерелье, которое передавалось старшему в роду и называлось именно так...

Ясное дело, нищим и босым Демидов не останется. Род богатый, могучий, но...

Разобраться надо, что произошло.

Вот он и разберется. Самолично.

И если это чей-то умысел...

Найду — на куски порву вражину!

Демидов кое-как обуздал клокочущую ярость, и приказал позвать секретаря. Надо написать кучу писем с объяснениями. А то еще в розыск объявят.

Но как?

Кто?

Гррррр!!!

Глава 11

Дела богоугодные.

Меня баронесса осмотрела одобрительно.

Арину чуть менее одобрительно, все же озиралась та, как деревенщина в музее. И благосклонно улыбнулась.

— Здравствуйте, Мария.

— Ваша милость, — поклонилась я.

Авось, спина не переломится.

Баронесса что-то узнала обо мне и стала чуть более благосклонна. Это хорошо. Вопрос — что она узнала?

— Возьмите.

Мне протянули конверт с документами. И я не удержалась.

— Ваша милость, вы позволите?

— Разумеется, Мария.

В конверте было всего две бумажки.

Первая — свидетельство о рождении. На имя Синютина Нила Петровича. Мать — Синютина Мария Петровна. Отец — прочерк.

Плевать, для меня это свидетельство было дороже такого же по размеру листа золота. Даже платины!

— Ваша милость, благодарю! Вы... век проживу — не забуду и добром отплачу! И детям-внукам накажу помнить!

Баронесса посмотрела испытующе, поняла, что я не лгу, и милостиво наклонила голову.

— Я вам верю, Мария. Вы производите впечатление достойной молодой дамы.

Вторая бумажка — приглашение. Обычный лист белого плотного картона, только вот аристократизма в нем больше, чем в сорока раззолоченных визитках нуворишей. Очень дорогой картон, шелковистый на ощупь, с маленькой тисненой монограммой...

— Ваша милость, я недостойна!

— Это мне решать, — баронесса смотрела строго.

Благотворительный бал.

Ёжь твою рожь! Ну какой мне бал! Я и на первом-то балу чувствовала себя, как Золушка. Не в том смысле, что принца ловила, а в том, что от печки и помойки — во дворец.

Дура дурой.

И что остается сказать?

— Ваша милость, я весьма польщена, но ребенок... я не смогу его оставить.

Баронесса продемонстрировала недоверие.

Я попробовала отдать Нила Арине. Потом баронессе. Потом специально вызванной служанке.... Баронесса поняла, что я не вру, и ненадолго задумалась.

— Берите с собой ребенка. Я понимаю, вам будет сложно, но возьмите с собой еще и эту девочку, — кивок в сторону Арины. — Полагаю, она вас не опозорит.

— Ваша милость, я могу лишь смиренно благодарить вас.

Я поднялась и поклонилась, словно при дворе. Баронесса заслужила. С меня причитается, однозначно.

Ответом мне была одобрительная улыбка.

— Я верю, Мария, вы девушка умная и понятливая.

Ответом послужил второй реверанс.

Не знаю, что раскопала баронесса. Не знаю.

Но!

Мне дают возможность презентовать себя в лучшем виде. Произвести впечатление. И я этим шансом воспользуюсь.

Я — пока еще экзот. Игрушка вроде игуаны с двумя хвостами.

Простонародье, которое умеет себя вести, не сморкается в кулак, умеет поддерживать беседу, тут плюсом идет и Лощинка, и младенец, и...

Да, пожалуй, это самое верное определение.

Двуххвостая игуана. Изюминка. Без которой, как известно, ни вечеринка, ни булочка, ни женщина не интересны.

Но это и мой шанс.

Я поблагодарила и покинула гостеприимный дом.

— Маш... мы на бал поедem?

— Поедем. Только это не бал, а благотворительный вечер.

— В чем разница? — затеребила меня Арина.

— Бал — развлечение ради развлечения. Благотворительный вечер — чтобы помочь кому-то.

— А кому мы поможем?

— Для начала — самим себе. Так что — поехали.

Я решительно направилась к лавке готового платья. И не была разочарована.

Два платья удалось подобрать не сразу, но все же, все же...

Для меня — темно-зеленый строгий муар. Минимум отделки, только ленты чуть более светлого оттенка. Недостаток?

Громадное жирное пятно на подоле. Мы подумали с мастерицей, и решили замаскировать его. Нашли подходящую ткань с рисунком в виде кленовых листьев, вот, листья и пойдут на отделку. Несколько листов на подоле и пятно закроют и сочетаться будут удачно.

Арина получила более торжественное платье палевого цвета с черным поясом и черной же отделкой, и была довольна по уши.

— Привыкай, — кивнула я. — Тебе приданое еще собирать.

— В таком платье за скотиной не походишь.

— А я тебя в жены крестьянину и не отдам, — отрезала я. — У тебя повыше теперь ступенечка, запомни это.

— А ребенок... ты так и пойдешь?

Пришлось потратить еще немного денег на кусок ткани в желто-зеленом цвете. Слинг тоже должен соответствовать.

Изящно, просто, со вкусом. Что еще надо?

Туфли.

Их мы выбрали достаточно быстро, а сумочки мне и не полагается. Все будет у Арины.

— Куда теперь?

Наши покупки обещали оставить, мы за ними завтра заедем сами.

Я подумала немного.

— В канцелярию.

Арина поежилась, но... сестра сказала — в канцелярию? Значит — не дрейфь, прорвемся!

Его благородие господина Филева, Сидора Аполлоновича, долго искать не пришлось. Был на рабочем месте.

И даже встал при моем появлении.

— Мария Петровна.

— Ваше благородие...

Мы раскланялись и я посмотрела вопросительно.

— По вашему вопросу принято положительное решение.

Я довольно улыбнулась.

Ну да, небось решили так. Нашлась дура — пусть сама и разбирается. Но меня-то этот подход устраивает, а кто тут глупее, еще будем посмотреть.

— Благодарю вас за радостные известия, Сидор Аполлонович, — я расцвела улыбкой, не забыв ненароком отряхнуть пальцы от приставшей к ним грязи.

Секретарь понял все правильно и ответил мне улыбкой заговорщика. Плохо ли?

Ничего не сделал, а деньги получил?

— Думаю, завтра уже можно будет забрать документы.

Вот уж воистину: больше смазки — выше скорость. Тут главное на повороте не навернуться.

— Завтра... к вам, ваше благородие?

— Сначала ко мне, потом к Павлу Модестовичу. Я вас провожу.

— Благодарю вас, Сидор Аполлонович. От всей души.

Конверт с еще тремя десятками скользнул под бумаги. Чиновник расплылся в улыбке.

— Между нами говоря, сударыня, его высокопревосходительство господин Храмов весьма заинтересовался.

Я изобразила живейший интерес. Да и изображать не пришлось, и так было интересно.

— Разрешил землю подешевле продать даже...

Я кивнула.

Тут тоже понятно.

Так-то земля, конечно, дороже. Но многое зависит от репутации, местонахождения и прочего. Участок рядом со столицей — там за десятину можно и пару тысяч рублей заплатить. Но то ж столица!

В городе оно и еще дороже будет. А здесь-то Сибирь, земля неплодородная, да и проклятая к тому же. Вдалеке от столицы максимум, что ты получишь — это сто рублей за десятину.

Максимум.

При условии, что это будет суперухоженный чернозем. За которым поколениями ухаживали.

А тут...

Но подтекст я расшифровала.

Вот почему меня на вечер пригласили, надо полагать, там и генерал-губернатор будет. Ох...

Сама-то я справлюсь, а вот как Аришка? Надо будет ей несколько раз объяснить правила и даже порепетировать. Хотя...

Она мещанка, даже если лопухнется где-то, ее поймут. И я сейчас мещанка.

Ладно, прорвемся.

— Я смогу... лично поблагодарить Петра Модестовича?

— Да, сударыня. Я думаю, завтра с утра...

Мы раскланялись, еще раз обменялись любезностями, и я попрощалась. К немалому удовольствию чиновника, которому не терпелось остаться наедине со взяткой.

Века уходят безвозвратно, но взятки носятся всегда...

Ах, эта сила классики в приложении к нашей современности.

Дома...

Дома было весело.

— Ёжь твою рожь!

А что я еще могла сказать? Оцените картину.

Маман, в платье потрясающего, реально потрясающего воображение оранжево-персикового цвета, сидит за столом и горько рыдает.

Прическа ее полностью соответствует цвету платья. Не знаю, сколько извели хны, чтобы этого добиться, но эффект... убийственный. То ли бешеный апельсин, то ли ошизелая морковь, то ли тыква-шизофреник...

Хотя нет. Овощи в природе такого цвета не приобретают. Это чернобыльские овощи, не иначе.

Куафер уложил кудельки в какое-то подобие башни, но с одной стороны башню круто растрепали. И глаз мамаше подбили.

— Откуда дровишки? — не удержалась я.

Мамаша взывала втрое жалобнее, но куда там! Сочувствия у меня

отродясь не было, а вот любопытство...

Маман с утра отправилась по делам.

В цирюльню.

Там ее покрасили, завили и элегантно уложили.

В магазин готового платья. Подобрала себе платье и шаль... шаль валялась неподалеку. Черная, да. Но с такими вырвиглазными розами ядовито-розового цвета, что это уже не имело никакого значения. На любом фоне были бы видны только розы.

А потом...

Есть пределы людскому кретинизму?

Таки нет, как говорят у Одессе. Таки — нет.

Маман отправилась попрощаться с Карпушей!

Я подумала, что ослышалась. Поковыряла в ухе, но — нет. Так все и обстояло.

Маман отправилась прощаться с любовником.

— Не чужие ведь люди, — всхлипывала идиотка.

Это — да, не чужие. Жаль, что об этом еще и жена Карпушина знала. С порога вцепилась мамаше в волосы, подбила глаз и пинками прогнала со двора.

Платье порвала, прическу растрепала...

Маман уже успела дойти до околотка, но почему-то у нее отказались брать жалобу. Вы, дамочка, сами все понимаете, женщина мужа потеряла, женщина в истерике, в состоянии этого... эффекта!

Одним словом, иди-ка ты, мадама...

Жалобу не примем, привлекать никого не будем, свали, откуда пришла.

Точка.

Маман свалила домой и последние три часа оплакивала прическу, глаз, платье и Карпа.

Я развела руками.

— Матушка, ну куда ж вас с такой блямбой под глазом? Пусть сначала пройдет...

А если мне повезет, там тебе и второй подобьют для симметрии!

Этого я уже вслух не сказала. Но...

Слов у меня не было. Одни эмоции.

А еще вопрос.

Нельзя ли мамочку куда-нибудь того-с, пока она мне всю малину

не перегадила? Но куда?

В монастырь?

Я бы и не против, но монашек жалко. У них жизнь должна быть подвижническая, а не мученическая. Да и введу я их в грех. Ее ж через неделю всем монастырем закопают... на грядке с морковью.

— Нет у нас ничего к глазу приложить?

— Не-ету...

— Ну, вы бы к фельдшеру сходили. Вдруг у него что полезное найдется?

Мамаша вылетела за дверь.

Мне оставалось только вздохнуть.

Интересно, как с ней дети-то выжили? Не иначе, чудо Божье.

Синяк, увы, не прошел. Наоборот, стал еще более ярким, броским, отчетливым. Фельдшер не поленился лично проводить мать до дома, заверил меня в своем почтении, и посочувствовал.

Мол, никак-с.

Вот, если б сразу, другой вопрос. А сейчас уже сделать ничего нельзя, все налилось...

Это верно, такой лиловой блямбы я давно не видела.

Чудесный оттенок... неделя? Да?

Не меньше?

О, как замечательно!

Так, мирно и спокойно, под рыдания и страдания, проходил вечер. Пока Аришка не проговорилась. Про благотворительный бал, конечно.

Мамаша тут же сделала стойку.

— Я иду с тобой!

— Баронесса четко сказала, кому приходить.

— Мать всегда поймет другую мать! — с пафосом провозгласило это... кошмарище.

— Синяк...

— До бала еще время есть. Примочки поделаю, быстрее сойдет.

— И платье...

— И платье тоже есть теперь.

Я представила маман в этом жутком платье рядом с баронессой — и показала Аринке кулак.

Кто тебя, дуру, за язык тянул?

Кажется, девчонка и сама поняла, что молчание — золото, но поздно. Мамаша уже строила грандиозные планы. А я прикидывала, что можно купить в аптеке.

Либо снотворное, либо слабительное. Тут главное с дозировкой не ошибиться, не травануть старую дуру. Нейтрализовать — и хватит с нее.

Не с собой же тащить в самом-то деле? Это невозможно!

Спорить заранее я не стала, чтобы не насторожить, согласилась, что да, можно попробовать договориться с баронессой, и занялась ребенком.

А потом в ворота опять застучали.

Я пожала плечами и пошла открывать.

— У вас совесть есть?!

— Вам порционно или на развес?

Тетка опешила.

На вид ей было лет пятьдесят, то есть реально может быть лет тридцать пять. Невысокая, полненькая, в черном платье и черном же платке, она воинственно наступала на меня.

— Вы что себе позволяете?

— Я тут живу. А вас что не устраивает?

Огрызалась я без особого чувства, так, для порядка. Не устраивать же скандал? Тетка была настроена решительно, а мне только синяков не хватало. Или еще одного убийства.

— Да вы... да как вам вообще совесть позволила!?

— Да что она мне позволила? — взорвалась я. — Я вообще не знаю, что вас не устраивает?! Вас как зовут?

— Перелукина я! Анна Ивановна!

— О-ох...

До меня дошло.

— Вы, наверное, к моей матери?

— А...? — теперь уже и тетка глазами захлопала.

— Проходите, — радушно пригласила я.

Тетка так ошалела, что последовала за мной.

— Мама! — окликнула я, не заходя в дом.

— Да?

— Выйди к нам, пожалуйста!

Маман появилась на крыльце.

— Мария, что случилось?

— Это — к тебе. По вопросу Карпа Перелукина, — громко объявила я.

И удрала в дом.

А чего тут ждать? Мне и так примерно было ясно, что именно произойдет дальше. Тут, главное, дверь закрыть. А то вломятся в дом, чего-нибудь разнесут...

Ровно через минуту слышались крики, а еще через пять минут — звуки драки.

Замечательно. Мне того и надобно было.

А еще через двадцать минут появился околоточный.

И забрал обеих участниц драки в околоток.

И совесть меня ничуть не мучила.

Ни за пущенную в огород козу.

Ни за отправленного с запиской Петю.

Ни за пять рублей, которые я вложила в записку.

Зато матушка неделю, а то и две будет заниматься общественно-полезными работами. И не мешать нам жить спокойно.

Трудотерапия — лучший метод воспитания, начиная со времен неандертальцев!

Живем, ребята! Живем...

Справиться о матушкином состоянии я зашла на следующее утро. Конечно, вместе с Ариной, Ваня пока был в состоянии нестояния.

Околоточный принял меня весьма любезно. Вот что значит вовремя прикормить нужного человека! Осталось только похлопать ресницами, изображая святуго невинность и попросить:

— Елпифидор Семенович, расскажите пожалуйста...

Меня не заставили томиться в неведении.

Как оказалось, выяснять к маман отношения явилась не вдова Перелукина, та-то как раз была вполне довольна развитием событий. И тем, что муж гулял, и тем, что померши, последним даже больше, чем

первым. Но и гулянками... хоть у чертей водку пей, лишь бы не дома! Я этому не удивилась.

Карп, сволочь такая, затиранил и жену и детей. Сейчас она лишилась мужа, но родственники помогут, а без ежедневных пьянок, гулянок и колотушек жить как-то легче, не находите?

К нам же явилась скандалить сестра Карпуши.

Видите ли, оскорбило ее мамочкино явление.

Ну... понять я ее могла. Неясно только, что ее оскорбило больше — то ли появление любовницы на похоронах, то ли внешний вид означенной любовницы.

— И что теперь?

Как оказалось, за хулиганство здесь принято отрабатывать. Мужчинам — по их силам, женщинам же — шить рукавицы, рубахи, возможно, готовить...

Маман так возмущалась и орала, что ей определили две недели исправработ, в то время, как сестра Карпа (надеюсь, ее зовут не Стерлядь?) попала всего на четыре дня. Наверное, не надо было мамаше плевать, ругаться и пытаться вцепиться в лицо околоточному. Елпифидор смотрел на меня с явным сочувствием. Но — отдаю должное его смекалке, даже не попробовал предложить мне снизить маман срок за взятку. Я бы его наоборот, увеличить попросила.

Мы обменялись вежливыми фразами, я развела руками, мол, родню не выбирают, поблагодарила и ушла. Итак, у меня впереди две недели счастья.

Надо еще отправить ему обед. Или сразу на неделю оплатить? За такое — не жалко...

Так и сделаю.

— Маша, это было обязательно?

Арина заговорила, когда я уже оплатила обеды и договорилась о доставке.

— Что именно?

— Если бы ты не позвала околоточного...

— И что было бы?

— Ну...

Развитие событий Арина себе примерно представляла. Как и я.

Подрались бы бабы, потом разошлись... или кто-то из соседей вызвал бы околоточного. Нет?

Может, и нет, кто его знает. Ну, подрались бы. Дело житейское, дело обычное, в чем-то даже и неинтересное. Никто и смотреть не пришел.

Мать осталась бы дома, только в более потрепанном, но не побежденном виде.

А у меня скоро прием.

— И чем бы мама помешала?

— Я ее взять не могла. Ты понимаешь, почему?

— Но это же наша мать!

— Это не отменяет простого факта. Она бы хорошо смотрелась рядом с баронессой?

Арина промолчала. Я назидательно щелкнула ее по носу.

— То-то же. Чтобы поднять ее до такого же уровня, придется затратить уйму времени и сил. Я не справлюсь до бала. Объяснить ей это не представлялось возможным, взять с собой тоже не вариант, а если бы она сама заявила в особняк? Она могла бы?

Арина кивнула.

Представила себе описанную мной картину, как маман ломится в ворота особняка баронессы, как предстает перед обществом, выглядя при этом ошметком грязи на дорогом паркете, как разговаривает в стиле 'Перелукина', я уж молчу про алкоголизм, который не лечится ни в одном мире...

И после этого заключать какие-то договора?

Да меня выметут из дома и засыпят мой след негашеной известью! Вместе со мной.

И плевать, что я не при чем, поведение одного бросает тень на всех. Так-то...

Аринка посопела, подумала...

— Все же это жестоко.

— Почему? Мать будут кормить, поить, она будет шить, что отлично умеет... в чем проблемы?

Проблем не было. Просто Арине это не нравилось.

— Со мной ты тоже можешь так поступить?

— Ты будешь меня позорить перед всем обществом?

— Мама нас не...

Арина вздохнула и сникла, осознавая, что — да. Именно так.

И позорит, и гробит последние шансы на нормальную жизнь. А чтобы спугнуть любых нормальных сватов, им хватит просто показать мамашу.

Жестоко?

А как еще учить соплюшку?

Я потрепала ее по светлым косам.

— Не расстраивайся. Справимся мы с этой ситуацией. Но учти на будущее, все, что делаешь ты, отражается на семье. Я буду подолом махать — и о тебе решат, что продажная. Мать будет пить, и нам все наливать будут. Ты воровать будешь...

— Я не ворую!

— Ты поняла, о чем я! Один отвечает за всех! И спрос — с каждого.

— Легко тебе говорить!

— Я ничего для вас не делаю?

Арина вздохнула.

— Ну...

— Тогда — вперед!

На очереди у нас был фельдшер.

И чего мне стоило затащить к нему девчонку.

Мужчина же!

Я фигею с этой душевной простоты!

Вот извините, как мужикам по кустам подолом вертеть, так там стесняться нечего, правда? Все показать можно. А врачу нельзя, а то ведь мужчи-ина!

Заблуждения сестренки развеял тяжелый подзатыльник и жесткое объяснение. Никаких повитух.

Пусть сначала научатся руки мыть!

Не нравится?

А ведь такая справка пригодится...

Зашли, пообщались, даже осмотрелись. Правда краснела Арина при этом так, что смотреть страшно, и за меня держалась, как за последний якорь. Меня заверили, что Арина — вполне здоровая девочка. Но замуж, конечно, надо бы.

Можно уже?

Да, можно, бедра у нее вполне широкие, рожать сможет.

Я получила официальную справку и отдала ее красной, как бурак, Аришке. Девочка спрятала ее на груди.

— Не потеряй.

— Не потеряю.

— Будешь жениху предъявлять. Или его родителям.

Арина закивала. Я усмехнулась.

— Поговори со своей великой любовью. Или пусть предложение делает, или... моя сестра не девка дворовая, ясно?

Арина кивнула. Такой вариант ей нравился намного больше. Не ее берут из милости. Она — снисходит. Не она упрасивает, а ей предлагают. А она уж решает соглашаться или нет.

И статус — дочь дуры и алкоголички намного хуже, чем статус — сестра фермерши. Или предпринимательницы? Нет здесь пока такого слова.

— Я поговорю.

— Вот-вот. Давай в ближайшее время. Пусть или всерьез к делу подходит, или мы тебе кого получше найдем.

Арина кивнула.

— Не надо искать. Мы друг друга любим.

Я пожала плечами. Любовь, как духовное проявление и любовь, как физиология — вещи разные. Но сейчас у меня нет настроения объяснять это Арине. Как и стародавнюю истину, что любят-то одних, а женятся на других.

— Поехали теперь в канцелярию.

Наш старый знакомый, Сидор Аполлонович, оказался на месте. И улыбался широко-широко.

— Здравствуйте, сударыня.

— Ваше превосходительство?

— Бумаги ваши готовы...

Я едва не взвизгнула от радости. И получила в ответ улыбку.

А чего чиновнику? Денежка лишней не бывает...

— А получить их...?

— Прошу к Петру Модестовичу. Я сейчас доложу...

Туда мы и отправились.

Его высокопревосходительство принял нас достаточно ласково, отдал мне конверт с документами и даже расщедрился поцеловать ручку. Я порадовалась, что руки у меня вполне ухоженные.

А вот мужчина словно задумался о чем-то...

Но спрашивать не стал, и на том спасибо.

Я проглядела все документы, быстро пробежала их глазами и довольно прищурилась.

Все, эта земля — моя.

Официально — мещанки Синютиной, но какая разница? Я — это я, платила я из своих денег, из Машиных еще не взяла ни капли... придется, конечно.

Эх, как бы быстро заработать? И как это у других попаданцев получается? То они скрепки изобретут, то карандаш... фиг мне со скрепочкой. Здесь не дурее люди живут, давно сами додумались. Может, и чуть не такой формы, но вполне функциональные вещи делают.

Что-то посложнее я и сама не изобрету, мозгов не хватит. Поди, наштамань людям сотовый телефон, если все, что ты в нем понимаешь, это куда пальцем тыкать. А что там, в потрохах?

Как вообще микросхемы делаются?

Кто бы знал...

Остается только мой проект. И тот построен на использовании магии земли плюс мои знания.

Может быть... подчеркиваю, только может быть!

Что-то я могу перенять и от полозов. Найти новые жилы, или притянуть... я знаю, они обладали такими способностями. Но мне ли хвост поднимать?

Подозреваю, что это пока не мой уровень. А может, и потом.

Сделать что-то за счет своей магии?

Засвечусь, как новогодняя елка.

Разве что над семенами подшаманить. Ну, землю чуток плодороднее сделать. Это сил почти не требует, да и не рядом с городом происходить будет, вряд ли кто-то и что-то заметит. А и заметит, спишем на остаточный фон. Должно же там что-то остаться? После происшедшего?

Скрытность — это наше все. Точка.

Деньги таяли.

Закупить семена — полбеда. А как насчет стройматериалов?

Нужен тот же забор.

Нужны какие-то сараи для хранения всякой ерунды.

Нужны орудия труда.

Нужен транспорт.

Нужно, нужно, нужно...

Кто бы мне денег дал!?

Но вот это как раз никому нужно не было.

Оставалось ходить по городу и прицениваться, прицениваться, прицениваться...

Пока не покупать. Но я должна знать, где и что можно будет купить, когда начнется дело. И распланировать бюджет... деньги таяли, как вода.

Через пару дней, как и было назначено, я заявила в храм. Можно бы и так съездить в лощинку, и начинать постепенно работы, но лучше не рисковать, пусть в главных героях походят церковники...

Они освятили, они освободили, они хорошие, а я так, рядышком постояла.

А уж потом и поедem еще раз, и проверим, не все ли я забыла? Уже составить карту места, распланировать его, определить, где будут поля, где постройки, прощупать саму землю, попробовать ее почувствовать...

Должна справиться. Не такая уж я тупая.

Обязана.

Компания, которая нас встречала...

Сам поп.

При нем еще трое... служек? Кажется, один из них точно дьячок, а двое вроде прислуги. Дьячок такой деловитый, типа, я тут круче митрополита, а ребята лет по пятнадцать, явно служки, тащат какое-то барахло и не возмущаются.

Хорошо, я наняла два экипажа. Не на телеге ж церковников везти? Вовремя вспомнился опыт нашего мира, в котором если тебе кто из храма нужен, так он сам не придет. Ты его доставь, на своей машине или на такси, еще и заплати ему за беспокойство...

Здесь — не лучше.

Понятное дело, и доставлю, и оплачу... ладно! Мне это нужно, вот и нечего тут вякать!

Но это въедается. В кровь и в кости, в душу и мысли, я же из страны, в которой семьдесят лет было принято верить только в победу коммунизма. Какой-такой бог? Ату ненормального!

И когда все поменялось...

Вот пока церковь была в загоне, мои родители ее поддерживали. Кстати говоря. И денег давали, и нас крестили, и всякое прочее. Уж Библию-то я читала.

А как только церковь стала модной...

Увольте. Гадливо как-то...

Наверное, здесь не так. Наверное, здесь лучше.

Но — подсознание не переборешь. И ворчу я на автомате.

Все было погружено в кареты, и мы тронулись по направлению к Лощинке. А хорошо все-таки, что кареты. Дождь закапал, не сильный, но вполне приличный. Ладно, понадеемся на лучшее. Вроде он не сильный, и облачко небольшое. Авось, закончится до нашего приезда.

И кто бы сказал, что это такая зловещая местность?

Чистенько, уютненько, спокойно, птички чирикают... или мои спутники видят нечто другое?

Вроде бы нет.

Легкий туман еще остался, но такой, уютный, последождевой. Кто бывал с утра в лесу, тот поймет. Когда роса начинает высыхать, но еще не до конца высохла, когда хрустальная дымка окутывает стволы деревьев и напитывает ветки кустов, когда сквозь нее светит солнце, придавая всему окружающему нереальный вид...

Не туман, как таковой.

Испаряющаяся вода.

Солнце жаркое, влажность высокая...

Поп, вылезший из кареты, оглядывался с явным удивлением.

— Никогда тут не был...

— Отец Николай, а вы вообще местный? — не удержалась я.

— Нет, чадо. Я из другого города прислан, — священник смотрел непонимающе. Я развела руками, мол, вы меня поймите, как человек человека...

— Я ведь тоже в другом городе пожила... вот и начала смотреть чуточку иначе. Авось, и не съедят меня тут. Съездила, поглядела... не укусили.

— Ах, вот оно что... ну да, сплетни, слухи... отвратительная вещь.

— И так сильно искажает действительность! Сами придумают, сами поверят, сами напугаются, да и всех остальных напугают.

Поп меня понял.

Ну да, Лощинка, местное пугало... а есть ли чем пугать? Или там больше вранья, чем правды?

Может, там в корзине вовсе даже не василиск, а ящерица. Зелёненькая такая, симпатяшная? А молва-то раздула...

Это было понятно батюшке. Понятно мелким.

Но не дьячку.

— Отродясь это место добрым не было!

— А вы здесь бывали? — ласково уточнила я.

— Нет! Это все знают, люди здесь пропадали...

Я вздохнула.

— Здесь ли? Отец... простите...

— Питирим.

— Отец Питирим, заблуждение — это вещь, которая всем известна. Один сказал, другой поверил, еще десять подхватили. Вот и готова сплетня. А люди и правда могли пропадать, мало ли что? Мало ли кто? Удобно ж свои преступления списывать на потусторонние силы.

— Всякое, конечно, бывает...

— Вот, ребенка бросили. А рассказать можно что угодно. И что он мертвым родился, и что его украли, и... много чего.

— И то верно, чадо. А все ж слава худая об этом месте.

— Мы-то здесь. И никто на нас не нападает, не накидывается...

С этим спорить было сложно.

Маленький Нил безмятежно спал у меня на руках. Хорошо ребенку. Поел, поспал, опять поел... гадил он вполне пропорционально, но ведь и я не полная балбеска. Нет в этом мире олвейзов с крылышками, а вот определенный аналог есть. Нечто вроде сбруи с подушечками, набитыми чем-то вроде сухого мха.

Работает, чего еще надо?

Но я этим вопросом займусь, как будет время.

Резину здесь получать научились, а вот до гигиенического пояса

еще не додумались. А ведь золотое дно может получиться. Только патент надо взять.

Как говорила одна моя знакомая, памятники надо не политикам ставить, а тому, кто стиралку изобрел. Микроволновку. Холодильник.

Так, к примеру. Вы тезисы Ленина сколько раз в день перечитываете?

А холодильником пользуетесь?

Ну и что полезнее? А страны и народы своих героев не знают, нет...

Где справедливость?

Пока я философствовала и думала о грядущем, священнослужители уже все приготовили. Впереди шел отец Николай с кропилом, кажется так, за ним дьячок, с какой-то церковной утварью, за ним двое мальчишек тоже что-то несли...

— ...отче наш... — донеслось до меня.

Что они там читали, я не прислушивалась. Аришка осеняла себя крестным знаменiem, я пропускала половину мимо ушей. И то слова казались знакомыми. Явно меня в детстве учили, то есть княжну Марию. Спина словно самопроизвольно подергивалась, да и рука тоже... в те же моменты, что и у Арины. Память тела — великая вещь, кажется, оно знало, когда сгибаться, когда креститься, но если на руках ребенок — надо урезать молитвенное рвение. Я погладила малыша по головке.

Ничего, змееныш.

Ты вырастешь, станешь большим и сильным, обязательно отомстишь за мать...

Все у нас будет хорошо, обещаю.

Дрых он, кстати, без задних лап. Никак на него это место не влияло. Это хорошо, я здесь часто бывать должна, если бы малыш нервничал, нам обоим было бы сложно.

Богослужение медленно удалялось. Кажется, отец Николай прогуливался вокруг лощинки, то ли так полагалось, то ли ему самому любопытно было...

— Все равно стра-ашно, — поежилась Арина. — Понимаю все, но жутковато...

Я потрепала ее по волосам, и девчонка не отстранилась.

— Ничего. Я рядом, не бойся.

— Ты вообще такая... уверенная...

Я махнула рукой.

— Арина, у нас нет другого выбора. И вообще... знаешь разницу между эксцентричностью и хамством?

— Экс... чем?

— Надо вести себя уверенно и спокойно. Тогда любое твое поведение будет воспринято не как хамство, а как твоя личная особенность.

Арина все равно ничего не поняла, но кивнула. Мы принялись наблюдать.

Солнышко пригревало, парили лужи, постепенно уходил туман...

Лощинка выглядела мирно и спокойно, выделялось только пятно бывшего скита. Я прошлась по ней, достала бумагу, грифель...

— Ариша, поддержи малыша.

Малыш не проснулся. Но далеко сестра и не отходила. Держалась рядом со мной, рукой достать можно. Будет кидаться за защитой, если что. Я пригляделась и принялась рисовать примерный план местности. Без масштаба, но хоть прикинуть.

Потом поглядела на карту. Все же надо записать что-то или нарисовать, чтобы правильно структурировать мысли. Великая вещь — топосъемка. И кадастровым планам огромное спасибо. Смотришь на участок, и покой на душу снисходит. И прояснение в мозги.

Больше всего лощина походила на прямоугольный треугольник. Несколько холмов, поросших негустым лесом, сама лощинка, уютная и спокойная, заросшая только кустарником...

Я коснулась земли, попробовала растереть ее между пальцами.

Ну, не чернозем, но почва вполне приличная. Надо бы об удобрениях договориться, тот же навоз...

Ох, сколько ж вспоминать придется, сколько навестывать...

Ничего, учили меня неплохо. Все я вспомню, и все налажу. Справлюсь. Лишь бы никто не полез...

Освящение закончилось где-то за час, и я принялась благодарить. Красноречиво, многословно...

Как я и думала, ничего нового здесь не обнаружили. Останки скита нашли, домика... фундамент еще был цел. Я пометила себе посмотреть, может, там на старом фундаменте можно будет что-то построить. А вот вход к Ните, через который я провалилась — не нашли. Думаю, туда людям дорога и будет закрыта. Навсегда.

— Как видите, ни волков, ни нечисти, — улыбнулась я дьячку.

Тот нахмурился, но комментировать не стал. Зато высказался отец Николай, да так, что я застыла в удивлении.

— Странно здесь.

— Странно?

— Словно и есть магия, а словно и нет ее...

Я помотала головой.

— А вы, простите, батюшка...

— Не маг. Но почуять силу могу.

У меня по спине струйка пота побежала. А ведь я хотела попробовать... почувствовать... время было, могла применить свою силу. Хоть на капелюшку, хоть шажок сделать.

Как чуяла — удержалась.

Спасибо тебе, Господи, уберег и отвел!

— Может, от останков скита идет? — предположила я. — Все же место намоленное, старое, мало ли что могло остаться?

Священники закивали, подтверждая, что да. Наверное, так и есть.

— Может быть... ты, отроковица, хочешь здесь поле распахать?

Я кивнула.

— Да, что-то вроде. Пшеницу я сеять не буду, а вот огород, грядки — да, устрою... картошка, моркошка, свекла, тыква, лук-чеснок... это все надо сеять.

— А люди тут жить будут?

— Вряд ли.

— Освятить мы это место — освятили, но хорошо бы и часовенку малую поставить...

Я тут же закивала.

— Поставлю! Как только деньги будут, так и поставлю...

— Дело-то хорошее, богоугодное...

А чего б тебе его за свои деньги не делать?

И на своей земле? Выкупай рядом овраг, и вперед, камни таскать? Чего ты меня раскрутить пытаешься? Мне бы на сарай наскрести, да на

будку для сторожа, а ты часовню предлагаешь? Ноги в руки — и вперед! Не смею мешать!

Промолчала я настолько выразительно, что поп даже немного смутился.

— Как деньги будут, конечно...

Я кивнула.

— Если все успешно пойдет, так почему бы нет? Будет день, будут деньги, сейчас у меня каждая копейка на счету, я ведь не миллионщица.

И не собираюсь здесь ничего строить.

Огород — явление временное. А вот церковь... вас пусти! Мигом разнюхаете и про магию земли, и про меня... дудки!

Не дождетесь!

Сестра молчала до посадки в карету. Потом уже разговорилась.

— Маша, а ты там будешь часовню ставить?

Я фыркнула, показывая свое отношение к вопросу. Обязательно, два раза.

— Не буду.

— А...

— Арина, если они хотят, пусть выкупают у города место рядом. И ставят хоть храм, хоть что. Я эту землю покупала для земледелия, у меня все просчитано.

— Батюшка же...

— И что? Будет вредничать, я на него матушку спущу.

— Какую? Его?

— Нет. Нашу.

Арина невольно фыркнула.

— Да, мама... надо к ней сходить.

— Сходи, не стесняйся. Я тебе денег дам, купи там ей что-нибудь вкусненькое....

Арина кивнула.

Я погладила малыша по головке.

Вот ведь умники церковные! Все бы им жар чужими руками загрести. Мы тебе, чадо, освятили лощинку, не бесплатно, а теперь ты ее нам, фактически, отдай, да? А ведь так и получится.

Сколько знаю мест, которым 'святые источники', 'купели' и

'часовенки' только во вред пошли!

Понаедут, загадят всю природу, и превращается заповедный уголок в место паломничества. А уж сколько там святости...

Не мое это дело, но мне это никогда не нравилось. Значит, и здесь такого не будет. Не для того я землю выкупала! Перебьетесь, долгополые!

Сарай поставлю. Для инструментов. Забор, прочее...

А часовню... ждите, пока у меня лишние деньги появятся. Лет сто. А лучше — триста.

Но доставила священников я честь по чести, попрощалась, получила благословение — и ушла. Да, день тяжелый выдался, отдыхать пора...

Это у Арины весна под хвостом, опять на свидание ускакала. А мне бы отдохнуть...

Вот где справедливость?

Молодость есть.

Красота есть.

Даже сись... бюст — и тот есть!

А времени, сил и желания на любовь просто нет. Ребенок — и тот готовым достался, да не один! Скажите после этого, что у судьбы нет чувства юмора?

— Маша, ты уверена?

— Ванечка, мы ненадолго.

— Ну, смотри сама...

— Куда мы — две девчонки? А с тобой не страшно, ты сильный, умный...

И падкий на лесть, как все мужчины.

Ваня согласился поехать со мной к лощине. Только поворчал, что пора бы и собственную телегу с лошастью завести, надоело уж одалживаться...

Я махнула рукой.

Завести можно.

А где держать, чем кормить, кто ухаживать будет... ну и прочее такое же важное? Хорошо хоть Ваня договорился, и к нам явилась артель из нескольких плотников. Подправить дом, сарай, крышу,

забор... бригада — на все руки.

Я выдала задаток на доски и гвозди, и отправила с мастерами Аринку. А чего?

Ваня едет со мной, пусть младшая учится. От нее ничего сложного не требуется, просто посчитать, что и сколько стоит, ну и сказать мне. Примерные цены я знала, а плюс-минус пара рублей в карман мастерам...

Снявши голову по волосам не плачут.

Да и работать стоило пока мамыши дома нет. Вот уж кто бы отродясь не помог, только мешался, орал и гадил. Бывают же такие люди!

Редкостные...

Китайцам ее, что ли, запустить через границу? Пусть тоже помучаются...

Хотя — нет. Нельзя. Геноцид мне не простят.

Коняшка мерно переступала ногами, телега поскрипывала. Сначала раздражает, потом привыкаешь, как к ворчанию мотора.

До Лощинки мы доехали достаточно быстро, и Ваня впервые посмотрел на эту землю как-то.... Иначе?

Да, иначе.

По-хозяйски.

— Маша, это все ведь наше теперь?

— Да, братик. Наше.

— Просто в голову не влезает...

Я пожала плечами.

— Ну, ты пока упихивай между ушами, а я тут прогуляюсь, прикину еще раз, с чего начинать.

— Хорошо...

Я бодренько затопала в лощинку. Зашла за развалины скита, где брат меня видеть уже не мог, опустилась на колени и коснулась руками земли.

А удобная все же вещь — слинг.

Висит на тебе ребенок, а ты что хочешь делай...

Что я хочу...

А хочу я отклик от этой несчастной, измученной проклятием земли.

Что я хочу, я знаю. Пусть она теперь скажет мне, чего хочет она. А то может, проще будет ее обратно продать, пусть храм строят? Такие места тоже есть...

Я ласкала серую почву пальцами, пересыпала в ладонях, словно золотой песок, и та постепенно откликнулась. Ласкалась к рукам, словно котенок...

Давно, так давно она была заброшена...

Дело земли — давать жизнь. Растить и лелеять, беречь и холить, поддаваться людским рукам и принимать человеческое восхищение. Бережное, нежное...

Сельское хозяйство не противно этой земле.

Не всякий край подходит для него, не всякий дол, есть места, где можно сажать, или не сажать, добра не будет. Вырастет дрянь, которая не принесет пользы. Это потому, что не каждая земля, даже самая плодородная, мечтает рожать хлеб. Равно как и не каждая женщина мечтает о замужестве.

Но этой земле не были противны мои прикосновения, мои намерения... ей хотелось растить и пестовать. Ей хотелось, чтобы ее удобряли и выхаживали...

Что ж.

Так и будет...

Я медленно скользила взглядом по земле.

Здесь хорошая почва, перегной, который полыхнет урожаем. А неподалеку ручей.

Источник, который только копни лопатой, и он опять вырвется на свободу, зажурчит, заговорит... он тоже соскучился.

Когда все случилось, он ушел под землю, а ему так хочется на волю...

Понимаю, почему именно эту лощинку выбрали для скита. Здесь есть все.

Земля родит и радуется рукам, вода рядом, а вот подземных вод, считай, что и нет. То, что есть, даже критики не стоит.

Что здесь еще есть?

Могила Ниты.

Я ощущаю ее, как капсулу. Туда никому нет хода. Не знаю, как там было изначально, но сейчас это нечто вроде абсцесса. Даже рубца нет, просто горошина под кожей земли. И добираться до нее не стоит.

Пусть спит спокойно.

Это место я обойду. Или...

Прикажу поставить сверху, к примеру, сарай с инструментом? И копать никто не будет, и не удивится, что на этом месте ничего не растет. И потом, когда Нил будет взрослым...

Пусть сам решит для себя, что и как делать.

Да, здесь будут хозпостройки.

А вот и скит. Его останки совсем рядом с могилой. Это закономерно, пленницу хотели держать поближе к ее палачу. Не получилось... то есть не то получилось, что хотелось бы. Но думать надо, кого за хвост хватаешь. Это не безобидная медянка, это — полоз.

Вот и помер извращенец, а место заработало проклятие.

За пару сотен лет что сгнило, что разрушилось — земля отторгла этих людей и их дела... кстати, а где сами люди?

Ага, вот они...

Я отмечаю для себя место на плане.

Они так и лежат там, где их застиг змеиный гнев.

От Демидова-младшего ничего не осталось. Но двое охранников и двое монахов — отлично сохранились, насколько могли, конечно. Скелеты целехоньки, даже зверье не заходило сюда, их никто не тронул, кроме времени. Оно стесало плоть с костяков, выбелило их, выгладило... надо отпеть и похоронить честь по чести... м-да.

Или просто похоронить. А отпеть потом, по-тихому...

Я обдумую этот вопрос. Лежали они просто так, ну и еще полежат, ничего с костяками не будет. А вот почему их поп не заметил?

А почему он в скит не полез?

Значит, есть здесь еще какая-то магия, есть...

Хорошо это или плохо? Да кто ж его знает... разбираться будем. Мне она вреда не причинит, людям, похоже, тоже, овощи вырастут — чего еще надо?

Главное, чтобы попы не прицепились...Нет уж!

Никакой огласки!

Надо самой эти скелеты оттащить в лес и закопать поглубже. Не потому, что я такая злая, нет... просто донесут Демидову. Мгновенно. Знают двое — знает и свинья. А я не думаю, что бывший жених не в курсе семейной истории.

И так пронюхает, и так явится, безусловно. Но!

Надо ли мне встречаться с бывшим женихом?

Сомневаюсь.

Так уж легли карты, что я здесь оказалась, а вот к добру это или к худу? Кто ж его знает? Поживем, посмотрим...

Я себя сейчас чувствую как лошадь. Прискачу к барьеру, там и прыгать будем. А раньше времени чего дергаться? Только из сил выбьешься.

Кстати... а ведь не факт, что Демидов меня узнает. Сколько раз он меня видел?

Я задумалась, вспоминая дневник Марии, и суммируя мои собственные впечатления.

Раз шесть.

Прилизанную, молчаливую, уложенную и соответствующую высокому званию княжны. А сейчас что?

А вовсе не то же самое.

И загар есть, и веснушки на носу, и волосы не куафером причесаны, а скреплены кое-как, лишь бы не мешались, и одежда другая...

Да и фактор неожиданности никто не отменял.

Вот уж где-где, а здесь меня Демидов точно увидеть не ожидает, может, и пронесет. Ладно, сосредоточься, Маруся. У тебя сейчас земля...

Я скользила взглядом дальше.

А ведь полезное умение. Далеко я видеть не могу, но подозреваю, приди я к горе, да настройся... интересно, а почему маги земли так не делают? Не видят рудных жил, не притягивают их?

Надо бы почитать об этом.

Внесем в список городскую библиотеку.

Вряд ли там есть учебники по магии, но мифы, сказки, легенды — наверняка найдутся. Иногда и этого хватает.

А здесь будет хорошо...

Напоследок я снова обратила свое внимание на родничок.

Водой я управлять не могу. А вот чуток пододвинуть земляной пласт, чтобы освободить ему дорогу, попросить камень отступить в сторону...

Сложно ли это?

Я даже не чувствую.

Выглядит это так, словно я просто попросила.

Я не колдую, я не воздействую... к примеру, можно самой передвинуть стул с сидящим на нем человеком. А можно попросить: 'отодвинься, друг'. Вот, у меня второй вариант.

Отодвинься, пожалуйста...

Большой булыжник, который преграждал путь, послушно скользнул в сторону, потеснил другие камни. И родничок вырвался на свободу, зажурчал, забулькал среди камней, привычно занимая старое русло. Пусть люди не видят, где он бежал две сотни лет назад... неважно!

Вода помнит.

Вода себе дорогу найдет...

А русло я потом еще поправлю. И надо потом попробовать попросить землю прибрать эти скелеты.

Кстати говоря!

Обязательно сюда вернусь на днях.

Я отряхнула руки, выходя из транса, и встала на ноги.

Ну, нельзя сказать, что мне все это прошло даром. Голова слегка 'плыла', и координация движений оставляла желать лучшего. Но усталость была такая... приятная. Знаете, можно целый день лопатой махать, а можно, к примеру, погулять на лыжах. И там и там устанешь, но второе однозначно приятнее.

Вот, у меня как раз этот вариант.

Усталость, но хорошая. Правильная такая... словно в моей жизни появилось нечто, чего я была лишена. И мне этого не хватало.

— Маша! Ты где?

— Здесь я, здесь... тут и родничок есть, ты знаешь?

— Родничок?

— Да, смотри!

— Замечательно!

Вода — это жизнь.

Здесь нет водопровода и канализации, разве что в городе и не во всех домах, нет сетей, протянувшихся на десятки и сотни километров, есть септики, а если вода рядом, ее не придется таскать невесть откуда, тратить время и силы...

Насос?

Трубопровод?

Расходы, расходы...

— Нам дешево продали эту землю.

— Проклята, вот и продали.

Я равнодушно передернула плечами, Ваня поежился.

— Но это ведь не так?

— Мы здесь. И ничего страшного с нами не случается. Какие тебе еще доказательства нужны?

— Никаких.

— Тогда — в город. Дел — по горло!

И колесо закрутилось.

Перво-наперво я посетила околоток.

Потом вместе с Елпифидором Семеновичем навестили местную тюрьму.

Комендант, симпатичный мужчина лет шестидесяти, принял нас вполне радушно.

— Говорите, сельские работы, барышня?

— Да, Михаил Николаевич, — отозвалась я тоном примерной гимназистки.

Официально тюрьма находилась в ведении губернатора.

Неофициально — всем управлял полковник Михаил Николаевич Иванищенков, человек, по отзыву Елпифидора Семеновича, жесткий и к сантиментам не склонный.

А потому и я не стала крутить хвостом, честно выложив, что мне надо.

Две дюжины заключенных. Чтобы и заборы поставить, и кое-какие срубы, и земель заняться... должники в самый раз подойдут. Плюс двое конвойных.

Мои кормежка и оплата.

Оплата... боги!

Десять копеек в день на заключенного.

Десять. Копеек.

При том, что в месяц на прожитье надо хотя бы рублей двадцать.

Двадцать на двадцать — четыреста. Двадцать на три — шестьдесят рублей. Экономия офигенная. Даже добавляя премию конвойным, десятку в месяц...

Восемьдесят рублей, пусть сотня с учетом благодарности начальнику тюрьмы — или четыреста?

Для меня ощутимая разница. И плевать на мнение света и полусвета. Хоть обсветитесь, а денег вы мне на благородные дела не дадите.

Конечно, я была согласна.

Нанимаю!

Как правильно — договор заключать? Или что от меня требуется?

Михаил Николаевич покивал, в ответ на мои слова. Да, договор, да, заключать, вот типовой бланк, ознакомьтесь.

Я внимательно прочитала бумагу.

Но никаких неожиданностей она не содержала, уж столько-то я могла понять.

Я, такая-то и сякая, нанимаю у города Березовского на трудовые работы заключенных. Имена, фамилии, прочие данные.

Плачу столько-то в день.

Питание и охрана казенные. А с меня оплата труда. И гарантия, что это не опасно.

Конечно, форс-мажоры учитываются, но если людей нанимают на работу в огороде, то посылать их копать шахту или искать золото я права не имею. Примерно так.

Права, обязанности сторон, штрафные санкции.

Деньгами.

Только деньгами.

Но когда я попробовала прояснить последний вопрос, Михаил Николаевич только плечами пожал. Да, деньгами, а что такого? Это же нарушители закона! Кто их жалеть-то будет? И перешел к выяснению деталей.

— Доставка до места?

— До Туманной Лощинки и пешком дойти можно, тут недалеко.

Можно. Я бы и сама ходила, но с ребенком...

— Ах, так это вы ее купили?

— Я, Михаил Николаевич.

— Понятно...

Быстро сплетни расходятся. Я мило улыбнулась.

— Вчера ее отец Николай освятил. Нет там никакой нечисти.

— Вот даже как... это хорошо.

Сомнение в голосе все равно присутствовало, но не сильное. Посмотреть надо, а там и думать будем. С чужих-то слов чего петь?

— Когда работы начинать думаете?

— С той недели?

До конца этой оставалось четыре дня, так что сроки были вполне адекватные.

— Замечательно. Значит, в понедельник подходите сюда. Кормежку им могут доставлять из тюрьмы, но...

— Доставка за деньги, разумеется?

— Именно.

Конечно, я была только за. Приплачу немного за доставку, все равно деньги на кормежку государство выделяет. Разнослов не будет, но и с голода человек не помрет. Все достаточно просто. Каши, в основном. Супы, естественно, не на мясном бульоне, чаще рыба или что-то дешевое...

Ну и конечно урезки и мухлеж в пользу администрации. В этом нет ничего нового.

С утра люди приходят на работу, вечером возвращаются в тюрьму.

Я горячо поблагодарила Михаила Николаевича (минус двадцать пять рублей) в конвертике, мужчина проникся доброжелательностью и почти отечески посоветовал.

— Вы бы, барышня, Савелия навестили.

— Кого, Михаил Николаевич?

— Савелия. Купец у нас есть, Савелий Акимович Кондратьев. Не слышали о таком?

Я покачала головой.

— Я ему сейчас письмецо черкану. Я правильно понимаю, вы пока лопаты и прочую снасть не закупали?

— Не успела еще. Как раз хотела заняться...

— Вот, навестите его. Как раз что подешевле и купите...

Я наострила ушки.

И услышала еще интересные новости.

В своем мире я видела объявления типа: 'распродажа конфиската'. Да и кто их не видел, не знает... вот, Савелий тесно сотрудничал с местной полицией.

Конфискат, имущество должников, контрабанда...

У него было несколько громадных складов за городом. И по

слухам, у него можно было найти все, хоть бы и чешую с хвоста Змея Горыныча.

Почему я об этом не знала?

А потому как лавочка только для своих. Не для всех и каждого, а для тех, кто в курсе. Кто связан экономическими или другими интересами с означенным Савелием. Просто так к нему не попадешь, развернет и за порог выпнет.

И не болтают о нем лишний раз. Кому ж охота?

Ваня?

Ох, не тот у мальчишки уровень, если он и слышал звон, то точно не знал, откуда.

Почему мне посоветовали?

Произвела хорошее впечатление. Неглупой и благодарной девушки.

Спасибо Андрею Васильевичу, который раз его наука меня выручает. Вот высшая математика и сопромат не пригодились. А кому давать, сколько давать...

Ведь тоже своего рода высшая мудрость.

Еще за десятку я получила рекомендательное письмо, и тепло попрощалась с начальником тюрьмы. Я понимала, что суперменов не получу, но и не вовсе доходяг, верно?

А это неплохо...

Кормить их будут, приглядывать будут, а остальное...

Договорюсь с конвойными, суну им по копеечке малой и обозначу фронт работ. Пусть контролируют.

Ну, и сама буду стараться.

Конфискат.

Итак, что мне нужно?

Для постройки сараев и забора.

Доски, гвозди, черепица или дранка на крышу, пилы, топоры, молотки...

Для сельхозработ....

Борона, плуг, лопаты...

Ох, много всего.

Ну и ладно, если я что смогу купить подешевле, уже неплохо будет. Вот, сегодня и навестим товарища. И надо бы ломбардом озаботиться. Заложить хотя бы часть побрякушек. Жемчуг тот же, к примеру...

потом выкуплю, а пока живые деньги нужнее.

И кстати говоря...

Если я смогу чувствовать рудные жилы — это тоже пойдет на пользу. Край здесь богат золотом, а пара самородков никого не насторожат. Даже наоборот...

Мало ли что в ручьях до сих пор находят?

Но это лучше одной, без Вани. Ни к чему ему такие знания о 'сестре', нет, ни к чему.

Купец Савелий Акимович оказался купцом 'правильным' И больше всего походил на медведя, с которого кое-как ободрали шкуру. Небрежно так, меха осталось больше, чем голой кожи.

Здоровущий, чуть не под два метра, бородатый, волосатый, в простой рубахе и штанах, в сапогах и с волосами, расчесанными 'скобкой'...

На первый взгляд — типичный мужик.

На второй...

Одежда из слишком дорогих и хороших тканей, да и взгляд острый, умный, яркий. Глупые люди так не смотрят.

Маска?

Почему бы нет?

Дерите, господа, нос перед мужиком сколько влезет. А он поумнее вас всех будет, и свое возьмет.

Так что я чиниться не стала. И сделала поклон, как полагается, по всем правилам.

— Савелий Акимович, мое почтение.

— Сударыня?

Темные цепкие глаза обежали меня с ног до головы. Отметили и платье с чужого плеча, и внешность, и манеры...

— Синютина, Мария Петровна. Из мещан.

— Рад знакомству. Что привело ко мне очаровательную девушку?

— Рекомендация Михаила Николаевича.

Я протянула письмо.

Савелий развернул, вчитался, медленно кивнул.

— Что ж, барышня. Может, и найдется у меня то, что вам потребно.

— Два хороших человека всегда договориться смогут, —

отозвалась я. — Савелий Акимович, меня пока все для сараев интересует. Что толку приобретать, если хранить негде? Постройки в первую очередь, сарай, заборы, а уж потом и остальное.

Мужчина кивнул.

— Жизнь, барышня, нынче такая, м-да... народишко вороватый.

Вот уж с чем я была полностью согласна. Что у нас не могут спереть?

Как мне кажется — могут все. Вопрос в цене заказа.

Интересно, к чему клонит мужчина?

Как оказалось, к тому, что мне сторожа нужны. Обязательно.

С этим я была согласна. И мило улыбнулась. Мол, мы с Михаилом Николаевичем уже на эту тему поговорили.

Купец чуть приуныл. Внешне это заметно не было, но глаза чуть приугасли. Интересно, что — или кого он собирался мне втюхать?

Мы договорились на завтра с утра ехать на склад, и дружески попрощались.

Я посмотрела на Ваню и вздохнула.

— Давай домой, ага? Сил моих больше нет... и кушать хочу.

Ваня был со мной полностью солидарен.

Дома нас встретил... хаос.

Он же раздрай, бордель, бардак и куча других нелюбимых синонимов.

Нанятые мастеровые высокодуховно изображали бурную деятельность. Работа при этом с места не трогалась, вот еще не хватало! Трудиться там, где можно дурака повалить? Или дурочку, учитывая мой пол?

Артельный подошел ко мне вразвалочку и сдвинул кепку на затылок.

— День добрый, хозяйка. Ну, что я скажу... работы тут — непочатый край.

— Неужели? — прощбетала я.

— А то ж! Доски гнилые, дранка...

Я слушала молча, зверея от злости.

Значит, развод обыкновенный классический. Договаривались на одну работу, а теперь мне объявляют, что фронт работ втрое больше,

соответственно, и оплата тоже, а если не нравится, так они сейчас и уйдут восвояси.

Арина вышла на крыльцо, сделала большие глаза и развела руками. Мол, я не ожидала. Я махнула рукой, показывая, чтобы малявка шла в дом.

Посмотрела на Ваню.

Тот слушал, как загипнотизированная змеей птичка.

Не подмога.

Ну, тогда своими силами.

Я дослышала, кивая в особо экспрессивных местах и наблюдая, как глаза артельных становятся все маслянее. Явно довольны.

А что?

Сейчас артельный разведет эту дурочку на большие деньги, а работы не так много...

Мужчина закончил перечисление наших бед и теперь ждал от меня реакции. Я помолчала пару минут.

— Федор... как по батюшке-то?

— Силантьевич я.

— Ага, Федор Силантьевич...

Я нежно улыбнулась.

Артельный занервничал, понимая, что где-то ошибся. А я заговорила.

Коротко и ясно, в основном, прилагательными с небольшими добавлениями существительных, характеризуя артельных скопом и выводя их происхождение никак не от Адамы и Евы...

Был у меня случай.

Меняли в доме стояки... ох, как же мне сантехники нервы потрепали! Кто б знал!

Потом явился сосед сверху, майор в отставке, поглядел на весь цирк и высказался.

Душевно так...

Минут на пять.

Я слушала, как песню. Сантехники тоже.

Заметим, ровно через полчаса все сантехнические работы были закончены.

Вот, примерно это я сейчас и воспроизвела. Может, с небольшими отклонениями, но доходчиво. А потом добавила, что бездельникам и

лентяям не заплачу ни копейки.

Более того, приглашу независимых экспертов. К примеру, из околотка. И послушаю, что скажут они и в каких выражениях.

Ровно через полчаса работа закипела.

Из забора выламывались старые подгнившие доски, ставились новые, кто-то полез на крышу сарая...

Так-то. Я вас, паразитов, научу любить родину. Во всех позах!

Интерлюдия.

— Значит, ничего странного или необычного в этой Лощинке не было?

— Нет, ваше преподобие.

Отец Николай отчитывался вышестоящему начальству.

Протоиерей Алексей слушал внимательно. И про обход лощинки, и про ощущения...

— А магия?

Отец Николай положил на стол небольшую сферу.

Вроде бы стекло.

Толстое, темное, глубоко внутри с белым туманом...

— Остаточная. Некогда там было что-то... может, даже опасное, но сейчас эта земля чиста.

— Вот даже как...

— Да, ваше преподобие.

— Интересно, откуда девушка могла это знать?

Отец Николай развел руками.

— Я побеседовал с ее родственниками, в частности, с матерью девушки. Мария Синютина не была в городе вот уже лет пять, жила у тетки... по приезду решила поправить положение своей семьи, устроить огород и торговать овощами.

— Забавная затея...

— Ваше преподобие, идею купить землю подал ее младший брат. Иван Синютин. Он же и рассказал про лощинку. Мария съездила, посмотрела, и решила купить землю.

— Так просто?

— Да, ваше преподобие.

— Хм...

Протоиерей задумался.

С одной стороны... в Лощину и правда никто не совался.

С другой...

Любое проклятие не вечно. Кто первый перестает бояться, тот и снимает сливочки. Это как игра в рулетку, черное или красное, чет или нечет... подозрительного тут ничего нет.

— Полагаю, она обратилась в храм для того, чтобы люди не боялись там работать, — добавил отец Николай.

— Неглупо. Даже начни она кричать, что Лощина безопасна, ей никто бы не поверил. А сейчас мы выглядим так, словно сняли проклятье... кстати, вы там строений не видели?

— Видел. Останки скита и еще одного домика.

— Внутрь не заходили?

— Побоялся, ваше преподобие. Погнило все, того и гляди рухнет... дверь и то открывать было страшно.

— А девушка туда не заходила?

— Туда уж давно никто не заходил. Очень давно, я специально посмотрел, ваше преподобие. Там видно было бы, мох растет по всему дому....

— Я-асно...

Протоиерей размышлял о чем-то своем. Минута, две, пять...

Отец Николай не мешал. И дождался.

— Вы договорились с девушкой о встрече?

— Нет, ваше преподобие.

— Почему?

— Она обещала прийти на службу.

— Это уже неплохо... а что она собирается с домами делать, не говорила?

— Нет, ваше преподобие. Только про огороды... я предложил ей поставить часовенку.

Протоиерей фыркнул.

— Полагаю, она не согласилась?

— Ваше преподобие, — замялся отец Николай.

— Мещанка же! Откуда у нее такие деньги?

— А на землю? Ваше преподобие...

— Ей продали все подешевле. Это же проклятое место, чиновники полагали, что все скоро опять вернется в казну. Думаю, надо поговорить с девушкой.

Отец Николай уважительно молчал.

Начальство рассуждать изволит!

— Возможно, ей окажется полезна добрая пастырская поддержка. Я обязательно поговорю с девушкой. Навестите ее, отец Николай и передайте мое благословение.

Отец Николай склонил голову.

Читай — приглашение на randevu.

— Как прикажете, ваше преподобие.

Ответом ему была доброжелательная (кто б сомневался) улыбка и благословение. Работай, чадо, работай.

Во благо Церкви и представителей ее!

Глава 12

Дела семейные и церковные

— МАААААААШАААААА!

Я подскочила, как ужаленная.

Арина влетела растрепанная, рыдающая...

— Что случилось? — перехватила я девочку.

Сестра уткнулась мне в плечо и разревелась вовсе уж жалобно.

— За чтооооооо?!

Я погладила ее по волосам. И незаметно оглядела.

Так, одежда в порядке, не порвана, волосы растрепаны, моська зареванная...

Не изнасиловали и не избили. Уже хорошо. Остальное разгребем.

— Что случилось, зайка?

— Мыыыыыыы....

Как я поняла из последующих рыданий и страданий, Арина сообщила любимому человеку о моих словах. Так и так, жениться — женись, а блудить не смей.

Хочешь меня?

Делай предложение по всей форме.

После чего услышала о себе много нового и интересного.

И что погулять с ней еще сойдет, а жениться — дураков нет. И что с ее мамашей не стоит рассчитывать на нечто лучшее.

И про ее семью, и про внешность, и про Крым, и про Рим, и про попову грушу...

Девочка такого не ожидала. И сейчас ревела в голос, оплакивая первую разбитую любовь.

Я вздохнула, и погладила ее по голове еще и еще, пока та не успокоилась. Относительно, конечно, но хоть реветь буренкой перестала.

— Было бы из-за чего рыдать...

— Что?!

Такого она точно не ожидала.

— А что ты потеряла? Девственность?

— Нет! Что ты!

— Тогда в чем проблема? Как зовут сокровище, если что?

— Ееееееегооооорууууушкааааа...

Я фыркнула.

— Ну и? Вот объясни, что ты потеряла? Иллюзии?

— Чего?

— Мечты, в смысле...

Аришка подумала пару минут.

— Ну... я думала, он на мне женится.

— И уведет тебя из дома, в котором невозможно жить. Я понимаю. Но сейчас-то что не так? Жить можно, Карп померши, мать делом занята, мы работаем... что тебя так не устраивает?

Девчонка задумалась. Да уж, мыслительная деятельность — лучшее средство от переживаний и страданий. Можно бы и физическую добавить, но огород вскапывать уже поздно.

— Хм...

— Устраивает?

— Ну... да.

— Из дома бежать не надо. А представляешь, вышла б ты за этого кренделя замуж, а он бы такой сволочью оказался? Вот наплакалась бы...

Арина хлюпнула носом.

— Обииииидно!

— Обидно было бы жизнь на дурака потратить. А вовремя понять, что повезло — не обидно.

— Повезлоооо... теперь все надо мной смеяться будут!

Я фыркнула еще раз.

— Если мы добьемся успеха? Знаешь, как будут смеяться над ним?

— Как?

— Как над дураком, который упустил такую девушку!

— Какую?

— Умную, красивую, богатую и перспективную.

— Яаааа?

— А кто? Будем работать — все будет.

На обработку соплюшки ушло минут сорок. Но спать она

отправилась вполне спокойная и решительно настроенная. Работать и помогать.

Лучшая движущая сила для обиженной женщины — желание дать пинка по мужской заднице. Обидели, вот Аришка и разозлилась. И будет теперь носом землю рыть, чтобы доказать...

И докажет. А я вовремя скорректирую ее энергию в нужное русло. Как еще можно умыть парня, с которым рассталась?

Да не надо пускаться во все тяжкие!

Надо стать такой, чтобы он захотел тебя вернуть. Или хотя бы раз пожалел о разрыве. Арине это удастся, при моем содействии. Пусть работает над собой, пусть учится, а жениха найдем, невелика проблема.

Главное, нужный накал поддерживать. А это я еще и с братьями поговорю. Помогут.

Да, вырастаю я в эту семью, вырастаю... ну и что? И им хорошо, и мне нравится. И не могу я их уже бросить. Свинство это будет распоследнее.

Так что...

Надо наращивать мышцы.

Я не настолько наивна, чтобы мечтать. Я не смогу долго оставаться в тени. Рано или поздно я из нее выйду и столкнусь с отцом. С Демидовым.

Еще с кем-то.

К этому моменту я должна быть готова.

Как?

А вот так же, как Аришка!

Учиться, учиться и учиться еще раз.

Первое — моя сила. Я должна правильно ее использовать.

Второе — магия полозов.

Третье — деньги.

Четвертое — интерес.

Будем честны, прикрыть меня и от отца, и от Демидова сможет только государство. Но пока я ему неинтересна, разве что как объект для исследований. Надо предлагать нечто большее.

К примеру, программу, семенной фонд, работу по его улучшению...

Этому меня научил мой брат, кстати. Старший загремел в армию, отпахал два года и матерился. Добрых слов у него не находилось. И дедовщина, и беспредел, и... Младший посмотрел на него, подумал, и

пошел в гараж к соседу. Учиться.

За два года до армии он так наострился с машинами, хоть ездить, хоть чинить, что был уже не пушечным мясом, а ценным ресурсом. И проблем никаких не возникло. Нельзя сказать, что он два года радовался жизни, но уж точно не горевал.

С техникой возился, командира роты катал, и поди его, построй! Тебя потом самого построят в три шеренги!

Вывод прост.

Надо иметь за душой что-то нужное и полезное. Тогда ты в любой среде пригодишься. Смогу ли я 'нарастить мышцы'?

Обязана.

Так что баиньки. Завтра рано вставать.

Я плюхнулась на кровать рядом с Нилом и протянула мелкому палец, в который тот во сне и вцепился. Хватательный рефлекс у змееныша был развит замечательно. Уцепился, засопел, и все в порядке. Мама рядом...

Мама...

Да, мама.

Я сделаю все, чтобы Аниту он не забыл, но я действительно обросла в Березовском семьей. А не пошли меня сюда судьба в лице Андрея Васильевича?

Эх...

Спасибо тебе, друг... покойся с миром. Я тебя помнить буду. И благодарной буууууду... если челюсть не вывихну при очередном зевке. Спать!

— Маша, завтра воскресенье.

— Да?

— Да.

Я потрясла головой.

Закрутилась я так, что самой становилось страшно.

Пока купишь стройматериалы, пока инструменты, пока о доставке договоришься, пока...

Не администратор я! И организатор из меня так себе! Но крутиться надо! Нужда заставит — не так извернешься.

Только сейчас я поняла, в чем у меня преимущество.

Мышление.

Я не могу сказать, что люди здесь глупее, или менее развиты, нет. Но мыслят они иначе.

У них другая логика, другое восприятие... этим я и пользовалась. И договаривалась, договаривалась, договаривалась...

В понедельник грянет начало работ. А завтра... какие у меня планы?

— Сходить в церковь.

— Да?

Я с интересом поглядела на Ваню. С чего бы вдруг того бы? Нет, я не против, в церковь ходить надо, но почему именно сейчас?

— Маша...

И взгляд такой укоризненный.

Я вздохнула.

Ладно, церковь здесь — сила. Не так, как у нас, в России, здесь они реально круты. И урыть слишком умных могут в три минуты.

Сходить, что ли?

Где-то я что-то такое читала.... Церковь, как признак социализации, или церковь, как статус ВК...

В том смысле, что в Риме надо поступать, как римлянин, а не щеголять голым афедроном. Тогда и последний цел останется.

Если все здесь ходят в храм, то и я буду. А что?

Надо!

— Ладно. Пойдем.

Ваня кивнул.

— Да, а то мы давно не были... это плохо, сама понимаешь...

Осталось только вздохнуть. И порадоваться.

Вовремя спохватилась. А то сегодня ей некогда, а завтра что? На костер еретичку? Эх, не приучали нас к церкви, вот и не думаю я о ней. А ведь серьезный институт, лучше с ним не ссориться.

Решено.

Идем семейно в церковь!

Забавно.

Где я только не побывала, даже на балу у императора, а вот в церковь ни разу не заходила. Но разницы не было никакой.

Хоть у нас, хоть у них...

Хотя — нет.

Это на первый взгляд все одинаково. А так...

Золота здесь поменьше, иконы чем-то отличаются, наверное, каноны другие, вот и выглядят они чуть иначе, и киосков нет.

Вот!

Главное отличие!

У нас-то чуть не в самом храме торгуют, а часто и в нем. А здесь нет такого. Если надо что-то купить — лавка за пределами территории храма. Понятное дело, тоже церковная. Но как-то это чуток приличнее, что ли?

Все же, Христос гнал торговцев из храма. И наверное, был прав?

Мы купили свечки, а я потихоньку прикупила себе и Нилу дешевые медные крестики. Мой-то не наденешь...

Больше всего я боялась за Нила. Мало ли? Станет мелкому плохо, и что тогда делать? Срочно удирать? Вон у меня, знакомый чуть анафилактический шок в церкви не схлопотал. Аллергия на что-то открылась. А тут — полоз...

Но малыш дрых сурком, даже не проявляя желания покапризничать.

Мы вошли потихоньку, встали в уголке и принялись слушать.

Служба только что началась, мы не много пропустили. Священник читал молитвы, мы в нужных местах крестились и кланялись...

Вот!

Еще разными были тексты молитв.

Ни 'раба Божьего', ни вечного 'Господи, помилуй' здесь не было. Что мне понравилось — 'отрок' и 'вразуми'.

Может, и правильно.

Чего тебя миловать-то? Тебе уже мозги дали в качестве милости. Попробуй, воспользуйся, вдруг понравится? А то как в анекдоте получается. Мечтал-мечтал в лотерею выиграть... ну так хоть билет купи! Мечтаешь о хорошем, так пользуйся тем, что уже есть. А там и еще что приложится...

Да и бабки тут были поспокойнее. Не такие истеричные и злобные. И не косились, как на врагов народа.

Мне — понравилось.

Не могу сказать, что на мою душу покой снизошел, или

вдохновение, или что я не жалела об упущенном сне, но в сравнении с церковью своего мира, здесь было вполне прилично. Меня все устроило.

Служба закончилась, и мы стали по очереди подходить под благословение. Дошла и до нас очередь.

Я подождала всех своих младших, и мы вместе вышли из храма.

— Домой или погуляем?

Ребята задумались. Я улыбалась.

Ладно, можем и погулять, если что. Дети же... хоть и рано они повзрослели, а все равно — дети.

— Вы поглядите, люди добрые! И хватает же у продажных девок наглости в Храм ходить!

Прямо перед нами, подбоченясь, стояла бабенка лет сорока... то есть так ей может и на десять лет меньше быть.

Явно мещанка среднего достатка. Не платье на ней, а юбка с блузкой. Хорошие, дорогие, но какие-то.... Или не по фигуре они сшиты, или фигура такая корявая?

Смотрится откровенно не очень, могло быть и лучше.

Деньги есть, а вкуса нет. Бывает...

Хотя так себе — симпатичная. Волосы русые, глаза большие, серые, лет двадцать назад наверняка красавицей была.

Арина пискнула и вцепилась в мою руку. Ага, кажется, я поняла, откуда наезд идет. Но отвечать-то надо! Иначе вовек не отмоешься, а народ начинает прислушиваться. Народ жаждет хлеба и зрелищ!

— Конечно посмотрим, — согласилась я. — Куда смотреть-то?

Тетка на миг опешила. Не знаю уж, чего она ждала, может, что я начну смущаться или мямлить, но я испытывала только веселый азарт.

Врешь, не возьмешь!

— Ты, что ли, Машка Синютина?

— Мария Петровна, к вашим услугам, — обозначила я не поклон, а скорее, вежливое наклонение головы. — А вы, сударыня, кто?

— И хватило ж у тебя совести в храм прийти?

Ну — нет. В таком ключе мы беседу точно вести не будем.

— Если я вам, любезнейшая незнакомка, чем-то насолила, извольте объясниться. Если нет — идите своей дорогой. А затевать базарную склоку у Храма — гадко!

Народ одобрительно зашумел, подтверждая, мол, да. Гадко! И вообще — неча тут! Говори прямо, хватит крутить! Всем ведь

интересно!

Скандалистка и не подумала притормозить. Но тут за ее спиной появился парень.

М-да...

Рост — не означает, что в мозги хоть что-то проросло. Часто такие кадры до старости спинным мозгом пользуются. Вот и здесь...

Почти два метра. Волосы светлые, глаза светлые, прыщи по периметру физиономии... у Аришки настолько нет вкуса? Или она просто не надеялась на что-то лучшее?

Я повернулась к сестре.

— Это и есть Егор?

Народ наблюдал. Арина закивала.

— Даже и не проси. — И опять к женщине. — Любезнейшая, я вынуждена вам отказать. Моя сестра не выйдет замуж за вашего сына.

Тетка квакнула.

Такого она точно не ожидала. Я громко развила успех.

— Молодой человек, я понимаю ваши чувства, но Арина еще слишком молода и неопытна. Будьте добры не преследовать ее. Пусть повзрослеет.

— Нужна она мне! — возмутился парень.

— Вот и ладненько. Арина, ты слышала?

— Да...

— Сударыня?

Тетка от неожиданности кивнула.

— Да...

— Отлично. Не смею вас задерживать, — я развернулась и пошла прочь, когда баба опомнилась и завизжала мне в спину что есть сил.

— И мать у тебя гулящая, и сестра гулящая!

— И особенно гулящей она стала, как вашему сыночку от ворот поворот дала, — громко припечатала я. — Аришка, не плачь, в жизнь я тебя в эту семейку не отдам!

Народ грохнул смехом.

Тетка побагровела.

— Да что б я своему Егорушке да разрешила на такой жениться?!
Никогда!!!

— Конечно, никогда! И свататься пусть не приходит. Не для него я сестренку ращу, кого приличнее найдем!

— Да кто б еще позарился!

— На красивую и умную девушку с хорошим приданым? Авось и найдется кто поумнее вашего сыночки, — отрезала я.

— Ты, чадо, не много ли на себя берешь? Господь наш, Иисус Христос простил блуднице ее грех. А ты, значит, себя выше Него поставила?

За нашими спинами, словно из-под земли вырос поп. Я прищурилась на него, но спорить не стала. А тетка и подавно.

Задержалась и попыталась удрать.

Не дали.

— Злословие не меньший грех в глазах Его, нежели убийство. Помни об этом, чадо божье...

Тетка закивала — и удрала с рекордной скоростью, даже не пробуя попросить благословения. А я повернулась к попу.

— Благодарю вас...

— Отец Игнатий.

— Благодарю вас, отец Игнатий.

— Поверьте, это был мой долг. Могу ли я пригласить вас в гости — ненадолго?

— Конечно, можете, — кивнула я. — Мне бы сестру успокоить...

Ага. А еще если поп всем показывает, что он на нашей стороне, значит, там и правда все в порядке. А вот у оппонентов — нет.

Примерно так и мыслят местные люди. Отказываться нельзя ни в коем случае.

Я крепко взяла за руку Петю и пошла вслед за попом. Сзади Иван вел под руку Арину, и негромко, но отчетливо (молодец, братик, моя школа) успокаивал ее.

— Не переживай! Маша правильно говорит, не отдадим мы тебя в эту семью! Они ж тебя сожрут, не глядя! Ужасные люди! Я понимаю, любовь, но такое счастье тебе и даром не надо, и с доплатой не надо...

И когда что успел перенять?

Вот, подражатели малолетние!

На первом этаже церкви мы задерживаться не стали, прошли в боковое крыло и поднялись на второй этаж. В комнаты, которые вполне пристали бы какому-нибудь купцу средней руки. Типичный деловой

кабинет.

Туда нас и провели.

— Мария Петровна, если вы позволите...

А куда я денусь? Позволите, не позволите... приказы надо уметь красиво оформлять просьбами. Отказ от беседы, я так понимаю, не предусмотрен.

— Мои родные?

— Подождут вас тут.

— Просто подождут? — прищурилась я.

— Просто подождут, — подтвердил мужчина.

Ну... тогда ладно.

Я склонила голову в знак согласия, успокаивающе всем улыбнулась и пошла за мужчиной. Отец Николай привел меня в большой кабинет.

За столом сидел мужчина лет шестидесяти, осанистый, седобородый, с пронзительными голубыми глазами.

Я, недолго думая, поклонилась.

— Благословите, отче...

Благословение мне подарили. И вежливо поинтересовались.

— Мария Синютина, не так ли?

— Так. Эммм...?

— Протоиерей Алексей.

Я мысленно скрипнула зубами.

Протоиерей. Один из высших местных церковных чинов...

Ну, держись, Маруся! Ёжь твою рожь, попала!

Надеюсь, на лице у меня ничего подобного не отразилось.

— Ваше преподобие.

Как обращаться и как кланяться, я знала. Осталось выяснить, какого черта от меня нужно этому типу. Протоиерей, очень жирный церковный чин. И общаться с какой-то мещанкой?

У груди недовольно завозился Нил. Я погладила его по рыжей головке.

— Это и есть ваш найденыш?

— Он самый, ваше преподобие.

— Богоугодный поступок, чадо. Говорят, за одного сироту пригретого, Господь наш семерых своих дает.

Я едва не фыркнула вслух.

Если за каждого пригретого мне семерых отжалуют... двадцать восемь штук получится? И парочку можно за маман добавить... пора открывать детский сад.

И — вешаться. Но вслух я это говорить постеснялась.

— Я в тот момент о таком не думала. Не бросать же ребенка на гибель?

— А это вдвойне зачтется.

Тридцать детей медленно трансформировались в шестьдесят. Брррр...

— Но хотелось бы знать, где ты его нашла? В лощинке — или на перекрестке?

Хм...

В околотке была озвучена одна версия, мамаше другая, мне дают понять, что я под колпаком? Получи в обратный зад, как говаривала моя подруга.

— Наверное, в лощинке, ваше преподобие.

— Наверное?

— Я на тот момент и не подумала... мы как раз перекресток проехали, а мне... понадобилось. А он в кустах лежал, я точно не знаю, лощинка там или уже нет... совсем рядом с перекрестком...

— Вот оно что. А при нем ничего не было? Может, записка какая, или на рубашечке что вышито?

— Да он в кусок тряпки был завернут, — вознегодовала я. — Какие там записки! Простите, ваше преподобие.

Протоиерей закивал.

— Хорошо, что вы сироту усыновили. Но не помешает ли вам это в жизни?

Я посмотрела коровьими глазами. Мол, чем помешает-то?

— Вам, Машенька, и свою жизнь хорошо бы устроить. А с ребенком на руках это всяко сложнее...

Я пожала плечами.

— Я о таком и не думала, ваше преподобие. Но к чему мне мужчина, который не любит детей?

— Чужих детей...

— У меня еще и младшие есть. Которые мне родные, а ему чужими будут.

— И слухи пойти могут. Что это ваш внебрачный ребенок.

Я пожалала плечами.

— Дойду до любой повитухи, она и удостоверит, что я этого ребенка родить не могла, — едва не добавила: 'по техническим причинам'. - да и клятву я всегда могу дать.

Кажется, протоиерея это чем-то не устраивало.

Хотя...

Все тут понятно.

Как можно управлять человеком?

Страхи, слабости, привязанности... последнее есть и у меня. Но поди, упрекни меня за любовь к младшим братьям и сестре?

Протоиерей помолчал.

— Говорят, ты землю купила, чадо?

— Да, ваше преподобие.

— Странно, что тебе ее продали...

— Так место-то проклятым считалось.

Кто б мне хорошую землю отдал? А вот такого 'кота в мешке' — запросто. Заодно и с города лишнюю проблему сняли. Есть у тебя на балансе такое 'аномальное' местечко — так с ним что-то делать надо, хоть какие мероприятия проводить. А выкупили его?

И хорошо, пусть у других голова болит.

— Я знаю, что отец Николай проклятие снял, — мягкость голоса наращивалась и наращивалась.

Интересный поворот. Ага, снял он. Пусть спасибо скажет, что с Анитой не встретился, а то бы полетели клочки по закоулочкам.

— Думаю, всему городу это известно будет, ваше преподобие. И правильно, нет ничего сильнее молитвы и веры.

— Правильно мыслишь, Машенька, — голос уж вовсе замаслился, хоть ты на нем картошку жарь.

Эх, спросить бы сейчас в открытую, какого черта вам надо? А нельзя... дипломатия. И — нет, это не когда тебя бьют дипломатом. Но намеки я себе позволила.

— Все мы рады помочь церкви, разве нет?

Только конкретно — чем, как, сколько... и что я за это получу? После семидесяти лет коммунизма я предпочитаю не церковно-приходские отношения, а товарно-денежные.

— Не всегда. Но я рад, что ты, отроковица божья, так думаешь.

— Думаю, — подтвердила я.

— А коли так... что ты думаешь насчет часовенки? Отец Николай сказал, что разговаривал с тобой.

Я кивнула.

— Да, разговаривал. Ваше преподобие, рано пока об этом говорить.

— Да?

— Конечно! — кивнула я. — Так-то я не против, но денег у меня на это нет, сами знаете, наследством я распоряжаться пока не могу, да и не хватит его. Это ж не три сарая сколотить.

Тут священник был со мной полностью согласен.

— И... простите, ваше преподобие, можно я открыто говорить буду?

— Разумеется, отроковица.

— Мне еще братьев женить, сестру замуж выдавать, я им хотела эти деньги раздать в приданое.

— Даже так?

— А чего жалеть-то?

— Про себя ты не говоришь...

Верно. Но я и не считаю эти деньги своими.

Вложить, преумножить — да, могу. Но присвоить?

Фу!

Грязно это.

Вслух я ничего подобного не сказала, но и не надо было. Поп и так понял.

— Странно видеть в юной девушке такое бескорыстие.

Я развела руками.

— Ваше преподобие, я не против часовни, но сейчас мне ее строить просто не на что. И рада бы, но если уж делать, то делать...

— Не понимаю...?

Я пожала плечами.

Так получилось, еще в той жизни меня занесло на остров Гернси. Если кто был, тот знает о чем я. О маленькой часовне, построенной братом Деода. Зрелище потрясающее.

Восемь человек вмещается, но как все выглядит! Как оформлено!

И не скажешь, что там осколки моря. Ракушки, камешки, стекла... оно много чего на берег выбрасывало. Из бросового материала брат Деода сотворил божье чудо.

Рука у меня всегда была верная, так что я спросила разрешения, взяла на столе у преподобия лист бумаги и грифель, и принялась чертить.

Вид снаружи, вид изнутри...

Конечно, без украшений это не совсем то, но даже в черно-белом варианте смотрится шикарно. Разве нет?

Я там сразу поняла — человек душой творил и Бога видел. Божественное вдохновение — и точка.

Но даже здесь отец Алексей оценил.

— Какое чудо! Ты сама это придумала, отроковица?

— Это только мечта. Красивый рисунок, — пожалала я плечами. — Нарисовать что угодно можно, ваше преподобие. А вот построить, воплотить в жизнь... а еще бы выложить изнутри... тут же каменная сказка вокруг. Взять недорогие, поделочные камни, аж, как они бы заиграли!

Мужчина крутил рисунок так и этак.

— Ты, отроковица, не хотела бы показать этот рисунок тем, кто и построить может?

— Я бы мечтала увидеть эту красоту вживе, — честно сказала я. Увы, не увижу. Никогда уже не увижу... а когда-то хотела, чтобы меня там венчали... я не той веры, я понимаю, но ведь место шикарное!

Кто бы сомневался, мне предложили подумать и порисовать еще. Как я это вижу.

Как хотела бы воплотить...

Я согласилась.

Внутреннее убранство я помнила, карандаши цветные куплю, нарисовать — нарисую.

Протоиерей меня не зацепил, не успел. А вот я попала в самое нежное место.

Все мы мечтаем остаться в памяти человеческой. Все мечтаем сотворить нечто такое... как говорила Ассоль, когда ты ловишь рыбу, ты мечтаешь поймать рыбку, которую еще никто не ловил. Никогда. И наполняя корзину углем, ждешь, что она зацветет.

Ему тоже хотелось сотворить нечто такое... такое...

А ведь не надо громоздить Вавилонскую башню, чтобы прославиться. Хватит и маленькой часовенки.

— Я такое никогда не построю, — вздохнула я. — Денег не хватит.

— Такое — императору впору. Не хуже собора Василия Блаженного...

Я улыбнулась.

— А где-нибудь на холме, чтобы солнце светило, купола переливались...

— Нарисуй, как ты себе это представляешь?

— Обязательно нарисую. И рисунки принесу, как готовы будут, ваше преподобие.

— Благословляю тебя на этот труд.

— Во благо нашей матери — святой церкви, — чуточку лукаво улыбнулась я.

Мол, не претендую, не настаиваю, и вообще...

Мужчина кивнул. Все понимаю, согласен.

С тем аудиенция и закончилась.

— Маша, что там? Ты так долго была...

Я пожалала плечами.

— Я не помню, писала вам или нет? Что рисовать училась?

— Нет, — покачал головой Ваня. — Не было... мать говорила, тебе работать приходится, много и тяжело...

— Одно другому не мешало, — вздохнула я. — Тетка хоть и сурова была, но справедлива. Кто ж белоручку и неумеху замуж возьмет? Но и с самой чудесной хозяйюшкой поговорить хочется.

Арина зачесала в затылке. Кажется, такого ей не объясняли.

— Поговорить? — протянул Иван. — Да ну...

— Ваня, — мягко сказала я. — Посмотри на нашу мать. Ты бы хотел для своих детей того же, что и для себя? Выберешь такую жену, и получишь...

Парня передернуло.

— Я понял.

— Во-от. Хоть какие знания, а нужны, понимаешь?

— Понимаю...

— Мне рисовать понравилось. Только не людей, а дома. С растениями возиться понравилось, в саду, в огороде...

Родные кивали.

— А на этом... музыке играть? На пьяни? — поинтересовался Петя,

вызвав у меня улыбку.

— На фортепьяно? Нет, не мое это...

Не станем уточнять, что у меня на обоих ушах потопталось стадо медведей. А если я запеть попробую, народ пойдет выяснять, где кошек мучают. Кому что дано.

Что там у княжны — не знаю, но петть меня все равно не тянет.

— И... что?

— Да ничего страшного. Сами все увидите, — махнула я рукой.

И подумала, что минус еще час-полтора от сна.

Нарисовать все это надо как можно быстрее, а остальных дел никто не отменял. Эх, жизнь...

Бричка.

Лошадь.

И не открутишься никак.

Нет, я могла бы и пешочком ходить каждый день. Не переломлюсь, не повешусь.

Низзя!

Пешком туда и обратно будут ходить мои работники. Под присмотром конвоиров. А если я пойду пешком вместе с ними, это...

Народ не поймет.

Пришлось поскрипеть зубами и сесть за расчеты.

Купить лошадь, содержать лошадь, купить бричку, содержать бричку... да, я надеюсь, никто не думает, что ее можно просто бросить во дворе? За ней ухаживать тоже надо. Колеса, ободья, рессоры, внутренности...

Короче, вариант тот же, что и с машиной.

Купить ты ее можешь. Но оплати то, се, пятое и десятое. И вложи в нее еще. И...

Есть варианты, при которых вкладывать не надо. Не мои. У меня каждая копейка на счету, а я тут несколько сотен рублей выкину?

Считай, просто так?

Да еще добавлять буду?

Жаба категорически взвыла, напоминая, что понты — не просто дорогое удовольствие. Их еще и подтверждать надо. А то смешно иногда выглядит.

Для примера.

Был у меня еще в том мире знакомый.

Машина — лексус, я ж не лох какой, на жигулях ездить. Часы в половину цены машины, шмотки от-кутюр, визгу, писку... посадили через два года. За воровство и систематическую неуплату кредитов.

Ну и?

Стоило оно того? Два года пальцы гнуть и десять лет нары задом полировать?

Здесь и сейчас я мещанка. Из не слишком богатых. И так высовываюсь, честно говоря, и так могу огрести... вот ведь беда.

Попасть в другой мир можно, а вот мозги мои, опыт, все это никуда не девается. И надо вести себя очень тихо, чтобы не натворить бед. Но...

Не получается. Цепляется все одно за другое, наращивается, как снежный ком, а мне только и остается катиться вместе с ним, втягивая голову, чтобы не расшибить.

Справлюсь.

Но без брички все равно обойдется. Это как с машиной — иногда проще такси нанять, пусть даже на постоянной основе, или договориться с кем-нибудь... вот!

Семейный совет состоял из нас пятерых. Мамаша еще шила рукавицы, поэтому я, Ваня, Арина, Петя. Ну и до кучи — мелкий гад.

— Итак. У кого можно нанять бричку?

— Я у соседа спрашивал, — буркнул Ваня.

— А если на постоянной основе?

— На постоянной? Это как?

Ребята уже привыкли к моим оговоркам и не стеснялись переспрашивать. Повезло мне и еще в одном. Мамаша об их образовании не заботилась вообще. Сами понимаете, четырехлетка хоть и обязательная, но с оговоркой. Можно запихнуть человека в школу, нельзя заставить его учиться. Там прогулял, здесь не пришел, тут не выучил — и выходит из школы баран с аттестатом. Так с Синютиными, примерно, и вышло. Аришке — той ничего не надо, даже грамоты, ни к чему она бабе. Петя — урвал кое-что у священника, хоть буквы с цифрами знал, да и Ваня его учил. Сам Ваня был определен отцом в школу и даже закончил первые четыре класса. Читать — писать — считать умел, хотя и не идеально. Здесь большевиков ведь не было, и их

упрощенки — тоже. Когда все 'яти' и 'еры' повыкидывали и орфографию упростили. Здесь сложнее.

Я решила, как будет чуть полегче, обязательно устройю малявок обратно учиться.

Но в силу своей неграмотности они и не подозревали, что с моей речью что-то не так. Незнакомые слова?

Так это ИМ неизвестные, они неграмотные. А не так, чтобы в принципе, что-то новое.

— Мне нужно, чтобы каждое утро меня отвозили в Лощинку, каждый вечер забирали, — приговорила я. Конвой там, или еще что... без хозяйского глаза дело не пойдет. Это истина из моего прошлого.

Тебе нужно?

Отрывай попу и делай. Или приглядывай, или работай ручками.

Строить сарай я не могу. Но приглядывать буду. Благо, в деревне выросла. А деревенские дети много чего знают. Ту же курицу могу и зарубить, и ощипать, и опалить, и приготовить. А подруга у меня была, в институте познакомились, так она со мной в деревню на каникулах съездила. Первый раз в жизни корову увидела.

Ага, в восемнадцать лет.

И доить попробовала, и в шоке была. А уж парное молоко ее вообще свалило. Потом она долго допытывалась, что с ним надо сделать, чтобы оно стало, как в магазине.

Как строят сараи и что нужно мне — я знаю. Осталось организовать процесс, но первый месяц я в Лощине буду и дневать и ночевать.

И это — кстати.

Магию-то куда не денешь, а мне над семенами серьезно поколдовать нужно.

Ну, это я так назову для ясности.

Колдовства тут нет.

Мне надо проверить семена, отобрать все самые лучшие, и стимулировать их. Не знаю, как с этим справлялся Мичурин, но если есть магия...

Тут главное — грань.

Не сделать из растения — чудовище. Как из человека, к примеру, высоколобого умника или безмозглого качка. Просто... естественный отбор и минимум улучшений.

Чуть больше устойчивости к морозам, чуть больше сил, может, чуть более быстрое созревание, чуть крупнее или вкуснее плоды и ягоды, они ведь выращиваются с разными целями, и главное, закрепление положительных признаков в последующих поколениях.

В природу нельзя лезть тупо, нельзя играть с механизмами, которые старше тебя и совершеннее, которых ты не поймешь. Даже если кажешься себе очень умной, не стоит забывать, что учатся всю жизнь. Но немного помочь, на своем уровне разума — да.

Магия не всемогущий бог, а всего лишь чуть более сложный инструмент, чем электронный микроскоп.

Разобраться, поддержать, подтолкнуть...

Это я могу.

Только вот на одном зерне это незаметно. А если на десятке?

Сотне?

А ведь мне тысячи нужны, мне тысячами сажать... даже не мне, тем же работникам. И сажать, и поливать, и прочее...

Заметят?

Стопроцентно! Этого я допустить не могу, но по счастью, за городом у меня есть два бонуса.

Первый — расстояние. Можно орать 'спасите-помогите', хоть в голос, хоть как, но услышат тебя те, кто рядом. А не те, кто за пять километров от тебя. Это первое.

И второе.

Фон самой лощинки. Своего рода 'естественная магическая радиация'. Ее уже обследовали, уже признали годной для дела, но фон-то остался! На него тоже можно многое списать. Что я и сделаю.

Почему у вас капуста растет в два раза быстрее?

Никак не могу знать, главное, что съедобна. Да-с...

Инерция мышления есть и в этом мире, сразу лощинку обследовать от и до не бросятся, а потом... потом будет уже поздно ловить меня за руку.

Но — вернемся к нашим бананам.

Бричка и лошадь.

— Так сможет сосед меня возить?

— Поговорить надо, — вздохнул Ваня. — Сама понимаешь, мама...

Я понимала.

Ох уж мне эти тонкие, чувствительные натуры с трепетной душой. С кем хочешь переругаются от избытка чувств. Или так подгадят, что потом век не расхлебашь.

— Как соседа-то зовут?

— Поликарп Петрович.

Я вздохнула и отправилась к плите. Соседи, да... а в гости идти надо с чем-то вроде пирога. Этаким символ мира.

Шарлотку, что ли, опять испечь?

Так и сделаю.

К соседу-то я шла более-менее спокойная. А вот домой возвращалась не в лучшем настроении.

Мамашшшшш!

Ох, попадись мне сейчас эта паразитка, сколько б пинков я ей отвесила! От души да по заднице! Это ж надо так подгадить?

Сосед оказался человеком приличным. А его жена в обмен на рецепт поделилась со мной сплетнями.

Если вкратце...

Моих, то есть Машиных деда с бабкой тут все знали. Как крепких и хороших хозяев.

Старшую дочь уважали — хорошая девка выросла.

Младшую... ну, дура, но может, муж ума вложит? Через задние ворота?

Не вложил.

Как сам помер, так маман к родителям и вернулась. Пока они живы были, хвоста она не поднимала. Но как померли...

Маман начала активно устраивать личную жизнь.

Нет, ничего в этом плохого вроде бы не было, но только с первого взгляда. Искала-то она не хорошего отца детям, а лично для себя!

Вот и попадались одни 'Карпушеньки'.

Кто пил, кто гулял, кто орал, кто дрался... в результате — соседи поделились на две части.

Одна, получше, к которой и Поликарп Петрович относился, искренне жалела детей. Дети-то не виноваты... ну, подкармливали кое-как, помогали... потому и Ваня пару раз за лошадьё обращался.

Вторая часть, побольше количеством, искренне считала, что в

коровью лепешку вступишь — ноги не отмоешь. И гоняла ссаной тряпкой и мамашу и ее отпрысков.

Потому-то к нам и никто не приходил. Кому ж охота нарываться лишний раз?

Уши продавать? Сплетни собирать?

Это вам не двадцать первый век, здесь как потопаешь, так и полопаешь, ребенку пяти лет нет, а обязанности у него уже есть. С правами сложнее, пусть сначала на них заработает. Подмести, заштопать, корм задать... где справится — там и трудится.

И бабки при деле.

Основной источник сплетен — колодец, церковь, лавка... а мы туда как раз и не слишком ходили. Воду Ваня таскал, остальное вообще мимо кассы прошло. Так что обсудили меня без меня.

И опять поделились на две группы.

Первая считала, что я в бабку с дедом пошла и теперь у Синютиных нормальная жизнь начнется.

Вторая, что от худого семени не жди доброго племени.

Кстати, о семенах я тоже поговорила и пообещала поделиться. Привозными, из другого города. Начинаем рекламу себе делать!

Как легко догадаться, мать Егорушки принадлежала как раз ко второй группе. В обоих случаях. А что молодежь сошлась...

Судя по всему, у Егора и не было никогда намерений жениться на дурехе. Переспать — да. А то тело молодое, гормоны играют, а денег на бордель мальчику не выделяют, так устраиваться приходится. Может, через пару месяцев он бы Аринку и уговорил, они уже далеко зашли, но тут приехала я.

Ну, хоть репутацию Аринки восстановила. Сообщила, что были мы у лекаря, что справку получили, что в любой момент подтвердить можем... нет в нашей семье гулящих девок!

Не сомневаюсь, суток не пройдет, это по окрестностям разойдется.

Только вот мне с того не легче.

Да, не шлюхи. Но дураки, отребье, отродье, нищebroды, уроды... перечислять можно долго, а принцип-то все равно тот же самый.

Коровья лепешка, см. выше.

Мамашшшша!

Это я детям и выложила, не выбирая выражений.

Аринка разревелась. Поняла, что мимо просвистело.

Ваня принялся ругаться.

Петя хлопнул носом.

— И что? Теперь... все?

Я фыркнула.

— Ну, не все. Сам понимаешь, мир этими двумя улицами не заканчивается. Но поработать придется. О нас будут в первую очередь спрашивать наших соседей, а что они скажут... понимаешь?

Понимали все.

И что скажут, и как скажут... береги честь смолоду? Поговорка?

Принцип жизни.

Нагадила мамаша за пять лет столько, что еще сорок не отмоемся. А надо... хоть ты бери, да и переезжай. Но бросать все достигнутое уже не хочется, да и не факт, что на новом месте лучше будет.

Так что — работаем.

— О лошади я договорилась, десять рублей в месяц — отличная компенсация неудобств.

— И что теперь?

— И ничего. Завтра мы с тобой едем в Лощинку, а Арина и Петя занимаются хозяйством. Послезавтра я еду, а вы занимаетесь хозяйством. А в среду мы идем на прием. Я и Арина в качестве сопровождения. Так что Ариша, договаривайся с куафером, с портными и прочими на утро среды. Приводим себя в порядок, хоть как-то.

Арина хлопнула глазами.

Я подняла руки и показала их девочке.

— Руки, волосы, лица... да много чего. Даже платья надо еще раз померить и подогнать. Забегаемся.

Арина в это не особо верила, но и спорить не стала.

Понедельник — день тяжелый?

Это еще не то слово. Это хуже, чем тяжелый.

Чего мне стоило организовать одну доставку...

Спасибо Савелию Акимовичу, золотой человек. В свою пользу, конечно, но золотой.

Я с ним договорилась о жемчуге. Тщательно проверила все на клейма мастера и поговорила с мужчиной. Тот согласился взять нитку по справедливой (я проверила в ювелирках) цене, с правом выкупа

мной, как только я вступлю в наследство. Правда, сверху накинуд еще десять процентов, но это по-божески. Годовых же, не месячных, в моем мире банки больше драли...

Хотя сколько-то да сэкономила.

А охрана?

Сторожа найти в Туманную Лощинку мне просто не удалось. Никто, никто не хотел идти сюда сторожить. Утешало и другое — воровать сюда тоже полезут не сразу, все же дурная слава далеко летит. Но сколько надолго ее хватит?

Рабочие...

Два десятка человек разной степени зарослости и растрепанности. Одеты вразнобой, что у всех одинаковое — это выражение глаз. Злобное...

И ошейники.

Тоненькая полоска кожи.

Казалось бы, что в этом такого? Не кандалы, не цепи, но эта кожа каким-то образом срастается с человеческой. Снять — только с куском мяса, а на шее это чревато. Давно уже умельцев не находилось. Тут надо хирургом быть, да и шрам потом останется такой, что ни один маг не залечит.

Двое солдат при них.

— Доброе утро, — улыбнулась я.

— Утро доброе, барышня, — улыбнулся один из солдат. Явно прощупывает почву.

— Мария Петровна. Синютина, — представилась я. — А вы?

— Терентий Иванович. А это Поликарп Кузьмич, — кивнул солдат на напарника. — Мы, можно сказать, теперь у вас постоянные гости.

Я кивнула.

Логично, выделить на свой участок отдельных людей. Они и специфику работы будут знать, и связи наладят, и общий язык с руководством найти постараются. Притрутся, примелькаются...

— Рада знакомству. Я вперед поеду, скоро должны стройматериалы доставить, приму пока все. А там и вы подойдете.

— И то... езжайте, барышня.

Полтора часа я ждала работников. Но арифметика все равно неплохая. Полтора часа туда, полтора обратно, восемь с хвостиком часов на работу. Отлично!

А пока ждала, успела принять первые возы с досками и инструментами. Проверить все и наметить фронт работ.

А еще...

Скиты.

Точнее, их остатки.

Пока Ваня был занят важным делом, стерег материалы, я решилась.

А именно — вошла в дом.

Я-то знала, куда ступить и как шагнуть, чтобы крыша мне на голову не рухнула.

Как это было? Тогда, несколько столетий назад? Я закрыла глаза и представила себе.

Вот молодой мужчина, чем-то неуловимо похожий на Демидова, несет тело красивой девушки куда-то в потайное убежище. На тонких губах предвкушающая ухмылка. Жестокая, скотская...

Двое охранников переглядываются, но ничего не предпринимают. Что им до несчастной Аниты? Наплевать и позабыть.

Лежат на кроватях, беседуют, ждут... обедков с барского стола ждут. Им не впервой, они уже ловили для барина крестьянских девок, они же и закапывали то, что он них оставалось. Нелюди, твари такие...

Вот двое монахов.

Они стоят на коленях перед иконой и молятся. То, что они могут сделать.

Единственное....

К их чести, они и рады бы остановить Демидова, но — как? От них ничего не зависит, шаг в сторону и им просто свернут шею. Рассказать кому-то?

Но этим краем правят Демидовы, кто пойдет против них?

Остается лишь молиться за вразумление жестоких и не осознающих. Хотя как можно не понимать, что другому тоже больно? Небось, как самого бы Демидова прижали, мигом бы сообразил.

Они молятся.

А тем временем, в потайном подвале Нита рождает мальчика. Корчится от боли, кричит... ребенка на руки принимает Демидов. И отдает матери. Но излагает свои условия.

Зря.

Доведенная до отчаяния, Нита призывает всю свою силу.

Монахи умирают быстро. Равно как и охранники. А вот Демидов...

Тому приходится хуже всего. Но Господь милостив...

А вот тела...

Я медленно касаюсь стены дома. За столько времени скиты вросли в землю, покрылись мхом, да и раньше...

Дерево — растет из земли, над ним тоже есть моя власть. Я медленно провожу пальцами по бороздкам в пушистом покрывале. Мох щекочется, словно бархат, такой мягкий и гладкий...

— Дай им покой. Пожалуйста, дай им покой...

И вижу, как расступается земля.

Это не отпеть и похоронить, нет. Но четыре костяка теперь никто не найдет. Не выкапывать же их?

Их втянуло куда-то глубоко, обволокло землей, упокоило и успокоило.

Пусть покоятся с миром...

Души?

Тут я ничего не скажу. Но мне кажется, что души ушли уже давно. Каждая — своей дорогой. Охранники вниз, монахи... тут мне сказать сложно. Может, навверх, а может, и тоже вниз. Можно творить зло, а можно знать и не пресечь. И это вполне равноценно в некоторых случаях. Хотя не мне и судить.

Пусть спят.

Пусть возвращаются в мир, когда Господь рассудит.

Пусть перевернется эта страница... так ли?

Получится ли это?

Я тяжело вздохнула.

Нет, не получится.

Демидов, будь он неладен. Демидов, вечный и неповторимый... рано или поздно мы столкнемся.

— Маша!!!

Голос Вани ворвался в мои мысли.

Прибыли конвойные. Пора было определять фронт работ, показывать, рассказывать, договариваться... меня ждали дела и снова дела.

А остатки материалов и инструментов, кстати, в скиты и сложим. Авось, сразу сюда не полезут, а на крайний случай еще и я ловушку оставляю.

Итак — за дело!

Я погладила привычно висящего на мне Нила, малыш хрюкнул, не просыпаясь, и я отправилась работать. Что бы там впереди ни было, это не повод складывать лапки и плыть по течению! Вперед и только вперед!

Интерлюдия.

Сергей Владимирович был бледен.

Потом красен, а потом опять бледен.

Да уж, будешь тут.

Дом сгорел, казна... казна тоже сгорела. Убытки исчисляются не миллионами — сотнями миллионов. Откуда столько?

Там же и драгоценные камни были, и золото... управляющий распорядился все разбирать, как земля остыла. И — Демидов ему верил.

Клялся управляющий и божился, что ни капли золота, ни осколков камней — ничего не нашлось.

Ладно — камни. Всякое быть может. Но золото-то?

Оно же плавится, а потом лужицы должны были застыть, остаться... ну хоть что-то!

Нет, ничего нет.

Все в землю ушло...

Змеиное ожерелье...

По преданию, его прадед оказал услугу царице змей. А та в благодарность отдала ему золотое ожерелье. Вот, пока оно было на шее у кого-то из рода, тот мог многое. Магия земли?

Куда там этим убогим!

Демидов и сам понял эту силу.

Он мог призывать рудные жилы, мог указать, где сидят в породе драгоценные камни, видел их, чувствовал... даже знал, как лучше достать. Маги земли на такую глубину и видеть-то не могли, разве что самые сильные.

Это была власть.

Власть и богатство рода Демидовых.

Знал он и вторую версию. Согласно которой предок обманом снял ожерелье с шеи нечисти. Такие мелочи Демидова не заботили.

Подумаешь, ерунда какая!

Нечисть и есть нечисть, ее вообще изводить надо, под корень! Молодец, предок был! Большой умница.

Беда в другом.

Вот не стало ожерелья — и что теперь делать? Как быть?

Где добыть второе?

Две сотни лет без малого, чуть не восемь поколений. Память стерлась, разве что предания остались. Смутные...

Демидов обхватил руками голову и застонал.

Что же делать, что делать...

Для начала хотя бы просмотреть почту. Демидов хватался за нее, как за спасательный круг, пытаясь обыденными, ежедневными, такими спокойными и правильными действиями удержать окружающий мир от распада.

Письма, письма....

От князя Горского.

Его дочь так и не нашли, князь сожалеет. Выражает надежду, что кто-то из других его дочерей... что ж. Надо будет к ним приглядеться, вдруг найдется еще один маг земли?

От начальника полицейского управления.

Мага так и не нашли.

Мог ли кто-то под действием артефакта пробудить магию земли?

Надо бы взять списки пассажиров, посмотреть, подумать...

Еще письма... обычно Демидов доверял это секретарю, но сейчас хотел сделать все сам.

Приглашение от баронессы, что и неудивительно, он отправил в мусорную корзину, даже не распаковывая. Вот еще не хватало!

Пусть катятся ко всем чертям!

Демидову предстояло лезть в архивы, листать дневники, оставшиеся от предков, собирать информацию. И конечно, удерживать свою империю от распада. Какие уж тут провинциальные балы? Какие тут суаре и рауты?

Перебьются...

Встреча с Марией откладывалась на неопределенное время.

Глава 13

Балы, красавцы и последствия.

Никогда я не думала, что это так тяжело.

Сергей Петрович, простите меня.

Сергеем Петровичем звали директора нашей конторы еще в том мире. И когда-то мы дружно на него шипели... идиотки.

Если он хотя бы вполтину так же выматывался...

Мне было искренне стыдно за шипение и критику.

Хорошо хоть здесь меня не сильно мучили согласованиями. Есть земля, это моя земля. На ней я могу хоть полигон устроить, хоть пылегон. Хоть пылесос поставить.

Есть заключенные.

Строго говоря, если с ними что-то случится, меня начнут трясти. Но не сильно. Так, средне.

Как говорится — у нас по тюрьмам невиновных нет. Если кто туда попал, значит за дело. А кричи там, не кричи о своей невиновности...

Адвокаты здесь есть.

Но отношение к ним... вы же отбросы общества защищаете! И если вы защитите подонка, то все, что он натворит, будет на вашей совести.

Такой вот выверт сознания.

Стряпчие уважаемы, поверенные, судейские...

Но — не адвокаты.

Мне, кстати, намекнули, что надо бы обзаводиться поверенным, есть вещи, которые приличная барышня сама решать не должна. Но я пока мещанка, так что...

Половину правил я могу аккуратно игнорировать. Все знают, что я знаю, что они знают, но пока не на виду — можно.

Но это я отвлеклась.

Сложно налаживать дело с нуля. Очень сложно.

Постоянно чего-то нет, чего-то не хватает, приходится составлять списки, переносить работы...

Не могу я все предусмотреть!

Физически — не могу!

Хотя честно пытаюсь.

А тут еще...

В первый же рабочий день в Лощину появился отец Николай. Тот, который ее освящал.

Поздоровался, благословил сначала персонально меня, потом стражу, потом всех остальных... вот ведь сила! Я смотрела, как заключенные подходят за благословением... они это искренне делали!

Вот не соврать — у нас половина политиков до их искренности не дотягивает, те по обязанности руками машут, а тут — истовость в каждом движении.

Да, что-то мы безвозвратно потеряли.

Поп, недолго думая, оглядел фронт работ и поинтересовался у меня, можно ли осмотреть остатки домов. Конечно, я разрешила.

Поди, запрети им.

Я покивала и попросила потом сообщить, что именно они найдут.

— А вы еще не осматривали дома? — поинтересовался отец Николай.

— Нет. То есть... снаружи-то я посмотрела, а внутрь лезть не хотелось. Сами видите...

Не увидеть провалившиеся крыши и погнившие венцы было сложно. И не догадаться, чем это чревато — тоже. Рухнет так-то на голову, потом молись, не молись, ни одна реанимация не откачает.

Священник покивал.

Поймать меня на вранье он не мог, потому что внутрь я действительно пока не входила. Моего чутья хватило и так посмотреть. То есть — моей магии. И упокоить мертвых — тоже, теперь не найдут.

А ведь их, наверное, и ищут.

Хм...

— Тогда, с вашего позволения...

Конечно, я позволила.

Монахи (послушники? Трудники? Я не знаю, кого именно поп притащил с собой, но мужики были крепкие, даром, что в рясах), принялись открывать двери.

Медленно осторожно, поглядывая вверх, чтобы на них все то добро не осело.

Я-то знала, дома крепче, чем кажутся, но они точно были не в курсе.

Первый дом.

Никого и ничего. Ни скелетов, ни останков.

Второй — то же самое.

Это поп и сказал мне. И поинтересовался, нельзя ли обыскать всю Лощину.

Я щедрым жестом разрешила. Обыскивайте, сколько влезет и захочется. А...

— Скольких людей вы ищете?

Не уточнить я не могла.

— Пятерых, кажется...

— Кажется, отче?

— То дела церковные, чадо...

Я развела руками.

— Да я понимаю, отче, но мало ли что? Хотелось бы точнее, вдруг наткнемся... сами видите, копать будем повсюду, и грядки делать, и сажать...

Аргумент был признан веским.

— Должно быть пятеро — точно. Трое светских и два монаха.

— Но? — уточнила я. Ведь просто напрашивалось...

— Может быть и еще один скелет. Женский.

Ежь твою рожь, так это кто-то знает про Ниту? А откуда? А что именно?

Была б я собакой, у меня бы шерсть на затылке дыбом встала.

Церковь — это вам не ларек с колбасой, это серьезная организация, с архивами, с личным КГБ и прочими радостями.

И если они знают... что именно они могут знать?

О Демидове?

Стопроцентно!

Об — Аншшшшшараните?

Мозги работали, словно взбесившийся компьютер, выдавая версии.

Змеюшка упоминала, что сюда и приползла. В первый раз, когда была в состоянии нестояния. А скит-то уже стоял. И монахи были.

Могла Нита чем-то себя выдать?

Спокойно!

Могли монахи это понять?

А почему нет? Туда дебилов не берут, богу не так просто молиться, как кажется. И монахи могут казаться напрочь ушибленными Библией, но дураками они НЕ ЯВЛЯЮТСЯ!

Вывод?

Первый раз Аншшшшаранита 'засветилась', но заняться ей не успели. Демидов-старший помешал. Не тот, который озабоченный, а тот, кто забрал змеюшку. Отец Нила.

Второй раз...

Роды.

Это процесс не на минуту, и не на две. Кто участвовал, тот знает, у самых везучих и то несколько часов занимает. У невезучих — сутки. Несколько суток.

Могли монахи дать знать своему начальству? О повторном явлении?

Запросто.

Не знаю, как тут с сотовыми, но птичка 'голубь' используется церковью во всех смыслах. И в пропагандистском, и в утилитарном.

Могут они искать Ниту?

Могут...

Внешне я постаралась ничего не показать. Это когда тебе семнадцать, у тебя все чувства на лице написаны. А вот когда повзрослеешь...

Слава богу, мысль о ребенке, который два столетия пережил, пока никому в голову не придет. Но мало ли что?

Надо расспросить.

Так что я состроила идиотскую гримаску, похлопала ресницами и принялась выпрашивать.

Как водится, церковная версия отличалась и от общепринятой и от реальной. Но это логично.

По объяснениям святого отца, в скит однажды прибежала за помощью ведьма. Или женщина, которую обвиняли в ведьмовстве... маг, наверное.

Я честно засомневалась, мол, разве ж у нас так принято? Маги — ценные и полезные, и церковь то говорит...

Мне объяснили, что маги полезные, и церковь говорит, но все ли слушают? Некоторых баранов чем убедить, проще на скотобойню отвести.

Что-то женщина не поделила с местным населением. Может, и правда какой чернотой баловалась, та же некромантия сбоев не дает, может, еще чего.

Но есть версия, что ведьма и навела на всех порчу. И на людей, и на место, а то и жертвоприношение провести хотела.

Мне аж дурно стало.

— Некроманты? Кошмар какой! Хуже только сатанисты!

Меня успокаивающе погладили по плечу и сообщили, что так и есть. Некроманты иногда стараются свой дар на службу родине поставить, тогда, конечно, они полезны. Мертвого поднять и допросить, призрака погонять, проклятие снять. Тут все понятно, церковь это контролирует и злоупотреблений не допустит. Но грань очень тонкая. И если некромант срывается, бед от него может быть очень много.

И тогда — плохо.

И некромант, и сатанист часто, а то еще и... гхм.

Что такое 'гхм' я постеснялась спрашивать. Ладно уж, не будем смущать человека. Эх, мне бы сюда газету 'Спид-Инфо', хоть какой номер. Ладно, хватит смеха, я поняла. И пообещала всяческое содействие.

Приезжайте, когда хотите, делайте, что пожелаете, хоть ночуйте, если кого найдете, только скажите, чем смогу — помогу, а по поводу часовни...

Как только наличка будет свободная, так сразу и вложусь. А сейчас ни монетки нет, жемчуг и тот пришлось заложить, да вы знаете, наверное.

Поп знал, потому как посочувствовал, покивал и поинтересовался, откуда дровишки. То есть побрякушки.

Я честно выдала версию про тетку. Мол, подарили. Так что фамильное, наверное...

Я потому и не продала, а заложила, дали меньше, но не обманули.

Меня еще раз погладили по плечу и утешили, что Савелий Акимович человек честный. На свой лад, конечно, но честный.

Я снова покивала. Эх, чем дальше в лес, тем толще партизаны. Честный он, ага...

Скажите, связываться не захотел. Может, и кинул бы, но девица непонятная. А в непонятное лучше палочкой лишний раз не тыкать, тыкалка целее будет.

Появилась в городе.

Купила Туманную Лошину, которую все боятся.

С храмом — связана.

С баронессой связана.

На бал приглашена, может, и губернатору представят.

Ведет себя не как обычная мещанка.

И? При таком раскладе вы будете что-то естествоиспытывать?

Вряд ли. Савелий Акимович просто лишний раз подтвердил, что он не дурак. Вот посмотрит на меня со всех сторон, обвыкнется, тогда и попробует что-то проверить. Но я тоже постараюсь — в свою пользу.

Эх, мне бы хорошего бухгалтера нанять. Но где его найти, ах, где его найти...

С любовью-то проще, вляпаться можно где угодно. А с грамотными специалистами всегда беда. В любом мире и при любой власти.

Половина работников копала грядки согласно установленному плану.

Вторая возводила забор.

Процесс шел мучительно и нудно, но это все равно лучше, чем ничего. И вечером результаты меня приятно порадовали.

Я поблагодарила конвойных, и помахала им вслед ручкой. Им-то пораньше уходить, за мной еще Ваня не приехал.

Церковники тоже уехали.

Ничего не нашли, но пообещали приехать еще и завтра, и послезавтра... да и пес с ними. Пусть.

Зато скит они мне открыли — один. И туда мы занесли все, что могли.

Сторож, думаю, не понадобится. На первое время — точно, пока дурная слава еще жива. Это вот недельки через две — через месяц, когда пойдет слух, что все живы, все здоровы и даже поправились на физической работе и свежем воздухе, тогда сюда кто-то да полезет. А пока у меня есть время.

Сторожа я еще найму, кстати, и найти его будет легче. И собак сюда бы. Сигнализация 'гав-гав', она от предков досталась, и ведь работает по сей день лучше любой другой сигналки.

Ладно, это я что-то время зря теряю. А надо...

И я отправилась в скит.

Что мне нужно? Да семена проапгрейдить. Се-ме-на.

Не в городе же этим было заниматься? Там почуют. А здесь, хоть и шлялись церковники с какими-то блямбами и приборами, больше всего похожими на творение шизофреника, но шанс отболтаться есть.

Я выложила на стол первый кулек. Что у нас тут? Морковь?

Даешь морковь!

И медленно закрыла глаза, настраиваясь на нужный лад.

Итак, что мне надо сделать для начала? Разделить все семена. На живые и сдохшие. Те, которые при всех усилиях не прорастут, а значит, нечего на них эти усилия и тратить.

Только вот как это сделать?

Семена мелкие, их много, перебирать до завтра буду...

Я вижу, конечно, их в магическом зрении. И понимаю, что так интерпретирует мое сознание, но главное — работает, а остальное неважно. Вот эти семена светятся зеленым. Кто-то ярче, кто-то хуже. Те, что ярче, они и сильнее, и прорастут быстрее, и плоды лучше будут.

Те, что красные — мертвые.

Их немного, но они есть. И есть, надо полагать, везде, это осознанный риск. Но не пальцем же их выбирать? Золушке позавидуешь, они ж крохотные совсем...

Магией попробовать? Хм, а так можно?

А почему нельзя-то? Представим, что мои руки — это два полюса магнита, видели такие, подковкой? Красно-синие? Плюс-минус. Жизнь-смерть...

Как известно, разнозаряженные магниты притягиваются. Вот и вперед.

К той руке, которая плюс, пусть притягивается весь минус. Отходы, шлак, мертвые семена. К другой руке — наоборот.

Получилось не с первого и даже не с десятого раза.

Я устала как собака, вымоталась и вспотела, хоть выжимай. Пока сообразила, пока правильно сделала... зато теперь могла повторить результат и со всеми остальными семенами.

Что я и сделала.

Аккурат уложила к Ваниному приезду.

Получился увесистый мешочек с плохими семенами, ну да и ладно. Лучше сразу выкинуть, чем сдохлой лошади потомства дожидаться. Примерно пятая часть семян нежизнеспособна. Да, нехило...

Ладно.

Надо взять с собой и выкинуть по дороге. Нечего их тут оставлять, еще вопросы возникнут...

Вторник ничем не отличался от понедельника.

Точно так же шарились церковники, точно так же копали от строящегося забора до обеда работники, покрикивал конвой...

Единственная разница — вечер.

В этот раз мне требовалось отсортировать хорошие семена и выбрать эталон. А потом прокачать все имеющееся до него.

Эталон?

Самое здоровое, активное семечко, в котором максимум жизненной силы. Вот, под него и подгонять все остальные семена.

Нет, потом-то я разберусь, и что, и как...

Потом. Сейчас у меня нет на это времени, сажать и сеять надо со дня на день. Поэтому делаем проще. Все семена доводим до равнения 'на лучшего' и высаживаем. Десяток мне на опыты.

Ага, разбежалась наивная чукотская девушка.

Магия, магия...

Электричество, ёж водяной!

Те же телефоны и зарядки. Энергия не возникает из ниоткуда и в никуда не переходит. Она имеет четкий адрес: от — до. Отправитель — получатель.

И если получатель — семена, то кто отправитель? Догадались?

Я, конечно.

Не дотягивает семечко до идеала — с меня капля энергии. Да не абы какая, а аккуратная и точно выверенная, поливать все подряд не выйдет... можно попробовать, но расход слишком большой.

Для примера...

Вот надо вам пометить красной краской пятьсот муравьев. А они мелкие.

Можно тупо вылить на них ведро с краской и получить пятьсот помеченных дохлых муравьев.

А можно аккуратно, по одному, максимум по два-три...

Только вот устаешь при такой работе, хоть ты падай. Если поделить семена оказалось несложно, то прокачивать — лучше б я

штангу тягала в спортзале. От забора — до обеда.

Такая кропотливая и муторная работа оказалась, что думать тошно.

И силы расходуется много, и часть семян на выброс идет, и...

Оххх!

Голова вообще болит так, что вместо нее можно тыкву ставить. Но это мне нужно.

Мне!

Я получаю самое важное для мага — контроль над силой. Кропотливая работа способствует развитию тех навыков, которые мне не прививали в детстве. А надо бы.

Кирпичом кинуть каждый может, ты поди, бисером повышивай!

Вот я и училась. Вышивать.

Пару сотен семян я до приезда брата обработала. А завтра...

Ёжь твою рожь!

Бал, будь он неладен!

Нет, ну что это за пакость такая? Ни в одном мире работать не дадут спокойно, везде представительские функции нужны! Ыыыыы!

Шеф, прости меня!

Я была так неправа, когда ты бухал с заказчиками, а мы на работе сидели! Лучше бы и сейчас у меня был кто-то такой же умный и полезный. Я бы его отправила 'делать вид', а сама работала.

Не получится.

Вспоминая замечательную оперетту 'Летучая мышь'...

За что, о Боже мой?!

Провыть эту фразу, а за ней и весь текст мне хотелось весь вечер, все утро и вообще.

В принципе.

Началось с Арины.

Бедный ребенок, выросший у полоумной мамы, не мог понять разницу между 'стильно' и 'попугайно'. У меня даже окаянства ругаться не хватило. Ну правда, что такое хороший вкус?

То, что прививается и воспитывается. Годами и подзатыльниками.

А сейчас она искренне считает, что мамшино оранжевое это роскошь, а мы с ней выглядим, как две серые мыши.

Помог подзатыльник от Вани и объяснение от меня. В комплекте

оно как-то доходчивее.

Мы ведь мещанки. Нам нельзя быть слишком роскошными, потому как там — знатные господа. Они поиграются и выкинут, а тебе еще замуж выходить.

И — нет.

Не рассчитывай, дорогая. Принцы не женятся на Золушках. Просто потому, что Золушке никто не даст добраться до принца. Ее по дороге скушают. С бо-ольшим аппетитом.

В результате из зеркала на меня смотрело нечто вполне приличное.

Хотя из куса полированного металла вообще смотреть не айс, ну да ладно. Краситься здесь не принято, красятся здесь либо определенные сорта дам, либо те, кто хочет эпатировать общество. Так что...

Аришку пришлось умывать два раза — смывать сажу с ресниц и бровей, а потом и помаду с губ. И клятвенно пообещать, что увижу еще раз — никуда больше не возьму.

Прониклась.

Итак, зеленое платье, кружевной воротник, все очень простенько, но со вкусом, ничего яркого или броского, ничего открытого или вызывающего. Волосы уложены в 'ракушку'. Несколько локонов выпущено наружу, но аккуратно, без излишнего кокетства.

В ушах маленькие серьги с жемчугом, на пальце — кольцо. Их я не закладывала. Лучше комплект не отдавать. Только колечко пострадало.

Арина в своем платье смотрится немного тусклее, но это правильно. Служанка не должна быть круче хозяйки. У меня представительские цели, у нее — вспомогательные. С малышом.

Малыш накормлен, напоен, и спит, уткнувшись в меня носиком.

Сопит, причмокивает во сне, что-то видит, хмурится, крутит головенкой, сжимает крохотные пальчики, и выглядит умирительно. Даже рыжиком.

Ничего, с зеленым платьем он вполне гармонирует.

Никому я тебя не отдам.

Никакой церкви.

И защищать буду до последнего.

Если только кто-то посмеет...

Есть ли вулканы в Сибири?

Кажется, да. В Красноярском крае точно, кажется, еще в Хакасии,

Бурятии... дословно не помню, но что-то читала интересное, на тему извержения вулканов, которые последние леса в Антарктиде уничтожили. Как водится, вулканы были сибирские. Мы еще смеялись, что странно. Исследования проводили американские ученые и не орали на весь мир, что во всем русские виноваты. Неважно, что динозавры, важно, что русские.

Так что вулканы есть. Потухшие, спящие... ничего я и пробуждение устроить — могу, не стесняйтесь, обращайтесь.

Шаг влево, вправо — побег, прыжок на месте — провокация. Вот и думайте, надо ли вам прыгать?

Званный вечер.

С одной стороны, я — развлечение. С другой — обычная мешчанка. На этом основании я справедливо решила не задерживаться им не опаздывать. Приехать минута в минуту к назначенному времени.

Надеюсь, баронесса оценила.

Во всяком случае, улыбнулась она мне вполне дружески, потрепала Нила за щечку, малыш даже и не проснулся, Арине достался теплый взгляд и разрешение следовать за сестрой...

Потом начали съезжаться гости.

Ох, ёж водяной!

Их много, они все с именами, с фамилиями, и их запоминать надо. И не путать. Назовешь, к примеру, Ольгу Петровну, Ольгой Павловной — обида на всю жизнь. А от меня — тем более.

Ладно, хороших проектировщиков с плохой памятью не бывает. Мы постоянно учимся, что-то новое осваиваем, и надеюсь, я была не из худших.

А потому...

Кланяться, делать реверансы, улыбаться и бормотать одно и то же.

Мне так приятно, мне очень приятно, это такая честь для меня, такая честь...

Не поверят, но и не придерутся.

Повезло и в другом.

Званный вечер был камерным мероприятием, человек на тридцать. Все на виду, никуда не денешься...

Все в одной зале для приема, стол не организован, только фуршет.

Это понятно. Собраться, поболтать, посмотреть на диковинку, потом обсудить — логично. Я старалась поддерживать свою репутацию, послушно отвечая на все вопросы. Конечно, в рамках своей легенды.

Да, нашла малыша. Да, купила Лощину.

Нет, никакого проклятия не обнаружено. Снято церковью, наверное.

Да, сажать и сеять...

Реакции были разные. Спокойные, равнодушные, заинтересованные, любопытные... даже несколько откровенных взглядов от мужчин досталось. Дело житейское. Я невозмутимо улыбалась.

Вплоть до прибытия генерал-губернатора Храмова.

Сергей Никодимович оказался мужчиной лет шестидесяти на вид, с военной выправкой, высоким, подтянутым, этакий человек-лезвие.

Военный мундир, медали... жаль, я в них не разбираюсь, но мне кажется, он воевал. Таковую выправку на гражданке не приобретешь.

Поцеловал ручку баронессе, поздоровался с дамами и господами, обратил свой взор на меня.

— Мария Петровна, не так ли?

— Я польщена вашим вниманием, ваше превосходительство.

Кажется, я все ответила правильно.

— Вы произвели впечатление на моих людей.

Я присела еще раз.

— А это и есть ваш малыш? Очарователен, право... ну, расскажите же мне о себе.

Пришлось повторять ту же историю. Хлопать ресничками, но в меру. Я старалась произвести впечатление девушки, у которой на шее родные, и которая решила рискнуть. Не жить же ей с детьми на медные копейки?

В меру наивная, в меру деловая...

Не щучка и хищница, а самый обычный человек... ну, выживать надо. Так ведь надо работать, а не проживать наследство. Рано или поздно любые деньги кончатся, а сделанное твоими руками останется. И — да, мне хочется, чтобы все получилось, и урожай побольше, и вообще...

Замуж?

Выйти замуж не напасть, замужем бы не пропасть.

Генерал-губернатор благосклонно кивал.

Несколько провокационных вопросов у него были, были и с двойным подтекстом, но надеюсь, я все поняла правильно. И ответила тоже правильно. Мужчина точно был доволен.

Дамы и господа переглядывались. Кажется, ко мне постепенно теряли интерес. А что?

Нос рукавом не вытираю, публику не эпатирую, ребенок дрыхнет, сестра сзади стоит...

Вот, из-за Аришки все и случилось. В каком-то смысле...

Сестре срочно понадобилось пообщаться с природой. А ведь предупреждала, не пить за час до выхода, потом хуже будет. Но разве мы слушаемся? Мы же умные, взрослые... и вода себе дырочку нашла в этом уме.

Пришлось извиниться перед баронессой, сослаться на ребенка и отправиться на поиск 'кабинета'. Да, так туалет сейчас и называют.

Кабинет задумчивости.

Арина туда зашла, а я осталась снаружи.

Подожду, может, потом сама подумаю...

Смех смехом, но...

Длинная юбка, рубашка, панталоны, нижние юбки, завязки вместо застёжек...

Знаете, как это весело? Раньше вообще в уборных лакеев ставили, чтобы те господам помогали. Поди, расстегнись, да потом застегнись или завяжись...

Озвереешь.

Вот и стояла я, ждала Аришку, а тут...

— Ты ж моя лапочка!

Селезнев. Илья Владимирович.

Дворянин, из небогатых, женился выгодно, жена рядом с ним, выглядит, как свинка в рюшиках, но денег, видно, много. Откуда мне это известно?

Я ведь и наблюдаю, а не только рассказываю.

И история мне знакома по моему миру. Уж поверьте, если жена страшнее мужа раз в десять, старше на несколько лет, богато одета и командует, словно генерал, тут не надо быть провидцем. Достаточно элементарной логики.

Я бы предположила именно эту версию событий.

А муж наливался вином все то время, которое мы были в гостиной.
Ох, плохо.

Я присела в полупоклоне.

— Детка, ты сегодня просто очаровательна. Такие глазки, такие локоны...

Я не поняла юмора?

Этот дятел меня что — в туалете трахнуть хочет? Или прямо тут у стенок? Он что, ума решил?

— А какие губки... такие розовые, и такие плотно сжатые... интересно, они такие же сладенькие на вкус, как и на вид?

Я сделала шаг в сторону.

Увернуться от пьяного несложно. Но от Карпа я уворачивалась на свежем воздухе, а тут-то коридор. Широкий, высокий, но долго в нем не попрыгаешь.

— Бегаешь? Ах ты, зайка беленькая... цып-цып-цып...

Полудурок.

Но что с ним делать?

Как княжна, я бы ему врезала по яйцам и заорала: 'насилуют'. Как мещанка...

Я сейчас зарою все свои надежды. Если этот козел останется с носом, да еще опозоренный, считай, мне в городе жизни не будет. Он мне все постарается перегадить.

Но не спать же с ним?

И ухаживания не вариант, кто ж из дворян за мещанкой ухаживает? Скажи спасибо, что до тебя снизошли, поняла, быдло?

Не хочется...

— Ой!

Ежь твою рожь!

Из туалета вышла Аришка. Вскрикнула и замерла, словно суслик у норки.

Я на миг потеряла бдительность, и потная лапища ухватила меня за плечо.

И в этот миг проснулся и зашипел Нил.

Ежь твою рожь!

Других слов у меня не было.

Блестели золотом глаза малыша, а насильник оседал на пол, словно снеговик, и лицо у него было бледное-бледное...

Да что ж за...!!!

Ребенка понять можно.

Я — его кормилица и безопасность. И тут на меня идет агрессия.

Как говорится, дернутая за хвост гадюка кусает без предупреждения.

Вот и укусила... ёж!

Секунд пять у меня ушло на размышления.

А больше и не понадобилось, я сорвала слинг, сунула его Арине и пнула к туалету.

— Ты подмывала ребенка и ничего не видела! Брысь! Займись!!!

Аринка кивнула и попятилась назад.

А я завизжала, что есть сил.

— ПОМОГИТЕ!!! УМИРААААААЕТ!!!

Первыми на помощь примчались лакеи. Им по должности положено.

Две штуки, в цветах баронессы, рослые... я жалась к стене и указывала пальцем на труп.

Вот ни минуты не сомневаюсь, что труп. И фиг его откачают.

А еще была бледной и дрожала, надеюсь, вполне убедительно. Адреналин хлынул в кровь таким потоком, что хоть плотину строй.

Днепрогэс, ага...

Что за чушь лезет в голову?

А вот и господа собираются...

— Что здесь происходит?

Это баронесса.

Я со стоном сползла по стене на пол. Но в обморок падать не стала, это уже перебор.

— Мертв, — высказался один из лакеев.

Я залилась слезами, повторяя:

— Какой ужас!!!

— ИЛЮША!!!

Пробилась супруга и бросилась на тело мужа. Вопль был ненаигранным, кажется, она его и правда любила.

Жаль.

— Что здесь произошло?

Это уже генерал-губернатор. Все, хватит разлеживаться, играем дальше.

Я попробовала кое-как собрать себя в кучку и поглядела на Храмова.

— Ваше превосходительство, простите... я пришла с ребенком, он...

— Понятно. Что дальше было?

— Им занималась моя сестра. Я ждала. Появился Илья Владимирович. Наверное, он тоже искал кабинет... и шел как-то неуверенно...

Храмов кивнул. Потом подошел и поднял меня с пола.

— Успокойтесь, Мария Петровна. Он шел. Что было дальше?

— У него такое лицо было странное... я даже не поняла сразу. А он за сердце схватился и вдруг оседать начал.

Храмов поглядел на лакеев.

— Крови нет, ваше превосходительство, — доложил один из лакеев. — Может, и удар...

— ИЛЮШЕНЬКА!!! — донеслось с пола.

Генерал-губернатор посмотрел на эту картину воплощенной скорби, и принялся распоряжаться.

— Так. Тело перенести... баронесса?

— В малую гостиную, — подсказала та, не теряя присутствия духа.

— В малую гостиную. Алиса Игоревна, вы будете сопровождать вашего супруга, я думаю? Дальше. Вызвать полицию, врачей... пусть подтвердят или опровергнут версию несчастного случая. Господа гости, прошу всех вернуться обратно.

— Я...

— Мария Петровна?

Кажется, от меня реплик не предусматривалось.

— Моя сестра. И малыш...

Это мужчина понял. И постучал в дверь кабинета.

Арина себя тоже ждать не заставила. Умытый и перепеленутый Нил спал, как ни в чем не бывало. Арина была бледновата, но кто там будет на ее моську смотреть пристально? Когда тут труп? И рыдания? И страдания?

Я взяла малыша на руки и перевела дух. Слава богу, совершенно обычный малыш. Глаза стали нормальными, а руки... хорошо, что я ему распашонку с рукавичками сшила, чтобы себя не поцарапал. Никто и не заметил. Но значит, и Карпа того... не царапиной?

Магия?

А проверять на магию младенца... да кто там будет этим заморачиваться? Ладно, будут, но вряд ли — Нила. Меня вот...

Ёжь твою рожь!

Да что ж за жизнь такая?

Не понос, так допрос!

В гостиную мне пришлось еще раз десять рассказать ту же историю. Стояла, ждала, малыш, все понимают, что это такое... надо бы самой его перепеленать, но у меня платье неудобное...

Сестра занималась, а тут — ОН!

И померши.

Страшно-то как, мамочки...

Полиция долго себя ждать не заставила. Подтянутый офицер вошел в комнату, поклонился и остановил на мне взгляд.

— Синютина, Мария Петровна? Следуйте за мной.

Я кивнула Арине и проследовала, куда указали.

А чего сопротивляться? Я даже не виновата.

Допрос, он и в Африке допрос. Как ни назови, а результат все равно один и тот же.

Фамилия-имя-отчество.

Дата рождения, класс...

Сама история.

Интересное началось потом. Когда на столе передо мной появилось нечто, похожее на небольшой хрустальный шар.

— Мария Петровна, я не имею права принуждать вас.

— Но...?

— Добровольное сотрудничество вам зачтется.

Ага, знаем, плавали. Чистосердечное признание смягчает вину и крепко увеличивает срок. Я подумала пару минут.

— Простите...

— Поручик Колецкий. Андрей Дементьевич. Простите, что не представился сразу...

Ага, не представился. Не счел нужным, так оно вернее.

— Ваше расследование проводится в доме баронессы Ахтырской. Полагаю, что будет разумным пригласить ее?

Такого от меня не ждали, но поглядели неожиданно одобрительно.

— Хм... вы не против?

— Я не убивала, мне скрывать нечего.

Поручик посмотрел заинтересованно. Но спорить не стал.

— Тогда прошу подождать минуту, сударыня. Я сейчас приглашу баронессу.

Мужчина вышел.

Аришка попробовала открыть рот, но я показала ей кулак и прижала палец к губам.

Молчи!

Только молчи, не то шею сверну!

Не было тебя там! Ты ничего и не знаешь...

А я...

Опыт мне в помощь. Эх, и почему я не юрист? Я бы сейчас доказала, что этот дурак самоубийством жизнь покончил!

Ждать пришлось значительно дольше минуты. Но в комнату вошли не только баронесса, но и генерал-губернатор.

Я тут же встала и сделала реверанс.

— Сидите, Мария Петровна, — успокоил меня Храмов. — Я решил тоже присутствовать при допросе, сфера истины — достаточно тонкий инструмент. И применять его надо правильно.

— Никогда раньше не видела, ваше превосходительство...

Меня удостоили снисходительной улыбки, мол, где ты там могла что видеть, деревня? Но разъяснили.

— Вам зададут вопросы. Вы можете отвечать или не отвечать. Если вы отвечаете и сфера спокойна — вы не лжете. Если скажете неправду, сфера загорится красным.

— А... на какие вопросы я могу не отвечать, ваше превосходительство?

— Мы это уточним...

Я послушно кивнула.

Ладно, посмотрим...

— А... шар исправен?

Вопрос вполне логичный.

Поручик поморщился.

— Исправен, но заряда очень мало. Хватит вопросов на десять, не больше. Потом надо бы к магу... простите, ваше превосходительство...

Храмов махнул рукой.

— Думаю, нам хватит. Спросите меня, как меня зовут.

И мужчина положил ладонь на шар.

— Как вас зовут? — послушно повторил поручик.

— Мария Петровна Синютина.

Шар полыхнул красным.

— Как вас зовут?

— Сергей Никодимович Храмов.

Шар остался темным.

— Как видите, Мария Петровна, все исправно. Прошу вас.

Я улыбнулась и положила ладони на сферу. Я оценила.

Поручик прищурился. И взял с места в карьер.

— Вы убили Илью Владимировича?

— Нет.

— Вы видели, как он умер?

— Да.

— Вы подозреваете кого-то?

— Нет.

Шар остался темным. Чего мне подозревать, я — знаю.

— Вы с ним раньше встречались?

— Нет.

— У вас есть к нему какие-то претензии?

— Нет.

Шар опять не посветлел. Какие там претензии? Дело житейское, дело обычное. Не успели те претензии появиться.

— В коридоре был кто-то посторонний?

— Нет.

— Только вы двое?

— Аришка и ребенок... и больше никого.

— Вы прикасались к Илье Владимировичу?

— Нет!

Поручик посмотрел с сомнением. Но дальше спрашивать не стал. И так ясно... Шар темный, я не вру, а мысль про ребенка с суперспособностями ему в голову точно не пришла. И слава богу.

— Можете убирать ладони, Мария Петровна.

Я послушалась.

А что тут неясного? Как спрошено, так и отвечено.

Мне повезло, что заряда в шарике мало. Вот если бы копать начали глубже, как на полиграфе, фамилия-имя-отчество... я бы влетела на первом же вопросе.

Но тело, похоже, уже осмотрели. И не нашли следов убийства. Допрос явно для проформы, что я, не вижу, что ли? Хотели бы копать — не так бы копали.

Кажется, это моя первая и последняя вечеринка. Ну и черт с ней! Не жалко, переживу!

— Что ж. Мария Петровна явно невиновна, — подвел итог генерал-губернатор. — Так от чего умер несчастный?

Поручик развел руками.

— Его наш лекарь осмотрел... пока вскрытие не проводилось, но говорит, на кровоизлияние похоже. Сердце, или в мозг, сосуды дело такое. Выпил, жарко стало... это и у молодых случается.

— Какой кошмар, — честно произнесла я. — Простите...

Баронесса погладила меня по плечу.

— Да, Мария. Но Бог судит так, а не иначе, и не нам говорить о воле Его.

Я благочестиво перекрестилась.

В общем-то, мне все было примерно ясно.

Вызвали полицию, но заранее намекнули, что работать придется в 'высшем свете'. Попробовал бы у нас какой-то полицейский тявкнуть на губернатора... только с высочайшего соизволения. Иначе можно и со службы вылететь, без выходного пособия.

Запросто.

Вот и намекнули, что деликатнее надо, деликатнее.

Лекарь посмотрел, сказал, что похоже на естественные причины.

Поручик обрадовался... а что? Инфаркт или инсульт дело вполне житейское. Увлёкся человек, к примеру, абсентом. Или опиумом. Или...

да мало ли что и как?

Проснулся, а на соседней подушке — жена. Тут бедняге и поплохело...

Ладно, это я ерничаю. Но... если бы его убили видимым способом, там, кинжал в сердце воткнули, или еще что... там копать надо. А так-то что?

Вышел мужик на пять минут, потом слышатся крики 'спасите-помогите', плохо человеку, все понятно. Когда б я с ним что успела сделать?

Или он со мной?

Версия просто не прокатывает.

Надеюсь, никто не свяжет Карпушу — и Илюшу? Ох, не хотелось бы...

Из гостей мы возвращались глубоко за полночь. Спасибо баронессе, святая женщина, распорядилась отвезти нас с Ариной. Сестра молчала.

Молчала, пока мы были в особняке, пока ехали и даже пока мы заходили в дом. И только потом заговорила.

— Мария... это — как?

И столько было в ее голосе всего... я поняла, что если сейчас огрызнусь, или что-то выскажу в том же духе, Арина просто заорет и помчится по улице.

Я вздохнула.

— Арин... только давай это между нами, ладно?

— Что именно?

Девчонка.

Ребенок, вот и все. А дети обожают тайны и ужасы. Но придется ее разочаровать.

— Арина, ты видела, каким был этот тип?

— Ну... да.

— Пьяный в сосиску.

— На ногах-то он стоял?

— Ну и что?

— Ну...

— Я не знаю, что он пил. Но... ты слышала, как зашипел малыш?

— Да. Как змея...

Я пожала плечами. И зашипела похожим образом. Нил даже ухом не повел.

— Тебе плохо стало?

— Н-нет...

— А ему стало. Может, он змей боялся до истерики, может, еще что... вот и сработало.

— А... почему малыш шипел?

Настала моя очередь делать круглые глаза.

— Что в этом такого странного?

— Ну...

— Дети могут реветь, пищать, шипеть, сопеть, гадить, орать — да что угодно... Что в этом странного?

Арина задумалась.

— Я раньше не слышала, чтобы вот так.

— Ну и я не слышала. И что? Ребенок, как ребенок...

— Ну... да...

Арина еще сомневалась, но кажется, она просто не обратила внимания на глаза-ногти. Волосы рыжие, ручки закрыты, а глаза...

Когда рядом с вами кто-то помирает, вы там пристально в младенцев вглядываетесь? Ой ли...

Аришка просто растерялась. Вот и пролопоушила половину.

— А зачем ты мне ребенка отдала?

— Чтобы тебя на допросы не таскали, — пожала я плечами. — Тебе оно надо? У меня-то выбора не было, на моих глазах этот тип умер. А тебе зачем?

Арина кивнула. Действительно, незачем.

— Страшновато как-то...

Я махнула рукой.

— Ничего там страшного нет. Неприятно, да, но бояться-то чего?

— Покойник...

— И что?

Арина поежилась.

— Ты как железная...

— А что — у меня есть выбор?

Выбора не было. Девчонка поняла это и загрустила.

— Извини...

— Ариша, не стоит. Грог будешь?

— Что?

— Грог, чудо природы, — фыркнула я.

— Это что такое?

Осталось махнуть рукой.

— Сиди, я сейчас сделаю.

Вино в доме было, я же и прикупила на всякий случай, яблочки, немного пряностей... лимона не хватает, но ладно. И так сойдет.

Аришке грог, себе компотик. С концентрацией: ложка вина на литр воды. А ей — наоборот.

Девочка выпила несколько глотков, вздохнула.

— Я так перепугалась... это вино?

— Нет. Это на основе вина, — пояснила я. — Вообще-то не стоило бы, но тебе надо успокоиться, расслабиться и уснуть. Хочешь — у меня сегодня поспи, мало ли что...

— Хочу.

Вино в чашке Арины быстро убывало.

Вот и хорошо... я помогла малявке раздеться, погладила по волосам, уложила в кровать и сидела рядом, держа ее за руку.

— Маша, не уходи, ладно?

— Чшшшшш, засыпай...

— Ты тоже шипишь... смешно так.

Хорошо вино подействовало, с одной кружки окосела.

— А ты спрашивала, у кого мелкий научился?

— У тебя?

— Ага... так что чшшшшшш! Мальчишшшшек разбудишшшшшш!

Я пошипела еще выразительнее. Арина улыбнулась и достаточно быстро уснула.

Я плюнула, притащила тюфяк из ее комнаты и устроилась рядом, на полу. На одной кровати мы не поместимся, а бросать малявку тоже не вариант. Ей сегодня досталось.

Ладно — я. Мы в двадцать первом веке столько всего посмотримся, что никакими трупами не напугаешь. Даже ожившими. Зомбиапокалипсис кто смотрел?

А кто играл? Читал?

Одним словом — фигня.

А для Аришки-то все серьезно, она испугалась...

Хорошо, что мне завтра на делянку. Чует мое сердце, в городе мне

было бы весело.

А вот что с малышом делать? Он ведь меня защищает! А силу пока не контролирует, и меры не знает... там вообще пока мозгов, что у тапочки. Ругаться язык не поворачивается. А как это нейтрализовать?

Это вообще магия?

А не похоже, кстати... хотя...

Блин!

Дура!

Вот мне бы и подумать... с инфразвуковыми генераторами и ультразвуковыми обследованиями двадцать первого века! Мне бы и сообразить!

Мог малыш шипеть на каких-то частотах?

Да вполне.

Мог под это попасть хоть Карп, хоть Илья?

Тоже спокойно. И мог, и попал... почему не я? Подозреваю, что мне дала защиту змеиная кровь. Или просто малыш был направлен в нужную сторону.

Почему не пострадало больше народу?

А сколько силенок у ребенка? Горы он точно шипением не свернет.

И ведь это — НЕ магия.

Ежь твою рожь, говорила мама дочке, учи физику, балда! А я ее не учила, в чем сейчас и раскаиваюсь. Вот уж не знаешь, где и что пригодится... но может быть именно эта гипотеза?

Может...

Ладно, пока примем за рабочую, а потом найдем, как проверить. Обязательно.

Я закрыла глаза и тоже уснула.

С утра я встала пораньше.

Арина спала, крепко и сладко. Ваня уже проснулся и растапливал печь. Петя шуршал по хозяйству.

— Маш, давай курей купим?

— Петя, а кто возиться будет?

— Я справлюсь.

— Тогда сходи, приценись. А купить вместе съездим, хорошо?

— Конечно. А что вчера такого было?

Это братики пустую бутылку обнаружили. И смотрят с неодобрением. Я развела руками.

— Что-что... плохо было.

— Что случилось? — напрягся Ваня.

— Да пошли мы с Аришкой в кабинет, — поморщилась я. — Стою, жду, тут появляется пьяный, начинает ко мне приставать, ребенка перепугал, а потом упал и помер.

— К-как? — открыл рот Петя.

— Удар его хватил, — поморщилась я. — Нажрался, как свинья... ты знаешь, я бы задумалась на месте полиции.

— О чем? — прищурился Ваня.

— О вине.

— О ЧЕМ?!

— Ну, из какой партии вино было, где куплено, у кого... ты понимаешь, его же и крепить чем-то могут, и добавлять что-то, и испортиться оно могло... вон, тот же Карп...

— Маша, ты чего? Где Карп, а где дворяне?

— Ванечка, а ты думаешь, они по притонам не ходят? И дешевое вино не пьют?

Ваня задумался.

— Ну... не знаю.

— Я тоже не знаю. Но сам понимаешь... в нашей жизни все бывает. Если мне можно к баронессе, кто сказал, что такому дворянину нельзя... к примеру, в бордель?

— Полиция что говорит?

— Они меня даже допрашивали вчера. Но я ж его не убивала...

— Жуть!

Я фыркнула.

— Жуть, не жуть... работу никто не отменял. Давай-ка собираться.

— и завтрак сейчас готов будет, — влез Петя.

— Умничка ты моя, — похвалила я брата. — Петенька, ты за Аришкой сегодня поухаживай, ладно? Ей плохо будет после вчерашнего. И труп увидела, и потрясений столько... и вином я ее напоила, чтобы уснула спокойно, теперь голова болеть будет. Ты ей рассольчику, что ли, дай, завтраком накорми. Ладно?

— Конечно! — кивнул брат.

Хозяйственный мужик становится. Повезет какой-то девчонке.

Церковники уже были на месте. Все обшаривали...

Я поздоровалась и принялась осматривать свое хозяйство. Работа шла ни шатко, ни валко...

Ладно, пока об этом говорить рано, обещать надо по делу, а не просто так. Но если урожай будет хороший, можно, к примеру, помочь семьям работников. Хоть репы мешок, а все в дело пойдет...

Или спросить, не хочет ли кто-то из их семей подработать?

Дело найдется.

Надо это обдумать...

— Я услышал про вчерашнее происшествие на вечере у баронессы.

Поп подкрался, как песец — незаметно.

Я закатила глаза.

— Да... это был ужас.

— И у вас на глазах...

— И не говорите. Мне даже сферу правды давали, представляете? — захлопала я глазами.

Поп мигом потерял всякий интерес.

Я — не убивала, это понятно. Иначе бы меня здесь не было. Возможности для шантажа просто нет.

— Несчастный случай?

— Да, наверное. Мне точно не сказали, наверное, генерал-губернатору доложили... он ведь там тоже был.

Поп сдулся окончательно.

— Я вам очень сочувствую. Если вы хотите об этом поговорить...

— Возможно, на выходных? Приду на службу, потом на исповедь...?

— Это было бы замечательно.

— Так и порешаем, отче, — кивнула я. — А вы ничего не нашли?

— Нет пока...

Я комментировать не стала. Пусть ищут, дело полезное.

А вечером у меня опять работа.

Надо улучшать семена. Убийство там, вечеринка или еще что, а мою работу за меня никто не сделает! Даешь дело Мичурина!

Интерлюдия.

Тот же кабинет, те же двое.

— Ваше преподобие...

— Рассказывайте, отец Николай.

— Вчера, на вечеринке у баронессы Ахтырской произошел несчастный случай. Дворянин Илья Владимирович Селезнев, перепил и свалился замертво. Свидетелем события стала знакомая вам особа.

— Хм... перепил?

— Я поговорил с лекарем, который проводил вскрытие. Ваше преподобие, он утверждает, что ничего сверхъестественного в этой смерти нет. Сосуд в мозгу лопнул, такое и у детей бывает.

— Вот как...

— Да.

— Мария Синютина, по ее словам, увидела мужчину, которому явно было плохо. Но сразу не сообразила, кричать и звать на помощь она начала только когда тот упал.

— Они были наедине?

— Ее сестре надо было перепеленать ребенка, а Марии посетить кабинет. Для уединения. Они выбрали ближайший... туда же явился и Селезнев.

— Ясно... что ж, похоже, это и правда несчастный случай.

— Мария рассказала, что ее допрашивали с помощью сферы истины.

— В деле это есть?

— Должно быть, ваше преподобие. Если прикажете...

— Да, пожалуй. Вы пока ничего не нашли?

— Нет, ваше преподобие.

— Ищите дальше. Мария не против?

— Нет. Она готова оказать любую помощь.

— Это похвально, очень похвально...

Проводив отца Николая протоиерей встал и подошел к окну.

Березовский жил своей жизнью.

Мерно цокали копытами по брусчатке лошади, разносили свой товар лотошники, кто-то расхваливал свой товар, кто-то просил милостыню, разговаривал, занимался своими делами...

Туманная Лощина.

Что же там скрывается? В чем секрет?

И что скрывает Мария Синютина?

Протоиерей еще не знал точно, но был готов раскрыть эту тайну.
Интересно же, господа! А может, и выгодно! И уж точно — богоугодно.

Глава 14

Работа и ее последствия.

Ничего не могу сказать — дела затянули.

Столько всего надо было сделать, что самой страшно было. Начиналась посевная.

Выпустили из тюрьмы мамашу.

Первое, что она сделала — вымылась. Ваня послушно таскал ведра с водой, пока мадам не оказалась полностью чистой и душистой. В буквальном смысле — духами там воняло так, что мухи на подлете дохли.

Второе — закатила жуткий скандал.

— Я!!! Там!!! А вы!!! Тут!!!

Смысл претензий был в том, что могли бы и заплатить, и взять ее на поруки, и...

Очень хотелось ответить честно — мы отдыхали. Пришлось отвечать дипломатично. Мы очень страдали, но нам этого всего сделать не разрешили. Семья у Карпа богатая, вот, к ним и все претензии.

Маман увяла.

Туда она уже претензии предъявила. И синяков понаставили, и зуб выбили, и платье порвали, и рукавицы ей шить не понравилось... интересно, почему?

И вместо дальнейших выяснений прицепилась к нам с Ариной.

Не так сидим, не так глядим, и вообще, почему у нас платья, а у нее ничего нет?

Пришлось плюнуть и выдать деньги на еще одну тряпку. Подозреваю, будет кислотно-зеленая или ядовито-лиловая. Ну и наплевать. Пусть покупает и приезжает в Лощину, авось мне вороны за тот год урожай вернут.

Неважно, что его не было. Важно, чтобы пугало убрали.

Со мной в Лощину маман, кстати, прокатилась. И — откровенно удивила здоровой мыслью. Что на таком рационе мне много не

наработают, хорошо бы хоть булки заказать в добавку...

Ну, булки — это явный перебор. А вот покушать...

Посмотрела я на дневную трапезу, этот супчик скушать-то можно, человек даже химически чистую лапшу-растворяшку может слопать. Но сколько ты на нем действительно протянешь и наработаешь?

Пришлось договариваться с ближайшим трактиром.

Каша, сэр.

В это время ее готовили очень неплохо. Обычная каша с мясом, но от души, стоит не так дорого, разовое питание меня не разорит, а учитывая, что я и сама из того же котла ем, качество гарантировано. А то так с утра до вечера и ноги протянешь. Не бутерброды же с собой таскать?

Здесь и сейчас это просто барство.

Пшенка, гречка, перловка, горох...

Ничего, переживем.

В Лощине мать скандалить не пыталась. И страшновато, и отец Николай цыкнул. Он же поднял и интересную тему.

Крестины.

А ведь и верно...

Я отлично знала, что Нита ребенка не крестила. Но можно ли его вообще крестить?

И не даст ли малыш какие-то нетипичные реакции? А то уже два раза... если третий раз он испугается, зашипит на священника, а тот и померши... или того интереснее, глазки покажет, зубки, коготки — нас ведь из храма и не выпустят.

Лучше — не рисковать.

Пришлось сказать, что крестик на малыше был, дешевенький, деревянный и пообещать предъявить. А носить...

Как только ребенок соображать будет, так сразу. Вообще не понимаю людей, которые на таких маялвок кресты цепляют. Ладно еще куда подсунуть, чтобы и рядом был и мелкий не добрался. Но ведь веревочка и перекрутиться может, и шею натереть, и зацепиться за что-то...

Да много чего может быть.

Этого не может быть, потому что это — Крест?

Не аргумент. Лично для меня вот ни разу.

А крестик пришлось вырезать самой, скрипя зубами и ругаясь. Со

священниками вопрос решили так. Если крестик был, стало быть, ребенка крестили. Где, когда... вопрос времени. Узнаем.

Я только рукой махнула, пусть узнают. А мне не до того, это факт.

Я продолжала работать с семенами.

Мужики продолжали копать и сеять. Уже обработанное, понятно.

Попы искали.

Семья...

Там вроде как все было тихо, но недолго. Аккурат до того момента, как мамаша вечером снова встретила нас накрытым столом. Ненадолго ж ей рукавичек хватило, на какие-то дней десять — двенадцать, точнее не засекала.

— Машенька! Радость-то у нас какая!

— Какая у вас радость? — подозрительно прищурилась я.

— Аришку сватают!

Меня хватило только на набор гласных. Чтобы не выдать весь набор нецензурных. Но кое-как собралась.

Показательно, что Арины дома не было. Опять сбежала? Да, скорее всего. И ни встретить, ни предупредить... вот поганка! Я бы хоть не ошалела так. Но — ненадолго.

— Радость, кто б спорил. А кто сватает?

— Вот, Никифор Иваныч...

Мне предъявили мужика лет сорока — сорока пяти. Ну... я бы на такое счастье и в семьдесят не позарилась. Волосы — пегие, бороденка козлиная, лицо не особо приятное, зубы длинные и желтые, телосложение... так, среднее.

— И за кого сватаем? — непринужденно осведомилась я. — За сына, за внука?

Оскорбились оба.

— Маша!!! — это мать. — Придержи язык!!!

— За себя!!! — оскорбился второй людь и встал из-за стола. Оказавшись выше меня на голову. Я поспешила сунуть ребенка Ване, моему бессменному спутнику. От греха...

— Ах, за себя, — пропела я, — нежно улыбаясь. — Ну, так поведайте нам, Никифор Иванович, кто же вы такой?

Мужчина огладил бороденку.

— А ты-то кто такая, пигалица, чтобы у взрослых людей ответа требовать? Тебе материнское решение сказали — ты радоваться и соглашаться должна. А не хлебало разевать на уважаемых людей.

Я аж рот открыла.

Не поняла? Это что еще за хамство трамвайное?

Или...

Ёжь твою рожь, а ведь мужик в чем-то прав. Материнское слово — закон, она в чем-то глава семьи, а мое слово пока не котируется. Да, я веду дела, но формально-то он прав?

А фактически...

Образно объяснить хаму, откуда он на свет выполз, я не успела. Ваня вернул мне малыша и шагнул вперед.

— Вы, любезнейший Никифор Иванович, что-то не поняли. Мать наша, конечно, права, но глава семьи — я. А деньги, из которых и Арине приданое выделяться будет, все у Марии находятся. И слово наше тоже чего-то да стоит. Так что присаживайтесь и рассказывайте, кто вы, откуда...

Никифор посмотрел хмурым взглядом.

Ага, обломись, моя черешня. И не таких ломали. Мне твои взгляды, что слону бахилы.

— Анна Николаевна? — воззвал Никифор.

Мать хлопнула ладонью по столу, вышло неубедительно. Так, куском сала пошлепали по разделочной доске. Отчего доске ни жарко, ни холодно.

— Дети, прекратите!

— Матушка, вы еще вот, выпейте, — Ваня улыбался недобро, — успокойтесь. Такие дела в обход главы семьи не решаются, вам ли не знать?

— А не молод ли ты для главы, парень?

— А не стары ли вы для моей сестрицы? — прищурилась я. — Вам, небось, сороковник стукнул, а Аришке и двадцати нет. Скольких вы жен похоронили? Трех? Четверых?

— Ты меня еще и оскорблять будешь, соплюха? — налился дурной кровью мужчина.

Но был трезвым и умнее Карпа, а потому шага ко мне не сделал. Сообразительный. Жаль...

— Оскорблять не буду. А узнать — все узнаем, — заверила я. —

Зайду, вот, завтра с утра к околоточному, послушаю, какая о вас слава идет, Никифор Иванович, глядишь, и мама раздумает сестренку отдавать.

— Да вы...

— Никифор Иванович даже приданого не хочет! — вякнула мамаша. — А вы, неблагодарные, заботишься о вас, ночей не спишь...

Эх, зарядить бы ей в торец! Да так, чтобы остатки зубов ей проктолог доставал!

Нельзя.

Вместо этого я демонстративно подошла к калитке и приоткрыла ее.

— Никифор Иванович, мы вас не задерживаем. Завтра с околоточным поговорим, тогда и с вами дело порешаем.

Мужчина плюнул, да и пошел со двора.

Мы с Ваней переглянулись. Брат захлопнул калитку и повернулся к мамаше. И был встречен залповым визгом.

И такие мы, и сякие, и немазанные-сухие...

Да ёжь твою рожь!!!

Сколько можно над нами издеваться?

Что в Ваниных, что в моих глазах, отчетливо читалась одна и та же мысль.

Убью, паразитка!!!

Жаль, претворить ее в жизнь было нельзя. Нет, ну что это за сюрпризы такие?

Из-за сарая вывернулся Петя, замахал нам... я посмотрела, кивнула Ване, мол, слушай визги, чтобы не мешалась, дура такая, и нырнула ко второму брату.

— Петя?

— Маш, тут такое дело...

Я слушала и зубами поскрипывала.

Петя с Ариной занимались домашним хозяйством. Первое — они начали ходить в школу. Я настояла. Сама поговорила, сама договорилась, сама их чуток по вечерам подтягивала...

Пока мамаша сидела, у нас дома и поспокойнее было.

Где уж этот козлина Аришку углядел — неясно. Но девчонка, только завидев его, сиганула через забор, и поминай, как звали. А Петя остался, спрятался и слушал. И мотал на ус...

Уж две-то жены у этого типа точно были. Померли. Детей штук пять. И мамаша его на рынке подцепила.

Кажись, у него лавка своя, с обувью... сапожник он.

Я тоже намотала на ус, но не порадовалась. Если две жены — были... смертность в наше время высокая, это-то понятно. Но... гражданин Иванов, отчего умерла ваша первая жена? Грибами отравилась...

А шестнадцатая? Грибы есть не хотела...

Как-то и что-то меня цепляло. Ладно, завтра озадачу нашего околоточного.

Арина вернулась вечером. Поздно, когда уже все легли, пришла, поскреблась в дверь.

— Маша... спишь?

Я сняла щеколду и впустила сестрицу.

— Нет. Рассказывай, давай...

Арина действительно знала Никифора. То есть его среднего сына, они примерно одного возраста и были. И...

Нет, наверное, когда подкармливают чужих детей — это и неплохо. Когда леденцами на палочке балуют, пряниками... только вот когда потом за это оплату натурой требуют, это не есть хорошо. А с Ариной так и получилось. Сначала приучили, потом прижать прямо в лавке попробовали, она увернулась, пнула гада, куда надо, да и удрала. А мерзавец, вот, ее не забыл.

Мамаша еще подсуропила... вот как так получается — у других людей родители нормальные, а мне уже вторые достаются — сволочи!

Я в задумчивости покусала губы.

— Плохо, Ариша. Плохо...

— Машенька... неужели...

— Да не скули, — махнула я рукой. — Не отдали мы тебя, и не отдадим, это понятно. Но проблемы быть могут.

— Какие? — Арина уже кое-чему от меня научилась, и понимала, что скулить бессмысленно. Вот конструктивный диалог возможен.

— Если мамаша не успокоится.

Арина сжала кулачки.

— Вот...!

— Поругайся мне, — цыкнула я. — Рот с мылом вымою!

И вымою, даже не сомневайтесь. Я понимаю, что это не ругань, а определение, что оно справедливое, но... мои дети не должны материться.

Ёжь твою рожь! Мои дети.

— Маша, так что делать?

— Завтра иду в околоток. А что до тебя.... поговорю я с матерью, но... сама понимаешь.

Арина вздохнула.

— Понимаю...

Если человек — дурак, просто так он не успокоится. Это даже Арине понятно.

Елпифидор Семенович встал при моем появлении с большой корзиной разных вкусностей. И даже не поленился мне ручку поцеловать.

— Доброго дня. Балуете вы меня, Мария Петровна.

— Я не балую, я подлизываюсь, — строго возразила я. — И вхожу в доверие.

Шутку оценили. Околоточный браво провел по усам.

— Ну, считайте, получилось. Что случилось-то?

Я честно описала вчерашнюю сцену. Околоточный слушал, потом кивнул.

— Вы посидите, Мария Петровна, я схожу, поговорю с кем надо...

'Разговор' затянулся малым не на час. И чтобы не скучать, я принялась обучать Ваню таблице умножения. Получалось плоховато, голова у парня не под вычисления была заточена. И я не лучший педагог... ладно.

Хоть как-то... и арифметику с ним повторим.

Околоточный вернулся мрачный.

— И хотел бы вас порадовать, Мария Петровна, да особо и нечем.

Я подняла брови. Мол, вы говорите, а там решим...

— Никешка — мужик гадкий и злопамятный. Четыре раза женат был, больше трех лет ни одна жена с ним не протянула. Последний раз уж вовсе откровенную... простите, девку, взял. А теперь, значит... сестрицу я вашу помню. Если она его...

Рассказ Арины я скрывать не стала, к чему?

— Не забудет?

— И не простит. Ждите пакостей.

— Елпифидор Семенович, — я молитвенно сложила ручки. — Век за вас Бога молить буду...

Мужчина хмыкнул.

— Сходить — я и так схожу. И намекну кое на что. Но собаку заведите. И чтобы младшие ваши по одному не ходили...

Мы переглянулись с Ваней.

Ну... маман!

И я не выдержала.

— Елпифидор Семенович, мать ведь не успокоится...

— Тут и я вам не помогу, — околоточный развел руками. — Нет у нас таких законов, чтобы супротив дураков... простите. А то б одна половина Империи другую посадила. Один Государь, поди, и остался бы...

— Вообще никаких? — уточнила я.

— Есть один вариант, но уж очень он... того.

— Излагайте? — тут же вцепилась я.

— Замуж бы вам, Мария Петровна.

Надеюсь, очень уж идиоткой я не выглядела — с открытым ртом и хлопающими глазами. Околоточный усмехнулся.

— Как замужняя дама, вы можете и братьев-сестру к себе забрать, и мать окоротить...

— Если б еще найти такого мужа, чтобы я ему понадобилась, — хмыкнула я. — Вы ж понимаете, что это дело несбыточное.

— Могу разве что помолиться за вашу удачу.

Глаза околоточного блеснули.

Кажется, намек я поняла. Вот храм мог бы помочь... но...

Говорят, не заключай договор с Дьяволом и не торгуйся с Богом. Интересно, а с Храмом — это как? Ох, не тянет меня проверять это на своей шкурке, она у меня одна.

Оставалось только предупредить Петю с Аришкой — и работать.

Ага, напрасно я посчитала всех идиотами.

Никифор прекрасно понял, кто именно главный и кто ему отказал.

Маман, хоть и бесилась, и ругалась, но мы вчетвером дружно на нее чихали. Сообщая, что извини. Глава дома — Ваня. Деньги у меня. А вы, матушка, не волнуйтесь, а то печенка лопнет. Или селезенка.

С врачебным диагнозом спорить было сложно. А тут еще фельдшер повадился нас навещать. То мимо пройдет, словно бы на вызов, то случайно встретится на улице...

Вот что б ему глаз на Арину положить? Отдала бы и не переживала. Так нет...

А мне он не подходил. Не в княжне и простолюдине дело, просто смерти я мужчине не желала. А ведь рано или поздно, так или иначе...

Наши миры столкнутся. И что будет с моим мужем-простолюдином?

Братьев и сестер мне простят, подведут под благотворительность. Но мужа и потерю ходового товара — девственности? Вряд ли.

Лучше не рисковать. Бодаться с князем фельдшер может только в русских народных сказках. Вот и приходилось то уворачиваться, то делать вид, что тупее меня одни березы. Ничего, сойдет.

Месяц прошел спокойно.

Мы посадили все, что требовалось посадить, и теперь я колдовала — иногда и в буквальном смысле — над землей. Менделеев здесь еще не родился, и таблицы своей не составил. Необходимые минералы и удобрения приходилось определять на глаз. Хорошо, кое-что я из курса школы помнила.

Селитры, навоз, перегной, торф...

В дело шло все. В основном...

Да, с золотарями тоже поговорить пришлось. И торф на болоте нарезать. И...

Мелкие, казалось бы, заботы. Мелкие хитрости. А поди ж ты...

Сложно ли сделать селитру из навоза? Ну, если ты маг земли — то нет. Что нервировало больше всего, так это попы.

Обещанные чертежи часовни я отдала, но крутиться в Лощине они не перестали. Не каждый день, но все равно неожиданности раздражали. Меня-то никто об их приезде не предупреждал!

Приезжаешь — и не знаешь, будут они там или не будут. Нервирует! Бесит! Но приходится терпеть. Тем более, отец Николай подходит каждый день, заводи разговоры... хоть ты не ходи!

А Аришка принялась бегать в церковь, как на работу.

Присматривать мужа. Себе, а может, и мне.

Я только плечами пожала.

Пусть бегает, пусть знакомится... тоже неплохой распорядок.

Школа — церковь — рынок — дом. И никаких гулянок, никаких бегов, никаких сомнительных компаний. Я вот, еще ее мордашку в порядок приведу, а то подростковые прыщи девушек не красят. Хорошо хоть здесь всякой вредной косметики нет.

В том мире у меня была подруга-химик. Ох, она посмеялась в свое время на тему 'суперсредств'. Читаем состав, и если там присутствуют синтетические углеводороды — не используем. Кто ж добровольно себе на мордочку отходы нефтедобычи намажет?

Кто?

Примерно, половина планеты.

Здесь в ходу были исключительно натуральные средства. Мед, сметана, фрукты-ягоды, разные травы, из реагентов те же бура, сера...

Не так эффектно, как памятная мне косметика, но намного более эффективно.

Так, в мелких, но приятных заботах, и проходило время.

Нил рос не по дням, а по часам, вполне прилично держал головку, переворачивался, пытался ползать, безошибочно узнавал мой голос и тянул ручки. Обычный ребенок... наверное. Но очень любимый. Баловали мы его вчетвером. Аришка старалась потискать, Петя варил каши, Ваня вырезал игрушки... в стороне оставалась мать. Стоило малышу попасть к ней на руки, как он начинал орать сиреной. И бороться с этим не представлялось возможным. В итоге мы махнули рукой. А время шло.

Прошел май, наступил июнь, и подходил уже к концу... овощи зрели. Интересно, получится ли у меня собрать два урожая за лето? Надо попробовать.

Редис, горох, укроп, капуста, фасоль, картошка...

Это мы уберем. И можно посадить то же самое и второй раз. Шпинат добавить... Спросом будет пользоваться.

А потом и подзимние посадки. Чтобы по весне и с зеленкой быть, с морковкой, с капустой... то, что везде идет. Даже картошку можно два урожая за сезон вырастить. И фасоль...

Руки чесались.

Время шло.

Торф — замечательное удобрение. А в моем случае, когда нацеливаешься снять два урожая в год, нужно подкармливать почву непрерывно.

Да, я знаю, что мне сейчас скажут. Если кто-то решит съездить на болота и нарезать там торф, а потом высыпать на огород... ну-ну.

Развлекайтесь.

Его надо как минимум, неделю выдержать. А лучше — больше. И подкармливают им круглогодично, вплоть до того, что рассыпают по снегу. А лучше готовить торфяной компост или вытяжку.

Лучше.

Если ты обычный человек.

А если ты маг земли, у тебя есть все шансы справиться побыстрее. Своими силами.

В буквальном смысле.

На семенах я отработывала контроль, на удобрениях — мощность. С ними надо обрабатывать большое количество вещества, причем за один раз. Сложно.

На посевах прокачивала видение.

Обычно посадки как? Что-то взойдет, что-то не взойдет, ту же морковку прореживаем без особой жалости, да и не только морковку...

А если можно посмотреть, что пойдет, а что нет? Какое растение сильнее, какое слабее, и слабейшее сразу — в перегной?

Я ведь могу ускорить рост, а могу и обратное. Не в семена, нет. Но вытянуть из растения силу и обратить его в тот же компост. В удобрение...

И земле польза, и мне тренировка...

Каюсь, на болоте я тоже прокачивала свою силу. Магия земли — такая штука...

Земля всегда знает, кто и где по ней ходит. Заключение резали торф, а я прогуливалась неподалеку, делая вид, что рву травы (ну и рвала, конечно, кому, как не мне), а сама приглядывалась.

Отработывала видение.

Болото...

Сложная штука. Магия земли, магия воды, даже немного — магия воздуха, помните, болотный газ? Может быть, всем трем стихиям оно и

подчинится. А с одной — сложно.

Болото было старым.

Жадным, голодным и... несчастным. А еще я очень плохо могла разглядеть, что в нем происходит. Но...

В лесу были лешие, это я уже поняла. Почувствовала. А в болоте? Болотники? Кикиморы? Хотелось бы пообщаться, но волшебные существа разумно держались подальше от магов.

Я привычно прислушивалась и приглядывалась. Каюсь, не просто так.

Болото — это не просто абы что, в болоте может найтись и что-то интересное. Хотя бы выгодное. Нет, не болотные мумии. Но...

Военная техника, к примеру. Или загадочные артефакты. А еще жрецы считали, что болотам надо приносить жертвы и бросали туда разные приятные вещи.

Сколько стоит археология?

Не знаю, но надеюсь, что-то я получу. Хотя бы приятные бонусы. Плюс десять к общественной жизни, плюс пять к уважению общества...

А еще есть разбойники с их кубышками. И месторождения полезных ископаемых.

Ага, и губозакатывательная машинка...

Но... не догоню, так согреюсь. Ничего не найду, так навыки прокачаю. С тем я и бродила по болотам, возвращаясь время от времени с охапкой травы. Торфяной мох, багульник, сабельник, росянка, аир, водяной перец...много чего можно набрать, если не боишься за свою шкуру. А сестра удачно договорилась с аптекарем на соседней улице. Мужчина согласился брать всю добычу, еще и порадовался, мол, хорошо. Жаль — мало.

Мы ездили за торфом уже шестой раз, и я постоянно привозила еще здоровые охапки 'сена'. И гуляла по болоту в свое удовольствие. Это ведь процедура не на час-полтора, это надолго, на весь день.

Впрочем, народ ничего не имел против. Еда-вода с собой были, конвой особо не усердствовал, ну и чего еще надо? Как-то свыклись мы друг с другом за это время.

А я еще пообещала, что после уборки урожая помогу семьям осужденных. Ну да, овощи не бог весть что, но... кто девяностые прошел, тот помнит. У нас, было дело, вообще только одни овощи на столе стояли, считай, с огорода жили. С тех пор на винегрет смотреть не

могу. Вкусный он, конечно, но съела я его в те годы столько, что всему городу хватило бы.

Я приглядывалась к болоту и брела по нему. Медленно, нащупывая своим чутьем дорожки и трясины. Ставила вешки, так, на всякий случай.

Пройти обратно я смогу, так же, приглядываясь, а если кому-то понадобится? Да и способности свои лучше не афишировать.

И то чудо, что церковники до сих пор не догадались. Но инерция мышления — страшная вещь. Сказано — женщины магией не владеют... или владеют, но не применяют. Вот и...

Даже если у меня есть какие-то зародыши, я же их применить не могу. И знаний нет, и базы, и кто ж по доброй воле захочет бесплодным остаться?

А мысль о том, что меня все это уже не касается...

Инерция мышления. И этим все сказано. Как детская загадка. Что такое, зеленое, висит на стене и пищит? Конечно, селедка. Захотел — покрасил, повесил и пищалку вставил. Вот, я пока такая же селедка.

Эти размышления совершенно не мешали мне бодренько топтать по болоту. Нил сопел в ухо. Пока он висит у меня на спине, как у африканских женщин, потом я его перевешу вперед, а на спине разместится сверток с травами. Не в руках же нести...

Рюкзак бы изобрести. Но... монополия? Патентное право, отчисления... я до сих пор не поинтересовалась, как это обставлено здесь. Ладно, будет день, будет пища.

Так я и шла, время от времени выдергивая интересную траву, или просто примечая, что где срезать на обратном пути, когда впереди...

Земля.

Воздух доносит звуки, вода все помнит, но...

Земля это делает ничуть не хуже. Можете на природе попробовать, лечь, приложить ухо к земле... все, что движется по земле, она чувствует, ощущает, главное — слушать, а я так и поступала. Слушала и смотрела.

Впереди было... нечто странное. Больше всего это походило на свалку или драку.

Мешанина шагов, выстрелов, криков...

Сходить?

Вообще-то, умный человек обязан держаться от всего этого

подальше.

И рисковать не стоило бы.

И...

Я еще не говорила, что дура и любопытная? А зря...

Что у нас главное?

Маскировка.

Опять — магия воздуха? А вот и ни разу! Магия земли тоже вполне подойдет. Воздух — иллюзии, а я ничем таким не занимаюсь. Это как леший в лесу... слейся с рельефом, и все. Никто тебя не увидит.

Тем более...

Я понимаю, это неприлично, ну и плевать. Видели вы ту дуру, которая поперлась бы на болото в юбке? Если и да, это точно была не я. Давно уже сшили с Ариной на пару. Юбка с запахом, расстегивается одним движением, под ней штаны. Самые простые, полотняные, широкие. Ходить удобно, движений не стесняют, добавляем высокие сапоги — и на любое болото. И все это практичного серого цвета. Шилось-то из дешевой ткани, не на балу форсить.

А сейчас этот серый еще и зелеными пятнами украсился.

Сольюсь с фоном, точно.

Недовольно зашипел за спиной Нил.

Я прислушалась.

Ох ты ёж! В ход пошла какая-то магия, это даже отсюда чувствовалось. И что происходит?

Болота далеко от города, болота — отлично поглощают магию, на болотах много чего можно натворить, никто и не узнает...

Идти туда, где проводится некий ритуал?

Нашли кретинку.

Только когда все закончится. Мощность была такая, что тростник дрожал, думаю, моим людям на болоте сейчас в лучшем случае неуютно. Сбежать хочется, уйти... а я ближе к эпицентру, меня больше накрывает. И я маг, я не только чувствую, я еще и стараюсь разобраться...

Как я поняла, впереди, на болоте, происходило жертвоприношение.

Минуты ползли, как беременные мухи, медленно и со скрипом.

Но все заканчивается.

Вот, и это прошло. И люди начали собираться.

Один, второй, они грузились в лодки, уходили от места, которое надолго станет... нечистым. Хорошо, если не проклятым.

Уходили.

Но — не все.

Земля подсказывала, я прислушивалась.

Два... шесть... четырнадцать человек ушли. Шестеро остались.

И — нет. Это не сообщники, это жертвы. Они пока еще живы. Пока... недолго.

Есть ли рядом с ними охрана?

Нет. Никого не осталось. Эти шестеро лежат и умирают, причем умереть они должны не сразу и не вместе. По очереди...

Один за другим. Я знаю, что так правильно.

А когда умрет последний, все равно никто не придет. Надо выждать ровно три дня от сегодняшнего, а уж потом приходить на место ритуала.

Жутковатого.

Я уж молчу, что жертвоприношения здесь преследуются по всей строгости закона, будь ты хоть племянник Императора... хотя — нет. В последнем случае тебя судить будет лично дядюшка, но плахи не избежать.

Страшновато.

Но...

Я встала с удобной кочки, на которой пережидала ритуал, и направилась к нужному месту.

Я не ошиблась.

Так все и было, пятеро человек в углах здоровущей пентаграммы, шестой в центре. У всех перерезаны вены на руках и ногах, и не просто так, надо полагать, у всех в какие-то точки тела воткнуты булавки с черными камнями, тоже, наверное, важно. Я смотрела и запоминала.

Тот, кто лежал в центре, повернул голову.

Наверное, некогда это был симпатичный мужчина.

Высокий, светловолосый, голубоглазый.

Сейчас в осколке человека, залитом кровью, это едва угадывалось. И все же, он был жив.

В сознании.

Боролся до последнего.

Плохо, что я ничем помочь не могу. Если сейчас разомкну контур, от меня и пепла не останется, столько силы варится внутри этой пентаграммы. Шесть смертей... да тут до Луны долететь можно и обратно вернуться.

Запекшиеся губы шевельнулись.

— Ты... кто?

— Местная травница. Мимо проходила, — отчиталась я, не называя имени. Лицо я, кстати, тоже прикрыла. И голос старалась изменить. Юбка у меня была с собой, вот ее я на голову и набросила, прикрывая и себя, и малыша. Выглядело не слишком эстетично, но даже если тут окажется маг воздуха — поди, опознай меня.

Самое простое средство чаще всего и самое надежное. А то иллюзии, амулеты, скрыт... зачем?

Тряпкой замотаться получше, и будет тебе счастье.

Подозреваю, что выглядела я как горбатая бабка, ну и ладно.

— Это... хорошо. Помочь можешь?

Я покачала головой.

— Если полезу, тут полболота снесет. И косточек не останется. Не рискну, тут маг нужен.

— До мага я точно не доживу. А нарушить как-то?

Я подумала пару минут.

В контур нельзя входить. Нельзя его нарушать. Нельзя — живым существам. Но если б не было оговорок, не было бы и законов.

— Есть один вариант. Но... — я пригляделась. — Минут двадцать жизни у вас есть. Хотите — расскажите, что тут произошло. В живых остаться все равно не получится, а так хоть отомстите напоследок.

Мужчина скривил губы.

— Чего тут рассказывать? Демидов, с...а!

У меня рот открылся.

— Демидов? Тот самый? Сергей Владимирович?

— Да. Слушай, не перебивай. Может, и тебя послушают...

Рассказ был коротким.

Как известно, за всеми надо приглядывать. Этим и занимается власть. Местная, а вот этот конкретный кадр вообще был слабым магом. Из жандармов.

Внедренный агент.

После происшествия на железной дороге пришлось активироваться и попробовать разузнать, в чем смысл. Что там искали, чего хотели...

На чем он прокололся, где вляпался, он и сам объяснить не мог. Но Демидов его раскрыл. И вот результат. Повезли на болото, а тут схватили, скрутили... кое-кого он с собой забрал, но со всеми не справился. Результат?

Ритуал.

Смысл был в том, чтобы после жертвоприношения увидеть...

Как бы это лучше выразить? Земные недра изучает геологоразведка. У нас. Здесь — маги земли. Но это сильно зависит от мага.

Как игрушка с батареей. Экскаватор, к примеру. Пока заряд есть, он может выкопать небольшую ямку в песке. Кончился заряд — копи силу, то есть ставь новую батарейку...

А еще не везде маги могут пройти. И увидеть не везде могут. И...

Ограничений тоже хватает.

Демидову же нужно было — без ограничений.

В старых семьях много всякого... разного. Сработает ли ритуал, мужчина не знал, но итогом должно было стать получение какого-то амулета или артефакта, чтобы указывать где проходят рудные жилы, где залегают драгоценные камни, где...

Пользоваться — без ограничений, любой человек, даже без магии.

Некромантия?

Чернейшая. И крайне не одобряемая обществом.

Потому и ритуал проводился на болоте. Подальше от поместья Демидовых, да и болото глушит хорошо.

Сегодня?

Так Ивана Купала сегодня... я с тем расчетом и на болото поперлась, в эту пору травы силой наливаются. Торф тоже нужен, но почему бы не совместить цели?

Вот и совпало на мою голову.

Я только головой покачала.

— Кто ж мне поверит?

— Храмов должен. Он знает...

Мужчина стремительно терял силы. Мертвы были уже четверо из пяти. Еще немного, и он не сможет сделать то, что необходимо. Я

вздохнула.

— Есть одна идея... Демидов не получит свой амулет, но вы все равно умрете.

— Ну?

Идея была проста.

Живой объект не может нарушить контур. А вот неживой... к примеру — мой нож для трав.

Остренький....

Я могу перебросить его мужчине. А он может сделать с ним, что захочет.

Убить себя, попробовать освободиться — это снаружи не воздействуешь, только изнутри.

Голубоглазый медленно прикрыл веки.

— Я попробую. Спасибо. Нож?

Я кивнула и принялась отвязывать пояс.

— Не такая я меткая...

Это было как удочку забрасывать в пруд. Примерно, с четвертого раза нож упал где надо, и мужчина подгреб его слабеющими пальцами.

— Уходи.

— Как вас зовут?

Как-то я и не спросила.

— Капитан Василий Иванович Бецкой. Так и ответь Храмову, он знает.

И даже не сомневается, что я попаду к генерал-губернатору. Замечательно!

— Прощайте.

В исходе я не сомневалась. И уходила не оборачиваясь. Быстро-быстро.

Только что землю попросила спрятать мои следы.

Не было здесь никого, вот...

А нож или сами не нашли, или выпал, впрочем, если мои предположения верны, тут такой выброс сил будет, что и поляны не останется.

И я спешила изо всех сил.

Я ушла уже шагов на двести, уже скрылась из виду поляна, когда это и произошло.

Не на физическом плане, нет...

Но в магическом...

Черное солнце вспыхнуло перед глазами. По ушам словно громом ударило, только обычный человек его не услышит, а я вот, почувствовала.

И упала на колени.

Заплакал Нил.

Руки оказались умнее головы. Они перехватили малыша и принялись укачивать, а я пока приходила в себя.

М-да...

Возвращаться совершенно не тянуло.

Магия земли давала четкий ответ. И что случилось, и как, и что я увижу.

Капитан все же использовал нож по назначению.

Он должен был умирать от кровопотери, а вместо этого он кое-как освободил одну руку, вытащил из себя, сколько смог, булавок — и воткнул нож в сердце.

Ритуал он нарушил, справился. Молодец.

Но откатом шарахнуло здорово. И спасибо еще, пентаграмма — замкнутый контур. Был бы открытый, меня бы намного сильнее достало.

Только вот что с этим делать?

Ноги тоже оказались умнее хозяйки, и понесли меня обратно. Да, явно голова у меня не ведущий орган. Нил постепенно успокаивался на руках. Хороший ребенок, правильный. Ест, спит, гадит.

Орет только в случае проблем...

Пентаграмма выгорела дотла. Нож, следы... кто там теперь разберет. Бесполезно...

Интересно, почувствует ли Демидов?

Может...

Пожалует обратно?

Наверняка.

Ноги, ноги, уносите мою попу. И не только мою...

Очень умные у меня ноги.

А еще по дороге обратно я выдергивала вешки и брала с собой. От греха...

Подтверждая мою теорию, работа шла ни шатко, ни валко.

Люди ленились, переговаривались... я понаблюдала издали. И пошла собирать травы.

На этот раз — неподалеку.

За время обратной дороги, это заняло больше часа, я успела обдумать свои действия.

Самое худшее, что я могу сделать, это вернуться вся встрепанная и пуститься наутек. Не то, что до Демидова, до столицы дойдет. Тут два десятка свидетелей...

А если все, как обычно, люди торф резали, я травы собирала, ну и чего еще надо?

Вечером вернемся, как обычно...

Где были, что видели?

Вот, болото и видели. А что, еще что-то было? Так у нас магов нет, чего мы там увидим?

Я прислушалась.

Нет, никто не возвращался. Интересно, почему?

Самое простое объяснение — Демидов и сам не знал, как пойдет ритуал. Но шалун мой женишок, однако, хорошо, что я с ним не связалась. За такое для него бы казнь, а меня в монастырь. И детей в приют, чтобы и следа фамилии не осталось.

Беда одна.

Доказать.

Я сейчас единственный свидетель, даже о следах можно не волноваться. Земля мои следы скрыла, а 'взрыв' затер все магические возмущения. Если туда роту магов воздуха нагнать и попробовать увидеть, что произошло, все равно будет бестолку.

Если только какой-то артефакт рядом оставили...

Нет, вряд ли. При такой силе удара.... Электроника тоже в эпицентре ядерного взрыва не выживет.

Я могу чувствовать себя в относительной безопасности, пока не открою рот.

Я — могу?

Сложный вопрос.

Ритуал проводился, но доказательств — только мои слова. Чьи именно?

Княжны Марии?

Мещанки Маши?

По-любому придется рассекретиться. И прощай нормальная спокойная жизнь.

Рассказать только генерал-губернатору? Или вообще анонимку написать?

Угу, уже смешно.

Магия здесь есть, найдут меня в три минуты, и наработки на такой случай есть. Мигом информация пойдет в народ.

Я размышляла, а руки сами собой выдергивали траву, складывали одна к одной...

Аптекарь будет доволен, а нам тоже не лишнее. Деньгами не возьму, а вот лекарствами, как нужда придет — попрошу. Дети часто болеют... это хорошо, у Нила еще зубки не режутся. Говорят, адское времечко для родителей.

Засада же!

У меня в руках шикарный компромат на женишка. Убойнейший.

Только применить я его не могу.

Мещанке просто свернут шею.

Полезная княжна отправится под замок до следующего жениха, выгодного папаше. У него, кстати, все в порядке. Газеты я почитывала, в том числе и светскую хронику, которую скупала мамаша.

Княгиня Горская погибла трагически, при взрыве.

Княжна Горская пропала.

Князь удалился в свое имение и живет там с детьми, почти затворником.

Вот и пусть живет. Пусть у него все хорошо будет, только от меня подальше. Не тянет меня к любящему папочке.

Что мне остается делать?

Молчать и выжидать. Любые знания надо применять в нужное время, к собственной пользе, тогда все и получится. А если пытаться вылезти не ко времени...

Подождем.

Судьбы сама подскажет, что, где и когда...

Ох, Андрей Васильевич, как же мне вас не хватает! Если б вы знали!

Вашего совета, помощи, ваших все понимающих глаз...

Узнаю, КТО...

Не убью. Не будет этим тварям легкой смерти.
Богом клянусь — не будет!

Как оказалось, самой удачной идеей было — помолчать.

Потому что на следующий день город загудел. Ладно, началось к вечеру, а через сутки уже все и всё знали. И версий было — Холмс повесился бы от зависти. Столько ему отродясь не придумать.

Из болота полезли черти.

На болоте призывали Дьявола.

На болоте нашли клад.

На болоте выкопали мумию

На болоте муж застал жену с любовником, застрелил и утопил, а сейчас, вот, их нашли.

Магия откуда? Так магией и искали!

Только ТСССССС!

А то еще не весь город в курсе.

Нам все эти версии излагала мамаша. С горящими от возбуждения глазами и оглядываясь по сторонам. Я слушала.

Нет, ничего близкого к настоящему не было. Ни про Демидова, ни про погибших...

Хорошо это или плохо?

Не знаю. С одной стороны, кто ж обывателям правду расскажет?

С другой... как пели Миледи и Аббатиса (это была старенькая пластинка с 'Тремя мушкетерами', стихи Ряшенцева, только в фильм они, к сожалению, не вошли)...

На свете нет таких дворцов,

Чтоб тайны нам не выдала ограда.

В конце концов, в конце концов

Провинция узнает все, что надо.

Вот и здесь. Узнают наверняка, и что, и как...

А вот КТО?

Мне оставалось только ждать. И отмахиваться.

Мол, фасоль сама не вырастет. И репа тоже. И картошка...

Какие ритуалы? Куда-чего-зачем?

Идите вы, граждане... в брюкву!

Конечно, к Храмову я пробиваться тоже не стала. Дала себе зарок

при случае поговорить с генерал-губернатором, но и только. А лезть между жерновами и пытаться засунуть хвост в мышеловку?

Нет уж.

Без меня, пожалуйста.

Маша Синютина своей жизнью вполне довольна.

И так дел по горло.

Скоро первый урожай поспеет.

Собирать — надо. Сортировать — надо. Доставлять надо, продавать тоже надо... середина лета, правда, спросом пользоваться будет. Но думать надо уже сейчас.

Опять добрым советом сильно помог Елпифидор Семенович.

И артель возчиков присоветовал, конкурентов Перелукиных.

И предложил подумать.

Можно, конечно, и на ярмарке торговать. Но ежели договориться с военным или тюремным ведомством, там клиент неприхотливый. И сожрет, и добавки попросит... старые запасы дно показывают, новые либо закупай и по железке вези, что дешевле их не сделает, либо жди до осени. А вот если я сейчас предложу свои овощи, да по цене, чуть ниже оптовой, могут и взять. И даже порадоваться.

Откат, конечно, дать придется, ну так дело привычное.

Мне заплатят подешевле, запишут подороже, разницу пополам. А главное, договориться, чтобы по осени у меня второй урожай забрали.

А чтобы не хранить, ты сразу договаривайся, и что, и сколько...

Зачем тебе еще и склады?

Собрали, перевезли в тот же день, опять же, слух пустить, кому и что ты продаешь. Ну, это я по дружбе обеспечу, там словечко шепну, тут слушок...

Кому ж охота с некоторыми ведомствами связываться?

Это Маше Синютиной бяку сделать несложно, мещанка она и есть мещанка. А службе Императорской? Не злоумышление ли тут против Государя?

Ай-ай-ай...

Понимаешь, Машенька?

Околоточный, во избежание, как он сам говорил, заходил к нам где-то раз в неделю, а то и чаще, пил чай с пирогами, которые мастерски

наловчился выпекать Петя, разговаривал с мамашей о погоде...

Маман наряжалась во все самое лучшее, краснела и пыталась стрелять глазами. Получалось так, что мне под стол спрятаться хотелось. То есть хотелось бы.

Но Елпифидор Семенович все это тоже насквозь видел и воспринимал с юмором.

Мол, бывает, проходит, не переживайте, Машенька. И не таких видали, а и с теми работали.

Я кивала.

Зато мамашины прежние знакомые попритихли. Кому ж рисковать охота?

Так зайдешь, выпьешь, побузишь, и очнешься уже в околотке. Еще и ногами тебя побьют... или не ногами, все равно помнить не будешь. Да и соседи тоже...

Пакостить бы можно, но стоит ли нарываться?

Вот, если у меня ничего не получится, тогда они опять могут полезть. Но...

Урожай был такой, что мне аж приятно было. Пришлось отправляться в тюрьму. Конечно, не просто так, а с бизнес-планом.

Полковник Иванищенко принял меня вполне радушно.

— Мария Петровна, мое почтение.

— Михаил Николаевич...

Я улыбалась.

Полковник тоже, а что? Клиент пришел выгодный, платежеспособный, дело с ним иметь можно... ну так? С чем пожаловали?

Я молча выложила на стол свое предложение.

Овощи.

Цена.

Условия.

Получалось и правда дешево, именно из-за труда заключенных. Хотя включила я все. Вплоть до расходов на откаты. А что?

Давала взятки?

Компенсируйте!

И все равно получилось чуть не в полтора раза дешевле, чем на

рынке. Даже оптом. Пришлось еще чуток накинуть, чтобы вовсе на шею не уселись.

Полковник прочитал предложение.

Подумал, и дописал свое.

Естественно, откат. В целом, мне, ему...

Я подумала, и чуток исправила цифру. В свою пользу.

Торговались мы минуты две, потом пришли к соглашению, и полковник кивнул.

— Везите. Когда сможете?

— Я улыбнулась.

— Если еще народ выделите для уборки урожая... так хоть на той неделе. Пора уж.

Конечно, я получила и народ. И договор.

Аванса не было, да и ни к чему. Взаимовыгодное сотрудничество иногда полезнее, чем разовая выгода.

Итак — уборка урожая.

Первого, выросшего в Туманной Лощине.

Три дня адовой каторги.

Одно дело — растить, другое — убирать. Хотя и растить тоже сложно. Рыхлить, подкармливать, те же пугала от птиц делать с трещотками... это люди Лощину пока стороной обходили, а зверям и птицам на все чихать. Имели они те страхи в виду.

Работы хватало на всех. А потому по мешку гороха и капусты отправлялось по семьям моих работников. Специально собрали, отложили, пусть развозят. Артель возчиков я все же наняла, вот, основная масса возов отправлялась к тюремному складу, где мешки принимал, развязывал, проверял и вновь опечатывал прапорщик, неуловимо напоминающий хомяка. И плевать, что тощий и сутулый, видимо, порода такая, завхозовская, отпечаток накладывает.

И был доволен.

Овощи хорошие, качественные, гнильи нет, хоть ты сам вари да кушай...

Еще и по осени обещают. Я понимала, что и к его лапкам что-то да прилипнет, но десятку все равно сунула в карман мундира. Тихонько так...

За что и была удостоена поцелуя ручки. И заверений, что: 'проследим, не сумлевайтесь, барышня'.

Вот и ладно.

Уборка длилась три дня. И ночами пришлось на всякий случай выставлять караул.

Но — тишина и спокойствие.

Потом мы перевезли первый урожай, развезли его и по домам, и я направилась к полковнику, за расчетом.

Со мной честно расплатились, поделив излишки. И я направилась к баронессе.

Пятьсот рублей на благотворительность, много это — или мало?

Для меня много. Для баронессы тоже. В этом захолустье, я узнавала, больше двадцатки не дают. И то морду кривят... мол, нашли с кем возиться, всякое отребье кормить — поить. А тут пятьсот рублей.

Не выпрашивая, не уговаривая, не...

Просто прошу принять.

Меня радушно приняли, поблагодарили, и я пообещала по осени опять — либо деньги, либо урожай, как будет лучше. Баронесса тоже пообещала подумать. И снова пригласила меня на вечер.

Что ж... Дело полезное, я приду.

Платье у меня было. Светло-синее.

И снова...

Нил на ручках, Аришка за спиной, и люди, люди, люди...

Вот и генерал-губернатор прибыл. Поздоровался, поцеловал ручку баронессе, разулыбался.

В том числе и мне.

Ну да, не пустобрешка какая оказалась, сказала — овощи, вот и вырастила овощи. И все довольны, и еще будет...

Вопросы, разговоры, светские сплетни...

Я уж было и успокоилась, когда это случилось. Нет, не везет мне с вечеринками.

Пошла на бал — там террористы отметились.

Пошла на вечер — змееныш человека убил.

Еще один вечер, так и тут без происшествий не обошлось!

— Демидов, Сергей Владимирович! — объявил мажордом.

Дверь залы медленно начала открываться.
Ёжь твою рожь!